

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина
Институт экономики и международных отношений

**КИТАЙ:
ОПЫТ СОПРЯЖЕНИЯ
ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ
В «ПОСТКРИЗИСЕ»**

Коллективная монография

Под общ. ред. А. Н. Коломиец

Харьков – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ 1. ПОСТКРИЗИСНОЕ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ	8
Раздел 1.1. Посткризисное хозяйство – новая институциональная реальность	8
Раздел 1.2. Взаимодействие науки, образования и бизнеса как институт современной хозяйственной системы	30
Раздел 1.3. Реформа мировой финансовой архитектуры	41
ЧАСТЬ 2. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ КИТАЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ	51
Раздел 2.1. Эволюция моделей социально- экономического развития стран	51
Раздел 2.2. Баланс демографического и экономического развития Китая	64
Раздел 2.3. Банковская система Китая	93

Раздел 2.4.	Формирование инновационного сектора в Китае: особенности государственной инновационной политики	109
Раздел 2.5.	Энергетическая стратегия Китая ...	132
Раздел 2.6.	Асимметрия регионального развития Китая	147
Раздел 2.7.	Экологические проблемы Китая и пути их решения	162

ЧАСТЬ 3. КИТАЙ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ — ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ

СОПРЯЖЕНИЯ		171
Раздел 3.1.	Теория сопряжения институтов	171
Раздел 3.2.	Китай в международной торговле	189
Раздел 3.3.	Китай в мировых инвестиционных процессах	210
Раздел 3.4.	Китай в мировом автомобилестроении	225
Раздел 3.5.	Товарная структура торговли между Украиной и Китаем	246
Раздел 3.6.	Институциональные основы украино-китайских торговых отношений	272
Раздел 3.7.	Особенности торгово-экономических отношений России и Китая	290
Раздел 3.8.	Методика оценки конкурентоспособности региона: содержание и апробация в регионах Китая	304
Раздел 3.9.	Китайский опыт участия в ВТО — перспективы для России	314
ПОСЛЕСЛОВИЕ		320
ПРИЛОЖЕНИЯ		322

ВВЕДЕНИЕ

Мировой финансовый кризис актуализировал необходимость научного обобщения динамично происходящих существенных изменений в глобальной хозяйственной системе, которые становятся приоритетными детерминантами национального развития, определяя его масштабы и параметры.

Осмысление происходящих перемен должно базироваться на анализе реальных хозяйственных практик, опыта динамично развивающихся стран и прежде всего Китая. Методологической основой представленного в монографии исследования является теория сопряжения институциональных трансформаций (защищенная в докторской диссертации Коломиец А. Н. в 2003 г.). Логика изложения в монографии базируется на выделении основных тенденций изменения глобальных институтов в посткризисном мировом хозяйстве, рассмотрении адаптации хозяйственных институтов Китая к глобальным трансформациям современной экономики, систематизации достижений Китая и его место в мировой экономике как показателя эффективности сопряжения национальных и глобальных институтов.

Представленные в коллективной монографии идеи прошли апробацию на научных конференциях «Актуальные проблемы международного бизнеса в условиях неопределенности глобальной среды» 18 марта 2011 г., г. Харьков, «Глобальная хозяйственная система: новые угрозы и возможности» 17 марта 2012 г., г. Харьков.

В подготовке монографии приняли участие преподаватели кафедры международной экономики экономического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и преподаватели кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета (РФ): Раздел 1.1. Пост-

кризисное хозяйство – новая институциональная реальность (Коломиец А. Н., д.э.н., профессор кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина, Меленцова О. В., старший преподаватель кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 1.2. Взаимодействие науки, образования и бизнеса как институт современной хозяйственной системы (Дуна Н. Г., к.э.н., доцент кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 1.3. Реформа мировой финансовой архитектуры (Шуба Е. А., к.э.н., доцент кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.1. Эволюция моделей социально-экономического развития стран (Дидорчук И. Л., старший преподаватель кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.2. Баланс демографического и экономического развития Китая (Беренда С. В. к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.3. Банковская система Китая (Шуба Е. А. к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.4. Формирование инновационного сектора в Китае: особенности государственной инновационной политики (Дуна Н. Г., к.э.н., доцент кафедры международной экономики, ХНУ имени В. Н. Каразина, Ковтун Т. Д., старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.5. Энергетическая стратегия Китая (Беренда С. В., к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.6. Асимметрия регионального развития Китая (Григорова-Беренда Л. И. к.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 2.7. Экологические проблемы Китая и пути их решения (Ковалева Е. И., старший преподаватель кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», Нью Юнься, студентка НИУ «БелГУ», бакалавриата по направлению «Экономика», РФ); Раздел 3.1. Теория сопряжения институтов (Коломиец А. Н., д.э.н., профессор кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 3.2. Китай в международной торговле (Кошкарёва Е. Л., старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 3.3. Китай в мировых инвестиционных процессах (Игнатьева Д. В., аспирантка кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 3.4. Китай в мировом автомобилестроении (Галуцких Н. А., к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 3.5. Товарная структура тор-

говли между Украиной и Китаем (Ким Т. И., к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина); Раздел 3.6. Институциональные основы украино-китайских торговых отношений (Ким А. А., к.э.н., доцент кафедры экономики и маркетинга НАУ «ХАИ» им. Н. Е. Жуковского); Раздел 3.7. Особенности торгово-экономических отношений России и Китая (Дорохова Е. И., канд. экон. наук, доцент НИУ «БелГУ», РФ); Раздел 3.8. Методика оценки конкурентоспособности региона: содержание и апробация в регионах Китая (Гринева Н. А. к.е.н., НИУ «БелГУ», РФ); Раздел 3.9. Китайский опыт участия в ВТО — перспективы для России (Лукша И. М., к.э.н., доцент кафедры «Мировой экономики» НИУ «БелГУ», Ван Сяодун, магистрант НИУ БелГУ, РФ). Послесловие – (Коломиец А. Н., д.э.н., профессор кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина).

Авторский коллектив выражают свою благодарность рецензентам коллективной монографии доктору географических наук, профессору Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Голикову А. П.; доктору экономических наук, профессору Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина – Довгаль Е. А.; доктору экономических наук, профессору Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Задорожному Г. В.; доктору экономических наук, профессору Днепропетровского национального университету имени Олеся Гончара Мешко Н. П. за изложенные замечания и предложения, которые нашли отражение в заключительной редакции исследования.

ЧАСТЬ 1

ПОСТКРИЗИСНОЕ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Раздел 1.1. Посткризисное хозяйство – новая институциональная реальность

Современный финансово-экономический кризис выявил глубокие изменения, происходящие в мировой хозяйственной системе. Главный вектор этих изменений обусловлен эволюцией финансового капитала.

Интерес к феномену финансового капитала в экономической науке возник на рубеже XIX — XX вв., нашедшее отражение в работах Р. Гильфердинга, В. И. Ленина, Т. Веблена, Н. И. Бухарина, Р. Люксембург. Затем данный феномен привлек внимание Дж. М. Кейнса, Дж. Хикса. В настоящее время к его проблемам обращаются А. В. Бузгалин, Р. С. Гринберг, М. Г. Делягин, Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев, Н. Д. Елецкий, А. И. Колганов, Ю. М. Осипов, В. М. Полтерович, В. М. Рубинштейн, М. А. Ескиндаров, чьими усилиями заложены теоретические и методологические основы исследования современного финансового капитала.

Философско-хозяйственные и конкретно экономические аспекты современного мироустройства и глобального развития является предметом исследований ученых Центра общественных наук при МГУ им. М. В. Ломоносова, Новой экономической ассоциации. В их работах формируются методологические подходы к пониманию специфики современного этапа общественного развития, рассматриваются постиндустриальные тенденции

в глобальном и национальных хозяйствах, выделены этапы глобализации, содержание финансовой глобализации, формы ее проявления.

Одним из главных процессов глобализации выступает транснационализация производства и капитала, что влияет на трансформацию природы современного финансового капитала. Эти проблемы отражены в трудах У. Бек, И. Валлерштайна, М. Г. Делягина, В. Л. Иноземцева, А. Г. Мовсисяна, К. Омае, Г. Томсона, О. Тоффлера, Л. Туроу, И. П. Фаминского. Особое внимание в настоящее время уделяется возникающей в глобальной экономике трансформации институциональных структур, широкое распространение сетевых взаимодействий экономических субъектов. Здесь выделяются работы зарубежных исследователей М. Грановеттера, М. Кастельса, В. Кляйна, Р. Патюреля, В. Повела, И. Рюег-Штюрма, Д. Старка, Р. Сведберга, Х. Торелли, О. Уильямсона. В русской литературе эти проблемы были отражены в работах М. А. Авдашевой, С. А. Дятлова, В. С. Катькало, И. А. Лазарева, И. А. Олейник, С. И. Паринов, В. В. Радаева, В. В. Чекмарева.

Общие вопросы трансформации национальной экономики в условиях глобализации и проблемы вхождения в мировое хозяйство получили теоретическое освещение в исследованиях таких российских ученых, как Л. И. Абалкин, В. Д. Андрианов, А. И. Белоусов, Ю. Н. Винслав, В. В. Куликов, Д. С. Львов, С. М. Меньшиков, В. П. Оболенский, Ю. М. Осипов, М. Н. Осьмова, А. А. Пороховский, М. А. Пивоварова, В. Т. Рязанов, Е. Г. Ясин.

Аналізу проблем крупного капитала посвящены работы А. А. Аузана, Я. С. Галухиной, В. Е. Дементьева, Р. С. Дзарасова, А. В. Динкина, В. С. Загашвили, Д. В. Новоженова, Я. Ш. Паппе, С. П. Перегудова, А. Д. Радигина, А. Н. Соколова, Р. М. Енгова, в которых выявлены особенности формирования и функционирования крупного капитала, его взаимоотношений с государством.

Несмотря на разнообразие теоретических исследований лишь некоторые из них посвящены целостному системному исследованию этого процесса в условиях нарастающей глобализации, постиндустриализации и «финансизации» экономики. Недостаточно систематизированы и описаны осмысленно дифференцированное влияние кризиса на разные страны. Теория современного финансового капитала еще только складывается. В силу этого много подходов к этой проблеме носят пока противоречивый, фрагментарный характер, что проявляется и в понятийной «разноголосице». Однако имеющиеся разработки уже позволяют ве-

сти более глубокие и масштабные исследования концептуально-го характера, а это в свою очередь позволяет внести новый вклад в понимание сущности современного финансового капитала, его содержания, места и роли в активно изменяющейся экономике.

Современный финансовый капитал, превратившись в глобальный, выполняет функцию созидателя больших экономических пространств и катализатора изменений экономических отношений, параметров и институтов, что дает ему возможность посредством формирования и подконтрольного использования особого рода межсубъектных образований – больших экономических структур, – обеспечивать широкомасштабное и многоуровневое хозяйственное доминирование и постоянный приток характерного для него дохода – глобальной финансовой ренты.

Возможность конструктивно воздействовать на пространственно-временные параметры экономического бытия, позволяет глобальному финансовому капиталу не просто участвовать в глобальном экономическом процессе, а целостно созидать в своих интересах хозяйственную реальность, включая институциональную организацию и социокультурную среду, обеспечивая для себя высокую доходность, устойчивость и исключительную способность к развитию.

Финансовая глобализация, определяя качественные подвижки, изменяющие сущностные отношения мирового хозяйства, проявляется в:

- глобализации денежного рынка;
- глобализации рынка капиталов

и реализуется в особого рода ренте – глобальной ренте.

Рязанова О. Е. отмечает, что деньги, прежде всего доллар и евро, все более утрачивают объективность и национально-государственную ориентированность и становятся глобальными деньгами. Они все в меньшей степени зависят от объективных условий национальных хозяйств. Субъективность же денег усиливается, они все больше становятся ирреальными. Возникают виртуальные деньги. Эти деньги стоят над национальными деньгами и контролируют все деньги мира. Их нет в наличии, но они есть в своем идеальном функционировании [6].

Глобализация кредита приводит к изменению его сущностных характеристик: принцип хозяйственно обусловленного добровольного привлечения приобретает характер обязательного наделения, причем не просто дополнительными деньгами, а как бы самими деньгами, необходимыми для хозяйственной деятель-

ности. Кредит становится необходимым условием хозяйствования, не поддержкой, а основанием, контрольно-ограничительным началом. Формируется система глобального кредитования, обязательного и с вечной задолженностью.

Отличительной чертой финансовой глобализации является глобальное перераспределение капитала. Начиная с 1999 года в мире наблюдается принципиально новое явление: валовые национальные сбережения 142 развивающихся стран начинают превышать объем инвестиций в этих странах, причем разрыв между сбережениями и инвестициями все более и более увеличивался вплоть до 2007 года. Это означает, что в течение последнего десятилетия развитые страны перераспределяют в свою пользу сбережения стран развивающихся.

Возникла принципиально новая ситуация, не только противоречащая неоклассической теории, но и в значительной мере лишенная экономической целесообразности: при наличии высокой концентрации рентабельных инвестиционных проектов преимущественно в развивающихся странах капитал из этих стран перетекает на рынки развитых стран, где вкладывается во все возрастающий объем производных инструментов.

Глобализация рынка ценных бумаг приводит к количественному росту собственно фиктивного капитала и его качественному

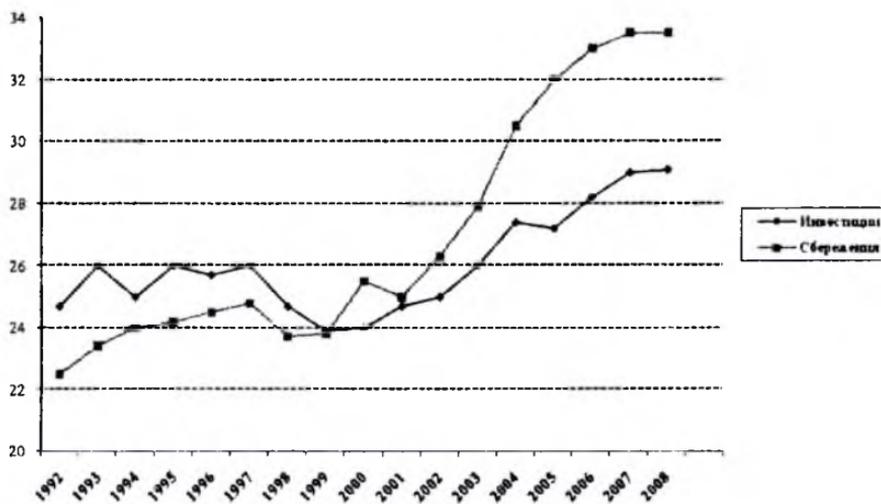


Рис. 1.1.1 Инвестиции и валовые национальные сбережения развивающихся стран в % к ВВП. Источник: [10, р. 7]

изменению за счет его интенсивной фиктивизации посредством производных ценных бумаг. Нарастает фетишизм глобального фиктивного капитала, фиктивизация экономики в целом, всех ее элементов и происходящих в ней процессов.

Финансовый капитал контролирует и рынок ресурсов, и рынок товаров и услуг, и рынок технологий. Это создает условия для получения глобальной ренты через каждый элемент системы институтов: ценные бумаги, кредит, процент, валютный курс, деньги, инфляцию, инвестиции, налоги, госдолг, посредством банков, фондов, бюджета, оффшорных зон, импорта-экспорта, вывоза капитала.

Ключевое значение приобретает финансовая информация. Владелец финансовой информации становится основным субъектом присвоения всех форм реальных доходов. Быстрая обновляемость финансовой информации не только придает высокий динамизм всей экономической системе, повышает степень ее неопределенности, но и изменяет соотношение сил в конкурентной борьбе.

Финансовая глобализация характеризует качественно новое состояние мировой экономики – превращение её в целостность, что и проявляется в инверсии уровней доминантности в развитии экономических отношений. «Глобальный мир – некая центрированная, иерархически построенная, пирамидальная всемирная целостность, в рамках которой все локальные образования вроде стран, государств, наций и народов и т. д., не более чем включенные в эту целостность локальные части, зависимые от нее, ей служащие, в ее контексте воспроизводящиеся, – отмечает Ю. М. Осипов, – не мир произведен от локалий, его составляющих, а локалии производны от мира, из которых он просто состоит» [5]. В системе всемирного хозяйства происходит кардинальное изменение внутри- и внешнеэкономических зависимостей и закономерностей. Внутриэкономические процессы теряют присущую им в течение многих тысячелетий первичность по отношению к внешнеэкономическим [1].

«Происходит парадигмальный переход от игры национальных игроков на «полях» мировых рынков к игре мировых игроков (ТНК, межстрановых союзов и международных экономических организаций) на национальных полях», – подчеркивает В. Н. Овчинников [5].

Глобальный финансовый сектор стал основным передаточным звеном импульсов экономического развития между националь-

ными экономиками. Это проявилось во всеобщности финансово-экономического кризиса, который затронул все страны мира без исключения и последовавшем за ним собственно экономический кризис в сфере производства и распределения. Возник феномен финансовых инфекций.

Роберт Энгел отметил: «Все мы убедились в уязвимости рынков перед финансовыми инфекциями. Термин «инфекция» (англ. contagion) используется для описания ситуаций, когда без видимых причин один за другим начинают падать финансовые рынки разных стран. То есть зависимость между ценами на рынках разных стран оказывается более значительной, чем можно предположить. Это качество особенно характерно для развивающихся рынков. Один из фактов, которые мы обнаружили в ходе майской коррекции, – корреляция между ценами увеличивается, когда они начинают падать. Если цены на двух рынках начинают падать, вероятность того, что в следующий момент они будут двигаться в одном направлении, возрастает» [9].

Глобализация экономики привела к тому, что сформировались новые рынки: это глобальные потребительские рынки, рынки капитальных товаров, рынки перераспределительных услуг, мировые финансовые рынки, рынки ресурсов, рынки технологий, мировые рынки интеллектуальной собственности, глобальные рынки информации и т. п.; новые субъекты этих рынков: государство, транснациональные корпорации, транснациональные банки и институциональные инвесторы, сообщества, новые формы их рыночного поведения: формирование глобальных стратегий, глобальные масштабы конкуренции и новые приемы конкурентной борьбы, глобальные сети, слияния, поглощения, взаимные приобретения активов, стратегические альянсы и другие организационно-управленческие технологии, новые интересы: глобальные интересы и интересы ТНК, ТНБ, игроков мировых финансовых рынков и противоречия между ними: такие как противоречия конкурирующих ТНК, противоречие с традиционными производителями, а также главным противоречием современного капитализма заключается в противоречии денежного обмена, т. е. противоречии между принципиально ограниченными ресурсами и принципиально неограниченными денежными ресурсами, вызвав необходимость нового институционального обустройства хозяйственной жизни, которое тоже глобализируется.

Сложные отношения между субъектами включают конкурентную и кооперационную составляющую, для укрепления

позиций в мировом хозяйственном пространстве используются технологии образования сетей, альянсов, союзов. Этот феномен, как считает Г. Б. Клейнер, более полно можно охарактеризовать понятиями конкуренция и конкоперация. Согласно этому конкурентоспособность должна быть дополнена способностью к координации, к достижению устойчивых соглашений с участниками рынка. Это качество можно было бы назвать «конкордоспособностью» (от слова «конкордации» – согласования) [3].

Государственные институты разных стран мира способствуют повышению конкурентоспособности своих национальных акторов. Основной инструмент для этого – модернизация регулирования финансового сектора, понимаемая в широком смысле. Возникла новая реальность – конкуренция регулирования (*regulatory competition*), под которой понимается конкуренция за инвестора и, соответственно, принесенные им ресурсы, между различными юрисдикциями. В такую состязательность привлекаются не только собственно регуляторы финансового рынка, но и органы кредитно-денежного регулирования, и национальные правительства в целом.

В новых глобальных условиях мировой экономики становится неизбежной необходимостью существенных изменений в формах и методах государственного регулирования экономики в целом и внешнеэкономических отношений в частности, призванных нивелировать негативные и разрушительные для национальной экономики последствия глобализации, противостоять экспансионистским устремлениям ТНК и обеспечивать приоритет национальных экономических интересов при соблюдении международных требований, норм и правил. Практика развитых стран в глобализированной мировой экономике свидетельствует о жесткой и последовательной внешнеэкономической экспансии, основанной на активизации государственного регулятивного воздействия при изменении форм и методов этой активности в условиях гиперконкуренции глобального монополизма. Обеспечение приоритета национальных интересов в условиях глобализации требует от государства:

- 1) трансформации своего собственного содержания – государство призвано стать гарантом поддержания целостности общественной системы и ее достойного геополитического и геоэкономического положения;

- 2) изменения характера своей функциональной дееспособности, направленной на постепенное сжатие пространства рыноч-

ной самоорганизации под непосредственным влиянием управляющих параметров более высокого уровня. Концептуальной основой государственного регулирования экономики в условиях глобализации может стать метод реагентных точек, противодействие глобальным инструментам принудительной либерализации ТНК, концентрация вокруг проблем развития внутреннего рынка и регионализация внешнеэкономической деятельности. В целом все направления государственной активности в новых условиях Г. П. Солодков предлагает объединить понятием «невидимого патернализма», теоретическое и практическое содержание которого требует изучения и концептуального обоснования [7].

Таким образом, финансовая глобализация свидетельствует о новом качестве мировой экономики и проявляется в инверсии уровней доминантности факторов экономического развития, актуальной угрозе финансовых инфекций, усложнении состава субъектов и мирохозяйственных отношений и детерминирует существенное изменение институтов внешнеэкономических отношений.

Теория международного инфицирования появилась в конце XX в., и в русскоязычной литературе на этот феномен обратил внимание С. Р. Моисеев.

Термин «инфекция» (contagion) появился в литературе во второй половине 1990-х годов и является сравнительно новым в экономической теории. В общих чертах он обозначает международный процесс распространения общих колебаний экономических переменных, которые выражаются через одновременное изменение валютных курсов, котировок ценных бумаг, спредов по долговым обязательствам и потоков капитала. В экономической литературе пока еще не выработано единого определения термина «инфекция» — каждый исследователь стремится дать свое собственное объяснение. В целом же инфекцией чаще называют любую передачу экономического шока между странами.

Можно выделить две концепции международного инфицирования. Первая подчеркивает эффект СПИЛЛОВЕР (spillover), т. е. неконтролируемого внешнего эффекта, который отражает обычную взаимозависимость стран с рыночной экономикой. На практике взаимозависимость означает, что экономические шоки, несмотря на свою природу — общемировую или региональную, — в силу наличия связей реального и финансового секторов распространяются между странами. Эксперты Национального бюро экономических исследований США Грасиела Камински и

Кармен Рейнхард называют такой тип передачи кризиса «инфекцией, основанной на фундаментальных макроэкономических характеристиках» (*fundamental-based contagion*) [15]. Это объяснение кризиса, наконец, не вносит ничего нового в экономическую теорию. Феномен взаимозависимости стран хорошо известен и изучен, анализ инфекции в рамках данной концепции лишь акцентирует внимание на взаимозависимости в период кризиса.

Другая концепция международного инфицирования заключается в том, что инфекция вызывается «иррациональными» феноменами: финансовой паникой, оптовым поведением, потерей доверия, ростом неприятия риска. Под объяснение с помощью второй концепции подпадают все кризисы, которые невозможно проанализировать на основе первой концепции. Согласно определению Себастьяна Эдвардса из Высшей школы бизнеса Андерсена (Лос-Анджелес) инфекцией становится международный шок, чьи параметры превосходят рыночные ожидания.

Выделяются три канала распространения международного кризиса: общие шоки, торговые и финансовые связи, информационный эффект.

1. Глобальные сдвиги в мировом хозяйстве, такие как изменения в экономиках ведущих стран и на международном товарном рынке, могут вызвать перемещение капиталов и дальнейший кризис. Непредсказуемое падение цен на экспортируемые товары или прыжок процентной ставки на рынках главных нетто-кредиторов способны коренным образом подорвать конкурентоспособность внутренних фирм и их обслуживания внешних долгов. Например, изменение процентных ставок в США приводит к переориентации потоков капитала среди развивающихся стран и, прежде всего, в Латинской Америке. Укрепление доллара по отношению к иене в 1995–1996 гг. считается одним из важных факторов сокращения экспортных доходов стран Юго-Восточной Азии, которые приблизили наступление финансового кризиса. Общие шоки, влияющие на все или большинство стран мира, с подачи известного эксперта МВФ Пола Мессона получили название «международные муссоны» (*international monsoons*) [16].

2. Региональные шоки, такие как кризис в отдельно взятой стране, сказываются на экономиках других стран. Один из каналов инфицирования кризисом основывается на международных торговых связях. Кризис у крупного торгового партнера приводит к тому, что на внутреннем рынке происходит падение цен на активы, отток капитала и спекулятивная атака на валютный курс.

Связано это с тем, что инвесторы предусматривают снижение объемов экспорта и ухудшение счета текущих операций. Другим каналом инфицирования является конкурентная девальвация. Если происходит падение валютного курса страны – торгового партнера, то внутреннее правительство часто вынуждено девальвировать национальную валюту, чтобы избежать потери конкурентоспособности экспорта. Согласно эмпирическим исследованиям игры в конкурентную девальвацию обычно заканчиваются избыточным обесцениванием национальной валюты. Кроме того, участники рынка, прогнозируя конкурентную девальвацию, начинают избавляться от ценных бумаг стран, связанных общей торговлей, сокращать их кредитования и т. п., что ускоряет наступление кризиса.

3. Другим каналом распространения инфекции могут быть финансовые связи. Кризис в стране или группе стран заставляет инвесторов пересмотреть свои портфели по требованию риск-менеджмента, ликвидности или по другим причинам. Например, падение цен на финансовые активы на одном из рынков стимулирует инвесторов снизить общий риск международного портфеля и продать активы, коррелирующие с активами кризисной страны и чья прибыльность высоковолатильна. Кроме того, падение стоимости портфеля может привести к требованию со стороны кредиторов внесения дополнительного залога, который заставляет инвесторов увеличивать ликвидную позицию и продавать часть вложений. Нередко отток капитала вызывается не столько макроэкономическими характеристиками, сколько тем, что национальные активы рассматриваются как высоколиквидный актив, который легко можно купить или продать, в результате чего в момент экстренной балансировки портфеля с ним расстаются в первую очередь. Аналогичным образом, расстаются с наиболее представительными активами, которые составляют большую долю рыночного оборота. Если инвесторы осуществляют региональную диверсификацию вложений среди стран, которые между собой тесно связаны, они будут изымать инвестиции со всего региона сразу. Таким образом, сильные финансовые связи со страной, которая выступает главным региональным кредитором, ведут к повышенной финансовой нестабильности.

4. Последний канал отражает информационный эффект и гипотезу о том, что валютный кризис в одной стране посылает сигнал спекулянтам, режим фиксированного курса в странах с аналогичной макроэкономической политикой стал неустойчи-

вым. Кризис в одной стране служит так называемым «вызовом запуска» (wake-up call), побуждающего участников финансовых рынков просматривать фундаментальные макроэкономические характеристики других стран. Финансово уязвимы страны или государства со слабыми макроэкономическими показателями могут стать объектом инфицирования в результате «оползния» в настроениях рынка или увеличения неприятия риска. Валютный кризис в одной из стран провоцирует страхи, что спекулятивная атака продолжится в других странах. Информационный эффект будет тем больше, чем выше доля краткосрочного внешнего долга, ниже уровень иностранных резервов, слабее банковская система и т. д. информационный эффект может основываться на неполной и / или асимметричной информации.

Директор Центра международной экономики Университета Мэриленда Гильермо Кальво и профессор Университета Дьюка (Северная Каролина, США) Энрике Мендоза разработали формальную модель, в которой затраты на получение информации заставляют большинство участников рынка соблюдать правила поведения вероятно хорошо информированных инвесторов. Как следствие, рынок становится подвержен слухам и домыслам, стимулирующим стадное поведение. Это, в свою очередь, ведет к большим и неожиданным изменениям финансовых показателей даже в странах со здоровой макроэкономической обстановкой [13]. Важный вывод такого анализа заключается в том, что заслуживающие доверия макроэкономические институты (то есть институты, которые облегчают процесс извлечения информационного сигнала с «шума») способствуют снижению уязвимости развивающихся стран к внешним шокам. Гильермо Кальво предполагает, что валютная система является важнейшим из макроэкономических институтов и страны с жестко фиксированным или свободно плавающим валютным курсом менее подвержены инфекции [14].

До настоящего времени большое количество финансовых кризисов распространялось по финансовому каналу. Его значение выросло с 1980-х годов, когда глобализация финансовых рынков охватила широкий круг стран. Эксперты Национального бюро экономических исследований США Г. Камински и К. Рейнхард, опираясь на статистические данные по двадцати странам, изучили роль финансового канала в процессе международного распространения экономических шоков [16]. Согласно их выводам для экономик развивающихся стран финансовый канал имеет более

важное значение по сравнению с каналом международной торговли. Для развитых стран ситуация обстоит противоположным образом: торговые связи оказывают на них большее влияние, чем финансовые. К большому сожалению, финансовые связи достаточно трудно отследить. Многие страны не ведут международную статистику относительно движения капитала и операций с финансовыми инструментами платежного баланса. Кроме того, огромное количество сделок приходится на производные инструменты, а концепция их полноценного учета и анализа в финансовой статистике не разработана даже на теоретическом уровне. Другое дело торговые связи – по ним налажена детальная периодическая таможенная статистика, которая позволяет в тонкостях изучить торговый канал. По этой причине наиболее частым подходом является анализ распространения международных кризисов по торговому каналу. Например, страны Юго-Восточной Азии продают на мировом экспортном рынке продукцию с похожими характеристиками. В результате девальвация в Таиланде привела к потере конкурентоспособности малазийского экспорта и тем самым стимулировала валютный кризис в Малайзии. При европейском варианте кризиса 1992–1993 гг. также присутствовал элемент конкурентной девальвации. Обесценивание фунта стерлингов негативно повлияло на торговлю и занятость во Франции (или, по крайней мере, так казалось в то время), что привело к сильнейшему давлению на французское правительство, и Франция могла вслед за Великобританией выйти из механизма обменных курсов.

Многие исследователи считают, что латиноамериканский кризис, который начался в декабре 1994 г. в Мексике, продемонстрировал типичный пример международной инфекции кризиса. В качестве доказательства они указывают на тот факт, что кризис негативно повлиял на экономики Аргентины и Бразилии. Однако другие экономисты отрицают инфекционный характер латиноамериканского кризиса, ссылаясь на то, что он фактически не коснулся Чили и Колумбии, хотя эти страны и имеют широкие торговые связи с Мексикой. Более того, Мексика не является для Аргентины ни главным экспортером, ни импортером. Почему же мексиканский кризис передался Аргентине? Американский экономист Аллан Дрезен предложил «рациональное» объяснение [17]. Оно заключается в том, что группа стран может рассматриваться как единый рынок, чьи характеристики известны не полностью из-за «несовершенства наблюдения». При латиноамериканском варианте кризиса страны

обладают общей культурой и, как выразился А. Дрезен, «латиноамериканским темпераментом». Однако остается неясным, как этот темперамент влияет на экономику. По мнению А. Дрезена, если одна из группы стран с общим менталитетом отказалась от фиксированного курса, то спекулянты захотят проверить готовность других стран группы с одинаковым темпераментом защищать свои валютные паритеты [17].

В принципе, объяснение кризиса на базе единых культурных характеристик можно распространить на политические обязательства по поддержанию фиксированного валютного курса. Наиболее удачно здесь подходит пример европейского механизма обменных курсов. Когда Великобритания и Италия покинули Европейскую валютную систему, политические издержки отказа от фиксированного курса снизились для всех других стран.

Таким образом, наиболее вероятно распространения кризиса из соседних стран, связанных тесными торговыми отношениями и которые имеют незначительные запасы валютных резервов. Следовательно, владение большими резервами может самортизировать давление на валютный курс и защитить страну от кризиса. В случае распространения кризиса по торговому каналу страны могут диверсифицировать торговлю и / или совместно зафиксировать свои валютные курсы, предотвратить финансовые кризисы, ведущие к потере международной конкурентоспособности. Если основным каналом распространения кризиса становится финансовый, то государства должны регулировать движение капитала.

В настоящее время появились разработки, позволяющие спрогнозировать инфлицирование национальной экономики с помощью индекса давления на финансовый рынок.

Полученные результаты позволяют определить вероятность кризиса за несколько месяцев до его наступления. Индекс давления на финансовый рынок (ЭМР) может служить критерием оценки государственной антикризисной политики. Постоянное увеличение значения индекса свидетельствует о приближении кризисной ситуации, а уменьшение — о действенности мер антикризисной политики. Эти результаты дают возможность выявить причины возникновения кризиса и каналы его распространения, что важно для разработки антикризисных мер. Поэтому необходимой основой современного реформирования внешнеэкономических отношений может стать мониторинг кризисной ситуации в глобальной экономике с акцентом на планирование предупредительных мероприятий [18].

Каналы распространения кризиса 2008 г. из одних стран в другие, были основательно изучены К. Юдаевой и К. Козловым.

«На экономическую ситуацию в разных странах в процессе развития кризиса влияли как финансовые факторы, так и факторы, связанные с внешней торговлей. Однако влияние первой группы факторов было значительным на ранних этапах кризиса, до начала 3–4 кварталов 2008 года. При этом больше всего пострадали страны с высокой зависимостью от притока капитала, а также те страны, банковские системы которых привлекали значительную часть фондирования с финансовых рынков, а не за счет депозитов» [9, с. 9–10].

В современных условиях объективной необходимостью становится выработка механизмов ослабления влияния внешних факторов (среды) или субъектов более высокого уровня (иностранный капитал или государства) механизмам внутренней организации, что позволяет сохранять и усиливать качественные параметры системы – конкурентоустойчивости. В поведенческих практиках национальных экономических субъектов конкурентоустойчивость императивно дополняет конкурентоспособность, позволяя достигать не только устойчивой воспроизводственной позиции, но и поддерживать активность потока добавленной стоимости.

Глобальный экономический кризис начался только после того, как под влиянием финансовых факторов и падения агрегированного спроса в развитых странах начался развал мировой торговли. Больше всего при этом пострадали страны, ориентированные на экспорт: как развитые, так и развивающиеся.

Относительное восстановление торговли в результате стабилизации финансового сектора способно привести к стабилизации экономической ситуации в мире. Наметилась тенденция роста протекционизма, которая нашла отражение в установлении ограничений на иностранные операции банков, получающих государственную помощь, и преференций для отечественных товаров при осуществлении государственных закупок, а также это проявилось на рынке труда. Подобный протекционизм может расширить временные рамки кризиса и углубить его. Поэтому одним из уроков данного кризиса является необходимость создания глобальных механизмов стабилизации внешнеторгового кредитования и потоков капитала, а также механизмов, ограничивающих использование во время кризисов нетрадиционных протекционистских мер.

Глобальный кризис привел мировое сообщество к осознанию необходимости выработки механизмов координации ма-

кросэкономической политики ведущих государств и ускорения медленно осуществляемых реформ в системах взаимодействия стран в области торговли, финансов и валютного регулирования. В разгар кризиса был создан новый институт – саммит «Группы двадцати» (G20), который взял на себя ответственность за проведение странами, входящими в него согласованных мер, направленных на преодоление кризиса и предотвращение глобальных потрясений в будущем. В центр внимания этого института попали вопросы реформирования мировой валютно-финансовой и международной торговой систем. В декларации первого саммита (осень 2008 г.) страны, входящие в «двадцатку», заявили о своей решимости не возводить новых барьеров на пути торговли и инвестиций.

Международная торговая система – согласованные на многостороннем уровне принципы, правила и нормы регулирования мировой торговли – начала складываться сразу же после Второй мировой войны. Она сыграла большую роль в снижении уровня протекционизма, усилившегося в период Великой депрессии и годы войны, и продолжает проводить линию на обеспечение открытой и справедливой международной торговли.

В своем нынешнем виде международная торговая система существует с момента завершения Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров под эгидой ГАТТ, который привел к основанию нового международного экономического института – ВТО. В итоге этого тура переговоров его участники приняли около шестидесяти правовых документов, охватили уже не только сферу торговли товарами, как это было в период существования ГАТТ, но и торговлю услугами, торговые аспекты прав интеллектуальной собственности и отдельные аспекты регулирования прямых иностранных инвестиций. Кроме того, участники переговоров достигли договоренности о правилах и процедурах урегулирования торговых споров и функционирования механизма обзора торговой политики.

Правовой пакет ВТО является своеобразным кодексом поведения правительств в сфере регулирования внешней торговли, единого коллективного многостороннего торгового договора, который является основой во многом унифицированного правового пространства. Принципы, правила и нормы международной торговой системы взяли на вооружение уже 153 страны. Еще около трех десятков стран, включая Россию и Украину, ведут переговоры о присоединении к ВТО.

Мировой кризис показал, что действующие правила регулирования международной торговли смогли удержать правительства подавляющего большинства стран от скатывания к безрассудному и безудержному протекционизму. Это позволило уберечь мировую экономику от еще более глубокого спада. Кризис также убедил мировое сообщество в необходимости дальнейшего совершенствования международной торговой системы. В ходе Седьмой Конференции министров стран-членов ВТО, состоявшейся в декабре 2009 г., большинство ее участников, которые представляли 135 стран, решительно высказались за завершение в течение года Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров, который длится уже девять лет.

Направлениями этого раунда переговоров о дальнейшей либерализации торговли обозначены сельское хозяйство, рынки несельскохозяйственных товаров, услуги и развитие, а также меры содействия торговле. Приблизительные контуры договоренностей, обсуждение которых продолжается, определены мини-конференцией ВТО, состоявшейся в июле 2008 г.

В области сельского хозяйства речь идет о снижении тарифных барьеров, прежде всего наиболее высоких ставок («тарифных пиков»), уменьшении внутренней поддержки сельского хозяйства и прекращении к концу 2013 г. субсидирования аграрного экспорта. Предполагается, в частности, что развитыми странами будут снижены ставки тарифов, не превышающие 20 %, на 50 %, а «тарифные пики» (более 75 %) – на 70 %. Развивающиеся страны также должны будут снизить те и другие ставки, но в меньшей степени, примерно на 2/3 от уровня обязательств развитых стран по каждому из снижающихся «этажей». Уровень внутренней поддержки сельскохозяйственного производства может быть снижен в ЕС на 80 %, в США и Японии – на 70 %, в других странах – на 55 %.

Предусматривается путем нового снижения тарифов обеспечить облегчение доступа на рынки промышленных товаров: развитые страны могут сократить их на 7–9 %, а развивающиеся – на 19–26 %.

Переговоры по либерализации сферы услуг, торговля которыми пока не охвачена многосторонней дисциплиной в той же мере, что торговля товарами, продвигаются медленно. С большим напряжением удастся согласовывать интересы различных групп стран в определении основных сфер регулирования. Некоторые развитые страны заинтересованы в первую очередь

в расширении возможностей экспорта финансовых, телекоммуникационных и дистрибуторских услуг, а также услуг в сфере энергетики. Развивающиеся страны основное внимание уделяют вопросам регулирования туристических, медицинских и профессиональных услуг.

Переговоры по мерам содействия торговле касаются упрощения формальностей и процедур, связанных с осуществлением торговых операций. Центральное место в переговорах занимают вопросы совершенствования деятельности таможенных служб, в частности, переходу на электронное делопроизводство, повышение прозрачности процедур и правил, сокращение времени на обработку грузов. Обсуждается возможность введения правила «одного окна», т. е. предоставление всех необходимых документов и сведений о грузе только одному органу власти.

Если все те предварительные ориентиры будущих соглашений ВТО, вокруг которых ведутся дискуссии в рамках Дохийского раунда, удастся воплотить в окончательные договоренности, то национальные рынки станут еще более открытыми, а условия конкуренции на них — более справедливыми. Соглашения, которые могут быть подписаны по итогам раунда, скорее всего, будут определять «правила игры» для правительств в регулировании международной торговли на ближайшие десять-пятнадцать лет.

Результаты раунда, который завершается, очевидно, станут отправной точкой для определения программы дальнейших многосторонних переговоров. Можно ожидать, что на завершающей стадии Дохийского раунда не удастся найти взаимоприемлемые решения по всем обсуждаемым сейчас вопросам и ВТО, следуя практике ГАТТ, будет вынуждена включить проблемы, оставшиеся «за бортом», во «встроенную повестку дня» будущих переговоров. Это относится, в частности, к уточнению правил применения антидемпинговых и компенсационных мер, а также функционированию региональных торговых соглашений. Можно, кроме того, предполагать, что тарифная составляющая переговоров все больше будет отходить на задний план, а на авансцену выдвигаться вопросы нетарифного регулирования. Не исключено, что темами нового переговорного тура станут также те направления, по которым в различных органах ВТО длится кропотливая исследовательская работа, в том числе торговля и экология, торговля и конкурентная политика, торговля и инвестиции, прозрачность правительственных закупок, а также электронная торговля.

Глобальный кризис, начавшийся в сфере финансов, подтолкнул ведущие страны мира к активизации усилий по обновлению всей мировой финансовой системы, в том числе улучшение регулирования трансграничных потоков капитала. Определять правила игры на мировом рынке и обеспечивать устойчивое развитие мировой экономики в будущем согласилась «большая двадцатка».

В декларации первого саммита «двадцатки» (Вашингтон, 2008 г.) были названы пять согласованных общих принципов проведения реформ:

- повышение уровня транспарентности финансовых рынков и подотчетности компаний, в том числе посредством более полного раскрытия информации о сложных финансовых продуктах;

- укрепление качественного регулирования функционирования финансовых рынков (режимы регулирования, пруденциальный надзор, управление рисками) со стороны национальных и региональных органов власти, а также международных организаций;

- обеспечение согласованности, целостности финансовых рынков, т. е. увязки интересов их участников на национальном, региональном и международном уровнях;

- укрепление международного сотрудничества между национальными и региональными регулирующими и надзорными инстанциями, а также органами власти при формулировании регламентирующих норм и выработке других мероприятий во всех секторах финансовых рынков, в том числе применительно к трансграничному движению капиталов;

- реформирование международных финансовых организаций.

По решению «двадцатки» вместо действующего Форума финансовой стабильности в 2009 г. был создан Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board), обладающий более широкими полномочиями. Основной задачей РФС согласно документам саммита G20 является «координация на международном уровне работы национальных финансовых властей и устанавливающих стандарты международных организаций по созданию эффективной надзорной и регуляторной политики в мировом финансовом секторе». Действуя в координации с МВФ, ОЭСР, Базельским комитетом по банковскому надзору (БКБН), ФАТФ и другими международными организациями, Совет по финансовой стабильности в первую очередь разрабатывает и обновляет нормы, регламентирующие деятельность финансовых компаний.

Ключевым решением, определяющим тенденции развития банков и кредитной политики на ближайшее десятилетие, стало

положение о переходе на новые стандарты размеров капитала и ликвидности («Базель-III»). С принятием «Базель-III» стремление банков к рисковому операциям должна уменьшиться, в результате чего снизится вероятность и острота будущих кризисов. Новые стандарты ограничивают использование механизма леввериджа (кредитного плеча), предусматривают решение проблемы расходования требований и обязательств по срокам, а также устанавливают буферные резервы капитала, которые можно использовать в неблагоприятные периоды. Новые стандарты будут инкорпорированы в национальные законы и нормативные акты, их внедрение начнется с 2013 г. и закончится в начале 2019 г.

Продолжается работа над составлением списка системозначимых финансовых институтов (СЗФИ), проблемы которых могут ударить по мировой экономике и деятельность которых должны отслеживать международные надзорные органы. Речь идет о двух списках. В первый (примерно 20 банков) попадают организации, которые ведут глобальный бизнес, контроль над ними будет более жестким и международным. Ко второму списку будут включены крупные банки — мировые лидеры, которые играют системообразующую роль в национальных экономиках, но чей крах (из-за незначительности зарубежных активов) не становится угрозой для мировой финансовой системы. Надзор за этими банками будут осуществлять национальные регуляторы.

В рамках регулирования рынка деривативов принято решение о переводе к 2012 г. торговли по стандартным контрактам на традиционные биржи или электронные площадки, предусмотрена более строгая отчетность и надзор за рисковыми хедж-фондами. В ноябре 2011 г. страны «двадцатки» подвели промежуточные итоги борьбы с «налоговыми гаванями». К этому времени СФС определил юрисдикции, которые не в полной мере сотрудничают в проведении оценки их налоговых режимов или не добились существенного прогресса в решении проблем недостаточного соблюдения согласованных на международном уровне стандартов обмена информацией и сотрудничества.

МВФ в сентябре текущего года объявил, что вводит систему обязательной проверки финансовой стабильности (FSAP) в отношении 25 стран мира, обладающих крупнейшими финансовыми системами, в том числе и в России. До сих пор такие проверки носили не обязательный, а добровольный характер и проводились раз в 5 лет. Проверка включает в себя изучение стабильности банковской системы и финансового сектора, проведение стресс-

тестов, оценку качества банков, страховых компаний, уровня надзора по сравнению с международными стандартами, готовности властей принимать меры в случае системных сбоев.

Саммит «двадцатки» одобрил договоренности, достигнутые министрами финансов и главами центральных банков на встрече в Кенжду (2010 г.) и последующее решение МВФ о перераспределении квот и участия в управлении этой организацией в пользу динамично растущих стран. Изначально предполагалось передать 6 % квот от развитых стран развивающимся, но реально их объем составил 3 %. Это произошло из-за несовершенства формулы распределения голосов в МВФ. Участники саммита договорились пересмотреть формулу до 2013 г., а к 2014 г. провести первый раунд распределения квот по новым правилам. Незначительное перераспределение квот сопровождалось передачей двух должностей в Исполнительном совете МВФ, занимаемых ранее европейскими странами с развитой экономикой. Параллельно с реформой МВФ идет увеличение числа голосов развивающихся стран и стран с переходной экономикой во Всемирном банке.

Процесс реформирования международных организаций начался с наделения их дополнительными финансовыми ресурсами. В результате принятых G20 решений МВФ привлек более 750 млрд дол., а многосторонние банки развития – 235 млрд дол. На саммите в Сеуле (ноябрь 2010 г.) была поддержана корейская инициатива создания так называемой глобальной сети финансовой безопасности. В условиях все большей взаимозависимости и интеграции мировой экономики существенно возрос размер и волатильность потоков капитала. Изменчивость потоков капитала в настоящее время обусловлена различными темпами посткризисного восстановления развитых экономик и стран с формирующимися рынками. Глобальные сети финансовой безопасности призваны снизить дестабилизирующее влияние внезапного изменения потоков капитала путем создания механизмов оперативного доступа к финансовым ресурсам. Для уже существующей в рамках МВФ так называемой гибкой кредитной линии (для стран с сильной экономикой) предусматривается увеличение сроков действия и снятия лимитов доступа. Кроме того, создается превентивная кредитная линия (для достаточно сильных стран, испытывающих трудности). Оба инструмента не предполагают в качестве условия выдачи кредита, предъявление к заемщику каких-либо требований в сфере экономической политики. Третий

элемент системы – Глобальный стабилизационный механизм — комплекс инструментов, доступных в случае нового финансового кризиса.

Между тем относительно важных вопросов посткризисного развития, таких как «искусственная девальвация» и «валютные войны», бесконтрольное накачки национальных экономик денежной ликвидностью отдельными странами (прежде всего США), единой позиции нет и, видимо, быть не может. Эти проблемы, равно как и проблема «чрезмерных дисбалансов по счету текущих операций», в обтекаемой форме обозначены в итоговых документах последнего саммита. Оценка устойчивых значительных дисбалансов, по мнению «двадцатки», должна осуществляться на основе согласованных индикативных критериев. При этом подчеркивается необходимость принятия во внимание специфических условий в той или иной стране (регионе), в том числе в странах, принадлежащих к крупным производителям сырья.

Создание набора индикаторов для оценки действий отдельных стран по устранению дисбалансов в своих экономиках лидеры стран поручили специальной рабочей группе по реализации Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста.

Кризис показал, что ведущие экономические державы способны принимать «беспрецедентные и в высшей степени скоординированные меры бюджетного и денежно-кредитного стимулирования» и смогли не допустить депрессии, на грани которой стояла мировая экономика. Между тем по многим вопросам страны G20 придерживаются кардинально отличающихся подходов и формирование новой финансовой архитектуры обещает стать длительным процессом поиска компромиссов.

Таким образом, глубокие изменения, которые накапливались длительное время и состоят в преобразовании финансового капитала на основе информационно-сетевых технологий в целостную систему глобального финансового хозяйства, стали явными в ходе глубокого мирового кризиса и потребовали срочных институциональных трансформаций, прежде всего на глобальном уровне.

«Негативными последствиями формирования глобального общества, как отмечают, Е. Ш. Гонтмахер, Н. В. Загладин [12, с. 11] являются:

– ограничение возможностей выбора национальных стратегий развития, необходимость учитывать интересы ТНК и ТНБ стран Запада;

– возникновение «зон упадка» в развитых странах «Севера», выделение группы «несостоятельных» стран (около 25 % населения мира). Появление «новых бедных», «информационного неравенства» (социальные и биологические причины), рост маргинальных слоев – источники дестабилизации общества;

– возникновение инокультурных общин в развитых странах, рост угрозы терроризма;

– высокая вероятность «конфликта цивилизаций», сегментация глобального гражданского общества на враждующие транснациональные группировки. Создание новых инструментов ведения «информационных войн»;

– активизация борьбы за контроль над международными институтами, рост влияния технократии и международной бюрократии» [12, с. 148].

Список использованной литературы

1. Елецкий Н. Д. Переход к глобально-информационному способу производства и модификация общей экономической теории / Н. Д. Елецкий // МэиМО. – №2. – 2008. – С. 22–29.
2. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.
3. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – 240 с.
4. Осипов Ю. М. Россия в глобализирующейся мировой экономике / Ю. М. Осипов. Международная научно-практическая конференция // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2006. – Т. 4, № 3. – С. 150–151.
5. Овчинников В. Н. Россия в глобализирующейся мировой экономике // Международная научно-практическая конференция // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006 – Т. 4, № 3. – С. 152–153.
6. Рязанова О. Е. Трансформация института собственности в условиях глобализации экономики / О. Е. Рязанова. – М. : Издательство МГОУ, 2008. – 226 с.
7. Солодков Г. П. Европейский Союз: история создания, развитие интеграционных процессов / Г. П. Солодков. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 10.
8. Юдаева К. Факторы, обусловившие общемировое падение ВВП и промышленного производства во время кризиса 2008 года / К. Юдаева, К. Козлов // Журнал новой экономической ассоциации – 2009. – № 1,2. – С. 236–239.
9. Яблоновская Т. Нобелевский лауреат Роберт Энгел: на сырьевых рынках идет коррекция / Т. Яблоновская, Н. Задерей, А. Блинов // Эксперт Украины. – 2006. – № 42.

10. Capital flows and emerging market economies. CGFS Publications № 33. January 2009. – P.7. [Electronic resource]. – Way of access : www.bis.org/publ/cgfc33.htm
11. Гарелли С. Цикл лекций мировых экспертов, представляемых Сбербанком. Мировая конкурентоспособность [Электронный ресурс] / С. Гарелли. – Режим доступа : advokat.peterlife.ru/uridicheskieponyitia/65455.html (07.06.2012).
12. Гонтмахер Е. Ш. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса [Электронный ресурс] / Е. Ш. Гонтмахер, Н. В. Загладин / М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 150 с. – Режим доступа : www.imemo.ru/ru/publ/2012/12010.pdf.
13. Calvo G. and Mendoza E. Contagions, Globalization and the Volatility of Capital Flows / G. Calvo, E. Mendoza // In: Edwards S. (ed.). Capital Flows and the Emerging Economies. – University of Chicago Press, 2000.
14. Calvo G. Capital Markets and the Exchange Rate with Special Reference to the Dollarization Debate in Latin America / G. Calvo. – University of Maryland, 2000.
15. Masson Paul. Contagion: Monsoonal Effects, Spillovers, and Jumps Between Multiple Equilibria / Paul Masson // Working Paper. – № 142. – International Monetary Fund, September 1998.
16. Kaminsky G. and Reinhart C. Bank Lending and Contagion: Evidence from the East Asian Crisis / G. Kaminsky, C. Reinhart // NBER Working Paper. – 1999. – № 7687. – P. 5
17. Drazen A. Contagious currency crises [Electronic resource] / A. Drazen. – Mimeo, 1997 – Way of access : http://news.kremlin.ru/ref_notes/772/print
18. Полтерович В. М. Уроки реформ 1990-х годов [Электронный ресурс] / В. М. Полтерович. – Режим доступа : <http://opec.ru/1351286.html>

Раздел 1.2. Взаимодействие науки, образования и бизнеса как институт современной хозяйственной системы

В современных условиях главным фактором долгосрочного роста мировой экономики является формирование и развитие национальных инновационных систем. Они формируются под влиянием множества объективных для каждой страны факторов, таких как ее размеры, наличие природных и трудовых ресурсов, особенности эволюции институтов государства и видов предпринимательской деятельности. Национальная инновационная система имеет определенную структуру и упорядоченность, которые предполагают стабильность институционального взаимодействия. Основными субъектами, производящими инновации являются:

- частные компании;
- научно-исследовательские институты и лаборатории;
- бизнес-инкубаторы;
- техно- и экопарки [1, с. 56].

Процесс создания и внедрения инновации представляется последовательностью взаимосвязанных действий, начинающихся с фундаментального научного исследования и заканчивающихся промышленным производством и распространением новой технологии (линейная модель инноваций) [4, с. 62].

Сегодня условно можно выделить четыре основных этапа эволюции представлений об инновациях (табл. 1.2.1).

Сегодня национальные инновационные системы помогли отказаться от линейных методов создания новшеств (научная идея-разработка-производство-рынок) в пользу формирования нелинейных, сетевых национальных и региональных нововведений. Национальные инновационные системы обеспечивают постоянное и непрерывное зарождение и реализацию кластеров радикальных нововведений, которые создают основу устойчивого инновационного роста [1, с. 57].

На наш взгляд, основной научный интерес в изучении инновационных систем связан с попыткой исследовать системные взаимодействия и их динамику: между участниками, организациями, странами. Взаимные связи включают различные формы кооперации, обмена идеями, совместные действия. Сети и кластеры становятся доминантной формой организации инновационной деятельности. Примерно две трети успешных инноваций в США связаны с какими-нибудь формами кооперации между компаниями, а также между компаниями и государственным сектором (правительственные агентства и федеральные лаборатории) и университетами. Инновации становятся результатом все более сложных взаимодействий между фирмами, и при этом возрастает роль федерального финансирования. В попытках уловить нарастание сложности и множественности взаимодействий рождается термин «тройная спираль» – бизнес, государство и университеты образуют некое подобие цепочки ДНК, в которой закодированы перспективы будущего развития [4, с. 65].

Эффективность сетевой организации любой деятельности состоит в том, что ее результат нелинейно повышается при росте масштабов сети. Каждый узел сети, будь-то производитель или

потребитель продукции, получает дополнительный эффект от простого увеличения количества узлов.

В США признанным является тот факт, что самым выдающимся событием XX века в истории страны было создание национальной инновационной системы. Соединенные Штаты Америки раньше других перешли к современному этапу научно-технической революции. Ключевым признаком этого процесса является появление качественно новых форм интеграции науки, образования и производства [5].

Основы современных взаимоотношений университетов и бизнеса при поддержке государства были заложены ещё в 40-е годы XX века. Резкий подъём в исследовательских отношениях университетов и бизнеса произошёл в начале 80-х годов прошлого века и проходил в несколько этапов. Стимулом послужило формирование в обществе новой идеологии, ориентированной на преодоление существующих на тот момент экономических трудностей, связанных с ослаблением лидирующих позиций США в области освоения нововведений и построения «экономики, основанной на знаниях». Достаточно слабая конкурентоспособность американской промышленности на мировом рынке сочеталась с мощной системой академических исследований, которая испытывала большие трудности с коммерциализацией разработок. На федеральном уровне шёл интенсивный поиск повышения эффективности связей науки и практики, в частности, были предприняты шаги для стимулирования взаимодействия между академическими и промышленными исследованиями и разработками посредством программ передачи технологий. Важнейшим из них стало принятие в 1980 г. закона Бэя-Доула, который позволил университетам и другим бесприбыльным организациям приобретать право собственности на изобретения, созданные в результате спонсируемых федеральным правительством исследований, а также получать доход от патентов и лицензий и делить прибыль с изобретателями [6, с. 111]. В частности, закон Бэя-Дойла дал возможность университетам получать доходы от коммерческого использования результатов работ федеральных лабораторий вне сферы обороны и космоса; частным компаниям открыли доступ к государственному финансированию затрат на исследования и разработки [4, с. 63].

С середины 80-х годов XX века Конгресс США предоставил университетам право коммерческого использования результатов

некоторых исследований, выполненных на основе федеральных грантов. Это дало возможность университетам получить дополнительные источники доходов за счет коммерческого использования этих исследований в работах с частными компаниями.

На этом этапе американская практика показала, что коммерциализация технологий наиболее успешно идет через создание университетских дочерних инновационных компаний, поскольку такие фирмы больше ориентированы на доведение продукта до коммерческого результата и диффузию этого продукта на рынке. В США можно выделить три основных группы технопарковых структур:

- инкубаторы;
- технопарки;
- технополисы.

В начале 90-х годов произошло ослабление взаимоотношений университетов и бизнеса, связанное с ограничением финансирования университетских исследований федеральным правительством, вызванным ростом бюджетного дефицита. Программы трансферта технологий всё реже включали академические НИОКР. Крупные промышленные корпорации отдавали предпочтение внутрифирменным исследованиям. Их доля в финансировании вузовских исследований не превышала 6–7% общего объёма средств, получаемых университетами. Технологический бум конца 1990-х годов вновь активизировал сотрудничество университетов и промышленности [6, с. 112].

Можно выделить два важных события, которые ознаменовали следующую фазу развития их отношений. Во-первых, интенсивное развитие медицинских технологий и биотехнологий создало условия для трансформации академического и промышленного научно-технического комплекса в дополняющие друг друга, иногда конкурирующие, составляющие единой инновационной системы. Все чаще университеты становились полноценными рыночными «игроками». Во-вторых, коммерческая деятельность университетов не ограничивалась передачей технологий в деловой сектор. Они активнее вовлекались в процессы стимулирования экономического развития регионов. Это позволяло университетам использовать полученную экономическую выгоду для развития университетской научно-исследовательской деятельности.

В современных условиях взаимодействие университетов и бизнеса имеет следующие формы:

- спонсируемые исследования;

Таблица 1.2.1

Эволюция представлений об инновациях в 1950–2000 гг.

Фокус внимания	Период			
	1. 1950–1960	2. 1970–1980	3. 1990	4. 2000-е
	Затраты	Результаты	Процесс	Система
Показатели	<ul style="list-style-type: none"> - Исследования и разработки - Научно-технический персонал 	<ul style="list-style-type: none"> - Патенты - Публикации - Продукты - Качество 	<ul style="list-style-type: none"> - Обследования - Индексы - Бенчмаркинг инновационной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> - Знания - Нематериальные активы - Сети - Кластеры - Методы управления - Системная динамика

Источник: [4, с. 62].

- договоры дарения;
- партнёрские программы;
- технологическое лицензирование;
- консультативная деятельность.

В традиционной схеме партнёрства, преобладавшей на протяжении прошлого столетия, университетские разработки способствовали повышению качества НИОКР, осуществляемых в промышленности. Однако ситуация может измениться, если наука, полученное в университетских лабораториях, имеет большой коммерческий потенциал. Тогда университеты могут стать главными конкурентами бизнеса в борьбе за эксклюзивные права на изобретение и в последующем получение сверхприбыли.

В университетах осуществляется 60 % общего объёма фундаментальных исследований преимущественно в области инженерных и прикладных наук (компьютерные технологии, разработки в области борьбы с онкологическими заболеваниями), которые по своей природе ориентированы на решение конкретных проблем. Несмотря на очевидную пользу этих исследований их доля в промышленности невелика из-за отдаленной перспективы реализации. Большинство промышленных НИОКР ориентированы на решение краткосрочных проблем, большей частью в области разработки продукта, его маркетинга и сбыта. Поэтому иногда университетские разработки могут полностью заместить про-

мышленные, например, в сельскохозяйственной промышленности и лесоводстве.

В США университеты являются исследовательскими центрами, поэтому в них происходит синтез науки и образования. Из 156 ведущих университетов США в 20 проводятся наибольший объем научных исследований (Гарвардский, Принстонский, Стенфордский). В США более 180 человек являются лауреатами Нобелевской премии по различным направлениям исследований, в то же время в Великобритании – более 70 лауреатов, Германии – 60 человек, Франции – 25 человек.

В США масштабные экономические проекты в сфере финансирования и организации научных разработок и исследований внедряются такими учреждениями, как Национальный научный фонд, Бюро стандартов, Министерство обороны, НАСА, Министерство энергетики и др. Американская модель инновационной политики предусматривает определение технологического приоритета и целевое государственное финансирование приоритетной отрасли.

Большинство НИОКР в США финансируются из федерального бюджета, меньшая часть имеют смешанное финансирование. Национальный научный фонд США может инициировать финансирование наиболее эффективных исследовательских структур в течение первых пяти лет частично или полностью за счет федерального бюджета. Финансирования наиболее наукоемких и рискованных исследований, имеющих большое значение, государство берет на себя.

В начале XXI века на фоне растущего объема академических и промышленных исследований в области биомедицины, всесторонней поддержки трансферта технологий на государственном уровне и на уровне штатов университеты заняли доминирующие позиции по патентованию изобретений в области биотехнологий. К этому моменту доля патентов на медицинские разработки и лекарственные препараты в общем объеме патентов, полученных университетами, составляла 46 % [6, с. 122].

Обострение международной конкуренции, последствия глобального экономического кризиса побуждают американские компании искать новые пути внешнего партнёрства с исследовательскими организациями, прежде всего, с исследовательскими университетами как носителями передовых знаний и технологий.

Таким образом, новая «экономика, основанная на знаниях», вносит заметные коррективы в традиционные взаимоотноше-

ния академической науки и бизнеса. На первый план выдвигается производство передовых технологических инноваций, для осуществления которого необходимо наличие высокопрофессиональных научных и инженерных кадров; внесение изменений в процесс отбора НИОКР, их производства, финансирования и передачи обществу в виде нового и полезного продукта; требуется разработка и совершенствование политики исследовательских организаций в области защиты прав на интеллектуальную собственность; создание инфраструктуры, способствующей интеграции совместных усилий для инновационной деятельности [6, с. 110].

Основой модели формирования национальных конкурентных преимуществ Японии является активная инновационная деятельность. Именно благодаря этому Япония занимает одно из первых мест в мире по уровню ВВП на душу населения, эффективности использования ресурсов, продолжительности жизни населения. Большие успехи Японии, Южной Кореи и ряда других стран были обеспечены, главным образом, за счет резкого сокращения сроков инженерно-технического и производственного освоения новой продукции и ее качественных преимуществ сравнительно с традиционными западными стандартами. Япония достигла значительных успехов, превратившись за 50 лет из отсталой страны в высокоразвитое государство. На наш взгляд, такой прогресс во многом был обеспечен функционированием эффективной модели интеграции науки и производства. В Японии она была реализована на основе строительства принципиально новых городов-технополисов, концентрирующих НИОКР и научное промышленное производство.

В 2000 году Европейский Союз взял курс на создание до 2013 года конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях. В этой связи приоритетными направлениями деятельности ЕС стали три области: научно-техническая, инновационная и образовательная. В частности, к уже существующей Рамочной программе НИОКР добавлена новая Рамочная программа по конкурентоспособности и инновациям (2007—2013 гг.), а также Программа интегрированных действий по непрерывному образованию.

7-я Рамочная программа НИОКР ЕС (2008—2010 гг.) предусматривала дальнейшее развитие европейской кооперации по наиболее передовым научно-техническим направлениям, в числе которых: построение информационного общества (главный тематический приоритет), биотехнология и геномика, нанотехно-

логии и новые материалы, космос, безопасность и так далее. В организационном плане сотрудничество предполагало реализацию следующих направлений:

- создание центров «преимущества»;
- запуск технологических инициатив («платформ», «карт» и т. д.);
- стимулирование фундаментальных исследований на основе развития конкуренции между исследовательскими группами;
- создание условий для предотвращения оттока кадров и привлечения наиболее квалифицированных зарубежных исследователей;
- развитие исследовательской инфраструктуры;
- улучшение координации национальных программ НИОКР.

В отличие от 6-й Программы, которая концентрировала усилия на создании и структуризации единого инновационного пространства, в 7-й Программе основной акцент сделан на стратегических тематических направлениях с учетом интересов частного бизнеса.

Благодаря активизации сотрудничества в Западной Европе на базе европейских программ («Рамочная программа НИОКР ЕС», «Эврика»), «технологических платформ», международных бизнес «дорожных карт» образовались межнациональные исследовательские сети. Уже сформировался межгосударственный европейский кластер новейших технологий, которые являются инновационным «коридором» (от «Силиконового нагорья» в Ирландии через «Лондонский треугольник», Париж в Северную Италию с ответвлением в страны Северной Европы).

Европейская модель технопарков базируется, прежде всего, на государственных инвестициях и дотациях и нацелена, главным образом, на создание рабочих мест. На сегодняшний день европейская инновационная инфраструктура насчитывает больше чем 1,5 тыс. разнообразных инновационных центров, в том числе более 260 научно-технологических парков.

В Европейском Союзе идея «треугольника знаний» заключается в максимально тесном взаимодействии сферы образования, исследовательской деятельности и технологических инноваций, в которой университетам отводится ведущая роль центров продуцирования новых знаний.

Однако регион ЕС в целом отстает от США и Японии по уровню и динамике наукоемкости, его инновационное развитие замедленно. Еще в 2000 г. В Лиссабоне было принято решение более широко использовать этот резерв экономического и социального

развития, ускорить темпы роста финансового и кадрового обеспечения НИОКР и к 2010 г. довести их до уровня стран-лидеров. Однако уже в 2005 г. стало ясно, что эти решения выполнить не удастся, и их реализация была перенесена на 2013 г. При этом текущие показатели свидетельствуют о том, что разрыв в инновационной сфере продолжает углубляться. Европейские компании относительно слабо осваивают высокотехнологичные отрасли – биотехнологию, фармацевтику, информационные технологии. Их позиции наиболее устойчивы в среднетехнологичных областях – автомобилестроении и авиастроении. Опережающий рост государственных расходов на НИОКР в ряде новейших областей (альтернативные источники энергии, нанотехнологии, новые материалы и т. д.) пока не стал позитивным сигналом и ориентиром для частного бизнеса. Однако несмотря на последствия глобального экономического кризиса, Европейская комиссия инициировала новую программу научно-технического сотрудничества «Horizon 2020». Целью данной программы является объединение финансирования научных исследований, разработка новых технологий и инновационное промышленное производство. Данная программа фактически объединяет все действующие программы Европейского Союза по финансированию исследований и инноваций.

Особый научный и практический интерес представляет финская национальная инновационная модель. В 2007 году экономика Финляндии согласно международному рейтингу признана самой конкурентоспособной в мире. Еще в 70-е годы XX века в этой стране не было ни сильной научной базы, ни передовой промышленности. Сегодня Финляндия является страной победившего «хайтека». На наш взгляд, фундаментом финского инновационного успеха стало эффективное взаимодействие власти, науки и бизнеса. Это обеспечило высокий уровень образования, маркетинговый стиль мышления и конкурсный принцип распределения средств на науку с привлечением международных экспертов. Основными институтами национальной инновационной системы Финляндии являются национальное технологическое агентство и Центр технологических исследований Финляндии. Они распределяют примерно 80 % финансирования правительственных разработок.

Примером успешного создания институциональных условий для формирования национальной инновационной системы является Китай. Создание технопарков как зон развития высоких и

новых технологий – относительно новое явление в процессе реализации политики реформ и открытости внешнему миру, которая началась в Китае в 1978 году. На основе накопленного опыта Госсовет КНР в марте 1991 года утвердил план развития зон высоких технологий. Целью их создания является коммерциализация национальных научно-технических достижений, развитие передовых отраслей, привлечение отечественного и иностранного капиталов в разработку новых технологий и материалов, организация промышленного производства высокотехнологичной продукции. Этому способствует установление на 5 лет (для технологий с длительным периодом освоения – 7 лет) налоговых и таможенных льгот. Ставка налога составляет 15 %, а при экспорте не менее чем 70 % продукции – 10 %. Предусмотрены также и налоговые каникулы продолжительностью 1–2 года. Налоговые льготы включают освобождение от пошлины на импорт приборов и оборудования, необходимых для НИОКР.

В современных условиях китайские технопарки превратились в ведущие центры развития новых и высоких технологий в стране. Важной особенностью является их тесная связь с университетами [5].

В 1980–1990 гг. новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) продемонстрировали динамичный рост, основанный именно на развитии науки, образования и передовых наукоемких отраслей. Для них были характерны высокие темпы развития науки и инноваций, что обеспечило потребности экспортоориентированных отраслей, производящих технически сложные товары (электронику и автомобили); широкий доступ населения к различным формам образования, в том числе к высшему техническому. Напротив, странам Латинской Америки, которые не сумели создать благоприятный инновационный климат, допустив деградацию науки и образования, было свойственно инфляционное, стагнирующее развитие [1].

В России восприимчивость к инновациям и уровень проникновения высоких технологий в бизнес пока имеют символический характер. Доля наукоемких технологий в промышленной продукции России на рубеже XX–XXI вв. в мировом хозяйственном обороте составляла менее 1 %. Присутствие российских инновационных продуктов на мировых рынках измеряется величиной 0,2–0,3 %, в то же время на долю США приходится около 40 %. В Западной Европе новые достижения науки используют 80 % компаний, в России – только 5 % [1, с. 58]. Россия находится на

шестом месте в мире по генерированию идей, патентов, а по способности капитализировать интеллект – на 90 месте [1, с. 59].

На сегодняшний день по инициативе Правительства РФ предусмотрено создание университетских комплексов трех моделей – в виде университетских округов, ассоциации юридических лиц, а также университетских комплексов, являющихся юридическими лицами. Такие комплексы, объединяющие образовательные учреждения различного уровня и научно-исследовательские и проектные институты, созданы в Казани, Орле, Нальчике, Саратове и др. Таким образом может быть реализовано организационное единство учебного и научного процессов, непрерывность и сквозной характер подготовки кадров, участие промышленности в выработке образовательной стратегии. Университетские комплексы призваны, с одной стороны, решить задачи, связанные с подготовкой студентов и их адаптацией к производственной и научной деятельности, а с другой – восстановить инновационный и интеллектуальный потенциал промышленности.

Примером успешной интеграции образования, науки и бизнеса является Национальный исследовательский университет Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, который позиционирует себя в качестве национального инновационного хаба, нацеленного на эффективную коммерциализацию результатов научных исследований и разработок. Вуз участвует в четырех кластерах, в его инновационной инфраструктуре есть межвузовский студенческий бизнес-инкубатор «QD», технопарк, инновационно-технологический центр. Последний активно взаимодействует с 50 предприятиями (с оборотом 900 млн руб.) в области информационных и оптических технологий [2, с. 168].

Таким образом, основным механизмом функционирования национальных инновационных систем является тесная взаимосвязь науки, образования и бизнеса, которая превратилась в эффективный институт современной хозяйственной системы. Активное взаимодействие всех субъектов ведения хозяйства с научно-исследовательскими организациями и сферой образования создает условия для эффективной реализации достижений НТП и обеспечение конкурентоспособности на всех уровнях экономической деятельности. Именно неразрывная и эффективная связь «наука-техника-производство» определяют стратегические перспективы развития национальных экономик.

Список использованной литературы

1. Гапоненко А. Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал / А. Л. Гапоненко, Т. М. Орлова. – М. : Эксмо, 2008. – 400 с.
2. Дворецкая А. Е. Инновационные решения в национальной экономике: инфраструктурные и финансовые аспекты / А. Е. Дворецкая // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2010. – № 9. – С. 158–174.
3. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под. общ. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Инфра, 2010. – 624 с.
4. Кравченко Н. А. К проблеме измерения и оценки национальных инновационных систем / Н. А. Кравченко // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2010. – № 1.– С. 61–75.
5. Мазур А. А. Современные инновационные структуры: монография / А. А. Мазур, И. Б. Гагауз. – Х. : СПД Либуркина Л.М., 2005. – 348 с.
6. Судакова Н. А. Взаимодействие университетов и бизнеса в процессе инновационной деятельности / Н. А. Судакова // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2010. – № 2. – С. 110–126.

1.3. Реформирование мировой финансовой архитектуры

Под мировой финансовой системой обычно понимают ее институциональную структуру, рассматриваемую в динамическом процессе, т. е. финансовые институты, из которых складываются национальные и мировые финансовые системы [1]. Институционально и юридически мировая финансовая система была оформлена с учреждением Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международного валютного фонда (МВФ) и заключением международных соглашений на валютно-финансовой конференции ООН в Бреттон-Вудсе (США, Нью-Гемпшир) в 1944 г. [4].

В составе мировой финансовой системы выделяют три компоненты:

- национальная: функционирование национальной финансовой системы;
- международная: деятельность государства по либерализации движения капитала и сохранении относительной автономии страны с использованием механизмов валютной политики;
- глобальная (наднациональная): выработка нового механизма управления международным сообществом как единым целым, не ограничивая суверенитет государств, через систему международных финансовых институтов (рис. 1.3.1).

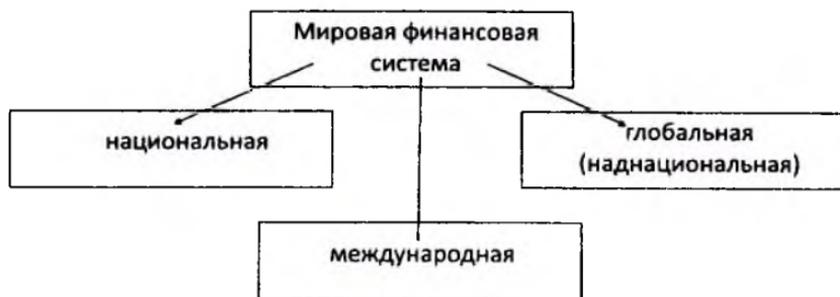


Рис. 1.3.1. Компоненты современной мировой финансовой системы

Эффективность функционирования мировой финансовой системы зависит от того, насколько сбалансированы и гармонично взаимосвязаны ее компоненты.

Принципы мировой финансовой системы были предложены рабочими группами под эгидой Группы-22 и приняты министрами финансов на саммите Большой семерки в июне 1999 г. в Кельне. Основные принципы мировой финансовой системы состоят в следующем:

1. Необходимость снижения информационной асимметрии и повышения прозрачности на мировом финансовом рынке. Приоритетность этого принципа обусловлена тем, что движение денежных потоков на финансовом рынке определяется движением информации.

2. Применение в развивающихся странах более строгих регулятивных норм и методов. Этот принцип касается, главным образом, превентивных мер, направленных на защиту национальных финансовых рынков от краткосрочных движений спекулятивного капитала, приток и отток которого способен подорвать стабильность рынка и привести к кризису.

3. Использование кодексов поведения и стандартов регулирования для улучшения взаимодействия между странами, а также между инвесторами и финансовыми посредниками, действующими по всему миру. Специфичность данного принципа состоит в том, что он представляет собой реакцию систем регулирования финансовых рынков в разных странах на процесс финансовой глобализации и его последствий. Стандарты и кодексы – это так называемое «soft law» – «мягкое» законодательство, «мягкие» законы, т. е. регулирование, основанное не на юридических нормах и правилах, установленных органами власти, а на добровольно принятых нормах и правилах, основными механизмами

принуждения к выполнению которых служат общественное порицание, угроза потери репутации и т. д.

Привлекательность метода стандартов и кодексов обусловлена тем, что этот метод имеет комбинированную природу, сочетая элементы рыночной дисциплины и нормы государственного регулирования [5].

К наиболее распространенным международным стандартам и кодексам, одобренным Форумом финансовой стабильности, относятся:

- Базельские принципы банковского надзора;
- Принципы Международной организации комиссий по ценным бумагам (International Organization of Securities Commission);
- Принципы Международной организации по страховому надзору (International Association of Insurance Supervision);
- Принципы Комитета по платежным и расчетным системам (Committee on Payment and Settlement System);
- Принципы транспарентности денежной и финансовой политики МВФ.

4. Предупреждение финансовых кризисов и борьба с ними. В условиях взаимозависимости национальных финансовых рынков определяющим качеством становится не способность избежать кризиса (это невозможно), а способность его выдержать, то есть устойчивость финансового рынка (рис. 1.3.2).

Со времени принятия рассмотренных выше принципов в мировой финансовой системе произошли существенные изменения. Современные мировые тенденции постепенно привели к тому, что конструкция существующей международной финансовой системы устарела. Международные финансовые кризисы выявили уязвимость

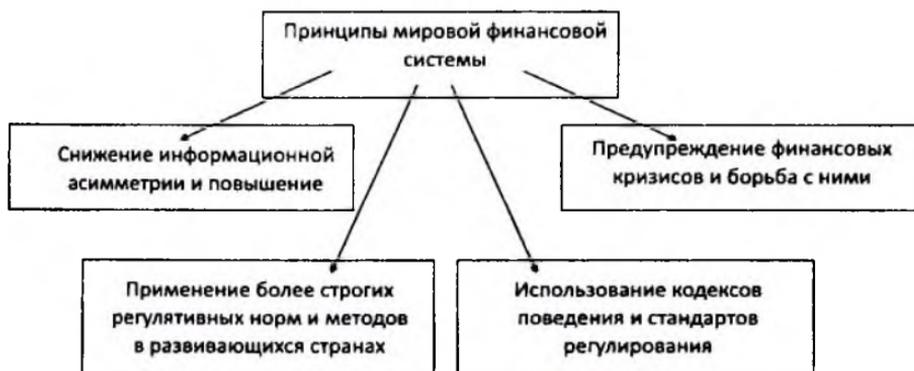


Рис. 1.3.2. Основные принципы мировой финансовой системы

глобальной финансовой среды: из-за отсутствия барьеров огромные средства, находящиеся под частным контролем, и скорость, с которой они могут быть перечислены, в отсутствие эффективных регуляторов значительно увеличивают неустойчивость рынка.

Международной экономике нужна новая финансовая система и реформа, как на национальном, так и на глобальном уровнях. Новая финансовая система – это кодексы поведения, новый глобальный регулятор, который определяет ответственность за предупреждение и урегулирование кризисов [4].

Современная мировая финансовая система должна отражать взаимозависимость макроэкономических и финансовых аспектов со структурными, социальными и гуманитарными проблемами. Формирование новой финансовой системы предполагается осуществлять по следующим основным направлениям:

1. Координация экономической политики на международном уровне. Национальные правительства не могут игнорировать все усиливающуюся взаимозависимость своих экономик и вынуждены координировать экономические решения.

2. Фундаментальная реформа существующей системы финансового регулирования и контроля для предупреждения кризисных ситуаций. Последние финансово-экономические кризисы показали несостоятельность существующих систем финансового регулирования и мониторинга.

3. Реформирование существующей мировой системы резервных валют. Фактически реформа мировой финансовой системы не означает создания новой денежной и финансовой системы, она направлена на институциональную трансформацию существующей. Эксперты считают, что будущая мировая финансовая система будет построена на самостоятельных и независимых друг от друга национальных финансовых системах.

В рамках реформы мировой финансовой системы обсуждается вопрос о создании региональных резервных валют, которые должны заменить доллар США в качестве основной международной резервной валюты. В настоящее время наиболее вероятным вариантом формирования мировой резервной валюты является система, основанная на Специальных правах заимствования МВФ (Special Drawing Rights – SDR/СДР).

4. Глобальная реформа банковского сектора («Базель-3»). Базельский комитет по банковскому надзору 12 сентября 2010 г. одобрил глобальную реформу мирового банковского сектора, которая получила название «Базель-3». В результате проведения реформы

повысится финансовая устойчивость мировой банковской (и финансовой в целом) системы, прежде всего, за счет увеличения банковских ликвидных резервов и улучшения их качества. Суть этой реформы, представляющей собой новые стандарты банковского регулирования, сводится к значительному ужесточению правил ведения банковской деятельности. В частности, значительно повышаются требования к уровню ликвидности и достаточности капитала кредитных организаций. Особенно это касается рискованных активов. Введение новых норм по требованию к структуре активов и капитала банков началась с января 2013 года и полностью завершится к январю 2015 года, по структуре резервов – к 1 января 2019 года. Главной идеей «Базеля-3» является увеличение имеющегося у банков свободного капитала для покрытия своих финансовых потерь. Тем самым увеличивается степень способности банков противостоять финансовым кризисам.

5. Реформа международных финансовых институтов, которая предполагает такие направления деятельности:

- усиление механизмов надзора за крупными транснациональными финансовыми институтами;
- мониторинг деятельности рейтинговых агентств;
- повышение контроля за ликвидностью финансовых институтов;
- повышение прозрачности деятельности финансовых институтов, в том числе по операциям с производными финансовыми инструментами;
- разработка стандартов расчета вознаграждения топ-менеджмента финансовых институтов.

Стратегически важной задачей реформирования мировой финансовой системы является реформа Международного валютного фонда. За период своего существования МВФ превратился в универсальную организацию, добился широкого признания в качестве главного наднационального органа регулирования международных валютно-финансовых отношений, авторитетного центра международного кредитования. Однако финансовые кризисы продемонстрировали неэффективность политики МВФ. Инструментарий МВФ создавался в тот период, когда на финансовых рынках преобладали банки, большую часть международных долговых потоков составлял суверенный долг, а секьюритизированное финансирование находилось на этапе становления. Но в последние десятилетия при использовании новейших финансовых технологий происходил рост трансграничных потоков

частного капитала и углублялась финансовая интеграция различных стран, что не нашло отражения в механизмах и инструментах МВФ. Особенно остро вопрос о реформировании МВФ стал во время последнего глобального кризиса, наглядно показав уязвимые стороны этой организации. Кроме этого, в подходах МВФ выявлены существенные недостатки в оценке ситуации и оказании помощи в преодолении последствий финансового кризиса странам с переходными экономиками.

Основные претензии к деятельности МВФ следующие:

- недооценка возможностей быстрого распространения последствий финансового кризиса из одних стран в другие;
- сосредоточение внимания на состоянии государственных финансов и недооценка уровня устойчивости финансового сектора, курса национальной валюты, дефицита текущего платежного баланса как факторов кризиса;
- неэффективность отдельных рекомендованных МВФ программ преодоления кризиса и отсутствия системы мер по преодолению его последствий;
- абсолютизация преимуществ либерализации потоков капитала и игнорирование возможных рисков. Практика доказала, что такие преимущества возможны только при макроэкономической стабильности, правильном выборе денежно-кредитной политики, адекватного режима валютных курсов, а также соответствующем уровне устойчивости финансовой системы;
- недооценка последствий введения фиксированных валютных курсов в механизме возникновения и распространения финансовых кризисов;
- растущая политизация и идеологизация деятельности МВФ, что проявилось в смещении акцентов с поддержания стабильности мировой финансовой системы к либеральной макроэкономической концепции [6].

По инициативе Конгресса США была создана Консультативная комиссия, основная задача которой заключалась в анализе эффективности работы международных финансовых институтов – МВФ, Всемирного банка и региональных банков развития. Основные замечания Консультативной комиссии по реформированию деятельности международных финансовых институтов были следующими:

МВФ препятствует разрешению кризиса внешней задолженности. Кредитования фондом отдельных стран не стимулирует кредиторов идти на уступки при реструктуризации долгов и объ-

единяет вокруг него частных кредиторов, которые используют его как инструмент давления на правительство стран-должников.

Контроль МВФ за экономической политикой стран слишком жесткий, что сдерживает инициативу правительств и бизнеса.

Несмотря на значительное влияние на развивающиеся страны, МВФ не в состоянии обеспечить выполнение ими условий, предложенных фондом программ.

Существуют недостатки в системе управления финансовыми ресурсами фонда.

Ведущие промышленно развитые страны, прежде всего США, используют фонд для достижения собственных политических целей.

Операции МВФ по спасению частных кредиторов наносят ущерб экономикам развивающихся стран.

Структура управления МВФ не обеспечивает его независимости и полной подотчетности акционерам. Одновременно она дает возможность развитым странам использовать фонд как инструмент для реализации собственной политики.

МВФ диктует странам различные варианты режима фиксированных курсов, которые способствовали возникновению финансовых кризисов.

Функции МВФ определены слишком широко, что противоречит деятельности других международных финансовых организаций.

МВФ не в состоянии оказывать странам достаточную ликвидную поддержку во время кризисов [8].

В контексте современной трансформации мировой финансовой системы должен корректироваться и механизм МВФ. МВФ играет центральную роль в глобальной экономической и финансовой системе. И если эта глобальная система реформируется, то и МВФ также должен быть реорганизован.

Реформа МВФ, во-первых, должна учесть повышение роли развивающихся стран в мировой экономике, обеспечив изменения доли их квот и голосов; во-вторых, расширить для стран с низким доходом, которые нуждаются в финансировании и консультационных услугах со стороны МВФ, возможность более активно участвовать в процессе принятия решений в Фонде.

К основным направлениям реформирования МВФ относятся:

1. Реформа квот и прав голоса. Так, увеличение квот уже произошло для четырех стран — Китая, Южной Кореи, Мексики и Турции, которые, как было признано, имели явно недостаточное представительство в МВФ [45]. Утвержденные в 2008 году реформы квот и прав голоса МВФ вступили в силу 3 марта 2011 после

ратификации Поправки о количестве голосов и участия в управлении в статье соглашения МВФ 117 государствами-членами, которые представляют 85 процентов общего числа голосов в Фонде. Данные реформы квот и прав голоса должны:

- изменить представительство стран с развивающейся экономикой посредством увеличения квот 54 государств на общую сумму 20,8 млрд СДР (около 33 млрд дол. США);

- усилить права голоса и долю стран с низкими доходами в управлении МВФ;

- создать механизм, который будет поддерживать постоянное соотношение базовых голосов и общего числа голосов в МВФ;

- разрешить исполнительным директорам, которые представляют семь или более государств-членов, назначить другого заместителя исполнительного директора после очередных выборов исполнительных директоров в 2012 году.

В декабре 2010 года Совет управляющих МВФ утвердил дальнейшие реформы квот и управления, завершив четырнадцатый общий пересмотр квот и приняв поправку к статьям соглашения МВФ о реформе Исполнительного Совета. После этих изменений Бразилия, Россия, Индия и Китай будут в числе 10 крупнейших акционеров МВФ.

2. Модернизация кредитного механизма. Быстрое развитие с середины 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса ухудшило экономическое положение стран с развивающимися рынками и значительно увеличило их потребность в финансовой помощи со стороны МВФ. В связи с этим МВФ интенсифицировал работу по модернизации своего кредитного механизма. 29 октября 2008 г. Исполнительный Совет одобрил образование нового кредитного механизма, получившего название «Механизм краткосрочной поддержки ликвидности». 24 марта 2009 г. Фонд основал новый кредитный механизм под названием «Гибкая кредитная линия» (Flexible Credit Line – FCL). Одновременно были ликвидированы два существующих кредитных механизма, которые долгое время не находили применения, а именно: «Механизм компенсационного финансирования» и «Механизм финансирования дополнительных резервов» [6].

Образование механизма «Гибкая кредитная линия» не является единственным нововведением в кредитной системе МВФ. Исполнительный совет Фонда в своем постановлении от 24 марта 2009 г. одобрил и ряд других мер, относящихся к этой системе. В их числе:

- расширение договоренностей о резервных кредитах стэнд-бай;

- превентивные договоренности с высоким уровнем доступа;
- удвоение лимитов доступа;
- модернизация предъявляемых условий к государствам-должникам;
- адаптация и упрощение механизмов определения стоимости и сроков погашения кредитов.

Особое место в рамках глобальной антикризисной стратегии МВФ и Всемирного банка занимает финансовая помощь странам с низким уровнем дохода (ниже установленного порогового значения), то есть наиболее бедным странам, особенно странам Африки южнее Сахары. Среднесрочная стратегия МВФ связывает эту помощь с содействием достижению Целей развития принятой ООН Декларации тысячелетия. Для этого используется широкий набор инструментов, назначение которых состоит в том, чтобы помочь странам с низкими доходами добиться макроэкономической стабильности и устойчивого экономического роста.

В рамках реформирования МВФ предлагалось существенно ограничить сферу его деятельности, оставив за ним три основные функции:

Предоставление краткосрочной поддержки платежеспособным странам, которые имеют проблемы с ликвидностью, с условием запрета использования этих средств для погашения задолженности перед частными кредиторами.

Сбор и публикацию статистических данных с целью получения четкой информации об экономическом положении стран-членов фонда.

Предоставление рекомендаций по экономической политике в рамках консультаций в соответствии со статьей 4 Устава МВФ.

Тем не менее, на сегодняшний день эти рекомендации не используются и МВФ поэтапно осуществляет все намеченные мероприятия реформирования.

Таким образом, в ближайшее время можно ожидать значительные изменения в мировой финансовой системе. Предполагается, реформа мировой финансовой системы будет способствовать следующему:

1) уменьшится количество международных инвесторов, одновременно действующих на нескольких рынках и способных дестабилизировать финансовую ситуацию тех в странах, где осуществляются инвестиции;

2) улучшится соотношение между уровнем развития международного финансового рынка и институциональной структурой его регулирования;

3) снизится повторяемость финансовых и валютных кризисов;

4) уменьшится численность оффшорных финансовых центров, которые снижают эффективность государственного регулирования финансовых рынков стран, особенно развивающихся;

5) повысятся возможности международных институтов в оказании финансовой поддержки. Возрастет способность международных организаций противостоять кризисам и ограничивать сферу их распространения;

6) снизятся конфликты интересов (*moral hazard*), возникающих в результате воплощения программ финансирования МВФ и негативно влияющих на поведение частных инвесторов и заемщиков в ходе финансовых кризисов.

Это позволяет сделать вывод о целесообразности и необходимости в современных условиях начать реформационно-трансформационные преобразования, которые приведут к изменению мировой финансовой системы.

Список использованной литературы

1. Агеев А. И. Глобальное управление – ключ к новой мировой финансовой архитектуре / А. И. Агеев, Е. Л. Логинов // Экон. стратегии. – 2010. – № 3. – С. 26–32.
2. Данилов Ю. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность и/или справедливость? / Ю. Данилов, В. Седнев, Е. Шипова // Вопрос экономики. – 2009. – № 3. – С. 23–41.
3. Дмитренко Д. М. Необхідність перегляду базових принципів угоди «Базель II» з урахуванням наслідків світової фінансової кризи / Д. М. Дмитренко // Проблеми та перспективи розвитку банківської системи України: зб. наук. праць. – 2009. – № 27. – С. 238–242.
4. Ефременко И. Н. Направления развития мировой финансовой архитектуры в условиях финансовой глобализации / И. Н. Ефременко, Ю. С. Евлахова // Финансовые исследования. – 2007. – № 14. – С. 3–15.
5. Науменкова С. Формування нової фінансової архітектури: основні питання та можливі виклики для України / С. Науменкова // Вісник Національного банку України. – 2010. – № 1. – С. 8–13.
6. Смыслов Д. В. Реформирование мировой валютно-финансовой архитектуры: 1990-2000-е годы / Д. В. Смыслов. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 123 с.
7. Сорос Дж. Новая глобальная финансовая архитектура / Дж. Сорос; пер. с англ. С. Афонцева // Вопросы экономики. – 2000. – № 12. – С. 56–84.
8. Луцишин З.О. Формування глобальної фінансової архітектури світового господарства : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра екон. наук : спец. 08.05.01 / З. О. Луцишин – К. : Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2003. – 40 с.

ЧАСТЬ 2

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ КИТАЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Раздел 2.1. Эволюция моделей социально-экономического развития стран

Обеспечение национальных конкурентных преимуществ субъектов мировой хозяйственной системы является неисчерпаемой темой научных дискуссий, что, прежде всего, связано с растущим разнообразием моделей и средств их формирования на современном этапе развития. В частности, С. Гарелли, комментируя результаты Глобального исследования конкурентоспособности стран мира в 2011 году, отметил: «Мир конкурентоспособных экономик становится все более национальным и характеризуется все большей уверенностью стран в своих силах» [1]. Это утверждение как нельзя лучше характеризует современный этап развития экономики Китая, которая является лидером среди крупных развивающихся стран по показателю Глобальной конкурентоспособности [2], и занимает второе место в мире по абсолютным размерам ВВП, уступив по этому показателю только США [3].

Актуальность анализа проблемы формирования национальных конкурентных преимуществ экономики Китая непосредственно связана как с необходимостью обобщения и использования его опыта, так и с необходимостью определения возмож-

ностей развития национальной экономики Украины в контексте воздействия, которое осуществляет и будет осуществлять экономическое сотрудничество с этим государством.

Прежде всего необходимо отметить, что в современном научном дискурсе нет единой точки зрения относительно базовых факторов экономического успеха, которого достиг Китай в конце XX – начале XXI веков.

Традиционно дискуссия ведется вокруг определения и значения влияния и роли неэкономических факторов экономического роста, что в значительной мере обусловлено тем, безусловно, уникальным вкладом, который внесла цивилизация Китая в развитие человечества на протяжении истории в самых различных областях – философии, культуре, научных изобретениях и т. д., а также традиционной полемикой вокруг противопоставления институтов «Запада – Востока». Анализ информационных источников показывает, что существующие исследования можно разделить на две группы:

— к одной необходимо отнести такие, акцентирующие внимание на «национальной специфике», «национальном менталитете» модели формирования конкурентных преимуществ Китая, прежде всего, на неэкономических ее факторах;

— ко второй группе относятся работы, в которых за основу берется тезис о соответствии выбранных направлений, инструментов и средств социальных и экономических преобразований существующим условиям, что и объясняет их успех.

Так, российские исследователи А. Девятов и М. Мартиросян утверждают, что все успехи в определении и реализации стратегических направлений развития в Китае объясняются «уникальным национальным мышлением» [4, с. 14]. Б. Нортон акцентирует внимание на «специфической китайской рациональности», благодаря которой ядром модели являются существующие институты, прежде всего, конфуцианская культура [4].

Опровергая такую точку зрения, российские исследователи А. С. Селищев, Н. А. Селищев отмечают, что представление о конфуцианской этике как о факторе успешных преобразований в Китае, Японии, Южной Корее является устойчивой и распространенной догмой, которая, во-первых, не подтверждена предыдущими этапами развития Китая (утрата национального суверенитета, культурная революция, казарменный социализм и т. д.), а, во-вторых, приводит к недопустимому упрощению анализа [5, с. 27]. Соглашаясь с американским исследователем Д. Вороно-

вым, который утверждает, что «конфуцианством (как и любой другой цивилизационной традицией) можно «объяснять» как успехи, так и провалы экономического развития любой страны» [6, с. 83], авторы утверждают, что «Главное заключается в том, что государство ... сумел избрать адекватную экономическую политику» [7, с. 38].

В определении позиций относительно эволюции модели формирования национальных конкурентных преимуществ экономики Китая на современном этапе значительную роль играет определение теоретико-методологических оснований такого исследования. Многозначность употребления термина «конкурентоспособность» и «конкурентоспособность национальной экономики» вызывают необходимость определить эти термины относительно представленного в статье исследования.

Национальную конкурентоспособность можно представить как способность нации (или товаропроизводителя как представителя страны) в условиях свободной и справедливой конкуренции сохранять обусловленное экономическими, социальными и политическими факторами устойчивое положение на внутреннем и внешнем рынках посредством производства и реализации конкурентоспособных товаров и услуг, которые удовлетворяют требованиям мировых рынков.

Национальная конкурентоспособность – многозначный термин, который чаще всего обозначает:

- способность страны добиться высоких темпов экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе;

- уровень производительности факторов производства в данной стране;

- способность компаний данной страны успешно конкурировать на тех или иных международных рынках.

Разработкой вопроса формирования модели национальных конкурентных преимуществ экономическая наука занималась всегда. Проблема конкурентных преимуществ освещалась в работах многих ученых на протяжении всей истории существования экономической науки. Работы А. Смита, Д. Рикардо, Ф. Листа, А. Маршалла, которые с разных позиций определяли этот вопрос.

Современный дискурс традиционно идет вокруг теории М. Портера, который создал целостную концепцию определения факторов и условий реализации национальных конкурентных преимуществ [8].

Практически все современные исследователи этой проблемы отмечают, что актуализация этого направления напрямую связана с усложнением и качественным преобразованием современной конкурентной среды, основные тенденции развития которой обусловлены современным этапом глобализации.

Вопросы моделей формирования национальных конкурентных преимуществ обсуждаются также в контексте проблем результативной интеграции национальной экономики конкретной страны в мировое хозяйство.

Логично, что качественные изменения интеграционных форм влекут за собой возникновение и развитие национальных моделей, обеспечивающих формирование национальных конкурентных преимуществ.

Приращение научного знания в этой области на каждом этапе отражает реальное состояние системы, которое в сочетании с анализом результативности достижения ею поставленных целей дает научное представление о наиболее перспективных направлениях, способах и инструментах воздействия на экономическое поведение ее субъектов.

Процессы глобализации, охватившие в настоящее время мировую хозяйственную систему, все более актуализируют постановку вопроса о формировании результативных моделей обеспечения национальной конкурентоспособности конкретной национальной экономики на всех ее уровнях, которая обеспечивала бы результативность достижения социально-экономических целей ее развития. Это, в свою очередь, находит отражение в институционализации самого термина, определение которого изменяется в контексте актуальных для определенного этапа развития задач экономической политики (табл. 2.1.1).

Значительное число подходов и определений, которые строго не противоречат друг другу, вызывают необходимость выбрать такие методологические основания исследования, которые в наибольшей степени соответствуют его цели. Исследуя эволюцию модели формирования конкурентных преимуществ экономики Китая, нами использованы обобщенные методологические подходы к исследованию конкурентных преимуществ, изложенные в работе Г. М. Коломиец «Анализ теорий конкурентных преимуществ» [9, с. 5–26]. В частности конкурентные преимущества рассматриваются как такие, которые «... базируются на конкурентном потенциале и воплощаются в конкурентоспособности, оказываясь на рынке» [9, с. 6], а ключевая роль в формировании

Таблица 2.1.1

Институционализация определения национальной конкурентоспособности в контексте задач экономической политики государства

Источник	Год	Определение
Комиссия по вопросам конкурентоспособности при президенте США	1985	Способность страны в рамках свободных и справедливых рыночных условий производить товары и услуги, которые способны соответствовать требованиям международного рынка
Совет конкурентоспособности	1992	Способность производить товары и услуги, соответствующие спросу на международных рынках, в то же время обеспечивая для граждан высокий уровень жизни и возможность его сохранения в долгосрочной перспективе
Группа консультантов по конкурентоспособности (Cimpr Group), Первый доклад для председателя Европейской Комиссии, премьер-министров и глав государств	1995	Конкурентоспособность содержит элементы производительности, эффективности и прибыльности. Однако сами по себе они не являются исчерпывающими и не задают конечной цели. Это – мощные средства достижения роста уровня жизни и материального благосостояния, то есть инструмент для решения задач. В глобальном масштабе средство увеличения производительности и эффективности в контексте международной специализации конкурентоспособность представляет собой основу для роста размеров заработка населения неинфляционным путем
Всемирный экономический форум Доклад «Глобальная конкурентоспособность»	1996	Способность страны добиться высоких темпов роста среднудушевого прироста ВВП
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	1996	Поддержка способности компаний, предприятий, регионов, стран и наднациональных регионов, сохранять, будучи открытыми для международной конкуренции, относительно высокий уровень показателей дохода и занятости населения
Институт менеджмента (Institute of Management Development, IMD)	2009	Способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес
Всемирный экономический форум	2006	Конкурентоспособность страны – это набор факторов, политик, институтов, которые определяют уровень производительности в стране

Источник: составлено авторами по материалам: [9].

конкурентоспособности национальной экономики принадлежит государственному регулированию [9, с. 6]. Государство как субъект формирования национальных конкурентных преимуществ отстаивает его (общества) консолидированные интересы.

Современный быстрый рост Китая опирается на правильную политику, как с точки зрения современной хозяйственной практики, так и с точки зрения экономической теории [11] и берет свое начало в 1978 году, когда правительство под руководством Дэн Сяопина определило необходимость формирования рыночных отношений, создание открытой экономики, что в свою очередь, было вызвано исчерпанием возможностей использования Китаем импортозамещающей модели догоняющего типа и необходимостью перехода к экспортноориентированной модели догоняющего типа [12]. В этот период национальные преимущества формируются в контексте факторных условий, которые их обуславливают, приоритет среди которых принадлежит низкой стоимости рабочей силы. К другим факторам, которые определяют конкурентоспособность готовой продукции из Китая в определенный период, относятся:

- быстрый рост качества продукции, производимой на предприятиях легкой промышленности с иностранным капиталом;
- государственную политику девальвации юаня [13].

Определенные приоритеты привели к значительным успехам и усилению конкурентной позиции Китая в мире. Так, если уровень развития в начале 90-х гг. равен уровню развития США и Великобритании 1880–1890 гг. [7, с. 111], то уже в начале XXI века китайская экономика возглавляет первую пятерку ведущих мировых экспортеров промышленной продукции (удельный вес экспорта составила 10 % от мирового) [14]. Динамика и структура внешнеторгового оборота КНР в 2001–2010 гг., представленная в табл. 2.1.2, показывает устойчивую тенденцию к росту объемов экспорта и доли продукции машиностроения.

Переход к преобладанию экспорта продукции машиностроения происходит на фоне общего роста объемов внешнеторговых операций, которые в 2010 г. выросли в 144 раза по сравнению с 1978 годом, качественные изменения в преобразовании конкурентного потенциала в конкурентные преимущества отражаются также в товарной структуре экспорта, 31,2 % которой составляет продукция новых и высоких технологий. Процесс роста доли наукоемкой, высокотехнологичной продукции приобретает устойчивый характер на фоне сильной конкурентной позиции на рынках традиционных товаров - одежды, тканей и т. д. [15].

Таблица 2.1.2

**Динамика и структура внешнеторгового оборота КНР
2001–2010 гг. (млрд дол. США)**

Год	Объем	Экспорт	В том числе продукция машиностроения %	Импорт	В том числе продукция машиностроения %
2001	509,6	266,1	94,9 (35,7%)	243,5	107,0 (43,9%)
2002	620,8	325,6	127,0 (39,0%)	295,2	137,0 (46,4%)
2003	851,0	438,2	187,8 (42,9%)	412,8	192,8 (46,7%)
2004	1154,5	593,3	268,3 (45,2%)	561,2	252,8 (45,0%)
2005	1421,9	762,0	352,2 (46,2%)	659,9	290,5 (44,0%)
2006	1760,4	968,9	452,4 (46,7%)	791,5	357,8 (45,2%)
2007	2173,7	1217,8	583,8 (47,9%)	955,9	416,0 (43,5%)
2008	2563,3	1430,7	681,5 (47,6%)	1132,6	445,1 (39,3%)
2009	2207,2	1201,7	597,1 (49,7%)	1005,5	410,1 (40,8%)
2010	2972,8	1577,9	933,4 (59,2%)	1394,8	660,3 (47,3%)

Источник: [15].

По мнению экспертов Центра экономических и социальных проблем Института Дальнего Востока Российской Академии Наук, эти положительные сдвиги обеспечено благодаря формированию таких конкурентных преимуществ, как:

- низкая себестоимость промышленной продукции, которая достигается за счет низкой стоимости рабочей силы и благоприятных климатических условий в некоторых областях;

- льготный инвестиционный режим [15].

К факторам, способствующим устойчивому характеру национальных конкурентных преимуществ на современном этапе, они относят создание свободных экономических зон и зон торговли, эффективную налоговую политику и т. д. [15].

Все вышеперечисленное свидетельствует о результативном процессе превращения конкурентных преимуществ в конкурентоспособность экономики, однако современное состояние развития Китая и изменения, происходящие в мировой хозяйственной системе под влиянием роста глобализационных тенденций вызывают необходимость перехода экономики Китая к новой модели их формирования.

Так, высокая зависимость экономики Китая от экспорта (табл. 2.1.3), а, следовательно, и от колебания спроса на внешних рынках серийной промышленной продукции, а также ряд внутренних факторов, привели к появлению ряда дисбалансов, которые, по мнению исследователей, являются закономерным результатом выбранной модели экономического роста [16]. В част-

ности, в докладе декана Экономической школы научно-технологического университета Huazhong (Economics School of Huazhong University of Science and Technology) Чаншэнг Сю, выделяются следующие структурные дисбалансы развития экономики Китая:

– внутренние – дисбалансы агрегированного спроса (избыточные сбережения и инвестиции, частное потребление, которое падает);

– внешние – высокое активное сальдо платежного баланса [16].

Фундаментальными дисбалансами являются дисбалансы структуры производства и модели экономического роста в целом; они, в свою очередь, проявляются в дисбалансах распределения доходов, что, наконец, транслируется во внешние дисбалансы в структуре спроса.

Переход к новой модели формирования конкурентных преимуществ Китая предполагает осмысление возможных путей развития ее в контексте существующего мирового опыта.

Так, Джозеф Е. Стиглиц в работе «Новая экономическая модель Китая» отмечает: «Китай признал, что он не может просто перенять экономические институты других стран; по крайней мере, оказалось успешным в других странах, должно быть адаптировано к уникальным проблемам, которые встают перед Китаем» [17].

Вырабатывая новые направления формирования национальных конкурентных преимуществ, анализируя факторы обеспечения

Таблица 2.1.3

**Показатели внешнеэкономической зависимости
экономики Китая (1978–2010 гг.)**

Год	ВВП (млрд)	Оборот (млрд)	Его доля в ВВП (%)	Экспорт (млрд)	Его доля в ВВП (%)	Импорт (млрд)	Его доля в ВВП (%)
1978	364.52	35.5	9.74	16.76	4.60	18.74	5.14
2001	10965.52	4218.36	38.47	2202.44	20.09	2015.92	18.38
2002	12032.27	5137.82	42.70	2694.79	22.40	2443.03	20.30
2003	13582.28	7050.15	51.90	3628.79	26.72	3419.56	25.18
2004	15987.83	9555.81	59.77	4910.33	30.71	4643.58	29.06
2005	18321.75	11692.18	63.81	6264.81	34.19	5427.37	29.62
2006	21192.35	14097.15	66.52	7759.46	36.61	6337.69	29.91
2007	25730.56	16674.02	64.80	9345.56	36.32	7328.46	28.48
2008	31404.50	17992.15	57.29	10039.49	31.96	7952.65	25.33
2009	34090.30	15063.07	44.18	8201.78	24.06	6861.29	20.12
2010	39798.30	19679.93	49.45	10443.71	26.24	9233.58	23.21

Источник: [15]

устойчивого роста хозяйственной системы как непривлекательные направления рассматриваются, в частности:

– ресурсоемкая структура потребления, характерная для модели США, поскольку китайская экономика при переходе на такую модель развития очень быстро достигла бы пороговых критических значений экологического равновесия системы, что, в свою очередь, привело бы к критическому состоянию национальной системы и сформировало бы угрозу для мировой системы в целом [17];

– модели, опирающиеся на наращивание экспортноориентированного сектора (Восточноазиатские страны), при наличии большого числа преимуществ ее использования, уже в значительной мере реализованы хозяйственной системой Китая (в частности, передача технологий, улучшение качества промышленных товаров, др.). Эта модель уже привела к формированию устойчивых дисбалансов в национальной экономике Китая.

Определение новых приоритетов формирования конкурентного потенциала и превращения его в конкурентные преимущества определяется в контексте необходимости решения следующих задач развития:

- переориентация на внутренний спрос;
- обеспечение устойчивого развития хозяйственной системы;
- повышение социально-экономического уровня жизни населения;
- контролируемое снижение уровня безработицы и инфляции;
- изменение технологического уклада экономики [18].

Современные преобразования в первую очередь должны опираться на стимулирование внутреннего спроса, что, в свою очередь, предполагает создание мощного инновационного конкурентного потенциала и превращение ее в новые конкурентные преимущества экономики Китая. Это в полной мере соответствует ведущей современной тенденции, согласно которой «... в последние годы усилилось влияние конкурентных преимуществ, основанных на владении высокими технологиями, информационными коммуникациями» [10].

Выстраивание инновационного конкурентного потенциала определяется как «средство обеспечения реализации национальных интересов, последовательного решения конкретных задач развития страны и повышения благосостояния народа», в отличие от ведущего инновационного лидера – США, которые используют его как инструмент достижения мирового господства [19].

Как определяет исследовательница О. В. Карлинская, на формирование современного инновационного конкурентного потенциала и превращение его в конкурентные преимущества существенно влияют такие институциональные факторы, как:

- государственная поддержка инновационного развития за счет эффективного сотрудничества с международными организациями в пользу приоритетов развития Китая;

- создание соответствующей инфраструктуры за счет последовательного внедрения организационных инноваций, препятствующих оттоку инновационного потенциала;

- экономическая политика поддержки национального экспорта;

- создание инфраструктуры, которая обеспечила бы минимизацию издержек на инновации;

- преобразование угроз, связанных с мировым финансово-экономическим кризисом в возможности инновационного развития Китая за счет приобретения новых технологий, создания инновационных центров в разных странах мира и в Китае [19].

Новая модель формирования конкурентных преимуществ Китая концентрируется на инновациях, означает переход к конкурентным преимуществам более высокого уровня, обладающих свойством сохраняться в течение более длительного периода. Это, в свою очередь, предполагает качественные изменения в технологическом потенциале экономики. Наиболее полно характерные признаки новых конкурентных преимуществ, которые должны обеспечить качественные социально-экономические изменения, представлено в документе «Прогноз-2050», представляющий собой содержательно обоснованную, количественно и качественно определенную стратегию преобразования экономики Китая в индустриально-информационную, в свою очередь, обеспечит подъем на уровень экономически развитых стран. Согласно этому прогнозу, в 2050 году производство ВВП в стране будет превышать аналогичный показатель США вдвое и составит 153 трлн юаней (100 тыс. юаней на одного человека) [20, с. 34].

Такое положение экономики Китая должно быть обеспечено за счет достижения нового качества конкурентного потенциала Китая, которое обеспечит ведущие конкурентные преимущества в финансовой, научной и технологической сферах [21]. В частности в Прогнозе определены параметры достижения целей модернизации экономики Китая и критерии оценки их достижения (табл. 2.1.4).

Таблица 2.1.4

**Оценка уровня модернизации Китая
в первой половине XXI века**

Показатель	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников на 10 тыс. жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов на 1 млн жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием, %	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием, %	7,2	24	34	48	68
Охват ТВ, телевизоров на 1000 чел.	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет, пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация, %	36	53	61	71	81
Средняя продолжительность жизни, лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление, кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4661
Среднедушевой ВВП (2000), дол. США	840	2451	3992	6503	10593
Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности (2000), дол. США	3920	11435	15368	20653	27756
Доля отраслей материального производства в ВВП, %	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве, %	73	49	40	33	27

Источник: [21]

На современном этапе определены и реализуются меры, направленные на устранение угроз инновационного развития на разных уровнях хозяйственной системы, в частности, основные из них, которые существуют на микроуровне, представлены в табл. 2.1.5.

В целом обеспечение нового качества конкурентоспособности экономики Китая, которое предусматривает использование инновационных конкурентных преимуществ, составляет основное содержание новой национальной стратегии государства, которая должна обеспечить максимальную поддержку таких отраслей, как:

- мобильная связь;
- цифровое телевидение;
- новейшие источники энергии;
- информатизация;
- биофармацевтики;
- дисплеи нового типа;
- новые материалы [18].

Представленные в статье результаты исследования эволюции модели формирования конкурентных преимуществ экономики Китая

Таблица 2.1.5

Направления совершенствования процесса формирования инновационного потенциала экономики Китая

Угрозы	Меры по преобразованию
1. Слабые стимулы к инновациям у госпредприятий	1. Реформирование, которое предусматривает акционирование и привлечение национального и иностранного капитала
2. Отсутствие у банков ориентации на кредитную поддержку малых и средних предприятий (преимущественно, в инновационной и венчурной деятельности)	2. Создание более гибкой сети частных кредитных институтов
3. Нехватка высококвалифицированных кадров, которые смогут обеспечить НИОКР и внедрение результатов исследований	3. Реализация образовательных государственных программ

Составлено авторами по: [22].

на современном этапе позволили определить ее основные характеристики подтвердить положение о том, что основным фактором, влияющим на успешный характер ее формирования является политика государства в области преобразования внешних возможностей развития и внутренних сильных сторон хозяйственной системы в адекватную этим условиям стратегию социально-экономического развития.

Список использованной литературы

1. Institute of Management Development: рейтинг конкурентоспособности стран мира в 2011 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/state/2011/05/19/2918>
2. The Global Competitiveness Report 2011–2012 [Electronic resource]. – Way of access : <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330>
3. The World Bank: World Development Indicators, 2011. Gross Domestic Product 2010 [Electronic resource]. – Way of access : <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info>
4. Девятов А. Китайский прорыв и уроки для России / А. Девятов, М. Мартыросян. – М. : Вече, 2002. – С. 14.
5. Что такое «китайская модель развития» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://topchina.biz/kitajskoe-chudo/ideologiya/chto-takoe-kitajskaya-model-razvitiya/>
6. Woronoff J. Korea's Economy: man-made miracle / J. Woronoff. – Seoul, 1983. – P. 83.

7. Селищев А. С. Китайская экономика в XXI веке / А. С. Селищев, Н. А. Селищев. – СПб : Питер, 2004. – 240 с.
8. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М., 1993. – С. 180.
9. Жиль Вальтер. Конкурентоспособность: общий подход (проект). [Электронный ресурс] / Вальтер Жиль. – Режим доступа : http://www.recser.ru/files/documents/General_approach_competitiveness-Walter-ru.pdf
10. Коломієць Г. М. Аналіз теорій конкурентних переваг / Г. М. Коломієць Національні конкурентні переваги: виклики тисячоліття: монографія. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 5–26.
11. Росс Д. В успехе Китая нет секретов [Электронный ресурс] / Джон Росс. – «Guardian», 18 августа 2009 года. – Режим доступа : <http://www.politika.org.ua/?p=769>
12. Ван Пэй. Тенденции развития экспортного сектора Китая / Пэй Ван // Экономические науки. – 2009. – № 2. – С. 325–327.
13. Экономика Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.panasia.ru/main/china/economic/>
14. World Trade Report: Китай – самый крупный экспортер в мире. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bin.ua/news/foreign/world/119219-world-trade-report-kitaj-samyj-krupnyj-yeksporter.html>
15. Китай у ворот [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://орес.ru/1360274.html>
16. Чаншэнг Сю. Структурные дисбалансы экономики Китая [Электронный ресурс] / Сю Чаншэнг // Режим доступа : <http://www.орес.ru/1318911.html>
17. Стиглиц Джозеф Е. Новая экономическая модель Китая [Электронный ресурс] / Джозеф Е. Стиглиц. – Режим доступа : http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz_86/Russian
18. Михеев В. Дальше - без заветов / В. Михеев, С. Луконина, Ю. Сафронова // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 12. – С. 69–78.
19. Карлинская Е. Опыт инновационного развития нового Китая [Электронный ресурс] / Е. Карлинская. – Режим доступа : http://is.park.ru/doc.jsp?urn=19870940...www.rpm-consult.ru/.../Innovation_Development_experience_New...
20. Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050) : коллектив. моногр. / под ред. М. Л. Титаренко. – М. : Памятники исторической мысли, 2002. – С. 34.
21. Муратшина К. Г. «Китай-2050»: специфика формирования стратегии [Электронный ресурс] / К. Г. Муратшина // Общественные науки. Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества. – 2010. – № 3(80). – Режим доступа : [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0080\(04_\\$032010\)&xslIn=showArticle.xslt&id=a13&doc=.../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0080(04_$032010)&xslIn=showArticle.xslt&id=a13&doc=.../content.jsp)
22. Ди У Китай: движение к государству инновационного типа [Электронный ресурс] / У Ди // «Человек и труд». – 2009. – № 7. – Режим доступа : http://www.chelt.ru/2009/7-09/udi_709.html

Раздел 2.2. Баланс демографического и экономического развития Китая

КНР сегодня представляет собой самую динамично развивающуюся экономику мира, несмотря на ряд условий, которые определяют характер и темпы развития и действуют далеко не всегда в сторону формирования исключительно успешных предпосылок и позитивного опыта. Одним из факторов, который формирует разнонаправленность и амбивалентность является демографическая ситуация. Безусловно, демографические сложности современного Китая известны и достаточно неплохо изучены, и на уровне правительства приняты существенные усилия по уменьшению рождаемости – в первую очередь налог на второго ребенка который составляет около 200 тыс. грн, однако население страны уже превысило 1,358 млрд человек в 2012 году (без учета Тайваня) и прогнозируется этот рост еще на протяжении 40 лет. Как найти баланс между проблемой перенаселения Китая и опережающими темпами экономического роста, который во многом обусловленным колоссальными человеческими ресурсами – вот ключевая задача, которая стоит перед Китаем.

В демографическом отношении Китай уникален уже тем, что представляет собой самую многонаселенную страну мира. Это накладывает отпечаток на все стороны жизни китайского общества - экологию, обеспеченность природными ресурсами, продовольственную ситуацию, особенности занятости и т. д. Демографией обусловлены многие проблемы и противоречия развития Китая в прошлом и настоящем. От темпов прироста населения зависят перспективы социально-экономического развития КНР в XXI в., как и во всем нынешнем тысячелетии.

Активно ведется поиск собственного пути комплексного решения демографической проблемы, постепенно сформировалась система регулирования роста населения.

Очевидные противоречия между ростом населения и социально-экономическим развитием, использованием ресурсов, охраной окружающей среды серьезно сдерживают развитие китайской экономики, сказываются на жизненном уровне народа и качестве населения.

За последние 60 лет население Китая возросло в 2,5 раза, с 540 млн до 1,34 млрд чел. Ежегодный прирост составляет ныне 7–8 млн чел., за счет прироста населения потребляется более 25 % прироста национального дохода.

Среднегодовой прирост численности населения Китая в 2001–2010 годах составил 0,57 % [1].

При прогнозировании роста населения Китая все большее значение приобретают такие факторы, как способность страны обеспечить потребности растущего населения в продовольствии, удовлетворить потребности экономического развития в рабочей силе, учитывая повышение доли стареющего населения, и сам фактор народонаселения для сохранения тенденций устойчивого экономического развития страны.

Стремительный скачок от массового голода и нищеты к обществу достатка, гарантирующего хоть и разный, но стабильный прожиточный уровень, произошел практически за период жизни одного поколения. Гордость за свои личные и национальные успехи дала мощнейший толчок к росту внутренней мотивации китайцев к саморазвитию.

Амбициозный план китайского руководства превратить КНР в первой четверти XXI в. в страну с наиболее высоким ВВП в мире и реальные достижения в этом направлении привели к изменению национальной идентификации, вернее, к возрождению традиционных представлений о месте Китая как центра мира и соответствующей трансформации роли Поднебесной: служить образцом для других народов.

Данные ограничения свидетельствуют об исчерпанности ресурсов прежнего пути развития КНР как промышленно-производственного лидера. На данной фазе развития глобальной экономики есть две ниши, где Китай может занять достойное место: 1) предоставлять потребительские услуги, направленные на повышение качества жизни человека и удовлетворение индивидуальных потребностей (туризм, отдых, развлечения, медицина, образование); 2) стать центром развития инновационных технологий. Первая из них в наибольшей степени соответствует нынешним возможностям Китая. Китай благодаря высокому уровню развития национальной культуры, медицины и некоторых традиционных наук, а также благодаря доброжелательности и терпеливости китайцев, некоторым другим национальным характеристикам обладает уникальной конкурентоспособностью именно в сфере обслуживания. Однако с точки зрения сырьевых ресурсов это затратный путь. Как компонент третичного сектора китайской экономики сегмент услуг, безусловно, будет расти, а качество услуг – совершенствоваться. Это позволяет поглощать избыточную китайскую рабочую силу, с одной стороны, и повы-

шать популярность Китая как центра международных потребительских услуг – с другой [2]. С точки зрения будущности мира и страны переход к инновационной модели развития – это оптимальный для КНР сценарий развития, однако он возможен только при наличии рабочей силы соответствующего типа.

Рост населения рассматривался мыслителями и политическими деятелями древнего Китая как показатель увеличения национальной мощи, благосостояния и процветания, что находило отражение в общественной мысли на протяжении всей истории. В дальнейшем, вплоть до XVIII века, господствующей среди китайских ученых продолжала оставаться точка зрения, которая поощряла быстрый рост населения страны. По-прежнему широко бытовало мнение, что для решения задач укрепления хозяйственной и военной мощи необходимо увеличивать численность населения. Исключением являлась лишь теория Хун Лянцзи, которого называли китайским Мальтусом: он предостерегал против перенаселения, утверждая, что рост населения обгоняет производство продовольствия. На рубеже XIX–XX веков среди общественных деятелей и ученых Китая, обеспокоенных низким уровнем экономического развития страны, вновь преобладала традиционная точка зрения на население как на источник благосостояния и могущества нации. Лишь с начала 1970-х годов в процессе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на ограничение рождаемости.

В ходе социально-экономического развития последних десятилетий и в результате осуществления демографической политики семья в Китае как социальный институт претерпела большие изменения – ценностное значение семьи в общественном сознании стало снижаться, в результате чего при продолжающемся росте численности населения размеры семьи уменьшились, а ее структура претерпела существенные изменения. Средние размеры семьи сначала увеличивались с 5,4 человека в 752 году до 5,62 в 1381 году и 6,84 человека в 1480 году. Затем они стали уменьшаться до 4,9 человека в 1693 году, 4,84 человека в 1931 году, 4,8 человека в 1971 году и, наконец, до 3,44 человека в 2000 году [3]. Нуклеарная семья стала преобладать не только в городах, но и в сельской местности (67,3 % всех семей). Общая тенденция изменений в составе семьи в Китае такова: рост численности и доли нуклеарных семей, семей типа дин-кэ (особый тип семьи, выделяемый китайской статистикой; в нем объединяются добровольно бездетные брачные пары), неполных семей (родители в разводе)

и бездетных семей. При этом на селе доля семей из трех поколений существенно больше, чем в городе, а удельный вес семей из двух поколений ниже, чем в городе. Ограничение потребности семьи в детях привело к тому, что в настоящее время 90 % городских семей имеет структуру «четыре-два-один» (дедушки и бабушки, двое родителей и один ребенок).

С начала 1970-х годов китайское руководство проводит демографическую политику, направленную на ограничение числа детей в семье. В результате почти тридцатилетних усилий Китай нашел свой путь успешного комплексного решения демографической проблемы - постепенно сформировалась система регулирования роста населения, в том числе его отдельных характеристик и планового деторождения, удалось поставить под контроль чрезмерный рост численности населения.

25 лет назад ЦК КПК обратился с открытым письмом к членам партии и Коммунистического союза молодежи (КСМК) с призывом возглавить движение за ограничение роста населения под лозунгом «один ребенок на одну семью». Претворение в жизнь установок, сформулированных в этом открытом письме, в принятом в 1991 году ЦК КПК и Госсоветом КНР Решении об активизации работы по планированию рождаемости и строгому ограничению роста численности населения, а также в обнародованном в мае 2000 года Решении ЦК КПК и Госсовета КНР об усилении работы по планированию рождаемости и стабилизации ее низкого уровня, имело результатом существенное снижение рождаемости. Общее число деторождения на одну женщину снизилось до уровня ниже уровня замещения (1,8), а коэффициент естественного прироста населения уменьшился до шести человек на тысячу населения, и Китай переместился в категорию стран с низким уровнем рождаемости [4]. Причем Китай стал первой из развивающихся стран, достигших этой цели.

Экономически центральная и западная часть Китая менее развиты по сравнению с восточной его частью; не случайно рост населения там гораздо труднее контролировать по сравнению с востоком. Правительством принято решение о перенесении центра тяжести социально-экономического развития на обширные центральные и западные районы страны. Контроль над численностью населения и планирование семьи также должны быть интегрированы в общую стратегию развития. Особое внимание уделяется отдаленным и бедным районам и районам проживания национальностей: там развивается плотная сеть соответствующих служб.

В последнее время 27 провинций Китая изменили свои положения по регулированию рождаемости таким образом, что супругам, если они оба из однодетных семей, разрешено иметь второго ребенка. Только четыре провинции – Хэнань, Хубэй, АР Внутренняя Монголия и Ганьсу – придерживаются действующего до сих пор предписания, согласно которому супружеским парам в городах разрешено иметь только одного ребенка.

Госкомитет КНР по планированию семьи не ожидает больших осложнений в связи с действием нового положения, так как полагает, что уступка не приведет к резкому росту населения. По мнению экспертов, начиная с 2010 года ежегодно будет заключаться 20 млн браков, но лишь у 10 % пар оба супруга будут выходцами из однодетных семей. Это будет означать максимально около 2 млн дополнительных рождений в год и не окажет критического влияния на демографическое развитие населения.

Продолжение правительством политики однодетной семьи понятно, так как слишком быстрый рост населения при ограниченных ресурсах препятствовал бы достижению любого прогресса. В печати регулярно появляются публикации, в которых подтверждается решимость государства продолжать строгое регулирование рождаемости с тем, чтобы рост населения к 2010 году не превысил отметку в 1,4 млрд человек.

По данным статистики, население КНР стареет: на возрастную группу от 0 до 14 лет сейчас приходится 16,6 % численности населения (на 6,29 процентных пункта меньше, чем в 2000 году), на лиц старше 60 лет – 13,26 % численности (на 2,93 процентных пункта больше).

Средний размер домохозяйства в КНР составляет 3,1 человека, на 0,34 человека меньше, чем в 2000 году. При этом перепись показала снижение остроты характерной для КНР проблемы полового дисбаланса. Если в 2000 году соотношение численности мужчин и женщин в КНР составляло 106,74 к 100 в пользу мужчин, то в 2010 году – 105,2 к 100.

Численность городского населения КНР по состоянию на 2010 год выросла и составила 666 миллионов человек, или 49,68 % населения страны. С 2000 по 2010 год доля городского населения в Китае выросла с 36,22 % до 49,68 %. На момент начала экономических реформ в Китае в 1978 году в городах проживали лишь 17,9 % жителей страны [5].

Данные рис. 2.2.1 свидетельствуют о том, что за последние 10 лет происходит относительное снижение разрыва между ростом

ВВП и ростов населения. По-видимому, объяснение этому факту является как снижение роста рождаемости, так и одновременное увеличение роста ВВП. Так или иначе угрожающего увеличения разрыва между ростом ВВП и ростом населения не наблюдается, можно констатировать что эта ситуация стабилизировалась благодаря политике одна семья один ребенок и опережающему росту экономики страны в целом.

Современные статистические данные дают возможность проанализировать реальные достижения политики планирования семьи за последние четверть века. Они подтверждают, что эффективное сдерживание роста населения оказало положительное влияние на модернизацию и устойчивое развитие страны. В связи с регулированием рождаемости заметно улучшилось материальное положение семей, повысился жизненный уровень населения [6].

С начала 1970-х годов, когда государство приступило к проведению политики планового деторождения, по настоящее время удалось предотвратить более 300 млн рождений, что в огромной мере уменьшило государственные расходы на обеспечение растущего поколения, смягчило давление населения на ресурсы и экологию, содействовало развитию экономики и улучшению жизни народа.

Основные факторы, которые обусловили быстрые темпы старения населения в КНР, – это политика ограничения рождаемости, значительное уменьшение смертности и рост ожидаемой средней продолжительности жизни населения.

Повышение жизненного уровня населения в сочетании с улучшением качества медобслуживания (использование более современной медицинской техники и эффективных лечебных препаратов, более широкое оказание срочной медицинской помощи и санитарное просвещение населения в целом) приводит к увеличению ожидаемой средней продолжительности жизни и росту численности пожилых людей. В 1957 году средняя продолжительность жизни составляла 57 лет (в дореволюционном Китае – менее 40 лет), в 1982 году – 67,9 года, в 1990 году – 70 лет, в 1995 – 70,6 года (69 лет для мужчин и 72,4 года для женщин), в 2008 году – 71,4 года [7].

Согласно данным демографической статистики и прогнозам, делят процесс старения населения Китая в 1982–2050 годах на три стадии.

1. Постепенное старение населения в 1982–2000 годах.

В течение этого времени влияние снижающихся показателей рождаемости на возрастную структуру только началось, и чис-

ленность населения в возрасте 60 лет и старше возросла с 77 до 128 млн человек. Доля пожилых увеличилась с 7,6 до 9,8 %, возрастная структура развивалась по «взрослому типу».

2. Ускоряющееся старение в 2000–2030 годах.

Как следствие быстрого снижения показателей рождаемости и его серьезного влияния на процессы старения в течение этого периода, численность населения в возрасте 60 лет и старше увеличится со 128 до 335 млн человек и доля пожилых возрастет с 9,8 до 21,9 %.

3. Сверхстарение в 2030–2050 годах.

В течение этого периода скорость старения начнет замедляться, средний годовой прирост численности населения в возрасте 60 лет и старше снизится с 6,7 млн в 2000–2030 годах до 3,6 млн человек. Поскольку доля населения в детских возрастах (0–14 лет) будет постоянно уменьшаться, удельный вес пожилых возрастет с 21,3 до 27,4 %, достигнув беспрецедентных величин, и будет оставаться на этом высоком уровне в течение длительного времени.

Возрастная структура населения в Китае приближается к «взрослому типу», и население будет стареть гораздо более быстро, чем это происходит в мире, и особенно в странах Европы и Северной Америки. Прогнозы населения, представленные ООН, показали, что доля пожилых в Китае в 2025 году составит около 20 %. Это на 6 % выше, чем средний показатель в мире (14 %). Статистика и прогнозы Бюро переписей США свидетельствуют, что увеличение доли пожилых в возрасте 65 лет и старше с 7 до 14 % заняло 115 лет во Франции, 85 лет в Швеции, 66 лет в США и займет лишь 25 лет в Китае [8].

Данные IV и V Всекитайских переписей населения 1990 и 2000 годов показывают, что в различных районах Китая старение населения происходит по-разному. Средняя доля населения в возрасте 65 лет и старше в 30 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах Китая в 1990 году составляла 5,6 %. В 12 из них показатель был выше среднего уровня (преимущественно в приморских районах), в остальных – ниже среднего уровня (в основном на западе и северо-востоке). Самая высокая доля пожилых – в Шанхае (9,4 %), самая низкая – в провинции Цинхай (3 %). Медианный возраст по стране в целом – 25,3 года, самый высокий в Шанхае – 33,8 года, самый низкий – в Нинся-Хуэйском автономном районе – 21,9 года [9, с. 230]. Столь быстрое старение населения в Шанхае не случайно. Уже длительное время рождаемость здесь сохраняется на самом низком уровне в стра-

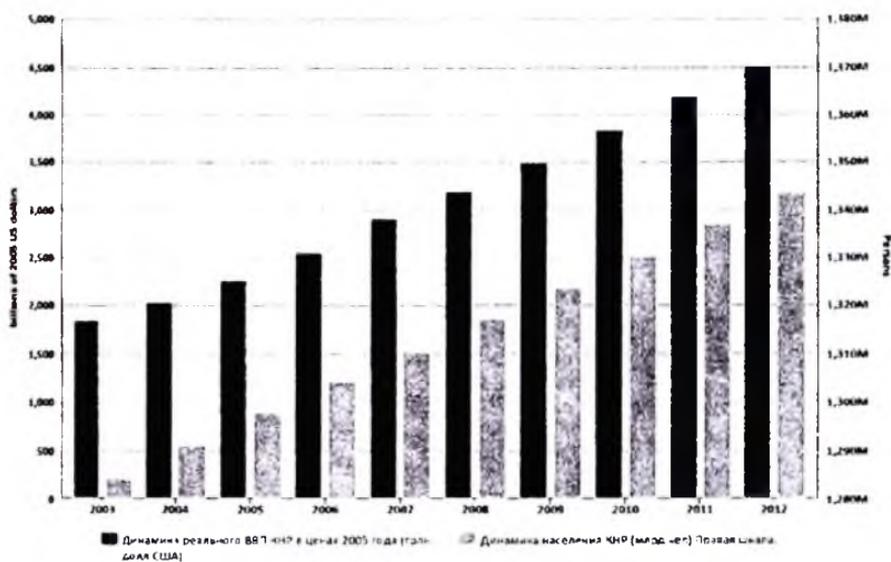


Рис. 2.2.1. Динамика роста ВВП и численности населения Китая

Источник: составлено автором на основе данных Мирового Банка

не, с 1993 года отмечаются отрицательные темпы прироста населения. Соответственно проблемы обеспечения пожилых будут наиболее острыми и раньше возникнут в крупных городах и прибрежных районах, а потом уже на окраинах.

В настоящее время возрастная структура населения Китая еще относительно молода. Население в возрасте 60–70 лет составляет около половины всех пожилых людей и большинство этих «молодых пожилых» еще сохраняют возможность работать, что несколько облегчает бремя их обеспечения. Доля населения в рабочих возрастах будет составлять более двух третей до 2020 года и необходимо использовать это время для создания системы социального обеспечения пожилых людей. К середине нынешнего столетия доля пожилых людей приблизится к одной трети общей численности населения, что в абсолютном выражении составит огромную цифру, но по величине национального дохода на душу населения Китай лишь приблизится к уровню среднеразвитых стран, и этого будет недостаточно для поддержания такого числа пожилых. Проблема старения населения в КНР – это, прежде всего, проблема жизненного уровня и социального обеспечения, поскольку в стране не существует система социального обеспечения в общегосударственном масштабе.

Данные рис. 2.2.2 свидетельствуют о существенном разрыве между показателем трудоспособного населения в Украине и Ки-

тае. Этот разрыв в отдельные годы доходил до 20 %, что говорит о значительном дисбалансе старших возрастов в Украине в сравнении с Китаем.

По классификации ООН, государства, где доля жителей старше 60 лет превышает 10 %, а доля жителей старше 65 лет достигла более 7 % общей численности населения, относятся к числу стран со стареющим населением. В настоящее время Китай вошел в категорию таких стран. Из общего числа жителей 1,3 млрд человек около 90 млн составляют пожилые люди старше 65 лет. Поначалу удельный вес пожилых кажется не столь уж большим, но в результате довольно быстрого старения населения, происходящего в последние десятилетия, эта доля к 2030 году может превысить 20 % при увеличении общей численности пожилых более чем втрое, что в огромной степени увеличит нагрузку на трудоспособное население и на всю систему жизнеобеспечения китайского общества. Поэтому уже сейчас очень важна разработка государственной политики в этой области, определение новых

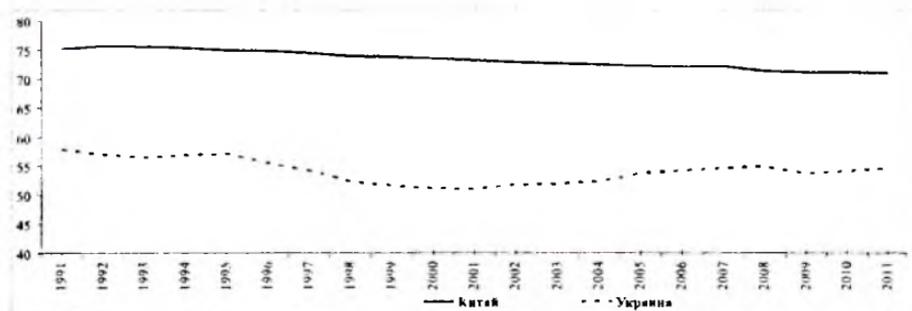


Рис. 2.2.2. Динамика уровня трудоспособного населения в Китае и Украине (старше 15 лет, % от общего числа)

Источник: составлено автором на основе данных Мирового Банка

подходов к системе социального обеспечения с тем, чтобы заранее подготовиться к «нарастанию волны серебряных волос», как называют увеличение численности пожилых людей в Китае.

По мере старения населения Китая проблемы социального и прежде всего пенсионного обеспечения становятся все более актуальными. Сложность здесь состоит в том, что в настоящий период система социального обеспечения в масштабе страны находится в стадии формирования и пока не может охватить все категории людей преклонного возраста. Становление и эффективность новой общенациональной системы социального обеспечения будет зависеть от результатов экономического развития КНР.

Уровень социального обеспечения городского и сельского населения в Китае, а также населения отдельных районов значительно различается. Сельское население страны, отдельные категории работников государственных и коллективных предприятий в городах и поселках и работники предприятий других форм собственности не охвачены системой социального обеспечения. Исключения составляют одинокие, нетрудоспособные люди пожилого возраста, которые не имеют средств к существованию. В старом Китае тысячами складывались традиции, действующие и поныне, которые возлагали обеспечение пожилых родителей в старости на плечи сыновей. После образования КНР в отношении неимущих одиноких стариков, как в городе, так и в селе стали осуществлять программу «пяти обеспечений» – продовольствием, одеждой, жильем, медицинским обслуживанием и средствами на похороны. Программа финансируется за счет средств местного бюджета, материальной помощи коллективов, граждан и государственных дотаций [8, с. 231].

Уровень жизни пожилых людей в городе, как правило, гораздо выше, чем у их сверстников в сельских районах. После образования КНР в городах функционировала система социального страхования рабочих и служащих государственных и коллективных предприятий, которая предполагала выплаты пособий в случае болезни, потери трудоспособности в результате несчастного случая на производстве и пенсионное обеспечение начиная, с 55 лет для женщин и с 60 лет для мужчин. Выплаты проводились из специального фонда социального обеспечения, который формировался за счет средств государственного бюджета. По достижении пенсионного возраста или в случае утраты трудоспособности по болезни человек, уходя с предприятия, получал ежемесячное пособие, размер которого (в зависимости от трудового стажа) составлял 75–100 % заработной платы, которую он получал до выхода на пенсию. Как и работающие, пенсионеры таких предприятий пользовались бесплатным или частично бесплатным медицинским обслуживанием. Подобные права имели лишь постоянные рабочие и служащие. Но с началом «культурной революции» социальное страхование штатных рабочих и служащих было возложено на предприятия.

На китайских предприятиях есть и другая категория трудящихся: представители рабочих профессий, вспомогательный и обслуживающий персонал. Эти люди независимо от стажа работы получали только заработную плату без каких-либо социаль-

ных выплат. Достигнув пенсионного возраста, они не имели права на получение пенсии, льгот на медицинское обслуживание, оплату жилья и т. д. В подобном положении находилось множество людей, которые достигли пенсионного возраста, работая на негосударственных предприятиях, как в городе, так и в деревне.

Абсолютный и относительный рост числа пенсионеров требовал от предприятий постоянных дополнительных затрат на формирование пенсионного фонда. Стали возникать экспериментальные модели формирования пенсионных фондов. Например, в 1980-е годы в отдельных крупных городах создавались объединенные пенсионные фонды государственных предприятий, но они оказались неплатежеспособными. В 1990-е годы сумма взносов в пенсионные фонды стала зависеть от числа пенсионеров на каждом предприятии, но в условиях рыночной конкуренции и роста числа пенсионеров не все предприятия, особенно крупные, могли выделить необходимые средства на выплату пенсий.

В 1991 году Госсовет КНР принял Решения по реформе системы выплаты пенсий рабочим и служащим предприятий, которые предусматривали повсеместное введение нового порядка выплаты пенсий. Последние делились на три вида: 1) единые для всех рабочих и служащих; 2) специальные пенсионные программы предприятий (осуществляются отдельными предприятиями, если у них есть средства для дополнительного пенсионного страхования своих работников); 3) индивидуальное пенсионное страхование (страховые полисы, которые приобретаются отдельными работниками). Новым важным моментом стало то, что единый пенсионный фонд формировался не только за счет взносов предприятий, но и за счет взносов работников (процент от зарплаты) [8, с. 234].

Схема предполагала, что часть собранных средств идет в общий фонд на текущие пенсионные выплаты, а другая часть остается для накопления на личном счете работника. В значительной мере нагрузка стала ложиться на плечи работников в период трудовой деятельности до достижения ими пенсионного возраста.

К середине 1990-х годов новая система пенсионного обеспечения была распространена на работников всех предприятий независимо от формы собственности. В 1996 году Министерство труда и другие ведомства подготовили ряд изменений для системы страхового пенсионного обеспечения работников промышленных предприятий, которые были утверждены Госсоветом. Было принято решение о создании личного страхового счета каждого

работника (пенсионера в будущем) и формировании его в размере 11 % от зарплаты работающего. Средства на личный счет поступают и от самого работающего, и от предприятия. Начиная участвовать в пенсионном страховании в первый год перечисляет 3 % своей зарплаты, затем через каждые два года его взнос увеличивается еще на 1 %, пока не возрастет до 8 % зарплаты. В то же время взнос предприятия на личный счет работающего соответственно уменьшается с 8 % его зарплаты в первый год участия до 3 % таким образом, чтобы в сумме оба вноса всегда составляли 11 % от зарплаты работающего. Взносы предприятий в общий фонд, средства которого идут на текущие пенсионные выплаты, определяются местным народным правительством и должны составлять не более 20 % средней зарплаты каждого работника. Если работник выплачивал пенсионные взносы в течение не менее 15 лет, он получает право на пожизненную пенсию. Если этот срок будет меньше, работник или его наследники имеют право однократно получить из пенсионного фонда средства, накопленные на личном счете, и двукратную среднюю зарплату за каждый год уплаты пенсионных взносов. В случае необходимости можно перевести пенсионные средства с личного счета работника на счет родственника. Пенсия, которую будет получать пенсионер, будет состоять из двух частей: 1) основная пенсия – не более 25 % средней зарплаты в данной местности; 2) сумма, равная 120-й части средств, накопленных на личном счете пенсионера (определялась, исходя из средней продолжительности жизни в 1996 году – 70,8 года) [10, с. 79]. Переход на новую систему пенсионного страхования в настоящее время осуществляется на предприятиях, но пока еще не созданы все необходимые условия для повсеместного функционирования такой системы – нет эффективной законодательной базы и очень слаб контроль над использованием пенсионных средств.

Для сельской местности Министерством труда и Китайской народной страховой компанией была разработана система страхования по старости, которая дает возможность каждому собственными средствами обеспечить себе пенсионные выплаты. Все граждане в возрасте от 18 до 60 лет, проживающие в сельской местности, независимо от характера работы могут участвовать в пенсионном страховании. В формировании местных пенсионных фондов вместе с гражданами в соответствии с экономическими условиями могут принимать участие и местные правительства, но доля взносов граждан должна быть не менее 50 %. Суммы

взносов могут составлять от 2 до 20 юаней в месяц. Деньги можно вносить ежемесячно или ежеквартально. Право на получение пенсии наступает, при условии внесения пенсионных взносов в течение необходимого срока, с 60 лет для мужчин и женщин и действует до смерти. Оставшиеся средства могут быть переведены на другой счет. Система вводится в сельских районах Китая с 1991 года, но пока еще эта работа далека от завершения.

Большое внимание будет уделяться созданию благоприятной социальной среды для обеспечения прав престарелых: постоянно будут предприниматься усилия по разработке и усовершенствованию законодательства и политических установок по охране прав престарелых, усилен надзор над выполнением законов с тем, чтобы нельзя было третировать, притеснять и бросать на произвол судьбы пожилых людей, а если все же это случается, карать за такие противозаконные действия. Для того чтобы подобные случаи были действительно очень редкими, предполагается развивать лучшие традиции китайского народа, такие как почтение к престарелым и забота о них. А государство должно гарантировать им средства к существованию и медицинское обслуживание, дать возможность продолжить образование, достойно проводить досуг, выявить их потенциал для участия в общественной жизни.

Современная демографическая политика в отношении граждан старших возрастов базируется на следующих принципах:

1. Создать и усовершенствовать систему обеспечения по старости. Сформировать порядок услуг по благосостоянию престарелых, основой которого должно стать семейное содержание и домашний уход за престарелыми, его опорой – благотворительные услуги квартальных районов, его дополнением – работа благотворительных органов общества. Создать в городах систему основного страхования по старости, в селах придерживаться принципа оказания домашней заботы о престарелых, совершенствовать правила оказания материальной поддержки и режим «5 гарантий», а именно: гарантии питания, одежды, жилья, медобслуживания, погребения. Постепенно сформировать систему социального обеспечения по старости, сочетающую государственные, общественные, семейные и личные интересы, приложить усилия к улучшению состояния здоровья и жизни престарелого населения.

2. Создать хорошую социальную среду для гарантии прав престарелых. Разработать и усовершенствовать законодательства и политические установки по охране прав престарелых. Усилить ревизский надзор над выполнением законов. Карать третирова-

кие, притеснение и бросание на произвол судьбы престарелых и другую противозаконную деятельность. Развивать лучшие традиции китайской нации, такие как почтение престарелых и забота о них, гарантировать им средства к существованию и представление медицинского обслуживания, проявлять к ним внимание и заботу, дать им возможность продолжить образование, достойно провести досуг, мирно, спокойно и радостно прожить жизнь на склоне лет. Поддерживать престарелых в их желании продолжить свое образование, выявить их потенциал в участии общественной жизни, поощрять их опираться на свой ум и силы.

3. Всемерно развивать отраслевое хозяйство для престарелых. Проводить исследования, разработку и производство материальных и духовных товаров, отвечающих потребностям престарелых. Идти путем отраслевого хозяйства, обобществлять услуги по обеспечению содержания престарелых в городах и селах, создавать и развивать сервисные программы и сеть обслуживания престарелого населения. Осуществить льготные меры в области налогообложения, предоставления кредитов, через разные каналы аккумулировать средства, полномерно использовать социальные ресурсы, развивать отраслевое хозяйство для престарелых [11].

Огромная численность населения Китая накладывает отпечаток на все стороны жизни общества – на экологическую и продовольственную ситуацию, особенности занятости и роста производительных сил в целом, характер производственных отношений. От величины темпов прироста населения КНР зависят перспективы модернизации и социально-экономического развития страны. Именно поэтому оптимизация воспроизводства населения, переход к современному его типу, жесткий контроль над ростом численности населения – это основы политики народонаселения, проводимой руководством КНР.

Не имеющий аналогов в истории страны и мира рост численности населения в начальный период после образования КНР, тяжелые его последствия для социально-экономического развития страны определили необходимость жестких мер по ограничению рождаемости. В связи с этим китайские ученые уделяют первоочередное внимание вопросам теории народонаселения, стремясь научно обосновать разработку практических мер демографической политики, направленной на снижение рождаемости. Ее основным звеном является политика однодетной семьи. Контроль над численностью населения, основывающийся на контроле над рождаемостью, предполагает снижение детской и младенческой

смертности, гибкий подход к вопросам занятости, повышение статуса женщин в обществе, решение в перспективе проблемы старения населения, а также развитие системы социального обеспечения.

Исследование демографического развития Китая в ретроспективе со времени образования КНР дает основания сделать вывод, что под влиянием изменившихся социально-экономических условий и политики народонаселения, проводимой на государственном уровне, в режиме воспроизводства населения происходят кардинальные сдвиги, которые обусловили значительные изменения в демографических характеристиках КНР. 1970–1990-е годы стали периодом значительного снижения рождаемости; она уменьшилась более чем вдвое по сравнению с периодом 1950-х годов. Такое снижение стало закономерным итогом изменений в условиях жизни населения, происходивших под влиянием социально-экономических преобразований и целенаправленной демографической политики. К настоящему времени в Китае осуществляется переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, для которого характерны умеренные демографические показатели [8, с. 242].

Для демографических исследований в КНР типично рассмотрение проблем народонаселения в контексте экономической ситуации в стране, в тесной увязке с природными, экологическими характеристиками. На первый план выдвигается экономическое значение планирования рождаемости. Особенности демографического развития страны на современном этапе пока еще требуют активной демографической политики. Молодая возрастная структура и большая численность населения репродуктивного возраста, интенсификация миграционных процессов в ходе экономической реформы, острые проблемы занятости требуют не ослаблять усилий по проведению политики народонаселения, которая является составной частью экономической стратегии китайского руководства, направленной на достижение уровня передовых стран по среднедушевым показателям.

Преодоление диспропорций демографического и экономического развития КНР

Главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса – достижения такой численности населения в стране, которая может вызвать резкое обостре-

ние проблем обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, непосильное для сложившегося уровня развития производительных сил на данный момент времени. По мнению ряда китайских ученых, оптимальная численность населения для Китая с территорией 9,6 млн км² не должна превышать 700–800 млн человек.

Планы в области развития народонаселения Китая на ближайшие десятилетия сводятся к следующему:

- к 2010 году численность населения страны сдерживается в пределах 1,33 млрд человек (без Сянган, Аомэня и Тайваня), коэффициент ежегодного естественного прироста населения не превышает 0,9%. В городах и сельских районах, где имеются условия, создается первичная система социального обеспечения;
- к 2010 году численность населения страны удерживается в пределах 1,4 млрд человек, народу обеспечивается более зажиточная жизнь. Прилагаются все усилия для решения проблемы старения населения, создания первичной системы социального обеспечения, охватывающей все общество;
- к середине XXI века численность населения страны должна достичь пиковой отметки – не более 1,6 млрд человек, а потом постепенно сокращаться. Значительно улучшатся качественные характеристики и здоровье населения, массовые масштабы приобретет получение высшего и среднего образования. Будет создана целостная и эффективная система социального обеспечения по всей стране. Более рациональной станет структура расселения и

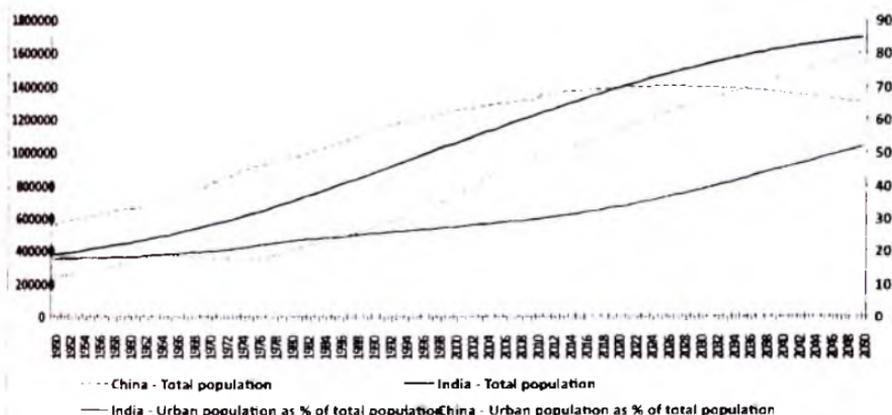


Рис. 2.2.3. Сравнительная динамика и прогноз численности населения КНР и Индии

Источник: построено автором на основе данных Мирового банка

трудоустройства, значительно повысится уровень урбанизации. Народ будет жить зажиточно, средний доход каждого гражданина достигнет уровня среднеразвитых стран, общество станет более цивилизованным. Практически будут достигнуты цели гармоничного развития населения и экономики, общества, защиты ресурсов и экологии и модернизации страны.

Демографическая политика реализует стратегию в области народонаселения на период до 2050 года. Идеология стратегии сочетает контроль над численностью населения с повышением его качества, совершенствованием его структуры, что должно создавать условия для социалистической модернизации. Стабильный рост населения сопровождается развитием социально-экономической сферы. В понятие «качество населения» входит здоровье населения, уровень его образования и социальной зрелости. В понятие «совершенствование структуры населения» включается регулирование возрастной структуры (особого внимания заслуживают ускоряющиеся процессы старения населения, прежде всего старение трудовых ресурсов), структуры населения по полу (в ряде районов доля мальчиков намного больше, чем девочек) и соотношение числа городских и сельских жителей.

Определены основные стратегические моменты демографической политики на указанный период времени. Это изменение традиционного мировоззрения в вопросах рождаемости; контроль над численностью населения в деревне; контроль над численностью населения в районах с высоким уровнем рождаемости; контроль над мигрантами; повышение уровня базового образования и совершенствование профобразования и технической подготовки. Выделены основные этапы стратегии и определены демографические параметры каждого этапа, способствующие достижению стратегических целей в области развития народонаселения страны [12, с. 243].

Динамика роста населения стала одним из основных моментов для определения стратегии социально-экономического развития. В начале 1980-х годов в КНР был впервые разработан прогноз оптимальной численности населения страны на 100 лет с учетом имеющихся природных ресурсов, экологической ситуации и факторов экономического развития. Четверо известных ученых Академии наук Китая и Академии общественных наук Китая Сун Цзянь, Тянь Сюэюань, Юй Цзинъюань и Ли Гуань-юань выполнили компьютерные расчеты пяти вариантов прогноза численности населения, в основу которых были положены различные показа-

тели среднего числа рождений на одну женщину фертильного возраста (от 15 до 50 лет). Целью работы был прогноз тенденций развития населения на 100 лет вперед до 2080 года с тем, чтобы обеспечить правительство научно обоснованными данными для разработки социально-экономической политики в стране.

Было сделано пять вариантов прогноза численности населения КНР, для которых были предложены различные коэффициенты суммарной рождаемости на одну женщину – 3,0, 2,3, 2,0, 1,5 и 1,0 рождений в течение фертильного возраста. По мнению китайских ученых, показатели среднего числа рождений на одну женщину, характерные для 1970-х годов (3 и 2,3 ребенка), не могут обеспечить необходимых пропорций развития населения. По этим двум вариантам население должно было продолжать расти быстрыми темпами, его численность в 2050 году должна была составить 2,95 млрд человек по первому варианту и 1,9 млрд человек по второму варианту, а в 2000 году – 1,41 и 1,28 млрд человек соответственно [13].

По трем другим вариантам (среднее число рождений – 2,0, 1,5 и 1,0) численность населения к 2050 году должна достигнуть соответственно 1,5 млрд, 1,09 млрд и 771 млн человек, а к 2000 году – 1,22, 1,13 и 1,05 млрд человек соответственно. Последние два варианта обеспечивают достижение целей демографической политики руководства КНР, но представляются нереальными в свете показателей естественного прироста населения КНР в 1980–2009 годах.

Достаточно приемлемыми являются второй и третий варианты прогноза (среднее число рождений – 2,3 и 2,0). Третий вариант близок к среднему варианту прогноза ООН 1982 года по населению Китая, который предполагал к 1990–1995 годам снижение среднего числа рождений на одну женщину до 1,9 и сохранение этого уровня до 2025 года. По двум вариантам, предполагающим коэффициент суммарной рождаемости 1,83–1,85 на одну женщину, и при сохранении неизменного коэффициента суммарной рождаемости на 2000 год 1,85 общая численность населения должна достичь своего максимума в 2030 году – 1,45 млрд человек по среднему варианту и 1,43 млрд человек по постоянному варианту, а затем уменьшиться к 2050 году до 1,395 млрд человек в одном случае и до 1,362 млрд человек в другом. Верхний вариант (коэффициент суммарной рождаемости растет от 2,08 до 2,35 на одну женщину) предполагает увеличение общей численности населения до 1,551 млрд человек в 2025 году и 1,710 млрд человек в 2050 году. В то же время нижний вариант предполагает снижение коэффициента суммарной рождаемости до 1,58 и затем до 1,35 на

одну женщину, что означает достижение наивысшего показателя общей численности населения КНР в 2020 году – 1,348 млрд человек при дальнейшем неуклонном снижении до 1,13 млрд человек в 2050 году [14].

Как показывает динамика численности населения в 1980–2000 годах и изменения коэффициента суммарной рождаемости, наиболее близким к реальности вариантом оказался промежуточный (коэффициенты суммарной рождаемости – 2,3 и 2,0) между вторым и третьим вариантами прогноза китайских ученых. А в XXI веке наиболее реалистичными представляются два средних варианта прогноза ООН (постоянный коэффициент суммарной рождаемости 1,85 с 2000 года или его колебания от 1,83 до 1,86 с 2000 по 2050 год). В этом случае общая численность населения КНР в 2025 году будет составлять от 1,43 до 1,46 млрд человек, а в 2050 году – от 1,36 до 1,7 млрд человек при возможном повышении коэффициента суммарной рождаемости в XXI веке до 2,35 на одну женщину фертильного возраста в трудонедостаточных регионах Китая (западные районы, за исключением провинций Сычуань и Гуйчжоу и города центрального подчинения, Чунцин и все приморские районы и города центрального подчинения – Пекин, Шанхай и Тяньцзинь).

Таблица 2.2.2

Спрос и предложение рабочей силы в КНР

Показатели	2000 г.	2010 г.	2030
Темпы роста ВВП по сравнению с темпами роста в 1996 году. %	9,0	8,0	3,0
Предложение рабочей силы, млн человек:			
вариант I	688,792	770,054	771,514
вариант II	688,792	770,057	783,142
вариант III	688,792	770,054	771,519
Спрос на рабочую силу, млн человек	505,250	639,686	713,049
Скрытая безработица, млн человек:			
вариант I	183,542	130,368	58,465
вариант II	183,542	130,371	70,093
вариант III	183,542	130,368	58,469
Скрытая безработица в %			
вариант I	26,65	16,93	7,58
вариант II	26,65	16,93	8,95
вариант III	26,65	16,93	7,59

Источник: [19].

При любом из трех вариантов прогноза в период 2030–2040 годов прирост населения станет нулевым, и еще до 2050 года будет достигнут отрицательный показатель прироста населения. По первому варианту наивысший показатель численности населения в 2031 году – 1,508 млрд человек. После этого он будет снижаться. По второму варианту пик – 1,560 млрд человек – приходится на 2037 год, и после этого он будет снижаться. По третьему варианту – 1,521 млрд человек в 2035 году. Так что наибольший показатель численности в Китае по прогнозу колеблется в пределах от 1,508 до 1,560 млрд человек в промежутке с 2030 по 2040 год.

В Китае по-прежнему достаточно трудовых ресурсов, но происходит их старение. По варианту I доля населения в предпенсионном возрасте – люди, которым осталось не более 10 лет до выхода на пенсию (мужчины – 50–59 лет, женщины – 45–54 года), увеличивается с 15,89 % в 2000 году до 27,67 % в 2050 году.

Рост трудовых ресурсов не будет постоянным. С 2030 года численность населения в рабочем возрасте будет уменьшаться. По варианту I этот показатель в 2030 году – 857 млн человек, в 2050 году – 748 млн человек, и абсолютная численность населения в рабочем возрасте начнет снижаться не в 2030 году, а в период с 2020 по 2030 год.

На рис. 2.2.3 представлена сравнительная динамика роста численности населения КНР и Индии, в том числе городского. Данный график свидетельствует, что согласно официальной статистике Индия обгонит по численности населения КНР на рубеже 20-х годов XXI века, в то же самое время сохранится значительный разрыв в численности городского населения между странами в пользу Китая.

Таким образом, прогнозы развития народонаселения Китая до 2050 года показывают, что в результате проводимой в 1970 - 1990-е годы демографической политики, направленной на создание однодетных семей, общая численность населения до 2030 года будет продолжать увеличиваться благодаря огромному абсолютному показателю численности населения страны в конце XX – начале XXI века. Однако из-за того, что с конца 1990-х годов в течение многих лет коэффициент суммарной рождаемости будет ниже уровня естественного воспроизводства населения – менее двух на женщину фертильного возраста - в период с 2030–2040-х годов будет достигнут нулевой естественный прирост населения, численность населения Китая начнет постепенно снижаться и в 2050 году составит примерно 1,4–1,5 млрд человек. Данные Ми-

рового Банка менее оптимистичны и определяются на уровне 1,3 млрд человек.

На спрос на рабочую силу оказывают непосредственное влияние три основных фактора: объем производства, капитал и технология. Таким образом, для разработки модели спроса на рабочую силу китайскими учеными были отобраны такие показатели, как объем валового внутреннего продукта, общественная производительность труда и прирост инвестиций в основные производственные фонды.

Как показала многолетняя практика народнохозяйственного развития в КНР, пропорции между валовым внутренним продуктом (ВВП) и приростом инвестиций в основные производственные фонды (ИОПФ) составляют $\text{ИОПФ} = 1,58 \times \text{ВВП}$, а между производительностью труда (ПТ) и ВВП - $\text{ПТ} = 0,9 \times \text{ВВП}$. Таким образом, если мы знаем показатель прироста ВВП, то по этим пропорциям легко можно определить как прирост производительности труда, так и инвестиций в ОПФ. Так что модель определения спроса на рабочую силу зависит от этих показателей. Рост спроса на рабочую силу неразрывно связан с ростом ВВП и ростом инвестиций в ОПФ, а рост производительности труда ведет к снижению спроса на рабочую силу.

Вывод прогноза: чем выше темпы роста ВВП, тем выше спрос на рабочую силу [15]. Поэтому можно сделать вывод, что сохранение в ближайшие 10–15 лет темпов роста ВВП на уровне 8–9 % в год приведет к хронической нехватке рабочей силы еще до 2020 года и Китай превратится из страны с избытком трудовых ресурсов в страну с недостатком трудовых ресурсов, так же, как Япония, Республика Корея, Гонконг, Тайвань, и уже с 2020 года станет их конкурентом в борьбе за привлечение дополнительной рабочей силы.

Китай может избежать такого развития событий только в том случае, если среднегодовые темпы роста ВВП будут постепенно снижаться и в 2020–2030 годы составят в среднем всего 3 % в год (табл. 2.2.2). В таком случае предложение рабочей силы в масштабах страны будет превышать спрос на нее, и Китай по-прежнему сможет сохранять конкурентоспособность на мировом рынке за счет более дешевой рабочей силы. В противном случае при сохранении нынешних темпов экономического роста 7–9 % ВВП в год и растущих инвестициях в основные производственные фонды в стране возникнут проблемы с заполнением свободных трудовых вакансий, что неминуемо приведет к удорожанию стоимости рабочей силы и снижению конкурентоспособности китайской

продукции на мировом рынке. О возможности такого поворота событий свидетельствует ситуация на рынке рабочей силы в отдельных приморских провинциях – Гуандуне, Цзянсу и городах центрального подчинения – Пекине, Шанхае.

В начале XXI века в связи с быстрым экономическим ростом и неуклонно увеличивающимся объемом как внутренних, так и внешних инвестиций в экономику упомянутых регионов возникли проблемы с заполнением рабочих вакансий. Для решения этих проблем им пришлось принять большие потоки мигрантов из внутренних районов Китая.

Как следует из материалов V Всекитайской переписи 2000 года, в ряде приморских районов и городов центрального подчинения смогли принять и трудоустроить огромное количество мигрантов: Гуандун – свыше 15 млн человек, Чжэцзян – 3,7 млн, Шанхай – 3,1 млн, Пекин – 2,5 млн, Цзянсу – 2,5 млн, Фуцзянь – 2,1 млн человек.

Научная мысль КНР с середины 1990-х годов неоднократно предпринимала попытки дать прогноз развития страны на более отдаленную перспективу, чем 2020 год. Сердцевиной таких прогнозов неизменно выступает прогноз развития экономики. Вместе с тем мало-помалу объектом прогнозирования становится не только экономический рост сам по себе, но и выход страны на те или иные качественные параметры, в том числе достижение того или иного уровня модернизации в сопоставлении с ведущими странами мира. Хотя возможным вариантам общественной эволюции Китая в целом пока уделяется заметно меньшее внимание, однако постепенно и они начинают частично включаться в сферу прогнозирования.

Прогноз Ли Цзинвэня был выполнен еще до азиатского финансового кризиса, жестко обнажившего многие подводные камни «азиатской модели развития», на следование которой, в общем и главном ориентировался и Китай. Кроме того, данный прогноз, по сути дела, абстрагировался от таких важных факторов, как ресурсное обеспечение заданных темпов роста и весьма вероятное внешнее давление, а они способны серьезно помешать реализации любой стратегии догоняющего развития, в том числе и китайской.

Прогноз был подготовлен еще до XVI съезда КПК, в Китае его продолжают рассматривать как заслуживающий доверия, о чем свидетельствует воспроизведение этого прогноза в «Докладе об устойчивом развитии Китая – 2009» (см. табл. 2.2.3).

Прогноз Сюй Сяньчуна раскрывает необходимость решения задачи по наращиванию ВВП КНР. Китай должен к 2020 году в 4 раза увеличить ВВП против уровня 2000 года. В соответствии

Таблица 2.2.3

Прогноз динамики увеличения ВВП Китая

Годы	ВВП, млрд дол.	Годовой прирост, %
2020	5460,9	5,5
2025	7137,2	5,5
2030	11083,9	4,5
2040	15634,9	3,5
2050	21 012,0	3,0
2060	68 542,0	3,0

Примечание. Прогноз выполнен в 2006 году в ценах 2000 года, пересчет из юаней в доллары США

Источник: [20]

с этой целью, отметил Сюй Сяньчунь, к 2020 году валовой внутренний продукт КНР превысит 35 трлн юаней /1 долл США = 8,2771 юаня/. Таким образом, Китай в течение будущих двадцати лет должен обеспечить по меньшей мере 7,18 – процентные темпы роста экономики.

Историческая практика показывает, что бурное экономическое развитие Японии и «четырёх драконов» Азии продолжалось примерно 20 лет. Потом темпы развития экономики этих стран стали снижаться. По этому поводу Сюй Сяньчунь заметил, что в отличие от Японии, в Китае существует большой разрыв между городами и деревнями и между восточными и западными районами страны. Это подтверждается следующими цифрами: на 2001 год общий объем народного хозяйства развитой провинции Гуандун превысил один трлн юаней, а подобный показатель Тибета составил лишь 13,9 млрд юаней. Кроме того, ВВП на душу многочисленного китайского населения оказывается довольно низким: среднедушевой ВВП Китая в 2000 году равнялся лишь 2,3 % подобного показателя Японии в том же году [16].

Анализируя динамику роста ВВП Китая, несомненный интерес представляет позиция Украины в данном разрезе. Рис. 2.2.4 дает наглядное представление об изменении динамики и решающей роли кризиса 2008 года. Впервые в современной экономической истории по показателю ВВП ППС на душу населения КНР опередил Украину и в значительной мере укрепил этот разрыв в посткризисные годы. Данная тенденция свидетельствует о глубоких и фундаментальных предпосылках устойчивого роста в Китае и, напротив, уязвимости Украины от мировой конъюнктуры.

Конкретные параметры социально-экономического развития Китая в 2050 году в оценке Хэ Чуаньци и его коллег представлены в см. табл. 2.2.4.

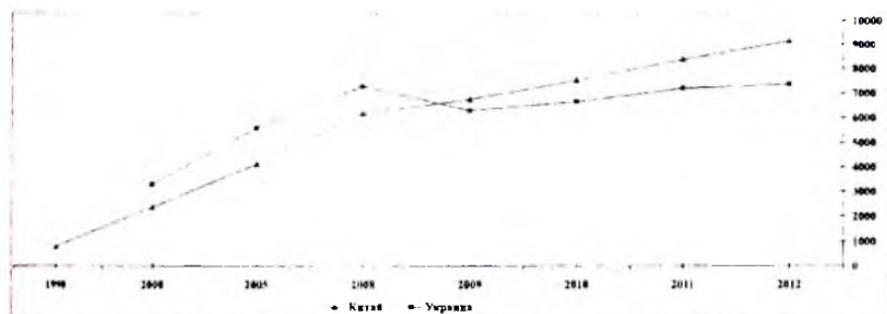


Рис. 2.2.4. Сравнение динамики ВВП по ППС на душу населения Украины и КНР (Международных долларов США).

Источник: построено автором на основе данных World Economic Outlook, July 2013

Однако прогноз Министерства труда КНР исходит из постепенного снижения среднегодовых темпов прироста ВВП. В частности, если на 2000 год были предусмотрены темпы роста ВВП 9 % в год, а на 2010 год – 8 % в год, что вполне соответствует предложению рабочей силы, то на 2030 год возможному предложению рабочей силы соответствует всего 3 % в год.

При среднегодовых темпах роста ВВП с 1996 по 2000 год в 9,0 % предложение рабочей силы в 2000 году составляет 688,792 млн человек, спрос на рабочую силу – 505,25 млн человек, а трудоизбыточное население – 183,54 млн человек; скрытая безработица – 26,65 %. При средних темпах прироста ВВП с 1996 по 2010 год 8 % в 2010 году по варианту II предложение рабочей силы составит 770,057 млн человек, спрос на рабочую силу – 639,686 млн человек, трудоизбыточное население – 130,37 млн человек, а скрытая безработица – 16,93 %. Но за этот период трудоизбыточное население уменьшится по сравнению с 2000 годом на 53,171 млн человек. В 2020 году предложение рабочей силы составит 792,024 млн человек, и при среднегодовых темпах роста ВВП 5 % в 1996–2020 годах в 2020 году спрос на рабочую силу составит 705,864 млн человек, трудоизбыточное население – 86,159 млн человек, а скрытая безработица – 10,88 %.

Дальнейшие расчеты спроса и предложения на рабочую силу с 2030 года уже не имеют смысла, так как с 2030 года численность населения в рабочем возрасте станет уменьшаться. Поэтому с 2030 года

**Оценка уровня модернизации Китая
в первой половине XXI века**

	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников, человек на 10 тыс. жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов на миллион жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием, %	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием, %	7,2	24	34	48	68
Охват телевидением, телевизоров на 1000 человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет, пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация, %	36	53	61	71	81
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление, кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП, доллары (2000 год)	3992	6503	10593	17500	29200
Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности, доллары (2000 год)	3920	13435	19368	27653	37756
Доля, занятых в материальном производстве, %	73	49	40	33	27

Источник: [21]

предложение рабочей силы также будет уменьшаться, в 2031–2050 годах экономика будет продолжать развиваться, ВВП расти, и, таким образом, в 2050 году численность избыточной рабочей силы и скрытая безработица будут значительно ниже, чем в 2030 году. А в случае неограниченного роста инвестиций при абсолютном уменьшении численности населения в КНР вообще может возникнуть новая для страны проблема нехватки рабочей силы и необходимости ее привлечения из других стран мира.

При прогнозировании роста населения Китая все большее значение приобретают такие факторы, как способность страны обеспечить потребности растущего населения в продовольствии, удовлетворить потребности экономического развития в рабочей силе, учитывая повышение доли стареющего населения, и сам

фактор народонаселения для сохранения тенденций устойчивого экономического развития страны.

Ещё в 1994 году известный американский аналитик Лестер Браун задал вопрос «Кто будет кормить Китай?» Актуальность этого вопроса растёт с каждым годом. Ведь в Китае всего 9 % пахотных земель мира, а проживает одна пятая часть населения Земли. В настоящее время Китай ежегодно потребляет более 600 миллионов тонн продовольствия, при этом в самом Китае, по официальным данным на 2012 год, производится 590 миллионов тонн.

В настоящее время КНР способна сама обеспечивать себя пшеницей, рисом и другими основными злаками примерно на 97 %, а соевыми бобами всего на 20 %. Китай способен обеспечить себя сельхозпродуктами на 89,4 %, что почти на 6 % ниже установленной правительством «красной черты».

Проблема обеспечения растущего населения Китая зерновыми, безусловно, обостряется при низком урожае зерновых в 430–480 млн т в год. Как следствие низкого сбора зерна в 2008 году, цены на зер-

Таблица 2.2.5

**Динамика численности населения и соотношения
спроса и предложения зерновых в КНР в 2000–2030 годы**

Вариант	год	Население млн чел	Производство зерна, млн т	Средние темпы прироста, %	Спрос на зерно на душу населения, кг	Общий объём спроса на зерно, млн т	Уровень самообеспечен- ности зерном, %
1	2000	1265,83	462,18	1,3	350	443,04	104,32
	2010	1373,87	522,26	1,2	390	535,80	97,47
	2020	1463,80	584,94	1,1	420	614,80	95,13
	2030	1499,54	649,28	1,0	450	674,79	96,22
2	2000	1265,83	462,18	1,0	340	430,38	107,39
	2010	1373,87	508,40	0,9	360	494,59	102,79
	2020	1463,80	554,15	0,8	380	556,24	99,62
	2030	1499,54	598,48	0,7	400	599,82	99,78

Источник: [22]

новые в 2009 году выросли примерно на 25 %. Однако при производстве зерновых на уровне 480–520 млн т в год его годовое потребление на человека составит свыше 400 кг в год, что вполне обеспечивает потребности населения. Китайские ученые составили два варианта прогноза обеспечения растущего населения Китая зерновыми с 2000 по 2030 год. В них заложены различные показатели потребления

зерна на человека при постоянном росте потребления в течение 30 лет. Если в первом варианте годовое потребление зерна на человека варьируется от 350 кг в год в 2000 году до 450 кг в год в 2030 году, то во втором варианте эти потребности были уменьшены до 340 кг в год в 2000 году и 400 кг в год в 2030 году.

Как видно из табл. 2.2.5, если закладывать потребление зерновых на человека в год по второму варианту с учетом показателей производства зерновых за последние 15 лет при умеренном росте населения до 1,5 млрд человек, то до 2030 года проблема обеспечения населения зерном не возникнет.

В период 2020–2030 годов при дальнейшем росте численности населения для повышения его жизненного уровня необходимо обеспечивать рост производства зерновых, учитывая урбанизацию и увеличение потребления продовольствия. В этих условиях возможности самообеспечения Китая зерном будут постепенно снижаться, что потребует увеличения импорта зерновой продукции и расширения объема складских запасов зерна [17].

Безусловно, огромная численность населения Китая оказывает серьезное влияние на душевые показатели производства и доходов населения. Если по объему валового внутреннего продукта Китай в 2000 году занимал шестое место, а по паритету покупательной способности второе место, то по доходам на душу населения – 140-е и 104-е места соответственно. КНР по объему ВВП в 2010 году обогнал Японию и переместился с четвертого на второе место, где прочно закрепился, а к 2050 году обгонит США и займет первое место. К 2050 году по объему китайский рынок станет самым большим в мире, Китай будет занимать первое место в мире по объему экспорта и импорта, станет самым крупным центром обрабатывающей промышленности и объем ВВП на душу населения превысит 16 тыс. долларов.

Согласно исследованиям китайских ученых, запасы природных ресурсов Китая позволяют содержать население численностью 1,5–1,6 млрд чел. Сверх отметки 1,6 млрд чел. проходит «линия судьбы» китайской нации. По прогнозам, Китай придет к нулевому приросту населения в середине XXI в. Для сохранения устойчивого развития, баланса между населением и ресурсами по-прежнему потребуются строгий постоянный контроль за приростом населения, рациональное использование природных ресурсов, охрана окружающей среды. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса – т. е. достижения численности населения, способной резко обострить проблемы обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, исходя из сло-

жившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени.

Экономический рост тесно связан с ростом населения. С началом реформ, то есть с 1979 по 2010 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили 9,8 % в год, однако, в дальнейшем по мере регулирования роста численности населения темпы экономического роста Китая должны будут последовательно снижаться до 4–5 % ВВП к 2045–2050 гг. Китай может обеспечить сохранение высоких темпов экономического роста при переходе от экстенсивных к интенсивным методам развития народного хозяйства, связанным не столько с использованием огромной массы дешевой рабочей силы, сколько с повышением производительности труда в результате развития научно-технического прогресса и внедрения технических новинок, повышения качества рабочей силы в результате увеличения инвестиций в образование, изменения структуры производства за счет перехода от живого труда к овеществленному, создания более капиталоемких производств, перелива рабочей силы из первой – во вторую и третью сферы [18].

Подводя итоги, следует отметить некоторые ключевые тенденции, характерные для современного Китая.

Совершенно очевидно, что потенциал и одновременно конкурентное преимущество КНР в виде огромного количества дешевой рабочей силы в ближайшее десятилетие исчерпается. Сегодня Китай находится в комфортных условиях, доля экономически активного населения значительно превышает детские и пожилые возрастные группы, т. е. низкая демографическая нагрузка по-прежнему создает предпосылки для экономического роста. Однако ситуация коренным образом изменится и демографическая нагрузка увеличится, и Китай столкнется с дефицитом рабочей силы. В этих условиях для КНР жизненно важным вопросом является завершение реформ в области социального и пенсионного обеспечения. Такие вызовы фактически поставят перед Китаем дилемму о том, как сохранить устойчивую тенденцию экономического развития без опоры на свое основное конкурентное преимущество на мировом рынке. Ответ очевиден – пререход на интенсивный путь экономического развития. Еще более это очевидно, если учесть всенарастающие проблемы экологии как следствие экстенсивного пути экономического развития.

Список использованной литературы

1. Баженова Е. С. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ / Е. С. Баженова // «Проблемы Дальнего Востока». – 2009. № 5. – С. 212.

жившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени.

Экономический рост тесно связан с ростом населения. С началом реформ, то есть с 1979 по 2010 г. среднегодовые темпы роста ВВП составили 9,8 % в год, однако, в дальнейшем по мере регулирования роста численности населения темпы экономического роста Китая должны будут последовательно снижаться до 4–5 % ВВП к 2045–2050 гг. Китай может обеспечить сохранение высоких темпов экономического роста при переходе от экстенсивных к интенсивным методам развития народного хозяйства, связанным не столько с использованием огромной массы дешевой рабочей силы, сколько с повышением производительности труда в результате развития научно-технического прогресса и внедрения технических новинок, повышения качества рабочей силы в результате увеличения инвестиций в образование, изменения структуры производства за счет перехода от живого труда к овеществленному, создания более капиталоемких производств, перелива рабочей силы из первой – во вторую и третью сферы [18].

Подводя итоги, следует отметить некоторые ключевые тенденции, характерные для современного Китая.

Совершенно очевидно, что потенциал и одновременно конкурентное преимущество КНР в виде огромного количества дешевой рабочей силы в ближайшее десятилетие исчерпается. Сегодня Китай находится в комфортных условиях, доля экономически активного населения значительно превышает детские и пожилые возрастные группы, т. е. низкая демографическая нагрузка по-прежнему создает предпосылки для экономического роста. Однако ситуация коренным образом изменится и демографическая нагрузка увеличится, и Китай столкнется с дефицитом рабочей силы. В этих условиях для КНР жизненно важным вопросом является завершение реформ в области социального и пенсионного обеспечения. Такие вызовы фактически поставят перед Китаем дилемму о том, как сохранить устойчивую тенденцию экономического развития без опоры на свое основное конкурентное преимущество на мировом рынке. Ответ очевиден – пререход на интенсивный путь экономического развития. Еще более это очевидно, если учесть всенарастающие проблемы экологии как следствие экстенсивного пути экономического развития.

Список использованной литературы

1. Баженова Е. С. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ / Е. С. Баженова // «Проблемы Дальнего Востока». – 2009. № 5. – С. 212.

2. Машкина О. А. Китай: перспективы инноваций и образования / О. А. Машкина // История и современность. – 2010. – № 2 (12). – С. 145.
3. Дин Цзюнь Реформы в Китае: опыт для Беларуси / Цзюнь Дин, М. Ковалев // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2005. – № 16. – С. 3–30.
4. Дин Цзюнь Китай сегодня: реформа занятости и доходов / Цзюнь Дин, Юнлян Чжань // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2005. № 33. – С. 30–32.
5. NEWSru.com // Новости в мире / Четверг, 28 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newsru.com/world/28apr2011/china.html>
6. Страноведческий каталог EconRus. Китай. Основные показатели экономического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.catalog.fmb.ru/china>
7. Салицкий А. И. Экономика и политика в современном Китае / А. И. Салицкий // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4. – С. 45–57.
8. U. S. Department of Commerce. Bureau of the Census. An Aging World. Washington, 1988. – P. 244, 288.
9. Кузык Б. Н. «Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития» / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко // М. : Институт экономических стратегий, 2006. – 651 с.
10. Лю Мин Ся Старение населения Китая: современное состояние и перспективы / Лю Мин Ся. – Пекин, 2004. – С. 22.
11. Материал пресс-канцелярии Госсовета КНР (декабрь 2000 г.). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://abirus.ru/content/564/623/627/719/11279.html>
12. Стратегические цели демографической политики в первой половине XXI века. Особенности демографического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kitaipodarok.ru/mykitai/index.php/kitai/2011-10-27-08-04-07/338--xxi-02txt>
13. Илларионов А. Секрет китайского экономического чуда / А. Илларионов // Вопросы экономики. – 1998. – № 4. – С. 14–26.
14. Иноземцев В. Китайский экономический феномен: состояние и перспективы / В. Иноземцев // Проблемы теории и практики управления. 2004. – № 2. – С. 27–33.
15. Изменение доли трудоспособного населения и демографической нагрузки на него. Конкурентоспособность на мировом рынке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kitaipodarok.ru/mykitai/index.php/kitai/2011-10-27-08-04-07/344--01txt>
16. Каким будет ВВП Китая в новом столетии. «Жэньминь Жибао» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russian.people.com.cn/200211/14/rus20021114_68284.html
17. Стратегические цели демографической политики в первой половине XXI века. Особенности демографического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kitaipodarok.ru/mykitai/index.php/kitai/2011-10-27-08-04-07/347--xxi-02txt>
18. Баженова Е. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ [Электронный ресурс] // Е. Баженова // «Проблемы Дальне-

- го Востока». – 2009. – № 5. – Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2010/0411/analit05.php>
19. Сянь Дай Хуады Гоусян Стратегия социально-экономического развития Китая в 1996-2050-х годах – взгляд на пути к модернизации / Сянь Дай Хуады Гоусян. – Пекин, 1997. – С. 478.
 20. Доклад о стратегии устойчивого развития Китая. – 2009. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. – С. 104.
 21. Доклад о модернизации Китая. – 2009. – Пекин: Бэйцин дасюэ чубаньшэ, 2009. – С. 112.
 22. Ли Чжуншэн Население Китая и экономическое развитие / Чжуншэн Ли. – Пекин, изд-во Пекинского ун-та, 2009. – С. 268.

Раздел 2.3. Банковская система Китая

Банковская система КНР формировалась в течение нескольких столетий. Первый английский банк открыл свое отделение в Китае в 1856 г. Формирование капиталистического уклада экономики Китая и национального банковского капитала в современном понимании началось позднее. Лишь в конце XIX – начале XX вв. появляются принадлежащие китайцам фабрично-заводское производство, банковские учреждения, транспортные и торговые компании в крупных городах – Шанхае, Тяньцзине, Циндао, Ханькоу, Гуанчжоу.

В Китае первой половины XX в. процесс воспроизводства общественного продукта был специфичен. В условиях развитых стран банковско-торговый капитал выступал лишь как относительно небольшая часть совокупного, преимущественно промышленного капитала, а в Китае он работал в значительной мере как самостоятельная экономическая составляющая, отсюда и его количественное преобладание. Это отражало отсталость страны, слабость ее индустриальной базы.

Иностранные банки в Китае первой четверти XX в. пользовались огромным влиянием. Около двадцати иностранных банков контролировали в середине 1920-х гг. примерно 3/4 банковского капитала страны. Крупнейшими среди них были Гонконг-Шанхайская банковская корпорация, Банк Индии-Австралии и Китая, Торговый банк Индии, принадлежавшие британскому капиталу. Японию представляли Иокогама банк, банки Мицуи, Мицубиси и Сумитомо. В Китае также имелись отделения крупнейших американских, французских, голландских и бельгийских банков.

В 1913–1927 гг. только иностранные банки производили расчеты по таможенным платежам, которыми в то время гарантировалось погашение иностранных займов. На долю иностранных банков приходилось около 80 % общей суммы банкнот, выпущенных в обращение, 60 % банковских вкладов, 44 % общей суммы прибыли. Иностранные банки, так или иначе, контролировали 3,5 тыс. (70 %) национальных банков и банковских контор [2].

Состояние китайской экономики в целом в первой четверти XX в. характеризовалось тем же полуколониальным положением. Иностранный капитал контролировал половину добычи угля, весь объем добычи железной руды, все производство чугуна, ему принадлежало порядка 50 % ткацких станков и паровых шелкопрядильных фабрик, он владел большей частью железных дорог. По ранее заключенным кредитным договорам с капиталистическими странами Китай не имел права устанавливать ввозные пошлины на иностранные товары выше 5 % их стоимости. Первенство в колониальном закабалении Китая принадлежало Британии. Прочные позиции занимали также Япония и США. Представители китайской буржуазии и прочие имущие сословия хранили свои капиталы исключительно в иностранных банках.

Централизация банковской системы началась в конце 20-х гг. прошлого века. В 1928 г. правительством Чан Кайши был учрежден Центральный банк Китая. На Центральный банк были возложены функции эмиссии банкнот и монет, налогового агента правительства, он заключал соглашения по внутренним и внешним займам, принимал сберегательные вклады, хранил резервы других банков. Поступления от соляной монополии и таможенных сборов направлялись теперь не в иностранные банки, а перечислялись в центральный банк. Тем не менее, внешняя платежеспособность страны была низкой. В начале 1930-х гг. внешний долг примерно в полтора раза превышал ежегодный экспорт страны, а платежный баланс сводился с регулярным дефицитом, погашаемым, главным образом, вывозом серебра [2].

В 1930-х гг. были сделаны первые шаги по реформированию китайской денежной системы. Она традиционно базировалась на серебряном стандарте как в виде монет, так и в виде слитков — «лянов». Они выпускались не только центральным правительством, но и местными властями. Централизация началась с введения государственной монополии на изготовление монет. Из Пекина в Шанхай были переведены центральные конторы двух самых крупных банков Китая — Дацзинского и Банка путей

сообщения. Была проведена их реорганизация, которая предусматривала установление правительственного контроля над их деятельностью.

Центральный банк в Китае стал выполнять функции правительственного финансового органа, включая сбор налогов и распространение займов. Ему отводилась роль основного правительственного банка: после радикальной реформы денежно-кредитной системы он должен был превратиться в эмиссионный банк. Банк путей сообщения и Дацинский банк (в дальнейшем – Банк Китая) планировалось специализировать на кредитовании экспорта и ведущих отраслей промышленности.

Так шел процесс формирования государственного капитала. Установив контроль над крупнейшими банками, правительство получило рычаги для усиления своего влияния, а также важные источники пополнения бюджета и мощные каналы финансовых связей с иностранным капиталом. Важным рычагом общего усиления влияния правительства явилось распространение государственного контроля на экономику, выразившееся в первой половине 1930-х гг. в создании государственной банковской системы и денежной реформе.

Экономическая политика правительства того периода различалась по своим масштабам и целям в городе и деревне, неодинаковыми были и результаты ее воздействия на капиталистический и феодальный уклады. Влияние мирового кризиса также по-разному проявлялось в городе и деревне. Его воздействие на экономическое положение целого ряда сельских районов с высоким уровнем товарного производства было разрушительным. Падение цен на мировом рынке на продукцию сельского хозяйства усилило его деградацию.

Более сложным оказалось воздействие мирового кризиса на китайский капиталистический сектор. С одной стороны, в период кризиса в результате ослабления давления иностранного капитала повысилась активность национального капитала, увеличилось количество предприятий легкой и пищевой промышленности, принадлежащих китайским капиталистам, вырос экспорт промышленных изделий и некоторых видов сырья, в частности цветных металлов. С другой стороны, повышение Китаем ввозных пошлин и обесценивание на мировом рынке серебра в 1929–1932 гг., привели к тому, что некоторым иностранным фирмам стало выгоднее открывать свои филиалы в Китае и производить товары на месте, используя дешевую рабочую силу. Лучше оснащенные

иностранные предприятия теснили китайские фирмы, несмотря на снижение притока в страну иностранного капитала, начиная с 1931 г. Иностранный капитал вытеснял китайских предпринимателей даже с тех отраслей промышленности, где преобладали китайские средние и мелкие предприятия.

В 1934–1935 гг. немалый ущерб экономике Китая нанесла так называемая серебряная политика США, заключавшаяся в массовой скупке серебра для укрепления доллара. Это вызвало повышение цены серебра на мировом рынке, его массовый вывоз из Китая, резко усилило нестабильность на китайском денежном рынке.

В начале 1935 г. Министерство финансов Китая, стремясь ускорить осуществление денежной реформы и с ее помощью стабилизировать положение, начало форсировать проникновение государства в финансово-банковскую сферу.

В то время под полный контроль правительства перешли крупнейшие банки – Банк путей сообщения, Банк Китая и Банк четырех провинций, переименованный позже в Крестьянский банк Китая. Большинство частных банков в результате экономического и политического давления оказалось в зависимости от правительственных банков. Опираясь на усилившиеся позиции в финансово-банковской сфере, правительство в ноябре 1935 г. издало чрезвычайный декрет о денежной реформе, который продолжил начатые преобразования.

Единственным законным платежным средством объявлялись банкноты указанных выше трех государственных банков, получивших монопольное право на их эмиссию. Серебряный стандарт отменялся. Курс юаня устанавливался на основе золотого паритета в размере 14,5 английских пенсов за один юань. Реформа еще более укрепила позиции правительственных банков и несколько стабилизировала китайскую валюту и денежный рынок.

Укрепление положения национальной валюты и стабилизация китайского денежного рынка весьма благоприятно сказалось на развитии китайской экономики и банковского дела. Денежная реформа 1935 г. укрепила положение государственных банковских институтов, превратила их в ведущую силу. В 1935 г. активы четырех правительственных банков (включая Центральный банк) выросли на 61 %, вклады на 16 %, выпуск банкнот — на 66 %, в 1936 г. перечисленные показатели составили 125, 111 и 211 % соответственно. В 1936 г. на их долю приходилось около 60 % активов и вкладов всех банков Китая [4].

Реформа ужесточила условия деятельности иностранных банков в Китае. Многие иностранные банки были вынуждены свернуть деятельность, ограничив ее кредитованием внешнеторговых операций. В этот период заметно усилилась роль Центрального банка. Он в большей степени стал играть роль «банка банков». Правительственные банки повысили свою роль в банковской системе Китая и потеснили иностранные банки. Однако полностью освободиться от влияния иностранного капитала в тех условиях правительству Чан Кайши было невозможно, так как общий объем иностранных капиталовложений и займов к 1936 г. достиг 4,4 млрд дол. США [3].

Период 1930-х гг. для Китая характеризовался формированием государственного сектора экономики, который включал бюрократический финансовый капитал. Банковско-финансовая деятельность перед Второй мировой войной стала в Китае сферой очень доходного предпринимательства. Банки зарабатывали на операциях, связанных с финансированием правительства по содержанию армии, полиции и государственного аппарата, сделках с недвижимостью и т. п.

После Второй мировой войны в КНР начались серьезные преобразования банковского сектора, важнейшим из которых стало создание Народного банка Китая.

Народный банк Китая (НБК) был создан 1 декабря 1948 г. путем слияния Народного банка Северного Китая, Народного Бэйхайского банка и Северо-Западного крестьянского банка. Изначально на НБК были возложены следующие функции:

- выполнение операций государственного казначейства;
- контроль над частными кредитами;
- размещение государственных займов;
- контроль над операциями с иностранной валютой и драгоценными металлами.

Эта система со временем претерпела ряд изменений. Наиболее существенным стало то, что с сентября 1983 г. в соответствии с решением Центрального народного правительства — Государственного совета КНР — НБК выполняет функции центрального банка КНР и не занимается промышленно-торговыми кредитами и сбережениями. Его капиталы полностью финансируются государством и являются государственной собственностью. НБК управляет государственной казной и может по поручению финансовых ведомств Государственного совета начать эмиссию и реализацию кредитно-денежным организациям облигаций государ-

ственного займа и других правительственных облигаций, а также может открывать счета кредитно-денежным организациям, но не должен производить овердрафт по их счетам. НБК организует систему расчетов между кредитно-денежными организациями и предоставляет услуги по осуществлению расчетов. Кроме того, в соответствии с потребностями реализации денежной политики НБК может принимать решения по объемам, срокам, процентным ставкам и формам кредитования коммерческими банками (срок кредита при этом не должен превышать одного года) [3].

НБК регулирует деятельность кредитно-денежных организаций и осуществляет надзор за их операциями. Он рассматривает вопросы создания, преобразования, прекращения деятельности кредитно-денежных организаций и утверждает перечень проводимых ими операций, а также осуществляет руководство и контроль в отношении кредитно-денежных операций государственных банков.

Среди многочисленных полномочий НБК особого внимания заслуживает так называемое принятие управления коммерческим банком. Если коммерческий банк находится в кризисном состоянии или под угрозой кризиса доверия, серьезно влияющего на интересы вкладчиков, то НБК может принять на себя управление данным банком.

Принимая на себя управление коммерческим банком, НБК начинает проводить по отношению к нему необходимые меры, призванные защитить интересы вкладчиков и восстановить способность коммерческого банка к нормальному хозяйствованию. Принятие управления прекращается либо по истечении установленного решением НБК срока управления, либо после восстановления способности коммерческого банка к нормальной хозяйственной деятельности, либо при слиянии коммерческого банка или объявлении его банкротом в соответствии с законом до истечения срока управления.

Деятельность НБК в качестве Центрального банка достаточно быстро привела к положительным изменениям и позволила начать новую реформу в банковском секторе КНР.

Реформа банковской сферы КНР была осуществлена в три этапа:

1 этап – 1978–1983 гг.

2 этап – 1984–1993 гг.

3 этап – 1994 г. по настоящее время.

Первый этап реформы был направлен на восстановление банковско-кредитных институтов. Так, было принято постановление об упорядочении и укреплении работы банков. Народный Банк был

приравнен к министерствам и комитетам и стал выступать в качестве важнейшего финансового института, представлявшего собой денежный, кредитный, расчетный и кассовый центр страны. Были восстановлены Народный строительный банк Китая и Сельскохозяйственный банк Китая. В финансовую систему КНР вернулась кредитная кооперация. Сельские кредитные учреждения ввели денежные счета, кредитовали предприятия и индивидуальные хозяйства, находящиеся в сельской местности.

Однако изменения в финансовой системе Китая происходили и в связи с принятым курсом на открытую внешнеэкономическую политику. Изменилось положение Банка Китая. В 1980 г. устав был пересмотрен и банк объявлен государственным. Уставный фонд Банка Китая увеличился с 400 млн юаней до 1 млрд были расширены его функции. Банк вел международные расчеты по внешней торговле и неторговым операциям, сберегательные и кредитные операции в отношениях с международными банками, переводные операции с зарубежными странами, сберегательные, кредитные и другие операции в иностранной валюте, а также международные операции с золотом, организовывал займы международных консорциумов или участвовал в них. Банк Китая получил право выпуска в иностранной валюте облигаций и других ценных бумаг, а с 1981 г. эмитировал кредитные карточки. Также был организован целый ряд специализированных учреждений, призванных регулировать внешнеэкономическую деятельность: способствовать притоку инвестиций, вовлечению иностранного капитала в финансирование и кредитование предприятий [3].

Проведенные преобразования были нацелены, главным образом, на изменение прежней системы с характерной для нее централизацией доходов и расходов. Банковско-финансовая система стала более сложной, структурированной, эффективной. Усилилось воздействие кредитно-финансовых рычагов на экономическое развитие.

Основными чертами второго этапа реформы банковской системы в Китае являлись:

- строгий контроль над денежной эмиссией;
- ограничение краткосрочного межбанковского кредитования;
- повышение процента по сберегательным вкладам;
- пресечение всех видов незаконной аккумуляции средств населения;
- строгое ограничение общих объемов кредитования;
- введение мер ответственности специализированных банков за выплаты по сберегательным вкладам;

— соединение реформы банковской сферы с инвестиционной реформой и др.

Так, были существенно ограничены полномочия Народного Банка Китая и расширены возможности специализированных банков. Банковская система Китая стала быстро расширяться. Организовывались ведомственные, региональные и даже частные банки. Создавались кредитные кооперативы и кредитные кассы.

В связи с принятыми «Правилами управления иностранными банками и китайско-иностранскими банками СЭЗ КНР» возникло большое количество отделений иностранных банков, однако их деятельность была регламентирована. Но даже очень жесткие ограничения не стали препятствием для иностранных банков. К середине 90-х годов число иностранных банковских представительств превысило три сотни.

За десять лет экономических преобразований были сформированы основы денежно-кредитной политики, возросла роль кредита. Расширились права банковских учреждений, появились новые виды банковских операций. В стране были созданы основы фондового рынка. Активизировалась международная деятельность китайских банков, а иностранные банки получили возможность оперировать в КНР.

В 1980-е годы в Китае была создана двухуровневая банковская система. Из единственного банка страны – Народного банка Китая – были выделены три специализированных банка:

- Сельскохозяйственный банк Китая (СХБК);
- Банк Китая (БК);
- Строительный банк Китая (СБК).

Банк Китая (Bank of China) был уполномочен осуществлять валютные операции. Остальные два занимались обслуживанием соответственно сельского хозяйства и строительства.

В 1984 году был создан четвертый специализированный банк – Промыленно-торговый банк Китая (ПТБК). Таким образом, Народный банк Китая стал настоящим центральным банком (хотя некоторые операции по кредитованию предприятий он еще выполнял).

«Большая четверка» банков продолжала заниматься кредитованием государственных предприятий и национальных проектов на основе прямых директив. При этом сам Народный банк Китая (НБК) не был независимым учреждением. Он являлся министерством, подчиненным Государственному совету КНР.

В конце 1980-х годов банки получили право устанавливать процентные ставки по кредитам в определенных границах по от-

ношению к центральной ставке (установленной НБК). Процентные ставки по депозитам при этом оставались жестко фиксированными.

До 1995 г. в основе кредитной политики банков находились национальные приоритеты, определяемые государственными органами. Соответственно, кредиты выдавались не на коммерческой основе, без оценки рыночной эффективности. Да и сами коммерческие банки в условиях кредитной экспансии первой половины 1990-х гг. нередко не уделяли должного внимания оценке заемщика. Эта политика привела к накоплению т. н. «плохих» долгов в размере 4 трлн юаней в конце 90-х гг. (примерно 480 млрд дол. США, или около половины ВВП 1999 г.). По некоторым оценкам, доля «плохих» кредитов в совокупном кредитном портфеле китайских банков достигала 50 % в 1998 г. Ничего подобного не было ни в одной крупной стране мира за послевоенный период. В связи с этим, правительство КНР разработало программу оздоровления банковской системы. В рамках этой программы были выпущены специальные казначейские облигации на сумму 270 млрд юаней (примерно 33 млрд дол. США), средства от которых пошли на рекапитализацию государственных банков [3].

Очередной этап реформирования китайской банковской системы начался в конце 2003 г. и был связан с необходимостью повышения её конкурентоспособности в связи с полной отменой ограничений на деятельность иностранных банков на территории страны в конце 2006 г. в соответствии с условиями вхождения в ВТО.

Главными задачами третьего этапа явились существенное обновление банковской системы, придание ей большей гибкости, динамизма, уменьшение зависимости от центральных властей, приближение к мировым стандартам. Реализация поставленных задач обеспечивалась подготовкой нормативно-правовой базы. В 1995 г. были приняты новые законы о Народном банке Китая, о коммерческих банках, о залоге, о векселях.

Закон о Народном банке Китая 1995 г. свидетельствовал об усилении позиций центрального банка в комплексной реформе народного хозяйства, закладывал правовую основу финансовой перестройки и создания современной банковской системы. Принятие закона и практические шаги по его реализации ознаменовали существенный успех в деле строительства рыночной экономики.

Что касается коммерческих банков, то они нуждались в некоторых преобразованиях, так как они на момент начала проведения третьего этапа реформы являлись весьма далекими от тех коммер-

ческих банков, что были признаны мировой практикой. Правительство Китая считало, что в результате преобразований в основе структуры коммерческих банков должна лежать следующая схема: ядро системы коммерческих банков должно состоять из нескольких коммерческих банков общекитайского масштаба, полностью принадлежащих государству, а вокруг ядра должно было образоваться большое число акционерных, городских и сельских кооперативных банков. И в рамках этой схемы в 1994 г. был образован Государственный банк развития (ГБР) на основе слияния шести инвестиционных групп Госплана.

Важным для реформы банковской системы стало преобразование четырех специализированных банков (Промторгбанка, Строительного банка, Сельскохозяйственного банка и Банка Китая), контролирующих 80 % банковского сектора страны, в коммерческие банки. Преобразования банковской системы затронули и внутреннюю структуру банков. Была частично ликвидирована и упрощена система отделений многих банков. Все эти отделения банков были в течение ряда лет убыточными, при низком объеме операций.

В мае 1995 г. был принят Закон КНР о коммерческих банках. Под коммерческими банками подразумеваются являющиеся юридическими лицами предприятия, созданные на основании этого закона и Закона КНР о компаниях и занимающиеся привлечением депозитов, кредитованием, расчетами и другими финансовыми операциями.

В конце 90-х гг. перед ведущими банками Китая ставятся задачи экспансии на зарубежные рынки. Руководство страны специально поддержало эти банки в 1998 г., проведя их рекапитализацию, снижая нормы обязательного резервирования, давая им возможность списать значительные суммы безнадежных долгов.

Закон был призван защищать интересы коммерческих банков, вкладчиков, регулировать нормативность в деятельности банков, повышать качество кредитных активов, усилить надзор за порядком в кредитно-финансовой сфере, содействовать социалистической рыночной экономике. Этот закон обеспечил дальнейшую либерализацию банковской системы, заложив правовые нормы перехода крупнейших специализированных банков на коммерческую основу.

С 1999 г. Китай отменил ограничения для иностранных финансовых учреждений, позволяя им работать в масштабе всей страны. Иностранные банки теперь могли создавать свои филиалы во всех

крупных городах Китая. При этом доли стратегических инвесторов относительно невелики, а их управленческое участие минимально. Доля одного иностранного инвестора в китайских банках ограничена 20 % (всех иностранных – 25 %). Сделки оформлены таким образом, что одному инвестору не принадлежит более 10 % капитала. Фактически только в одном китайском банке иностранному учреждению принадлежит контроль благодаря большой распыленности акционерного капитала (Newbridge Capital LLC, с 18 % долей в Банке развития Шэньчжэня). Это сознательная политика правительства Китая, стремящегося не допустить контроля иностранцев над ведущими банками страны, но при этом понимает, что необходимо получить опыт и инновационные финансовые продукты от иностранных банков для укрепления национальной банковской системы [2].

Общая либерализация контроля за банковско-финансовой системой в Китае сопровождается поощрением конкуренции между финансовыми структурами. К числу существенных позитивных перемен можно отнести и возросший уровень технического обеспечения финансовых учреждений, применение ими новейших механизмов в ведении дел.

Реформа банковского сектора на третьем этапе включала следующие мероприятия:

- отмену кредитных планов;
- снижение государственного вмешательства в распределение кредитных ресурсов;
- частичное дерегулирование процесса допуска в отрасль (создания новых банков);
- частичное дерегулирование процентных ставок и постепенное ужесточение требований отчетности и норм пруденциального надзора.

В результате проведения реформы в стране стали быстро создаваться новые банки. В 1995 году был создан первый национальный частный банк, Миншэнг банк (Minsheng Bank). Из других банков можно назвать Банк развития Гуандонга (Guangdong Development Bank), Банк развития Шанхая (Shanghai Development Bank), Банк развития Шэньчжэня (Shenzhen Development Bank), Промышленный банк Фуцзяня (Fujian Industrial Bank), Жилищно-сберегательный банк Янтай (Yantai Housing Saving Bank), Жилищно-сберегательный банк Бенгбу (Bengbu Housing Saving Bank).

В создании этих банков заметную роль играли провинциальные органы власти, что было связано с тем, что после того как

государственные коммерческие банки стали более независимы в своей деятельности, возникли проблемы в финансировании проектов местного значения.

В настоящее время в Китайской Народной Республике действует двухуровневая банковская система. На первом уровне находится центральный банк, а на втором – специализированные государственные банки и обширная сеть коммерческих банков. При этом отдельные депозитные, кредитные и расчетные операции могут осуществляться так называемыми городскими и сельскими кредитными кооперативами, а также городскими кредитными банками. Функциями центрального банка наделяен Народный банк Китая.

В соответствии с определением Государственного комитета КНР по контролю и управлению банковскими делами к банковско-финансовым организациям Китая относятся:

- политические банки;
- государственные коммерческие банки;
- акционерные коммерческие банки;
- городские банки;
- аграрные кредитные кооперативы;
- другие финансовые учреждения.

Структура современной банковской системы КНР представлена в табл. 2.3.1.

Функции Центрального банка возложены на Народный банк Китая, основными из них являются:

- формирование установленных пропорций требований отчислений в депозитный резервный фонд от кредитно-денежных организаций;
- определение базовой процентной ставки центрального банка;
- осуществление переучета векселей кредитно-денежных организаций, открывших счета в НБК;
- предоставление кредитов коммерческим банкам;
- покупка и продажа на открытом рынке облигаций государственного займа, других правительственных облигаций и валюты.

Реализуя свои контрольные полномочия, НБК имеет право:

- проводить ревизию, проверку и контроль кредитно-денежных организаций по вопросам состояния депозитов, кредитов, расчетов, безнадежных долгов;
- осуществлять проверку и контроль в том случае, если кредитно-денежные организации повышают или понижают процентную ставку по депозитам или кредитам, нарушая установленные нормативы;

Таблица 2.3.1

Структура банковской системы КНР

Статус банка	Банки, входящие в эту группу
Центральный банк	Народный банк Китая
Политические банки	Государственный банк развития Экспортно-импортный банк Китая Банк Китая по развитию сельского хозяйства
Государственные коммерческие банки	Промышленно-торговый банк Китая (ICBC) Банк Китая (COC) Строительный банк Китая (CCB) Сельскохозяйственный банк Китая (ABC) Банк связи (COCOM)
Акционерные коммерческие банки	Более 150 акционерных коммерческих банка
Городские банки	Банки крупных городов (банки Шанхая, Пекина и др.)
Другие финансовые учреждения	Городские и сельские кредитные кооперативы Сельские коммерческие банки Инвестиционные траст-компании Финансово-кредитные компании Иностранные банки

Составлено по материалам: [3]

– требовать от кредитно-денежных организаций предоставления в установленном порядке данных об активах и пассивах, доходах и убытках и других сведений и материалов финансово-учетного характера.

Три специализированных государственных (их принято называть политическими) банка:

Государственный банк развития;

Экспортно-импортный банк Китая;

Банк Китая по развитию сельского хозяйства.

Эти банки не принимают депозиты, а занимаются кредитованием долгосрочных проектов за счет выпуска облигаций и кредитов других банков.

Доминирующее положение в банковском секторе занимают пять государственных банков. Еще в конце 1990-х их доля в активах достигала 60–70 %. К 2007 году она снизилась, но, тем не менее, превышает половину всех активов кредитных институтов. Среди крупнейших банков КНР в настоящее время выделяются:

Промышленно-торговый банк Китая (ICBC) – крупнейший банк страны, который первоначально отвечал за кредитование промышленности.

Банк Китая (BOC) – второй крупнейший и наиболее прибыльный банк (традиционно он отвечал за валютные операции и финансирование внешней торговли). Имеет широкую сеть зарубежных филиалов и дочерних компаний.

Строительный банк Китая (CCB), традиционно основная сфера деятельности – кредитование строительства инфраструктурных объектов.

Сельскохозяйственный банк Китая (ABC), как следует из названия, занимался в первую очередь кредитованием сельского хозяйства и развития аграрного сектора.

Банк связи (BOCOM), основанный в 1985 году, вошел в группу государственных банков в 2007 году, ранее относился к категории акционерных коммерческих банков.

В настоящее время все банки «Большой пятерки» являются диверсифицированными коммерческими банками, работающими в различных областях. Общая величина активов превышает 4 трлн дол США. У них более 200 тыс. отделений и около 1,5 млн сотрудников.

Следующая группа банков (около 14 % активов) в китайской статистике называется «акционерные коммерческие банки» (хотя четыре из «Большой пятерки» также акционерные). Почти все эти банки с государственным контролем. Количество городских коммерческих банков выросло за 2003–2010 гг. с 80 до 124, городских и сельских кооперативов, наоборот, сократилось в несколько раз.

Иностранные банки представлены 440 учреждениями (включая отделения, количество удвоилось за 2003–2007 годы), из которых 29 – главные компании. В конце 2006 года, согласно условиям вхождения в ВТО, Китай полностью открыл доступ иностранных банков на национальный рынок, и их количество возросло [5].

В настоящее время экономическая модель Китая представляет собой ярко выраженную «bank-based model» (модель с преобладанием банковского финансирования компаний в противовес «marketbased model», когда в финансировании доминирует фондовый рынок). Однако государством осознается важность повышения роли фондового рынка в финансировании экономики. До тех пор, пока большинство компаний продолжают опираться на банковские кредиты, невозможной является масштабная трансформация банковских ресурсов в инвестиции на фондовом рынке. Таким образом, в банковской системе образуется чрезмерная концентрация рисков. Тем не менее, в последние годы наметилась тенденция постепенного увеличения доли фондового рынка в финансировании хозяйства и есть основания полагать, что она

сохранится в перспективе. В частности, в период с 2003 по 2009 годы показатель отношения финансирования через фондовый рынок к банковскому кредитованию вырос с 14,9 до 21,1 % [6].

Особенностью банковской системы Китая является полное доминирование государственных банков (или банков с государственным капиталом). Доля частных банков в активах не превышает нескольких процентов. Проводимая в последние годы политика по изменению структуры собственности в ближайшее время не приведет к радикальным изменениям в её структуре.

В Китае продолжается широкомасштабная реформа банковской системы, которая является составной частью комплексной экономической реформы. За это время появилось много новых банков и небанковских финансовых учреждений.

Мировая практика показывает, что по мере развития банкам КНР предстоит острая конкурентная борьба с другими небанковскими финансовыми учреждениями. Китайской банковской системе уже сейчас необходимо уделить особое внимание все обостряющейся конкуренции со следующими учреждениями:

государственной почтовой службой Китая, принимающей денежные срочные вклады населения и занимающей свою долю сберегательного рынка;

негосударственными кредитными компаниями, выпускающими кредитные карточки в большом количестве.

Таким образом, на современном этапе в банковской сфере Китая еще остается немало острых проблем, требующих решения. Главные из них:

- расширение перечня банковских операций;
- решение проблемы безнадежных кредитов, а именно ликвидация главной причины, вызывающей их появление, то есть обязанность банков выполнять распоряжения государственных органов и финансировать указанные им проекты. Облигации государственных компаний для управления безнадежными кредитами не имеют гарантии государства о выкупе, хотя они являются государственными финансовыми учреждениями, а значит, их облигации должны получить государственную поддержку;
- обострение конкуренции на местном финансовом рынке в связи со вступлением КНР в ВТО и либерализацией банковского сектора.

Монополистическая позиция государственных коммерческих банков на финансовом рынке Китая постепенно снижается, хотя китайские власти не отказываются от контроля над своей финансовой системой. Основной гарантией низкой уязвимости

экономики КНР от потрясений на глобальных денежных рынках остается простота и консервативность финансовой системы. Национальная валюта (жэньминьби, или юань) остается неконвертируемой по большинству счетов движения капитала. Специализированная банковская система ограничивает образование «экономики мыльного пузыря». Ограничиваются государством и спекулятивные тенденции в секторе недвижимости, а также нелегальный приток денег в китайскую финансовую систему. Вышеупомянутые три банка развития обеспечивают широкий фронт финансирования крупных долгосрочных объектов.

Все эти обстоятельства формируют вполне определенное отношение Китая к современной финансовой архитектуре. В банковской сфере Китая мировой кризис сказывается менее заметно, чем в США, ЕС и Японии. По мнению многих экспертов, китайская банковская система является достаточно стабильной, поскольку банки имеют мощную поддержку со стороны государства, их финансовая политика консервативна и займы они предоставляют, прежде всего, государственным компаниям, которые, в свою очередь, также могут рассчитывать на государственную поддержку. К тому же банковская система КНР меньше зависима от рынка недвижимости, чем системы западных стран.

Кроме того, в течение последних 30 лет постоянное реформирование и модернизация экономики КНР стали там уже чем-то вполне привычным и даже обязательным. Может быть, именно этим объясняется быстрое и конструктивное принятие китайским руководством антикризисной программы и практически мгновенный переход к ее реализации.

Экономический кризис, к которому страна оказалась наиболее подготовленной, помогает Китаю успешно соревноваться с мировыми экономическими лидерами. Рост экономики Китая происходит на фоне рецессии остальных крупнейших экономик. Экономисты сходятся во мнении, что ВВП Китая и дальше будет расти с опережением. К 2027 году экономика КНР может обойти американскую и станет крупнейшей в мире. Без сомнения, свой весомый вклад в это внесет банковская система Китая.

Список использованной литературы

1. Перспективы иностранных банков в Китае // Бюл. иностр. коммер. информ. – 2009. – № 23. – С. 16.
2. Чжоу Сяочуань. Денежно-кредитная политика, реформы финансовой

- системы и устойчивый экономический рост в Китае / Сяочуань Чжоу // Деньги и кредит. – 2009. – № 7. – С. 32–35.
3. Шепенко Р. А. Банковская система Китайской Народной Республики / Р. А. Шепенко // Банк. дело. – 2009. – № 1. – С. 28–34.
 4. China Council for Promotion of International Trade [Electronic resource]. – Way of access : www.ccpit.org
 5. China Securities Regulatory Commission Annual Report [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.csrc.gov.cn>
 6. Central Asia Times [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.asiatimes.ru/top2009/china.htm>

Раздел 2.4. Формирование инновационного сектора в Китае: особенности государственной инновационной политики

В условиях острейшей конкуренции на международных и национальных рынках создание инновационной системы экономики становится главным фактором конкурентного преимущества в мировой экономике и базой для качественного и устойчивого роста.

Национальная инновационная система включает целый ряд взаимосвязанных элементов, среди которых центральным звеном является правительство. Роль правительства заключается не только в создании политических условий и организации инфраструктурного строительства, его учреждения в качестве самостоятельных элементов входят в государственную систему инноваций. При этом правительство не осуществляет прямого вмешательства в инновационную деятельность.

К основным элементам национальной инновационной системы экономики относят:

- зрелую рыночную систему с современными рыночными институтами и инфраструктурой, обеспечивающими в рамках правового поля здоровую конкурентную борьбу за прогресс и совершенство;

- грамотное и целенаправленное участие государства в формировании национальных и транснациональных инновационных сетей, финансировании НИОКР, прежде всего фундаментальных;

- сферу образования, в первую очередь университеты, готовящие профессиональных и творческих специалистов, которые способны не только воплощать в жизнь идеи конструкторов и

изобретателей, но и самим быть изобретателями и первооткрывателями;

— самих «инноваторов», то есть АН, НИИ, КБ, научные центры фирм и корпораций, научные лаборатории, независимые исследователи. Все они изобретатели инноваций, инноваторы № 1;

— производителей, создателей инноваций. Это малые и средние инновационные фирмы, крупные корпорации, ТНК, экспортеры. Все они инноваторы № 2;

— потребителей или пользователей инноваций, предъявляющих на них свой платёжеспособный спрос. Это частные фирмы-потребители, государство, продавцы новой техники и технологий, ТНК, импортёры инноваций и т. д.;

— фонды в виде благотворительных и венчурных фондов, гранты, инвестиционные банки, частные и государственные инвесторы и прочее;

— защитников интеллектуальной собственности в виде национального и международного законодательства, патентные агентства, экспертные сообщества и т. д.

Все перечисленные элементы объединяются в национальные инновационные сети и территориальные кластеры, часто на базе неформальных, чисто коммерческих, партнёрских контактов с использованием совместных проектов и средств их технического, производственного воплощения в новых продуктах в виде новых товаров и услуг.

В 1998 году под редакцией президента АН Китая академика Лу Юнсяна была опубликована книга «Инновация и будущее - государственная инновационная система перед лицом эпохи экономики знаний». Это было первое в КНР обобщение теоретических исследований в области национальной системы инноваций.

Согласно данной книге, национальная инновационная система включает три блока – производство, науку и управление. Производство подразумевает предприятия (технологические инновации); наука – научные организации, включая высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения (инновация знаний); управление – имеется в виду центральное правительство и органы власти на местах (институциональная инновация).

С точки зрения соотношения совокупных затрат, которые несет общество на развитие национальной инновационной системы, и их социально-экономических результатов особый интерес представляет развитие инновационной политики в КНР. При сравнительно небольших абсолютных масштабах государствен-

ных ассигнований на науку и технологии, государственное участие в процессе ускорения НТП год от года становится в КНР все более методичным и комплексным. Хотя доля госсредств в инвестициях на науку и технологии в последнее время снижается, усилия правительства по ускорению инновационного развития страны нарастают.

Идеологической базой инновационной политики КНР считается теория технического прогресса Дэн Сяопина. Согласно этой теории наука и технологии являются важнейшими производительными силами, при этом, во-первых, работники интеллектуального труда, включая научно-технологических специалистов, относятся к рабочему классу и их таланты должны вознаграждаться и, во-вторых, реформа системы управления наукой и технологиями, подобно реформе экономической структуры, направлена на высвобождение (либерализацию) производительных сил.

Инновационную политику следует понимать как комплекс мер государственного регулирования экономических отношений по всей цепочке создания, распространения и использования новых знаний. Инновационную политику в КНР можно рассматривать в контексте пошаговой либерализации экономических отношений в экономике Китая. Рассмотрим цели, методы инновационной политики, институциональную организацию инновационной деятельности в стране, а также основные результаты каждого периода развития инновационной политики.

Для дореформенного этапа (1975–1978 гг.) было характерно преодоление концептуальных идеологических барьеров в части управления инновационной деятельностью. Важнейшим инструментом инновационной политики были прямые государственные заказы на научные исследования (для научных организаций) и на закупку иностранных технологий, как правило, в виде комплектов оборудования (для промышленных предприятий). Сектор высшей школы практически не привлекался к выполнению операций с новым знанием, осуществляя лишь функцию подготовки кадров. Поэтому в 1970-х гг. до 40 % научных тем, разработанных в КНР, дублировали исследования, по которым за рубежом уже были получены результаты, и многие научно-исследовательские учреждения на конечной стадии разработок сталкивались с конкуренцией со стороны импортируемых готовых аналогов.

Главной особенностью «экспериментальной» стадии (1978–1985 гг.) были пробные эксперименты по организации взаимодействия на хозрасчетных началах между государственными

агентствами и основными институциональными секторами, внутри институциональных секторов, а также институциональных секторов друг с другом (главным образом, промышленных предприятий с научными организациями). Эксперименты осуществлялись в контексте начавшейся общей реформы экономической системы, что нашло отражение в технологическом дуализме. Наряду с признанием существования нескольких экономических укладов, руководство страны объявило о формировании многоуровневой технологической системы, сохраняющей комбинации традиционных и высоких технологий. Произошла определенная либерализация источников финансирования исследований и разработок, а частичное снятие госконтроля в сфере внешнеэкономической деятельности позволило ряду предприятий промышленности самостоятельно закупать за рубежом необходимое оборудование и технологии. Были открыты для иностранного капитала специальные экономические зоны, а затем и большинство крупнейших прибрежных городов. В результате в стране появился новый тип реальных инвестиций, индуцированных частнопредпринимательскими интересами как противовес централизованным вложениям государства. Важно и то, что руководство страны получило уникальный источник эмпирического опыта, основанный на «восходящих» пробных реформах управления инновациями снизу вверх.

Этап структурных реформ (1985–1995 гг.) имел большое значение для формирования системы частногосударственного партнёрства в сфере инноваций. В это время произошла ломка централизованного механизма сплошного финансирования науки по широкому фронту исследований, была внедрена проектная (грантовая) система поддержки науки, произошла селекция научно-исследовательских организаций. Фактически в этот период произошло распространение рыночных преобразований хозяйственного механизма на сферу науки и технологий. Введение системы контрактной ответственности на предприятиях повысило заинтересованность менеджеров в увеличении рентабельности, в том числе за счёт внедрения новых технологий. К 1988 г. треть всех НИИ стала частью крупных промышленных предприятий. К середине 1990-х гг. государственное финансирование науки, ранее дефицитное, стабилизировалось и заметно увеличилось для «фундаментальных» НИИ, частные наукоёмкие предприятия начинают создаваться на базе, вместо НИИ и вузов, в стране формируется рынок объектов интеллектуальной собственности. В тече

ние данного десятилетия правительство Китая впервые столкнулось с технико-экономическими ограничениями частнопредпринимательских вложений в сфере разработки и внедрения новых технологий как серьёзным вызовом для инновационной политики. Оказалось, что ориентированный на прибыль хозяйствующий субъект не склонен увеличивать технологический размер инноваций, если это противоречит целям максимизации ожидаемой прибыли. Кроме того, сохранение старой организационной схемы, когда менеджеры не обладают правом собственности на активы предприятия, способствовало улучшению экономических показателей деятельности лишь в краткосрочном периоде, причем, в том числе, за счет научно-инновационного потенциала будущих лет.

В рассматриваемый период в Китае начинается накопление опыта широкомасштабных рыночных нисходящих преобразований «сверху вниз», разрабатываются и внедряются международные стандарты статистического наблюдения научно-технологической деятельности.

На этапе 1995–2005 гг. на фоне быстрого экономического роста и усиления технологической конкуренции на внешнем и внутреннем рынке происходило углубление реформы инновационной политики Китая. Разработанная в 1995 году среднесрочная программа: «Девятый пятилетний план экономического и социального развития и перспективная программа до 2010 года» (далее – «программа 2010») стала линией старта по направлению к инновационной экономике.

Этой рамочной программой предусматривалось осуществление двух стратегических переходов: от плановой экономики к «социалистической рыночной» и от экстенсивного способа роста к интенсивному. Реализация последнего стратегического проекта предполагала глубокую научно-техническую реконструкцию машиностроения, развитие наукоемких производств, информатизацию большинства традиционных отраслей народного хозяйства на базе зарубежных научных исследований и собственных НИОКР. Иными словами, декларировался переход страны на инновационный путь развития, этапы которого отражены в «стратегии трех шагов» (табл. 2.4.1).

На основе «первого шага» (к 2000 г.) отдельные виды китайской продукции (до 35 %) по уровню конкурентоспособности вышли на общемировой уровень. «Второй шаг» (2001–2010 г.) предполагал приблизить индустрию высоких технологий к мировому;

«третий шаг» (2011–2050 гг.) — «встать в один ряд» с мировыми научно-техническими державами.

В КНР, как и в развитых странах, основная часть ассигнований на НИОКР поступает из частного сектора. Доля бюджетных вливаний в процентном отношении там уменьшается, а инвестиции от предприятий, банков, а также от иностранных ТНК, которые открыли в Китае свои исследовательские центры, постоянно растут. По итогам 2005 года, всего четверть ассигнований на исследования и разработки приходилась на бюджет, две трети — на китайский бизнес и около 10 % — на иностранные инвестиции.

Сопоставительный анализ объемов освоения средств различными субъектами научных исследований показывает, что главными потребителями инвестиций являются крупные госкорпорации (около 70 %); на втором месте — отраслевые НИИ и КБ (почти 20 %); на вузовский сектор приходится 10 % общего финансирования НИОКР.

Таблица 2.4.1

«Стратегия трех шагов» в развитии науки и техники в КНР

Показатели	1-й шаг — 2000 г.	2-й шаг — 2000–2010 гг.	3-й шаг — 2010–2050 гг.
Уровень экономического развития	Рост ВВП на душу населения в 4 раза против 1980 г.	Рост ВВП на душу населения в 2 раза против 2000 г.	Рост ВВП на душу населения в 2 раза против 2010 г.
Доля вклада предприятий в НИОКР	30 %	50 %	60 % — 80 %
Доля добавленной стоимости сферы информатики в ВП промышленности	35 % — 50 %	50 %	Нет прогноза

Источник: [11].

Благодаря активному инвестированию предпринимательского сектора растет наукоёмкость ВВП. Китайское государство параллельно провело пошаговую приватизацию промышленных предприятий и научных организаций, были законодательно оформлены и значительно расширены возможности по коммер-

реализации вновь созданных технологий для государственных вузов. Получили развитие новые формы прямого государственного финансирования инноваций, охватывающие дополнительные участки инновационного цикла, внедряются специфические налоговые льготы для высокотехнологичных производств. Намного расширяется участие иностранного капитала в технологической модернизации страны, в том числе во внутренних регионах за счёт снятия ряда регионально-отраслевых ограничений. В структуре реальных инвестиций в инновации усилилось вытеснение капитальных вложений инвестициями в нематериальные активы. Накопление китайским руководством практического опыта реализации инновационной политики происходило особенно быстро благодаря интенсификации освоения зарубежного опыта, расширению международных контактов через членство в ВТО и участие в программах ОЭСР.

Сильной и поучительной стороной китайской модернизации является детальная проработка отдельных ее аспектов, определяющих приоритеты в фундаментальных исследованиях, основное поле технологического обновления, динамику внедрения высоких технологий. В настоящее время в КНР осуществляются следующие программы в области научно-технического развития и укрепления отдельных составляющих научно-технического потенциала.

Государственная программа НИОКР в области ключевых технологий (Key technologies R&D program). Государственная программа НИОКР в области ключевых технологий начала осуществляться в 1982 году с целью обеспечения выполнения стратегической задачи: «Экономическое строительство должно опираться на науку и технику». Цель программы – соединение финансовых и человеческих ресурсов в области развития техники, что является решающим для национальной экономики и социального развития и что в большой мере будет определять степень влияния на развитие национальной экономики и общества в будущем.

Программа НИОКР в области высоких технологий (программа 863) (High-Tech Research and Development Program). Основные направления были утверждены в августе 1986 года. В программе 863 намечено семь главных областей будущего развития новейших технологий: биотехнология, космическая техника, информатика, лазерная техника, робототехника, энергетика и новые материалы.

Государственная программа приоритетных направлений фундаментальных исследований (National Basic Research Priorities

Program). Принята в 1991 году. Ее цели: подготовка квалифицированного персонала, рост уровня и расширение возможностей исследователей; консолидация ученого сообщества в основных областях фундаментальных исследований и вновь возникающих направлениях в науке и технике при условии достижения уровня мирового развития в основных областях исследований; укрепление способности нации справляться с важными проблемами экономического и социального развития, проводя всеобъемлющие исследования в области сельского хозяйства, энергетики, сырья, информации, а также народонаселения, медицины, ресурсов, окружающей среды, биологии и защиты от крупномасштабных стихийных бедствий. Определен следующий порядок приоритетов: новые области исследований, широкое применение результатов которых может придать значительный импульс экономическому и социальному развитию; области, в которых исследуются национальные интеллектуальные и естественные ресурсы, а также геологические особенности; научные центры, занимающие прочные позиции и находящиеся на уровне передовых мировых стандартов или приближающиеся к ним.

Программа развития фундаментальных исследований (план 973). Принята в марте 1997 года. Сосредоточена на решении важных стратегических проблем и ориентирована на поддержку тех фундаментальных исследований, которые отвечают насущным потребностям страны, способствуют утверждению науки на передовых позициях и затрагивают проблемы долгосрочного развития Китая.

Программа «Искра» (Spark Program). Принятая китайским правительством программа «Искра» является программой, нацеленной на обеспечение экономического развития в сельских районах на основе достижений науки и техники. Программа «Искра» нацелена на распространение результатов НИОКР в обширных сельских районах, на обеспечение развития социалистической, основанной на НИОКР, товарной экономики в деревне, на ускорение модернизации сельского хозяйства.

Программа «Факел» (Torch Program). Программа «Факел» является программой развития новых и высоких технологий. Она представляет собой комплекс мероприятий, нацеленных на модернизацию и развитие промышленности. В августе 1988 года Государственный Совет одобрил программу и возложил ответственность за ее организацию и осуществление на Государственный комитет по науке и технике. Руководящий орган программы «Факел» яв-

ляется одним из подразделений ГКНТ КНР. Осуществление этого плана преследует цель показать преимущества науки и техники, добиться коммерциализации результатов исследований, внедрения их в производство, интернационализации промышленности, проводить генеральную политику реформ и открытости внешнему миру, полностью реализовать китайский научный и технический потенциал. Поставлена задача создания и развития инкубаторов научно-технических предприятий. В задачи инкубатора научно-технических предприятий (он также называется центром развития и освоения высоких и новейших технологий) входят поддержка технических и научных инноваций, культивирование («выращивание») средних и малых научно-технических предприятий.

Государственная программа внедрения научно-технических достижений (National Science and Technology Achievements Spreading Program). Государственная программа внедрения научно-технических достижений была разработана в январе 1990 года. Ее целью является создание оптимальных условий для развития научно-технических достижений в национальном экономическом строительстве; быстрое получение результатов и обеспечение стабильного функционирования национальной экономики.

Программа освоения производства и оценки важнейших видов новой продукции (National New Products Program). Разработка новых видов продукции является важным звеном в интеграции науки, техники и экономики, в перестройке промышленности и ее товарной структуры. С ускорением разработки новых видов продукции связывается восстановление экономической эффективности предприятий и повышение их конкурентоспособности на внутренних и мировых рынках. Для ориентации предприятий на активную разработку новой продукции правительство КНР внесло в программу пакет преференциальной политики, включая налоги, цены, импорт и экспорт, материалы и таможенные пошлины. В соответствии с программой указанные товары нового поколения, производимые на новых технических принципах, с использованием новых концепций, нового дизайна или в улучшенном варианте, которые значительно выше по сравнению с исходным качеством материала и технологией производства, получают преимущества в виде налоговых льгот. Программа не включает товары, собранные из импортных составляющих или узлов, товары исключительно военного применения, традиционные промыслы или те, что отличаются только размерами, внешним видом или упаковкой.

Научно-техническая программа социального развития (National Social Development Research Program). Программа рассчитана на период 1996–2010 годов. Ее целевое назначение – повышение качества жизни и здоровья населения, улучшение среды обитания, регулирование отношений общества с природой, содействие научно-техническому прогрессу в социальной сфере и связанных с ней отраслях народного хозяйства. Программой охватываются: народонаселение и его здоровье, медицинское обслуживание и санитария, рациональное использование природных ресурсов и их охрана, улучшение экологии; превентивные меры против стихийных бедствий; городское и сельское строительство.

Программа строительства государственных ключевых лабораторий.

Программа развития национальных инженерных исследовательских центров.

Реализуемая в настоящее время в КНР планово-организационная деятельность в области научно-технического развития и укрепления отдельных составляющих научно-технического потенциала может быть разделена на три уровня.

Первый уровень – это группа действующих программ развития науки и техники, ориентированных на реализацию задач экономического строительства, включая Программу НИОКР в области ключевых технологий, программу «Искра», Государственную программу внедрения научно-технических достижений, Государственную программу освоения производства и оценки важнейших видов новой продукции.

Второй уровень – это программы, обеспечивающие развитие высоких технологий и модернизацию промышленности, включая программу 863 и программу «Факел».

Третий уровень – научно-исследовательские программы в области фундаментальных наук, например, Государственная программа приоритетных направлений фундаментальных исследований.

На наш взгляд, особое внимание следует остановить на инвестиционной политике КНР, поскольку импорт капитала способствует притоку высоких и, прежде всего, информационных технологий, которые в условиях глобализации мирового хозяйства являются важнейшим из факторов, способствующих завоеванию конкурентных преимуществ развивающимися экономиками.

Ни одна инновационно ориентированная власть не станет привлекать иностранный капитал в те отрасли, где можно получать большие и быстрые прибыли. Поэтому изучение различных

аспектов привлечения и использования иностранных инвестиций для осуществления инновационной трансформации экономики Китая представляется особенно актуальным.

Уже в марте 1978 г., сразу после своего возвращения к власти и за полгода до объявления курса «четырёх модернизаций», Дэн Сяопин заявил, что Китаю придется прибегнуть к внешним заимствованиям не только по причине своей отсталости (что предполагает использование догоняющей модели модернизации), но и с целью «достижения передового мирового уровня в будущем».

Начался поиск рациональных схем сотрудничества с зарубежными партнерами, которые могли бы помочь в скорой ликвидации технологического отставания от зарубежных стран. Во время визита в Японию в октябре 1978 г. китайский лидер предложил странам ОЭСР конкурировать между собой за право предоставлять его стране технологические ноу-хау. На следующий год запрет на привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) был отменен и введена первая редакция специального инвестиционного законодательства, разрешающая и гарантирующая от национализации совместные проекты с иностранным участием. Рассматривались возможности заключения сделок с иностранными компаниями по схеме современная техника в обмен на часть полученной с ее помощью продукции. Весной 1980-го года в двух приморских провинциях были образованы четыре свободные экономические зоны, которые начали абсорбировать значительные объемы ПИИ из соседних Гонконга (Сянган), Макао (Аомыня), а также Тайваня, Сингапура, Малайзии, Филиппин. ПИИ намного опередили по освоенным средствам объемы других заимствований; их доля в общем объеме иностранных капиталовложений за 1979–2003 гг. составила 71,6 %.

Роль государства в инвестиционной политике КНР заключается в:

- создании благоприятных условий для привлечения иностранного капитала;
- регулировании отраслевой и региональной структуры ПИИ;
- постепенном отказе от стратегии импортозамещения (экспорт товаров, произведенных с помощью иностранных инвесторов, стал рассматриваться не только как средство для покрытия импорта, но и как источник финансирования всей технологической модернизации);
- переориентации экспорта с трудоемкой на высокотехнологичную продукцию с высокой долей добавленной стоимости.

«Наукоемкость» экспорта закладывалась с начала реформ. Уже в первой половине 80-х гг. власти КНР старались отказаться от импорта индустриальных мощностей «под ключ» в пользу закупок отдельных фрагментов технологических ноу-хау, адресных лицензий и технической документации, необходимой для проведения самостоятельной реконструкции и обновления исследовательской и производственной базы народного хозяйства. В целом, по оценкам местных экспертов, только за счет импорта новых технологий в 80-х годах было обеспечено до двух третей прироста промышленного производства, и на реализацию поступило выше 6 тысяч новых видов продукции.

Заимствовать передовые технологии можно, во-первых, приобретая действующие компании (и их торговые марки) или исследовательские центры за рубежом, и, во-вторых, акционируя предприятия и продавая часть акций иностранным инвесторам или разрешая хозяйственную и коммерческую деятельность филиалам иностранных корпораций на своей территории. Китай с успехом использовал все эти способы.

Рассмотрим второе направление. Сюда относятся предприятия, основанные на так называемых «трех капиталах». «Первый капитал» – это предприятия, работающие на началах кооперативного хозяйствования с иностранными предпринимателями (контрактные кооперационные предприятия). «Второй капитал» – совместные предприятия, основанные на китайском и зарубежном капитале. «Третий капитал» – предприятия со стопроцентным иностранным участием (как правило, это зарубежные филиалы транснациональных корпораций).

В начале реформ (первая половина 80-х гг.) большинство иностранных инвесторов предпочитали реализовывать в Китае преимущественно краткосрочные цели. В этот период правовой и политической неопределенности преобладали относительно простые формы инвестиционного сотрудничества, прежде всего контрактные предприятия (КП), которые составляли более половины привлеченных ПИИ. КП отличаются от совместных предприятий способом формирования капитала и распределения прибыли. Контракт устанавливает конкретный взнос каждого партнера в материально-вещественном виде без денежной оценки, что исключает возможность создания компании, выступающей как самостоятельное юридическое лицо. Иностранный партнер в течение оговоренного срока получает доход независимо от деятельности предприятия. По истечении срока контракта пред-

приятие переходит в собственность китайского участника. Вклад китайской стороны обычно состоял из производственных площадей, обслуживания арендных платежей и финансовых ресурсов в национальной валюте – юанях. Условия и цели сотрудничества определялись учредительными документами, включая устав и контракт, который регламентировал вид деятельности предприятия. Однако суммарный объем привлеченных иностранных инвестиций по этой форме оставался незначительным.

По мере углубления рыночных реформ и укрепления уверенности партнеров в стабильности инвестиционного климата, на первый план стали выходить новые формы сотрудничества, предполагающие более глубокую интеграцию ПИИ. В 1984 г. для них были открыты еще 14 прибрежных городов с большим количеством рабочей силы, квалифицированным техническим персоналом и развитой инфраструктурой. ПИИ перестали использоваться по преимуществу для организации импортозамещающих производств и стали ориентироваться на выпуск экспортной продукции. Соответственно, начиная с 1985 г., основной формой привлечения иностранных инвестиций становятся совместные предприятия (СП). Их доля в общем объеме инвестиционного капитала выросла с 13 % в 1979–1982 гг. до 50 % в 1985–1989 гг.

Более подробная правовая проработанность и либерализация режима функционирования СП способствовала усилению инвестиционной активности компаний из западных стран. В 1986 г. Госсовет КНР обнародовал «Положение о поощрении иностранных инвестиций», направленное на поддержку ПИИ и дальнейшее улучшение общего климата для бизнеса. Согласно этому документу иностранный инвестор получал право самостоятельно управлять предприятием. Были открыты специальные обменные пункты для репатриации полученной инвесторами прибыли. Нормативные акты по налоговой реформе и реформе валютного регулирования (1993 г.) разрешали предприятиям с иностранными инвестициями, занятым в приоритетных секторах, иметь особые льготы, касающиеся перемещения высокотехнологичного оборудования для экспорта произведенной продукции. При этом сохранялись многочисленные преференции при инвестировании в наукоемкие производства и льготы, предоставляемые иностранным предпринимателям в зонах с особым инвестиционным режимом.

Предоставление льгот и преференций приводило к недополучению казной средств от 4 до 10 млрд дол. в год. Тем не менее,

система льгот и преференций для зарубежных предпринимателей помогает успешному решению проблем, связанных с неразвитостью рыночных механизмов, и поддерживает у иностранных партнеров уверенность в неизменности рыночного вектора экономической политики.

Интерес большинства ТНК и многих средних корпораций (преимущественно из Азиатско-Тихоокеанского региона) объясняется также возможностью работать на местном рынке самостоятельно, путем создания предприятий со 100 % иностранным участием (ИП – предприятия «третьего капитала»). Законодательство КНР в отношении ПИИ предоставляет им такую возможность, хотя в большинстве развивающихся стран иностранная доля в уставном капитале местных компаний ограничивалась (до вступления в ВТО) 50-ю процентами минус одна акция. Если по результатам за 2004 г. суммарный объем инвестиций по соглашениям, заключенным с акционерными СП (с предприятиями «второго капитала»), составил 17,5 млрд дол., то ИП (предприятия «третьего капитала») освоили инвестиций на 25,5 млрд дол. больше (всего на сумму 43 млрд дол.). Доля привлеченных ПИИ на предприятиях «третьего капитала» составила две трети от общего объема иностранного капитала. Экспорт продукции, произведенной ИП, вырос с 17 млрд дол. в 1992 г. до 75 млрд дол. в 2004 г. Знаковым для экономики КНР стал 2002 год. Освоив иностранных инвестиций в объеме 52,7 млрд дол., КНР опередила США – мирового лидера в этом сегменте капиталовложений. Растет не только объем освоенных ПИИ, но и число предприятий с участием иностранного капитала. Всего за годы реформ (с 1978 г. по 2007 г.) число таких предприятий учреждено более полумиллиона. По данным доклада ООН, более четырехсот ТНК из «Топ-500» мирового списка создали свои дочерние структуры в КНР.

Привлечение технологий и инвестиций от ТНК обеспечило процесс ускоренной модернизации важнейших для КНР отраслей, в том числе относящихся к информационному комплексу. Являющиеся филиалами иностранных транснациональных корпораций предприятия «третьего капитала» активнее используют новую технику и передовые технологии. Материнские структуры ТНК осуществляют непрерывный контроль над эффективным внедрением информационных технологий на своих филиалах. Перемещение целых заводов и современных производственных процессов, принятое ТНК, повлекло за собой также технологическую модернизацию производственной базы местных предприятий.

Таким образом, иностранные инвестиции принесли мультипликативный эффект. Во-первых, они сыграли роль катализатора технологического и управленческого обновления большинства отраслей китайской экономики, усилив ее национальную конкурентоспособность на мировых рынках сбыта, в первую очередь – касательно продукции информационного комплекса.

Во-вторых, страна накопила значительные валютные резервы, часть из которых реинвестируется в инновационный сектор экономики. Одновременно происходит постепенное снижение зависимости от иностранных технологий.

В-третьих, произошло открытие внутреннего рынка, и это способствовало продвижению инновационной активности в западные провинции страны.

Важнейшее достижение Китая за последние 20 лет – структурная трансформация народного хозяйства в направлении отдельных сегментов производства наукоемкой продукции. В области микроэлектроники целью правительства объявлено расширение научных исследований и открытие новых производств. Постоянно растет финансирование НИОКР и производства высокотехнологичной продукции: микросхем, процессоров, чипов памяти и сетевого оборудования. ВПК активно осваивает выпуск наукоемкой продукции двойного назначения. Предприятия оборонной промышленности в состоянии выпускать около 50 наименований гражданской продукции, предоставляя благоприятные возможности для привлечения в эти производства иностранного капитала. Китайские власти продолжают стимулировать мировые электронные корпорации перемещать свои исследовательские подразделения и наукоемкие производства на территорию КНР.

Другим важным аргументом в пользу привлечения ПИИ стали специальные экономические зоны (СЭЗ). В них расположены более трети всех предприятий, созданных с участием иностранного капитала. Концепция СЭЗ в Китае формировалась на протяжении 14 лет и официально была провозглашена в 1986 г. В число основных задач таких зон входила отработка рыночных методов хозяйствования, строительство инфраструктурных объектов, внедрение передовых зарубежных технологий, увеличение выпуска экспортной продукции. В качестве первых территорий для организации СЭЗ были выбраны юго-восточные провинции КНР, приближенные к уже сложившимся промышленным и финансовым центрам – Сянгану (Гонконгу), Аомэню (Макао) и Тайваню. Оформление инвестиционных заявок в СЭЗ максимально упрощено. Зарубежный

инвестор указывает цель, свои требования к инфраструктурному сопровождению проекта и объем инвестиций. За исключением особо крупных объектов (свыше 30 млн дол.), администрации зон сами принимают решения по инвестиционным проектам. Размер капитала иностранного участника должен составлять не менее четверти уставного капитала предприятия.

СЭЗ отличаются разнообразием организационных форм и гибкой системой правового и налогового регулирования, позволяющей им легко адаптироваться к местным условиям. К их числу относятся зоны высоких технологий (ЗВТ). Таким зонам принадлежит ведущая роль в переходе народного хозяйства страны на инновационный путь развития. ЗВТ нацелены на коммерциализацию научно-технических достижений, на технологическое обновление предприятий информационного комплекса, на привлечение иностранного капитала в экспериментальные мелкосерийные предприятия и в разработку новых технологий и материалов. Такие зоны, как правило, создаются часто на базе сложившихся научных центров. Специализация зон во многом связана со спецификой отраслевой структуры районов. Обязательным условием предоставления льгот в ЗВТ как для национальных предприятий, так и предприятий с иностранным участием, является получение статуса высокотехнологичного предприятия. Он устанавливается на 5 лет, а для технологий с длительным периодом освоения – на 7 лет. Налогообложение в ЗВТ для высокотехнологичных предприятий, экспортирующих не менее 70 % продукции, составляет не 15 %, как в других СЭЗ (или 33 % – как по стране), а еще ниже – всего 10 %. Кроме того, если СП или ИТ предоставили передовые технологии на сумму не менее 5 млн дол., то они могут получить полное освобождение от местных налогов. Для наукоемких производств предусмотрены «налоговые каникулы»: для национальных производителей – на 1 год, для предприятий с иностранным участием, созданных на срок не менее 10 лет, – на 2 года. Предоставляются также таможенные льготы: от импортных пошлин освобождаются необходимые для НИОКР приборы и оборудование, которые не могут быть закуплены на внутреннем рынке, а также импортируемые сырье и материалы, необходимые для производства экспортной продукции. Если прибыль реинвестируется в экспортно-ориентированные или наукоемкие производства, подоходный налог возмещается в полном объеме. Не подвергаются налогообложению экспортные операции этих предприятий.

Другое важное отличие зон высоких технологий от других СЭЗ состоит в том, что у предприятий, действующих в ЗВТ, нет ограничений на реализацию своей продукции на внутреннем рынке. Такой многовекторный режим налогообложения позволил Китаю привлечь электронные ТНК и обеспечил технологическую модернизацию предприятий информационно-индустриального комплекса. К моменту вступления КНР в ВТО в стране насчитывалось более 100 ЗВТ центрального и местного подчинения. Таким образом, немаловажным мотивом для высокотехнологичных ТНК самостоятельно осваивать китайский рынок в долгосрочном плане являются благоприятные условия для функционирования на территории Китая наукоемких производств.

Этому также способствовало постепенное открытие для иностранных инвестиций (в преддверии вступления КНР в ВТО) ранее защищенных отраслей: телекоммуникации, транспортную инфраструктуру, природоохранные технологии. Вначале этого процесса (ноябрь 1997 г.) Госплан КНР опубликовал перечень отраслей, ПИИ в которые поощрялся. Приоритет отдавался производству компьютеров последнего поколения, развитию цифровых телефонных сетей и новых технологий, нацеленных на повышение качества продукции. Предприятия с участием иностранного капитала, занятые в отраслях, которые не являлись приоритетными с точки зрения технологической модернизации (сектор потребительских товаров и трудоемкие отрасли), постепенно теряли свои преференции (например, налоговый дисконт в случае реинвестирования прибыли в развитие своего предприятия). И сегодня, после вступления Китая в ВТО, власти поощряют ПИИ в наукоемкие отрасли, где страна не имеет достаточного опыта и необходимых технологий. Это — микроэлектроника, аэрокосмическая отрасль, программное обеспечение, производство лабораторных инструментов, фармацевтика и т. д. С апреля 2002 года вступил в силу новый каталог, отражающий обязательства КНР, принятые при вступлении в ВТО. В частности, число открытых для иностранных капиталовложений отраслей увеличилось в три раза [16, с. 308].

Достаточно активно проходит диверсификация ПИИ на уровне регионов. В рамках общей инвестиционной политики центральные органы определяют те территории, куда их предпочтительно направлять, и делегируют местным властям все больше полномочий. В настоящее время поток инвестиций фокусируется на внутренние районы страны, так как приморские регионы

привлекли и освоили значительные объемы иностранного капитала в предыдущий период реформ.

Другим принципиальным моментом государственной политики в области привлечения иностранного капитала является противодействие созданию «отверточных» производств. Госсовет КНР ввел свое время ограничения на ввоз комплектующих для предприятий автопрома: коэффициент локализации (доля узлов и деталей, производимых в КНР) должен составлять не менее 80 %.

Существуют мнения специалистов, что даже отмена всех преференций для предприятий с иностранным капиталом не ослабила бы привлекательность Китая для иностранных инвесторов. Стимулами для них, помимо льготного налогообложения, является стабильная ситуация в стране, динамичное развитие экономики, емкость внутреннего рынка (подкрепленное членством в ВТО) и др.

В середине 90-х гг. Китай вступил в новый этап реформирования экономики, который зафиксирован в «программе 2010 г.». В программе предусматривалось, в частности, постепенное выдвигание на ведущие технологические позиции местных компаний, занятых производством наукоемких продуктов. Актуальность этой концепции основывалась на том суждении, что после вступления КНР в ВТО давление извне на экономику Китая будет все более мощным и агрессивным. Принцип опоры «на собственные силы» в этой ситуации должен материализоваться в направлении повышения эффективности собственного высокотехнологического производства.

После вступления в ВТО (11 декабря 2001 г.) и постепенного открытия внутреннего рынка (ограничения переходного периода по большинству позиций сняты к 2006 г.), экономика КНР столкнулась с более ожесточенной конкуренцией. Возникла реальная угроза превратиться в сырьевой придаток развитых государств. Насущной необходимостью стал поиск новых аргументов системного характера, имеющих целью повышение национальной конкурентоспособности, в первую очередь — в наукоемких отраслях.

Одним из способов ее решения стало создание трансграничных структур международного уровня в контексте политики «цзоучуцзюй» («идти вовне»). Глобализация умножила для Китая шансы использовать имеющиеся в его распоряжении сравнительные преимущества. Стало экономически целесообразным и технологически перспективным инвестировать вовне в целях более эффективного усвоения передового опыта развитых стран. Официально

курс «идти вовне» впервые сформулирован в сентябре 1997 г. на XV съезде КПК. Была гарантирована господдержка тем акционерным предприятиям, кто будет учреждать основанные на своем капитале компании за границей, осваивать мировой рынок.

В начальный период реформ власти осуществляли строгий отбор и утверждение внешнеторговых организаций, которым разрешались прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ). На эту деятельность получалась разрешительная санкция Госсовета КНР. В тех условиях вывоз капитала осуществлялся в рамках жесткой централизации. Предприятий, созданных за рубежом, было мало, они были невелики по объему инвестиций и масштабам деятельности. По ходу реформ Китай усиливался экономически и накопил серьезные финансовые ресурсы. Произошло это во многом благодаря возможностям, которые предоставляет аутсорсинг информационного типа переходным и развивающимся экономикам (при условии, если те располагают достаточным числом квалифицированных и грамотных специалистов). Китайские компании различных форм собственности наращивали свою капитализацию и повышали конкурентоспособность. Параллельно этому все более либеральным становился вывоз капитала. Так, в предложенном ЦК КПК плане социального и экономического развития (октябрь 2000 г.) содержалось положение о поддержке трансграничной хозяйственной деятельности конкурентоспособных предприятий всех форм собственности. В самом плане (март 2001 г.) декларировалось осуществление Китаем зарубежных инвестиций, способных полнее реализовать его сравнительные преимущества. С целью использования зарубежных интеллектуальных ресурсов впервые предусматривалось создание за границей научно-исследовательских структур. В материалах XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.) указывалась необходимость «стимулировать зарубежные инвестиции предприятий, создавать мощные транснациональные предприятия». Эти директивы дали старт настоящему буму трансграничного инвестирования. Внешнеторговые объединения продолжают удерживать серьезные позиции в этом сегменте внешнеэкономической деятельности. Но их доля в общем объеме вывоза капитала уменьшается, а значение производственных компаний всех форм собственности растет. Создавая глобальные сети реализации своей продукции, они становятся прообразом будущих транснациональных корпораций.

В определенный момент осуществления курса «идти вовне» в КНР возникла необходимость уже не стимулировать, а упоря-

дочить вывоз капитала. Так, в июле 2004 г. Министерство коммерции совместно с МИД КНР обнародовали «Ориентировочный каталог зарубежного инвестирования по отраслям и странам». Этот документ способствовал сокращению случаев неэффективного инвестирования и возможной конкуренции среди местных компаний, чем в известной мере оптимизировал китайские ПЗИ.

Вывоз капитала дал новую динамику процессам заимствования, а затем и интеграции в народное хозяйство страны заграничных инноваций и передовых информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, в процессе создания предприятий с китайским капиталом за рубежом, международную известность получают торговые марки китайских фирм. Решая вышеперечисленные задачи, Китай во многом следует мировой практике. Однако, по мнению ряда аналитиков, особенностью создания китайских транснациональных корпораций является то, что этот процесс инициируется государством и проходит под его жестким контролем, что имеет место феномен «принуждения к модернизации». Во многом эти оценки соответствуют действительности. В развитых и новых индустриальных странах зарубежное инвестирование происходит на базе постиндустриальной структуры народнохозяйственного комплекса. Вывоз капитала из США, Японии и стран ЕС происходит по инициативе самих корпораций. Китайским же компаниям вроде бы спокойнее (больше опыта и меньше риска) осуществлять стратегию развития, ориентированную на неиспользованный еще огромный потенциал внутреннего рынка. У соседей КНР – Южной Кореи, Сингапура и Тайваня – емкость внутреннего рынка ограничена, и достичь высокой рентабельности возможно только за счет внешнего инвестирования. ПЗИ из этих стран являются следствием избытка капитала. В Китае же, напротив, сохраняется высокая потребность в капитальных вложениях для внутреннего развития.

Таким образом, Китай стал крупнейшим иностранным инвестором среди государств с растущими экономиками. Направления инвестирования вовне постоянно расширяются: от торговли и разработки природных ресурсов на начальном этапе до средств информатики и научных исследований. По состоянию на начало 2004 года, в телекоммуникации и компьютерную технику за рубежом китайскими ТНК было вложено до трети всех инвестиций против 20 % – в торговлю и 18 % – в освоение ресурсов.

Генерируемый властями Китая процесс создания транснациональных корпораций, во-первых, не имеет прецедентов в эконо-

мической истории, во-вторых, подчиняется целям хозяйственно-строительства и, в-третьих, органично вписывается в общегосударственную стратегию технологической модернизации страны. Реализация этой стратегии требует значительных усилий, причем не только на внешних рынках, но и внутри страны. Однако иного пути усиления роли Китая (и не только его) на мировых рынках наукоемкой продукции и услуг не существует.

Усредненные затраты на НИОКР в КНР (по итогам обследования 100 крупнейших китайских компаний, согласно хозяйственным итогам за 2003 г.) составляют менее 2 % дохода от продаж, что совершенно недостаточно для обеспечения международной конкурентоспособности предприятий информационного комплекса. Во многом это объясняется недостаточным числом специалистов, способных работать в научно-инновационном секторе страны как на отечественных предприятиях информационного комплекса (в том числе — в малом научно-техническом бизнесе), так и в филиалах иностранных ТНК, размещенных на территории КНР. Между тем, эффективное инвестирование в наукоемкие производства как внутри страны, так и за рубежом требует большого числа работников высокой квалификации. Пекин не имеет в своем распоряжении ВУЗов мирового уровня (хотя предпринимает серьезные усилия для исправления подобной ситуации). Поэтому там поощряется учеба студентов и аспирантов в зарубежных университетах и сделана ставка на привлечение специалистов, получивших техническое образование за рубежом. В Китае также создали привлекательные условия для желающих основать инновационный бизнес у себя на родине. Были реализованы возможности, которые возникли после обретения Китаем статуса крупнейшего мирового центра информационного аутсорсинга. Речь идет о крупномасштабных инвестициях американских ТНК в научно-исследовательский сектор своих «китайских дочек» и об активном научно-техническом сотрудничестве с США в форме двусторонних альянсов университетов и государственных ведомств (около 150 альянсов такого рода). В результате, если в середине 90-х гг. прошлого столетия большинство выпускников американских университетов из КНР предпочитало оставаться в США, то на рубеже веков ситуация меняется. Почти 80 % молодых специалистов, получивших образование на Западе, возвращаются в Китай для работы в наукоемком секторе. Многие устраиваются на работу в филиалы мировых ТНК (на территории КНР действует более 750 центров освоения и производства

новых и высоких технологий с участием иностранных). Однако наиболее талантливые и предприимчивые из них предпочитают собственный бизнес. К концу 2005 г. таких бизнесменов насчитывалось более 170 тыс. человек. Специалисты, обучавшиеся за рубежом, создали к 2004 г. более 3 тыс. малых технологичных предприятий; их валовая продукция достигает 10 млрд юаней.

На таких предпринимателей распространяются преференции по ускоренной регистрации, открытию банковских счетов, охране, то есть на весь объем преференций, которые получают предприятия с иностранным капиталом. Они имеют право на специальные налоговые льготы, стимулирующие научные разработки и внедрение технологических достижений в массовое производство. Таким образом, инновационная система КНР была скорректирована и дополнена разветвленной инвестиционной инфраструктурой.

Опыт передовых в технологическом отношении рыночных экономик показывает, что самая успешная среда для научно-инновационного прогресса — это преобладающее число средних фирм. С одной стороны, на них оказывает давление большое число ориентированных на новые технологии и генерирующие новые идеи малых новаторских коллективов, а с другой — присутствует несколько крупных корпораций, способных выполнять масштабные и капиталоемкие работы по внедрению новаций в реальный сектор экономики. Всю вторую половину прошлого столетия катализаторами научно-технического прогресса оставались ВУЗы и крупные научно-исследовательские центры. Эти структуры важны и сегодня. Но сегодня основным локомотивом инновационного развития становятся не они, а производственные предприятия — крупные, средние и малые. Однако в КНР наметилась заслуживающая внимания тенденция роста предприятий малого технологического бизнеса вокруг госкорпораций, отраслевых научно-производственных объединений и ВУЗов, которые в условиях Китая имеют государственную форму собственности. Такая конвергенция частных и государственных интересов способна дать хорошие результаты. Опыт США и других стран ОЭСР показал, что наделение ВУЗов, НИИ и промышленных предприятий правом учреждать новые инновационные «start-up» компании способствовал бурному развитию малого технологического бизнеса, который, например, в китайском Тайбее (на Тайване) дает до 45 % прироста ВВП.

С 2006 г. в инновационной политике Китая начался новый период, для которого в целом ставятся цели обеспечения устойчи-

лости текущей заданной траектории и темпов экономического развития. В 2006 г. было издано Национальное руководство средне- и долгосрочного планирования научно-технологического развития, определившие направления государственной поддержки науки и технологий в Китае до 2020 г. Согласно Руководству, к 2020 г. минимальный уровень затрат на исследования и разработки в целом по экономике страны должен составить 2,5 % ВВП (текущий уровень – 1,5–1,6 %), вклад научно-технологической составляющей в увеличение ВВП – 60 % (30–35 % соответственно), а зависимость от иностранных технологий (максимальный уровень) – не более 30 % (в настоящее время 40–50 %). Ожидается, что Китай станет пятой в мире страной по выпуску формализованного научного знания (патенты и статьи).

Таким образом, китайское правительство уделяет большое внимание совершенствованию механизма управления развитием науки, техники и образования. Разработан комплекс политических установок, программ и насущных мер, направленных на инновационное развитие экономики. К ним относится углубление реформы научно-технической системы, совершенствование системы инвестирования и аккумуляции денежных средств, укрепление законодательной базы в области науки и техники, ускорение реализации стратегии, нацеленной на повышение качественного уровня всей нации и подготовку высококвалифицированных специалистов.

Список использованной литературы

1. Дин Жуджунь. Китайские экономические реформы: опыт, возможности применения в Беларуси / Жуджунь Дин, М. М. Ковалев. – Минск: Изд. центр БГУ. – 2002. – 341 с.
2. Дин Жуджунь. Путь к рыночной экономике: китайская модель реформ / Жуджунь Дин, М. М. Ковалев. – Минск: Изд. центр БГУ. – 2005. – 384 с.
3. Дин Жуджунь. Феномен экономического развития Китая / Жуджунь Дин, М. М. Ковалев, В. В. Новик. – Минск: Изд. центр БГУ. – 2008. – 446 с.
4. Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии / [Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, М. Б. Гусева]; под ред. Л. В. Никифорова. – М. : Институт экономики РАН, 2007. – 574 с.
5. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / [Н. В. Андреева, Г. В. Белокурса, Я. М. Бергер и др.]; под ред. В. Михеева. – Московский Центр Карнеги. – М. : 2006. – 647 с.
6. Кузык Б. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития / Б. Кузык, М. Титаренко. – М. : Институт экономических стратегий. – 2006. – 656 с.
7. Леонов С. Н. Государственная инновационная политика в КНР / С. Н. Леонов, Е. Л. Домнич // Вестник ДВО РАН. – 2006. – № 3. – С. 36–46.

8. Леонов С. Н. Государственная инновационная политика пореформенного Китая: содержание, периодизация, масштабы / С. Н. Леонов, Е. Л. Домнич // Вестник ТОГУ. - 2010. - № 2 (17). - С. 167-176.
9. Шевцова Н. А. О некоторых направлениях государственной инновационной политики Китая / Н. А. Шевцова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. - 2009. - № 4. - С. 72-80.
10. Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса: [сборник статей / отв. ред. Жигулева В. В.]. - М.: ИДВ РАН. - 2010. - 258 с.
11. Кравченко Н. А. К проблеме измерения и оценки национальных инновационных систем / Н. А. Кравченко // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. - 2010. - № 1. - С. 61-75.

Раздел 2.5. Энергетическая стратегия Китая

Сегодняшняя энергетическая стратегия Китая определяется всёувеличивающимся спросом на энергетическое сырьё внутри страны. Энергетическую стратегию КНР можно условно разделить на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя стратегия базируется на возможностях собственно китайского рынка в производстве энергии с использованием всех видов ресурсов. Безусловно, внутренние возможности не в состоянии обеспечить сегодняшние потребности, а с учетом повышательных перспектив китайской экономики ставят на повестку дня вопрос энергетической безопасности страны. В этих условиях внешняя энергетическая стратегия Китая является важнейшим инструментом создания энергетической безопасности. Сегодня Китай стремится расширить и диверсифицировать производство энергии и энергетического сырья как технологически, так и географически.

Следует отметить, что Китай значительно опаздал в вопросе раздела мирового энергетического «пирога», фактически все пиши заняты, преимущественно американскими и европейскими компаниями. В такой ситуации для Китая остается возможным реализация внешней энергетической политики в так называемых зонах риска, типичным примером чего является экспансия китайских компаний в Африке, Афганистане, Пакистане. К этой же проблеме также следует добавить вопрос обеспечения транспортной безопасности перевозок энергетического сырья как по морю – значительное количество проливов и «узких мест» и неурегулированных территориальных споров с соседями, так и по суше – строительство газо- и нефтепроводов через территории других стран.

Соотношение двух политик – внутренней и внешней вызывает горячие споры в Китае. Должна ли внешняя политика играть только вспомогательную роль или ей необходимо отвести роль полноценной политики со всеми вытекающими атрибутами ее реализации – военно-политическая поддержка, геополитические договоренности и претендование в отдельных регионах мира на всеобъемлющую гегемонию? Этот вопрос пока остается открытым и решение его, по-видимому, следует отнести к будущему в пределах 15–20 лет.

Энергетическая стратегия Китая, как было сказано, диверсифицируется как технички, так и географически, что создает современный рельеф энергетического сектора страны, в котором динамично развиваются все виды производства электроэнергии и переработки энергетического сырья.

Несмотря на то, что по общему объему электрогенерирующих мощностей Китай уступает лишь США, его промышленность и население страдают от дефицита электроэнергии. Перспективы удовлетворения потребностей неутешительные: по расчетам, к 2030 году прирост потребления будет превышать среднемировой в 2,2 раза, а доля страны в мировом энергопотреблении возрастет с 8,7 до 20 %.

Ставка будет сделана на атомную энергетику, обеспечивающую сегодня только 2 % общего объема производства электроэнергии. В планах правительства КНР - увеличить общую мощность атомных электростанций к 2020 году с 8700 МВт до 40 тыс. МВт. Для реализации таких амбициозных планов КНР должна ежегодно вводить в действие как минимум два атомных реактора мощностью 1000 МВт.

По оценкам китайских экономистов, дальнейшее развитие электроэнергетики и преодоление дефицита электроэнергии будет постоянно сопровождаться нехваткой угля, поскольку его удельный вес в электроэнергетике будет постоянно расти (с 34 % в 2007 году до возможно 42 % – в 2030-м) [1, с. 56].

По официальной информации, добыча угля возростала ежегодно ориентировочно на 10 % и достигла в 2007 году 2 млрд 536 млн тонн (+6,9 % по сравнению с предыдущим годом) [2, 56].

Несмотря на усилия правительства КНР, направленные на «охлаждение» энергоемких отраслей, продолжало неуклонно расти потребление сырой нефти. Так, в 2007 году собственная ее добыча составляла 187 млн тонн (+1,1%), импорт сырой нефти – 128 млн (+3,5 %). В перспективе темпы роста потребления нефти в Китае

могут достичь около 2,75 % ежегодно. Это – самый динамичный показатель в мире [3].

Из приведенного рисунка видно, что потребление в КНР энергоресурсов начиная с 2010 года опередил аналогичный показатель США и стремительно продолжает расти. Ожидается, что к 2030 году Китай превысит США по этому показателю вдвое.

Там, где разработка энергетических и сырьевых ресурсов еще продолжается, ее себестоимость настолько возросла, что ставит и эти разработки на грань экономической эффективности. Это касается, например, крупнейших в стране нефтепромыслов Дацин, где за предыдущие десятилетия добыто более двух третей извлекаемых ресурсов нефти.

Таблица 2.5.1

Потребление энергии среди мировых экономических лидеров (нефтяной эквивалент, млн усл. тонн)

	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2015	2020	2025	2030
Китай	662,3	888,2	1010,7	1659	2402,9	2613,2	3145,2	3785,5	4200,5	4502,7
ЕС	1650,2	1648,6	1721,9	1808,7	1744,8	1690,7	1689,7	1693,3	1685,3	1668,9
Европа	1815,7	1810,7	1908,9	2013,6	1969,6	1924,1	1940,9	1976,6	1998,9	2013,3
СНГ	1379	972,2	900,9	955,4	969,1	999,2	1045,4	1080,9	1127,4	1179,4
Не-ОЭСР	3474,7	3565,3	3920,4	5085,5	6405,3	6746,9	7768,8	8967,3	9960,6	10880
ОЭСР	4630,2	4998,8	5435,1	5668,9	5572,4	5527,7	5596,4	5727,1	5798,7	5835,3
США	1968,4	2121,9	2313,7	2351,2	2277,9	2269,3	2279,9	2304,4	2310,8	2284,6
Весь мир	8104,9	8564,1	9355,6	10754	11977	12274	13365	14694	15759	16716

Источник: составлено автором на основе BP Energy Outlook 2030, January 2013

Регион стоит фактически перед сложнейшей задачей полной перестройки своей промышленной структуры, что потребует не только огромных инвестиционных затрат, но и массового профессионального перепрофилирования рабочей силы. Последнее относительно легче осуществить в крупных городах, таких как Далянь, Шэньян, Харбин, Чанчунь, где по крайней мере часть индустриальных рабочих может найти работу в сфере услуг. Но в меньших по масштабу городах эта задача значительно сложнее.

Китай беден углеводородными энергоносителями. В расчете на душу населения обеспеченность извлекаемыми запасами нефти составляла в 2000 г. 2,6 т, природного газа – 1074 куб. м, угля-

90 т, что соответствовало 11,1 %, 4,3 % и 55,4 % среднемирового уровня [4].

Объективная нехватка энергетических ресурсов усугубляется их расточительным использованием. Еще в 2001 г. затраты конечных пользователей энергии в Китае составили 13 % ВВП, тогда как в США этот показатель равен 7 % [5].

Одна из главных причин высоких энергозатрат — доминирование в промышленной структуре энергоемких отраслей. Почти половина всего промышленного потребления энергии приходится на четыре отрасли: химическую, черную и цветную металлургию и электроэнергетику. К этому добавляется то обстоятельство,

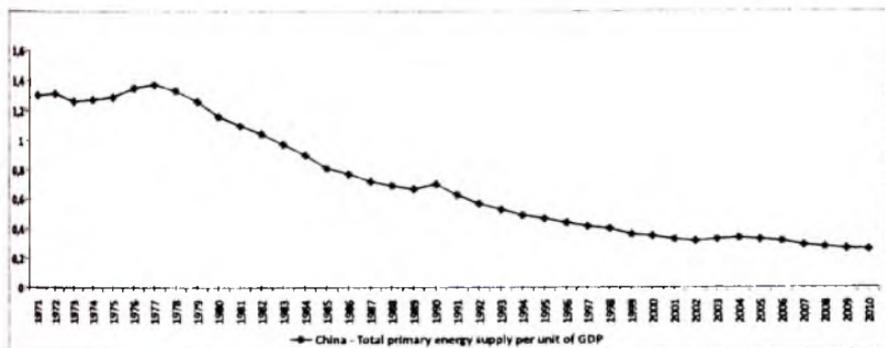


Рис. 2.5.1. Энергозатраты на единицу ВВП в КНР. (Условное топливо (тонны в нефтяном эквиваленте) на тысячу долларов ВВП по ППС)

Источник: составлено автором на основе BP Energy Outlook 2030, January 2013

ство, что удельное потребление энергии значительно выше среднемирового уровня. Энергозатраты на 10 тыс. дол. ВВП в 2002 г. составили 11,8 млн т условного топлива, что втрое выше, чем в США, в пять раз выше, чем в Германии, и в шесть раз выше, чем в Японии. Избыточное потребление энергии в китайской промышленности составляет не менее 230 млн т условного топлива.

Однако эти энергозатраты имеют постоянную тенденцию к снижению, что иллюстрирует рис. 2.5.1. За последние 40 лет, начиная с первого нефтяного кризиса начала 70-х годов XX столетия, этот показатель снизился более чем в 3 раза.

Принимая во внимание курс на дальнейшую индустриализацию Китая, трудно предположить, что в ближайшем будущем приоритет высокоэнергозатратных отраслей тяжелой промышленности уменьшится. Поэтому и напряженное положение в обеспечении промышленного роста энергией будет сохраняться.

Надежды на какое-то облегчение можно связывать только с сокращением удельного потребления, но этот путь требует решения не менее сложных задач технического и технологического перевооружения тяжелой индустрии.

Из 1390 млн т условного топлива, произведенного в самом Китае в 2007 г., 71 % приходится на уголь. Пока добыча перекрывает потребление, но в дальнейшем ситуация может измениться. При наличии значительных геологических запасов угля разведаны они недостаточно. На 2006 г. еще не используемые, пригодные для строительства новых шахт, экономически обоснованные запасы угля составляли всего 20,3 млрд тонн. Этого далеко не достаточно для существенного увеличения угледобычи в ближайшей перспективе. Подавляющая часть не используемых экономически обоснованных запасов угля сосредоточена в засушливых, безводных, отдаленных районах Центрального и Западного Китая, что создает значительные трудности для освоения, транспортировки и потребления. Предельная годовая добыча угля в Китае в перспективе не может превысить 2,8 млрд т, но реально, с учетом наличных водных ресурсов и ущерба, наносимого природной среде, эта цифра вряд ли достижима. В любом случае потребуется импорт угля для обеспечения потребностей юговосточного приморья [6].

Нарращивание потребления природного газа потенциально способно постепенно сократить роль угля как важнейшего источника энергии в стране. Правда, такую роль природный газ может сыграть только в том случае, если станет в достаточной мере конкурентоспособным. В настоящее время формированию рынка газа в Китае мешают слишком высокие отпускные цены. Согласно долгосрочным прогнозам потребление природного газа в 2000–2020 гг. будет увеличиваться в среднем примерно на 9 % в год, в основном за счет внутренних источников и в меньшей степени за счет импорта. К 2020 г. оно достигнет 160 млрд куб. м, в том числе импорт составит 50–60 млрд куб. м. Предполагается, что разведанные запасы природного газа достигнут к 2010 г. 4,9 трлн куб. м и к 2020 г. – 7,5 трлн. Отечественная добыча газа возрастет в 4–5 раз. Одновременно для расширения импорта понадобится строительство крупных газопроводов и иных базовых сооружений. В соответствии с прогнозами потребление нефти должно увеличиваться менее высокими темпами, чем ВВП. К 2020 г., когда объем ВВП возрастет в 4 раза по сравнению с 2000 г., оно должно увеличиться в 2–2,6 раза и достигнуть, как минимум, 450 млн т (по максимальному сценарию – в три раза, до 610 млн т). Пока, однако,

планируемое соотношение роста ВВП и потребления нефти не выдерживается. В 2003 г. ВВП увеличился на 9,1 %.

По международным меркам при коэффициенте 0,8 потребление нефти должно было бы максимально возрасти на 7,3 %, а фактически рост составил 11,52 %. В первой половине 2004 г. ВВП увеличился на 9,7 %, а потребление нефти – на 20 %.

Увеличение потребления нефти и нефтепродуктов в большой степени связано с быстрой автомобилизацией страны. По расчетам Центра изучения развития при Госсовете КНР, общая численность автомобильного парка возрастет с 24 млн единиц в 2003 г. до 56,7 млн в 2010 г. и до 130 млн в 2020 г. Предполагается, что спрос на моторное топливо в 2010 г. достигнет 138 млн т, а в 2020 г. – 256 млн т, что составит примерно половину всего потребления нефти. Попытки притормозить рост автомобилизации могут негативно сказаться на экономическом росте.

Добыча нефти ввиду ограниченности ресурсов существенно возрасти не может. Она составит к 2020 г. 180–200 млн т, что увеличит зависимость Китая от импорта нефти до 55 % (по максимальному прогнозу – до 76,9 %). Это примерно соответствует нынешнему уровню внешней зависимости США (58 %).

В настоящее время за счет импорта удовлетворяется 37 % потребностей Китая в нефти и нефтепродуктов, и этот показатель непрерывно возрастает. По данным Министерства коммерции КНР, в 2007 г. в Китай было ввезено 91,1 млн т нефти и 28,2 млн т нефтепродуктов. За вычетом экспорта чистый импорт нефти и нефтепродуктов превысил 100 млн т, увеличившись по сравнению с предыдущим годом сразу более чем на 30 млн т [7]. Китай стал третьим после США и Японии импортером нефти в мире. В 2007 г. темпы роста импорта нефти и нефтепродуктов продолжали повышаться. В еще больших размерах из-за резкого роста мировых цен увеличилась его стоимость. Одновременно значительно уменьшился экспорт. В первой половине 2007 г. на долю нефти пришлось 7,4 % стоимости китайского импорта [8].

График (рис. 2.5.2) иллюстрирует формирование всенарастающего разрыва между внутренним потреблением и переработкой нефтепродуктов с одной стороны и добычей сырой нефти с другой, в Китае. Эти «ножницы» наглядно демонстрируют зависимость Китая от импорта нефти и нефтепродуктов, который в 2012 году достиг почти 2/3 от общего количества. В то же самое время, как свидетельствуют данные рис. 2.5.2, в Китае в последние годы резко выросли доказанные запасы нефти, что дает основа-

Добыча и потребление нефти в КНР

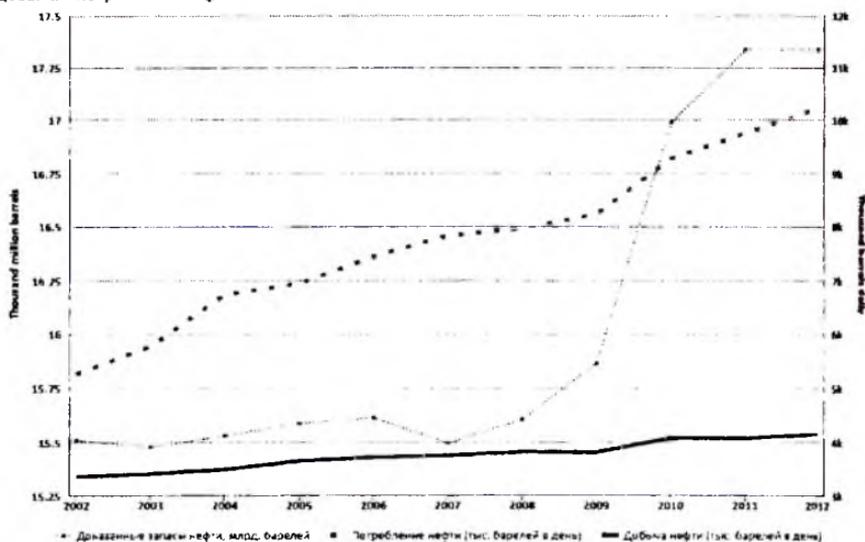


Рис. 2.5.2. Динамика добычи сырой нефти и потребление нефтепродуктов в КНР (млн т)

Источник: составлено автором на основе Global Energy Statistical Yearbook, 2013

ния утверждать об этом, как о ключевом факторе, который будет определять будущую энергетическую политику. Несомненно, приращение доказанных запасов нефти в КНР «развязывает руки» правительству Китая и дает дополнительный импульс по снижению системных рисков в экономике и диверсификации источников энергетического сырья.

Существенный прирост извлекаемых запасов нефти в Китае также способна, как полагают, обеспечить разведка морского шельфа. Однако освоение этих запасов тормозится нерешенностью ряда акваториальных конфликтов и недостаточными в связи с этим шансами на кооперацию Китая с некоторыми ближайшими соседями, которые могли бы стать компаньонами в освоении новых источников нефти вместо того, чтобы выступать как конкуренты на мировых рынках нефти. В Восточно-Китайском море таким препятствием к сотрудничеству служит спор с Японией по поводу государственной принадлежности острова Дяоюйдао, близ которого обнаружены залежи нефти. В Южно-Китайском море значительными и частично освоенными месторождениями нефти и газа располагает акватория архипелага Наньша (Спратли), на обладание которым претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия, не считая Тайваня. Китай проявляет также беспокойство в связи с разверну-

тыми Южной Кореей поисковыми работами в 250-мильной зоне вдоль ее западного побережья в Желтом море¹.

Некоторые китайские эксперты предлагают активизировать освоение нефтяных ресурсов в спорных акваториях, чтобы затем полностью взять их под контроль. Принятие такого курса, несомненно, резко усилило бы напряженность в этом районе и могло бы даже привести к серьезным конфликтам. Предлагая «отложить споры и осваивать совместно» (гэчжи чжэнъи гунтун кайфа), Китай ставит предварительным условием признание его суверенитета над спорными акваториями, что по существу перечеркивает возможность кооперации.

Освоение морских ресурсов нефти в определенной степени сдерживается также ограниченными возможностями нефтяных корпораций Китая. В особенности это относится к Китайской морской нефтяной корпорации, которой в силу ее скромных ресурсов трудно взять на себя выполнение ширококомасштабных задач по разведке и освоению нефтяных ресурсов отдаленных акваторий. Особенно сложным с технической точки зрения, дорогостоящим и сопряженным с немалым риском является развертывание таких работ в Южно-Китайском море. По словам представителя этой компании, своими силами обеспечить такое предприятие она не может, требуется особая поддержка государства, в особенности военная.

В свете сказанного понятно, почему обеспечение энергетической безопасности, которая в Китае является синонимом нефтяной безопасности, становится задачей первоочередной важности. Внезапные перебои в поставках, нехватка нефти, скачки цен способны причинить экономике страны серьезный ущерб.

Ослабить остроту проблемы может комплекс мер, который включает, во-первых, ускорение разработки и освоения отечественных ресурсов нефти и газа, во-вторых, увеличение извлекаемости нефти и использование замещающих видов топлива и технологий, в-третьих, максимальное включение в структуры международной кооперации, в-четвертых, постепенное создание и оптимизация страховых запасов нефти и систем предупреждения.

1 Из 380 тыс. кв. км общей площади акватории Желтого моря в Китае считают объектом спора (с Республикой Корея и КНДР) 180 тыс. кв. км. В Восточно-Китайском море Китай претендует на 550 тыс. кв. км из общей площади морской акватории в 770 тыс. кв. км. Япония заявляет претензии на 160 тыс. кв. км, которые Китай считает своей акваторией. В Южно-Китайском море спорными Китай считает 1,2 млн кв. км.

Государство с помощью ряда мер стремится активизировать участие крупных нефтяных компаний в финансировании поисковых и разведывательных работ.

Извлекаемость нефти из нефтяных скважин в настоящее время составляет 34 %, передовые технологии добычи нефти позволяют поднять этот показатель до 50 %. Предполагается, что к 2020 г. производство искусственного жидкого топлива из угля может достичь 160 млн т, что потребует 145 млрд юаней инвестиционных вложений².

Считается, что Китай должен, опираясь на сложившуюся структуру мировых нефтяных интересов, развернуть свою «энергетическую дипломатию», принимать активное участие в глобальных и региональных организациях по кооперации в области энергетики, стать деятельным игроком на текущих и фьючерсных рынках, добиваясь ощутимого права голоса при определении цен на нефть и благоприятных правил игры.

Особенно не терпит отлагательства создание стратегических резервов нефти. Они нужны не для того, чтобы смягчать временный дефицит или справляться с колебаниями цен на мировом рынке. Их задача – помочь стране выстоять в случае серьезных политических и военных кризисов. «Стратегические резервы нефти – это оборонительная сила устрашения. Как и ядерное оружие, они могут никогда не быть использованы, но ими нельзя не обладать» [9, с. 334–335].

До недавнего времени стратегические резервы нефти в Китае практически отсутствовали. Переходящие запасы на нефтедобывающих и нефтехимических предприятиях и в торговых организациях также были недостаточны для того, чтобы умерять влияние на экономику резких изменений мировой конъюнктуры. Каждый скачок мировых цен на нефть начиная с 1990-х годов немедленно вызывал потрясение на внутреннем нефтяном рынке и негативно отражался на стабильности экономического роста в Китае.

Эксперты полагают, что для обеспечения нефтяной, государственной и экономической безопасности КНР требуется создать страховые резервы, равные трехмесячному импорту, т. е. объемом примерно в 35 млн т. Мероприятие это весьма дорогое и

2 Замена сколько-нибудь значительных количеств нефти на искусственное жидкое топливо представляется малореальной. Один из основных авторов доклада по энергетической стратегии Китая Фэн Фэй весьма пессимистически оценивает ее перспективы (Дянь хуан мэйхуан юхуан нэньюань: шулай гуньин Чжунго?)

долгосрочное. Сооружение четырех резервных нефтехранилищ первой очереди в Чжэньхае, Чжоушане, Даляне и Хуандао завершено в 2010 г. и обошлось по меньшей мере в 10 млрд юаней [10].

Однако ни один из предлагаемых путей укрепления нефтяной безопасности, ни все они вместе при заданных параметрах экономического роста и прогнозируемом характере его источников не в состоянии предотвратить увеличение зависимости Китая от мировых рынков нефти и, соответственно, от возрастающего влияния мировой конъюнктуры на экономику страны. Высокие мировые цены на нефть способны затормозить рост ВВП. Может, в частности, сократиться спрос на автомобили, производство и продажа которых является одним из главных стимулов экономического роста. По расчетам МВФ, возрастание стоимости барреля нефти на 10 дол. уменьшает темпы роста азиатских экономик на 0,8 %. Данные по Китаю за 1993–2000 гг., когда зависимость страны от мировых рынков нефти еще не была столь велика, свидетельствуют, что удорожание нефти в течение года на 1 % влечет за собой снижение темпов роста ВВП на 0,01 процентного пункта. Так, в 2007 г. Повышение мировых цен на нефть на 10,38 % сократило рост ВВП на 0,07 %, в 2008 г. увеличение мировых цен на нефть на 64 % сократило рост ВВП на 0,7 %, что соответствует потерям примерно 60 млрд юаней [11].

Повышение цен на нефть может способствовать увеличению себестоимости китайских экспортных товаров, снижению их конкурентоспособности на мировых рынках и стимулировать повышение внутренних цен в Китае. Если этот процесс обретет достаточную устойчивость, он может подтолкнуть развитие инфляции. По данным Государственного центра информации, при увеличении мировых цен на нефть на 20 % индекс внутренних потребительских цен повышается на 0,4 %, индекс цен на средства производства – на 1 %. При этом ВВП сокращается на 0,2 %, в том числе потребление – на 0,15 %, инвестиции – на 0,31 %, экспорт – на 0,5 % [12].

Немалую угрозу энергетической безопасности в Китае представляет слабая диверсификация источников импорта нефти. Сегодня более 60 % ввоза нефти обеспечиваются поставками из пяти стран Ближнего Востока и Африки.

Серьезным поводом для беспокойства служит то обстоятельство, что подавляющая масса импортируемой нефти доставляется по морю и лишь небольшая часть морских перевозок осуществляется китайскими судами. В 2002 г. из 69,4 млн т ввезенной в Ки-

тай нефти 64,5 млн т было доставлено морем, в том числе только около 7 млн т на китайских судах. Эта ситуация сохранилась и в 2003 г., когда импорт нефти достиг 100 млн т, на 90 % его обеспечили морские перевозки, а доля китайских судов не превысила 10 %, причем на маршрутах из Ближнего Востока и Западной Африки и того меньше [13].

В настоящее время грузоподъемность китайских танкеров составляет всего 5,2 млн т, или всего 2,6 % грузоподъемности мирового танкерного флота, причем значительную их часть составляют небольшие и старые суда. Ставится задача довести долю отечественных судов в морских перевозках нефти в перспективе до 50 %, а в течение ближайших пяти лет – до 30 %. Многие эксперты не уверены в выполнимости этой задачи, учитывая длительность строительства крупных океанских танкеров, отсутствие свободных производственных мощностей на основных китайских судостроительных верфях и очень высокий объем потребных инвестиций. Но главные сомнения возникают относительно целесообразности затраты огромных средств на строительство мощного танкерного флота при наличии больших избыточных емкостей нефтеналивных судов в мире и возможности их сравнительно дешевой закупки или фрахта. Однако в данном случае, по-видимому, соображения экономической целесообразности отступают перед заботами о безопасности.

Наиболее уязвимым участком морских перевозок в Китай и из Китая, включая в первую очередь перевозки нефти, считается Малаккский пролив, соединяющий Южно-Китайское море с Андаманским. Через него проходит 70 % китайского импорта нефти. Пролив, ширина которого в самой узкой части составляет всего 40 км, может контролироваться не только американским военно-морским флотом, но и разнообразными пиратами и террористами. В КНР полагают, что в ближайшие 5–10 лет он может стать источником серьезной потенциальной опасности для импорта нефти и для китайской экономики [14]. В июне 2004 г. Китай впервые провел в Южно-Китайском море контртеррористические учения по спасению крупнотоннажного нефтеналивного танкера от нападения готового взорвать себя небольшого судна.

Поэтому большое внимание уделяется проектам, которые позволили бы при транспортировке нефти и иных товаров в Китай и из Китая миновать Малаккский пролив. Один из них – строительство канала через узкий перешеек Кра в Таиланде для прямого соединения Андаманского моря с Сиамским заливом.

Этот водный путь позволил бы сократить маршрут на 700 миль и сэкономить время транспортировки на два-пять дней. Этот проект, однако, требует очень больших вложений. По предварительным расчетам, строительство канала может занять 10–15 лет и обойтись в 25 млрд дол., что явно превышает возможности тайландского правительства. К тому же идея строительства канала встречает сильное противодействие как в самом Таиланде, так и за его пределами. Канал мог бы стать водной преградой между тайландской метрополией и южными районами страны, отделения которых добиваются исламские сепаратисты. Сооружение канала также ударило бы по интересам Малайзии и Сингапура, извлекающих немалые выгоды из нынешних маршрутов судоходства. Кроме того, этот проект вряд ли случайно называют «Панамским каналом Востока», что скорее всего указывает не только на его большое значение для мореплавания, но и на коррупционные скандалы, вполне вероятные в условиях современной тайландской действительности. Для Китая участие в этом сложном, дорогостоящем и долгосрочном проекте дополнительно осложняется проблемами политических отношений как с Таиландом, который традиционно ориентируется на США, так и с другими странами АСЕАН.

В силу всех этих обстоятельств тайландское правительство в настоящее время склоняется в пользу иного решения Малаккской проблемы — посредством строительства нефтепровода, выполняющего те же функции, что и канал, но стоящего значительно меньше и способного вступить в строй в гораздо более короткие сроки. К сооружению этого нефтепровода, который мог бы перекачивать не менее 1,5 млн баррелей в сутки, предполагают привлечь инвестиции из КНР, Японии и Кореи.

В своих попытках диверсифицировать источники поставок нефти Китай видит противодействие не только США, но и Японии, чья озабоченность своей чрезмерной зависимостью от поставок нефти с Ближнего Востока ничуть не меньше китайской.

Эта озабоченность дополнительно усугубляется опасениями, что в случае решения тайваньской проблемы пути доставки нефти в Японию, проходящие полностью через Тайваньский пролив, целиком окажутся под контролем Китая.

Вместе с тем важнейшими средствами для сохранения энергетической безопасности Китая считаются сдерживание энергопотребления до минимально возможных пределов, минимизация внешней зависимости Китая, диверсификация источников

импорта и расширение использования новых и возобновляемых источников энергии.

В настоящее время по степени освоённости гидроэнергетических ресурсов Китай уступает Индии, Вьетнаму, Бразилии и ряду других развивающихся стран (80-е место в мире). Относительно медленное развитие ГЭС за первые два десятилетия реформ было связано с тем, что на их сооружение требуется больше времени и инвестиций, чем на строительство равных по мощности ТЭС. К концу 90-х годов прошлого века ситуация стала меняться. Значительно возросли финансовые ресурсы государства, и одновременно изменилась структура спроса и предложения электроэнергии. Мощности ТЭС в развитых восточных районах страны существенно увеличились, что, в свою очередь, привело к сильному загрязнению атмосферы и вместе с тем не давало возможности покрывать пиковые нагрузки. Все это обусловило решение развернуть гидроэнергетическое строительство в западных регионах, хотя освоение гидроэнергетических ресурсов на этой территории может серьезно осложнять экологические проблемы.

Рис. 2.5.3 иллюстрирует современные тенденции в области развития возобновляемых источников энергии и их удельный вес в энергетическом балансе стран. Китай занимает срединное положение среди представленных стран.

В 2020 г. общие мощности по производству электроэнергии достигнут 860–950 млн кВт (в 2003 г. – 350 млн кВт). Удельный вес

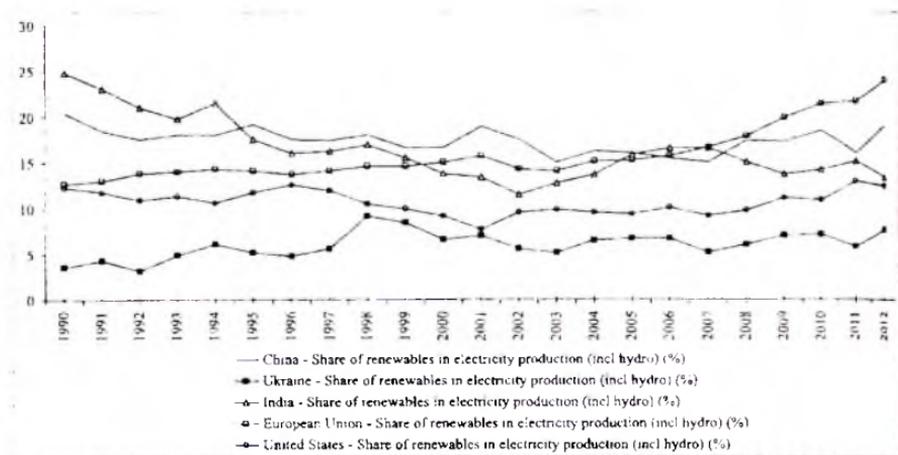


Рис. 2.5.3. Удельный вес использования возобновимых источников (включая гидроэнергетику) энергии в производстве электророзенергии по странам.

Источник: составлено на основе Global Energy Statistical Yearbook, 2013

ГЭС в суммарной выработке электроэнергии повысится с 15,4 % до 19–22 %, что требует в среднем ежегодно вводить в строй на ГЭС по 6,4–9,0 млн кВт генерирующих мощностей из общего количества ежегодно вводимых 29–33 млн кВт.

При этом гидроэнергетические ресурсы восточной части страны будут практически исчерпаны, а на западе, где их использование значительно затруднено и связано с большими затратами, освоены лишь на 8 % [15].

Строительство новых атомных электростанций, начатое в 1997 г., было на шесть лет заморожено, а затем возобновлено в 2003 г. Установленные мощности на китайских АЭС в 2003 г. составляли 6,5 млн кВт, что составляет всего 1,6 % генерирующих мощностей страны. На долю АЭС в Китае приходится только 2,3 % выработки электроэнергии, т. е. намного меньше, чем в Европейском союзе, где этот показатель достигает 16 %, Японии (34 %) и США (20 %). Согласно долгосрочным прогнозам это отставание сохранится надолго. Установленные мощности на китайских АЭС к 2020 г. должны достичь 40 млн кВт, что составит 4 % всех установленных мощностей, а их доля в выработке электроэнергии не превысит 7 %.

Будет сооружено несколько десятков новых ядерных блоков мощностью по 1 млн кВт каждый. В ближайшие годы планируется построить атомные электростанции в приморских районах, прилегающих к Шанхаю, суммарной мощностью 13 млн кВт.

Далеко отстает от среднемирового уровня потребление в Китае возобновляемой энергии, на долю которой приходится менее 1 % всех генерирующих мощностей. Использование источников возобновляемой энергии тормозится высокой себестоимостью производимой с их помощью электроэнергии, которая, если не считать малых ГЭС, значительно превосходит себестоимость электроэнергии из «традиционных» источников. Отсюда вытекает ограниченность рынка, что, в свою очередь, мешает снижению себестоимости, создавая своего рода порочный круг [9, с. 345].

Выводы, к которым можно прийти, анализируя вышесказанное. КНР столкнулась в процессе своего бурного экономического роста с проблемой его обеспечения, а именно энергетической безопасности. Нефть и нефтепродукты носят стратегический характер для любой современной экономики, не исключением является и КНР. Создание всех необходимых условий для преодоления нефтяной зависимости предполагает в первую очередь, географическую диверсификацию поставок сырья, а также разведку

собственных месторождений. Так как Китай пытается выйти на рынок, который давно поделен, успешность решения проблемы энергетической безопасности во многом зависит от политической и военной поддержки. Уязвимость экономики Китая от возможной нефтяной блокады очевидна. Выход на рынки развивающихся стран в первую очередь африканских, а также «горячие точки» представляется единственной возможностью конкурировать КНР с крупнейшими мировыми нефтяными транснациональными корпорациями.

Список использованной литературы

1. Китайская экономическая газета (кит. яз.). – 30 дек 2003 г., 16 апр. 2004 г.
2. Экономика Китая в 21 веке (кит. яз.). – 2005, 2007 г.
3. Ли Пэйлинь. Проблемы и направления социально-экономического развития Китая (кит. яз.) / Пэйлин Ли // Китайский социальный информационный сборник. – 2004. – С. 74.
4. Фэн Фэй. Энергетическая стратегия Китая должна быть преобразована (кит. яз.) / Фей Фэн // Китайская экономическая газета. – 2003. – 17 нояб.
5. Электрический голод, угольный голод, нефтяной голод: кто снабдит Китай? (кит. яз.) // Китайский экономический журнал. – 2003. – 23 дек.
6. Основные соображения об энергетической стратегии государства (кит. яз.) // Интернет-народ. – 2008. – 17 нояб.
7. Экономический журнал (кит. яз.). – 2008. – 6 февр.
8. Народная газета (кит. яз.) – 2008. – 4 авг.
9. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева; Моск. Центр Карнеги. – М., 2005. – 647 с.
10. Лю Лифань. Размышления о стратегии нефтяной безопасности Китая (кит. яз.) Сентябрь 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjshujia/zgqgggl/>
11. Китай сегодня (кит. яз.). Пекин - интернет – 2009. – 16 янв.
12. Чжу Баолян. Остерегаться перетекания роста цен на нефть в инфляцию (кит. яз.) // Китайская экономическая газета. – 2006. – 30 авг.
13. Экономический журнал (кит. яз.). – 2006. – 5 апр.
14. Обзор развития экономики Китая (кит.яз.) Китайская экономическая газета. – 2004. – 30 июля.
15. Обзор развития экономики Китая (кит.яз.) Китайская экономическая газета. – 2004. – 30 июля.

Раздел 2.6. Асимметрия регионального развития Китая

Региональная асимметрия в первую очередь связана со структурой расселения населения. Так называемая широтная асимметрия ярко выражена в Китае в такой последовательности: от западных малозаселенных регионов к восточным, более заселенным и развитым. Региональные диспропорции в Китае определялись в первую очередь историческими особенностями развития страны, особенно в XX и начале XXI веках. Дуализм современного развития КНР кроется в объединении слабых сельскохозяйственных регионов, с их конкурентной рабочей силой по цене, и «сильными» восточными провинциями.

Региональное развитие — это в немалой мере процесс социальной самоорганизации, зависящий от вкусов людей, условий и образа их жизни. Другое дело — целенаправленная деятельность государства по регулированию этого развития. В большинстве стран именно она и называется региональной политикой. Но кроме неё есть ещё пространственные последствия многих деяний государства, значительно более важных, скажем, изменения в экологических нормах могут менять географию целых отраслей. Когда же государство должно вмешиваться? Прежде всего, нужна продуманная модель, картина пространственного устройства страны как части региональной стратегии. И если фактически что-то идёт не так, становится неприемлемым для государства, оно вмешивается в процесс развития, создавая или реформируя свою региональную политику [1, с. 109].

Исходя из вышеприведенного определения, следует начать анализ асимметрии регионального развития КНР с исторических особенностей. Начнем с того, что постараемся внести ясность в вопрос формирования государства и его современного названия.

Термином «Китай» может определяться:

- Китайская Народная Республика (КНР) – государство, которое контролирует материковый Китай, а также острова Гонконг и Макао;
- Республика Китай – государство, которое владеет Тайванем и прилежащими островами;
- «Собственно Китай» – историко-культурный регион, который занимает территорию современной КНР без Маньчжурии, Внутренней Монголии, Тибета и Уйгурского автономного округа Синьцзян. То есть, «этнический Китай»;

- «Великий Китай» – социально-экономический регион, который включает материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань.

С победой в гражданской войне Коммунистическая партия Китая провозгласила себя правопреемницей Республики Китай и 1 октября 1949 года основала новое государство – Китайскую Народную Республику (КНР). Военные действия между КНР и Тайваньским правительством были приостановлены в 1950 году, но фактически обе стороны до сих пор остаются в состоянии войны.

Стартовые условия, в которых находился Китай после Второй мировой войны, заметным образом отразились на его исторической траектории развития.

Китай был бедной аграрной страной, а его промышленная основа очень слабой; экономика развивалась крайне неравномерно, промышленность была сосредоточена в восточных и северо-восточных провинциях и в прибрежной зоне.

Путь индустриализации и социализма, основанный на системе плановой экономики, стал доминирующим в Китае еще в начале 50-х годов XX столетия. В первые три года после образования КНР был создан демократический экономический строй, стимулировавший развитие производительных сил.

Однако после того, как в 1952 г. завершился период восстановления экономики Китая, идеология сильно изменилась, строительство новой демократической экономики сменилось ускорением социалистических преобразований. В 1953 г. был выдвинут «курс на преодоление волнений», требовавший создания централизованной системы социалистической экономики, единственной экономической основой которой явилась бы общественная собственность двух видов: государственная и коллективная [2].

Следует отметить, что усиление региональных диспропорций в Китае произошло также и после экспансии Китая в Тибет, являвшегося в то время фактически независимой и слабообразованной страной. Усиление проблемы Западного Китая привело к необходимости создания специальной политики, которая затрагивает 6 провинций страны Ганьсу, Гуйчжоу, Цинхай, Шэньси, Сычуань, Юньнань), 5 автономных районов (Гуанси-Чжуанский, Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Синьцзян-Уйгурский) и один город центрального подчинения (Чунцин) см. рис. 2.6.1. Этот регион занимает 71,4 % площади континентального Китая, однако здесь проживает всего менее трети населения и производится пятая часть ВВП (2009 г.). Детально региональные диспропорции в современном Китае представлены в приложении В.



Рис. 2.6.1. Регионы КНР

В Китае «ускорение социалистических преобразований» также началось с сельского хозяйства. В период восстановления китайской экономики благодаря осуществлению земельной реформы возросла производственная активность крестьян, сильно повысилась урожайность зерновых и хлопка. В октябре 1952 г. было объявлено, что с декабря месяца данного года будут проводиться плановые закупки и плановое снабжение зерном, или «централизация закупок, и сбыта»; все излишки зерновых будут скупаться государством по установленной им цене, а в 1956 г. была ликвидирована частная собственность на землю и осуществлена кооперация. В 1958 г. продолжалось создание народных коммун. В условиях кооперирования и создания коммун крестьяне попали в «военные отряды» со строгой дисциплиной, а зерно оказалось в руках кадровых работников [3, с. 8–9].

Поскольку исчезли крестьяне-единоличники, не осталось и причины для существования частной промышленности и торговли.

Стремительный переход от новой демократии к социализму для многих людей, в том числе и руководящих кадров коммуни-

стической партии, произошел без должной идеологической подготовки. Такой переход стало возможным осуществить всего за один-два года.

Китайская экономическая реформа тесно связана с экономическим развитием. В 1978 г. сельское население составляло 82 %, сельское хозяйство занимало 28 % народного хозяйства, при этом используя 70 % рабочей силы. Поэтому во время осуществления реформ и открытости начальные условия развития экономики в Китае заключались в неограниченности резервов рабочей силы, полном отсутствии условий для открытия нового дела, чрезвычайной неравномерности производительности труда и оплаты труда. В 1978 г. чистый среднедушевой доход у сельского населения составлял 133,6 юаней, а среднедушевой доход, остающийся в распоряжении городских семей, составлял 343,4 юаня. Можно сказать, что в течение 28 лет, предшествовавших реформе, доходы городского и сельского населения возрастали медленно или почти вообще не росли. Согласно статистике, в 1953–1978 гг. чистая прибыль сельского населения в среднем в год реально возрастала на 3,3 %, среднедушевой доход, остающийся в распоряжении городских семей, реально возрастал на 1,1 % [4].

То, что доходы населения на протяжении длительного периода возрастали очень медленно, а также рост производственных возможностей — важные факторы, определяющие развитие экономики КНР. В то же время проблема значительного разрыва и асимметричности между урбанизацией и индустриализацией была весьма серьезной; разрыв между региональной экономикой различных районов был очень велик. Эти факторы предопределили сложность различных проблем, возникших на начальном этапе реформы, и трудности при проведении реформ. Поэтому в Китае наряду с наличием процесса преобразования плановой экономики в рыночную при переходе к новой экономической системе, также происходило преобразование автаркической экономики в рыночную [4, с. 15].

В условиях традиционной централизованной плановой экономики центральное правительство обладало абсолютной властью при контроле ресурсов страны. Благодаря этому центральное правительство могло в соответствии с собственными предпочтениями осуществлять любые цели.

Исследования, проведенные в 1981 г., показывают, что у различных субъектов деятельности (отдельных лиц, групп лиц, правительств) движущие силы для изменения системы, способы деятель-

ности и их результаты могут различаться, однако все они должны соблюдать общие принципы системных изменений. Соотношение затрат и прибылей от системных изменений играет ключевую роль для их стимулирования или отсрочки. Только если ожидаемая прибыль больше ожидаемых затрат, субъекты деятельности могут начать и в конце концов завершить системные изменения. Это и есть основной принцип системных изменений.

Центральное правительство как субъект деятельности, планируя проведение реформы, сознательно или бессознательно проводит сравнение затрат и прибылей от данной реформы. Несмотря на то, что система плановой экономики предоставила центральному правительству абсолютную власть при распределении всех ресурсов страны, что дает государству возможность, используя все ресурсы страны, за сравнительно короткий исторический срок создать базу для индустриализации страны. Однако со временем недостатки данной системы постепенно проявились: высокая централизованность планирования, централизация финансовых доходов и расходов, централизованные закупки и сбыт материальных ресурсов по контракту, централизация экспорта и импорта, распространенность идеи «общего котла», игнорирование экономической эффективности привели к тому, что активность и творческая инициатива центральных органов, местных властей, предприятий и отдельных рабочих и служащих была сильно ограничена. Низкая эффективность экономической системы, ее несоответствие реальным требованиям будущей модернизации страны вынудила центральное правительство принять решение о реформе экономической системы.

Разделение власти в системе финансов и налогообложения предоставило органам местного самоуправления стимул для увеличения прибыли. Реформа финансовой системы Китая посредством административного разделения власти изменила существовавшую в области финансов систему «большого котла» на «разделение котлов» между центральными и местными властями. В условиях системы «разделения котлов» в соответствии с изменением ситуации в области экономического развития Китая последовательно применялись различные модели управления, например, «разделение доходов и расходов, государственное обеспечение по уровням» (1980–1984), «разделение различных видов налогов, утверждение доходов и расходов, государственное обеспечение по уровням» (1985–1987), «государственное финансовое обеспечение» (1988–1993) и т. д.; в пределах одной модели в со-

ответствии с уровнем развития различных районов избирались различные формы, в общих чертах они делились на следующие виды: «разделение общей суммы», «пропорциональное разделение», «передача вышестоящим органам определенной суммы», «выплата субсидий в определенной сумме» и «общее государственное обеспечение», независимо от того, какая модель и какая конкретная форма избиралась, ядром все равно было «государственное финансовое обеспечение» органов местного самоуправления. Основное содержание «государственного финансового обеспечения» заключается в рациональном определении показателей доходов и расходов органов местного самоуправления в условиях четкого разграничения твердых доходов центральной власти и местных властей, а также определенности пределов общих доходов центральной власти и местных властей, с тем, чтобы точно определить форму государственного обеспечения. Это означает, что кроме выплаты центральными властями субсидий в определенной сумме, «государственное финансовое обеспечение» дает органам местного самоуправления возможность посредством увеличения финансовых доходов получить некоторую долю финансовых отложений, что открывает органам местного самоуправления важный канал расширения финансовых ресурсов, остающихся в их распоряжении. Таким образом, у органов местного самоуправления формируются непосредственные движущие силы для увеличения доходов, эти органы посредством постепенного накопления финансовых ресурсов становятся субъектами деятельности, подталкивающими стремительное развитие экономики данного региона [3, с. 100].

Имеющаяся практика показывает, что к провинциям, в которых у органов местного самоуправления наличествовали силы для организации поступления налогов, расширения базы налогообложения и достаточно быстрого стимулирования экономического развития данного района, относились те провинции, которые получили значительную прибыль благодаря системе «разделения котлов» в области финансов, как, например, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Гуандун и т. д. С 1979 по 1988 год рост финансовых доходов и расходов в данных районах соответственно составил: в провинции Цзянсу 19,16 % и 24,64 %, в провинции Чжэцзян 33,07 % и 35,59 %, в провинции Шаньдун 14,51 % и 29,75 %, в провинции Гуандун 30,52 % и 41,1 %. В этих районах не только рост среднегодовых финансовых поступлений намного превышал или был близок к среднему уровню роста за

этот же период на местах (17,76 %), но также среднегодовой рост финансовых расходов был явно больше, чем рост доходов за тот же период; это показывает реальный рост финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении местных властей. Иные показатели подтверждают это с другой стороны. В некоторых прежде сравнительно мощных городах, как, например, Пекин, Тяньзинь и Шанхай, в 1979–1988 гг. среднегодовой рост финансовых доходов и расходов был не очень быстрым, даже ниже, чем средний уровень роста на местах (17,76 % и 26,46 %). В Пекине он составлял 14,26 % и 26,39 %, в Тяньзине 11,9 % и 23 %, а в Шанхае еще ниже – всего 9,36 % и 24,35 %. Наряду с этим показатели роста ВВП в данных районах в 1988 г. по сравнению с 1978 г. были ниже, чем средний общенациональный уровень за тот же период – 260,7 %. В Пекине он составлял 256,4 %, в Тяньзине 227,4 %, в Шанхае 222,2 % [4]. В этот период Пекин, Тяньзинь и Шанхай являлись районами со сравнительно малой динамикой реформы и сравнительно низкими прибылями.

Несложно заметить, что посредством использования различных форм системы финансового «разделения котлов» не только была ликвидирована ситуация, когда финансы концентрировались в руках центральных властей и в различной степени мобилизовалась активность местных властей в области ведения дел и управления финансами; кроме того, была изменена прежняя структура интересов, сократился разрыв между различными районами в области уровня экономического развития, существовавшего в традиционной системе; в конце концов, были созданы условия для того, чтобы органы местного самоуправления вышли из положения административной подчиненности и стали субъектами деятельности, имеющими реальные экономические интересы.

Разделение власти в области планирования капиталовложений предоставило органам местного самоуправления средства для распределения ресурсов данного региона. Реформа системы планирования капиталовложений также проводилась в соответствии с идеей «упрощения управления и передачи прав низовым организациям». В процессе разделения власти в области планирования капиталовложений государство, с одной стороны, передало низовым организациям полномочия по наложению резолюций на проекты, связанные с основными фондами, упростило порядок их рассмотрения и наложения резолюций, расширило права органов местного самоуправления по принятию решений, связанных с осуществлением капиталовложений; с другой сто-

роны, предоставило органам местного самоуправления определенные права по использованию средств, инвестиции в основные фонды теперь осуществлялись не путем государственных финансовых ассигнований, а путем банковских кредитов, одновременно были расширены полномочия органов местного самоуправления по наложению резолюций на использование иностранных инвестиций и иностранной валюты. Данные меры по разделению власти предоставили органам местного самоуправления определенные права по распределению денежных средств и в то же время дали им право на распределение ресурсов данного района. Согласно имеющимся данным, все провинции, получившие сравнительно большую прибыль благодаря системе финансового «разделения котлов», стояли в первых рядах по всей стране по масштабам капиталовложений в основные фонды. Например, в 1985 г. Шаньдун занимал первое место, Цзянсу – второе, а Гуандун – третье; к 1990 г., хотя они поменялись местами, но по-прежнему именно эти провинции занимали первые три места. Именно в этих провинциях власти, получив в свое распоряжение денежные средства, в процессе распределения власти в области планирования капиталовложений также обрели соответствующие средства для распределения ресурсов, что сильно увеличило возможности развития экономики данных провинций [6, с. 32].

Практика показывает, что органы местного самоуправления как важный субъект капиталовложений инвестируют средства не только в строительство инфраструктуры, но также в некоторые важные виды продукции. Таким образом, органы местного самоуправления на основе увеличения финансовых ресурсов, находящихся в их распоряжении, используя право на распределение ресурсов, постепенно развивали основные отрасли производства, долгое время развивавшиеся в данном регионе.

Сельскохозяйственные регионы подверглись реформированию, поскольку это производство играет весьма значительную роль в продовольственной безопасности страны.

Вся система стала стимулировать крестьян к тому, чтобы они по собственной инициативе расширяли объемы производства, стремясь к увеличению той части, которую они могут «забирать себе», это привело к явному улучшению в области сельскохозяйственных поставок.

В области городской реформы, где плановая экономика контролировала процесс капиталовложения, производства, обмена и распределения всех общественных ресурсов, ситуация была гораздо

сложнее, чем в селе. Несмотря на это, в рамках существующей системы привлекались новые принципы, ставшие общим выбором почти всех субъектов экономических интересов, что привело к распространению явления функционирования «двухрельсовой экономической системы» по всей системе. Например, в системе планового управления существовали такие понятия как «плановое» и «сверхплановое»; в области финансов – «бюджетное» и «внебюджетное»; в области денежного обращения – «плановая процентная ставка, плановый валютный курс» и «плавающая процентная ставка, регулирующий валютный курс»; в области трудоустройства и социального обеспечения – «старые люди – старый метод» и «новые люди – новая система»; в области распределения доходов – «доход в форме заработной платы» и «серый доход», а также другие «двухрельсовые» явления. По этим явлениям нетрудно заметить, что в различных отраслях на «рыночных рельсах» находились органы местного самоуправления, различные экономические организации и индивидуальные лица. Движение по «рыночным рельсам» является единственным путем достижения максимизации прибыли.

Можно сказать, что появление «двухрельсовой системы» было прямым последствием реформы по разделению власти. По мере передачи органам местного самоуправления и предприятиям государственных полномочий, с одной стороны, в различной мере ослабились существующие методы планового контроля, возникла необходимость в новых методах, которые бы заменили и дополнили существующие. С другой стороны, формирование субъектов экономических интересов шло вразрез с традиционными методами контроля, существовала объективная необходимость обеспечения за счет каких-либо иных методов данным субъектам пространства для функционирования и развития. Только так можно было гарантировать непрерывность функционирования экономики. Если бы наличествовало лишь административное разделение власти, то условия для развития субъектов экономических интересов были бы недостаточными. Именно благодаря существованию таких явлений как «сверхплановое», «внебюджетное», «рыночная процентная ставка», «рыночный валютный курс», «новые люди – новая система» и «серый доход», для органов местного самоуправления, различных предприятий и даже индивидуальных лиц были созданы условия максимизации целей, они получили необходимую энергию и возможности для погони за собственной прибылью [7].

Предварительно предполагалось, что в условиях функционирования «двухрельсовой» экономики по мере экономического роста доля планирования будет сокращаться, а доля рыночной системы – увеличиваться, и в конце концов рыночная экономика полностью заменит плановую, так будет завершён процесс перехода китайской экономики на рыночные рельсы. Однако, если говорить о функционировании «двухрельсовой системы» в различных отраслях, проблемы, вызванные ей, были гораздо сложнее, чем это предполагалось.

Руководство КНР в соответствии с современным экономическим положением на основе предложений экономистов перенесло центр тяжести реформы с городской государственной экономики на сельскую коллективную экономику, на негосударственный сектор. В этой области первым важным изменением был поворот от запрета закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами к его разрешению. Затем ЦК КПК принял решение ввести систему семейного подряда, выбранную самими крестьянами, а также 30-летняя аренда земли.

Нынешнее повышенное внимание Пекина к борьбе с сельской бедностью объясняется рядом причин. Как очевидные успехи КНР на данном направлении с начала 80-г. численность жителей деревни, находящихся за национальной чертой бедности, сократилась с 250 млн чел. до 30 млн, или с 30 % до 3 % сельского населения страны). Само по себе постоянное обсуждение этой проблемы, в т. ч. на самом высоком уровне, призваны наглядно проиллюстрировать справедливость утверждений китайского руководства о представительстве правящей компартией коренных интересов народа. Правительство КНР руководствуется и вполне практическими социально-экономическими соображениями – интересами обеспечения социально-политической стабильности в деревне, стремлением сдерживать рост плохо конглолируемой сельской миграции в города, необходимостью реально повышать покупательную способность крестьян для стимулирования внутреннего спроса, который в условиях ухудшения экономической ситуации в мире вносит основной вклад в поддержание приемлемых темпов экономического роста [8].

В КНР критерий сельской бедности был впервые установлен в 1986 г. на основе обследования потребительских расходов 67 тысяч крестьянских семей и определен в 206 юаней чистого среднедушевого дохода на жителя деревни. В 1990 г. он был повышен до 300 юаней, а в 2003 г. – до 625 юаней (76 дол.). Формально это

значительно ниже критерия ООН, но в случае пересчета юаней в доллары по паритету покупательной способности валют приближается к нему. В сегодняшнем Китае на такие средства вполне можно прожить.

На рис. 2.6.3 представлена сравнительная динамика КНР и Индии по показателю «Уровень бедности», на котором четко видна тенденция снижения уровня бедности в Китае в последние 10 лет. Данный показатель активно снижался и в относительных величинах, падение составило около 20 %. Можно констатировать, что Китай в нулевом десятилетии XXI века добился существенного снижения уровня бедности.

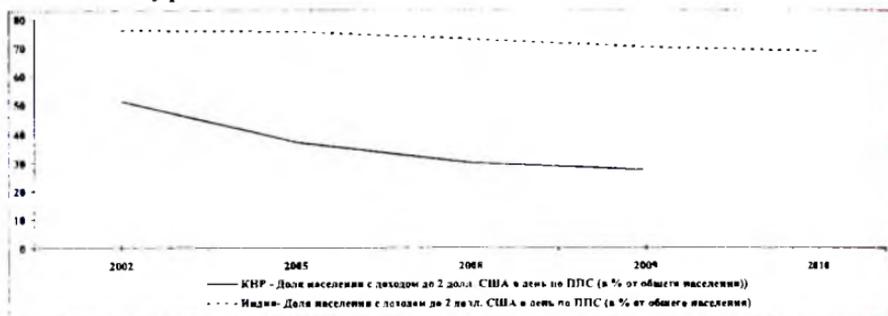


Рис. 2.6.3. Уровень бедности в КНР в сравнении с Индией

Источник: составлено автором на основе World Development Indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF), July 2013

В качестве основного объекта оказания помощи в 90-е гг. были выделены 592 уезда, где проживало 72 % беднейшего крестьянства. Главные усилия были направлены на улучшение производственных условий в районах проживания беднейшего населения и повышение его способности к саморазвитию. В то же время, проводилось и переселение крестьян из районов с особо тяжелыми природными условиями (переселено около 2,5 млн чел.). Наряду с бюджетным финансированием относительно крупных проектов (ирригация, водоснабжение, ремонт и строительство дорог) широко применялось адресное кредитование крестьянских дворов и предоставление им льгот по уплате сельхозналога. На цели борьбы с бедностью привлекались кредиты Мирового банка. Определенная помощь на реализацию конкретных проектов была получена от ряда зарубежных правительств, банков и фондов.

Рис. 2.6.4 демонстрирует динамику коэффициента Джини в КНР, и для сравнения приводится аналогичный показатель

Украины. Напомним коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества страны относительно денежных доходов, в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения.

Весьма интересный можно сделать вывод о том, как же изменилось положение в КНР уровень бедности в этой стране, сравнив данные рис. 2.6.3 и 2.6.4. С одной стороны, наблюдается снижение количества самых бедных граждан, с другой разрыв в т. н. фиртелях бедности не снижается, т. е. расслоение китайского общества по доходам остается по-прежнему значительным. Мож-

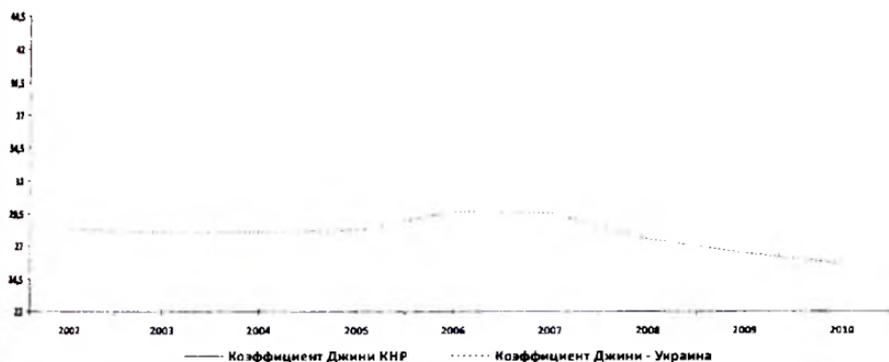


Рис. 2.6.4. Сравнение коэффициента Джини в КНР и Украине

Источник: построено автором на основе данных WDI

но утверждать, что Китай преодолел нищету — повысил доходы самых бедных граждан, но не достиг и, по-видимому еще долго не достигнет, тех целей, которые перед собой ставит социалистическое государство — всеобщее равенство.

Ведомства, причастные к реализации программы искоренения бедности, определяют конкретные меры финансового, материального и политического содействия беднейшему крестьянству в пределах своей компетенции. В то же время, главная ответственность за практическую организацию работы лежит на администрации провинций и автономных районов. Именно они единообразно распределяют все средства на борьбу с бедностью, поступающие на места из различных источников. Следует отметить попытки наладить «попарное» оказание соответствующей помощи развитыми приморскими регионами отсталым западным территориям. Так, Пекин помогает Внутренней Монголии, Шаньдун — Синьцзяну, Шанхай — Юньнани и т. п. Хотя здесь еще далеко не все отлажено (пока реализована всего седьмая часть ин-

полагает активно применять для борьбы с сельской бедностью более четкое профилирование сельхозпроизводства на местах, повышение общеобразовательного и профессионального уровня экономически активного населения. Намечается активизировать переселение и трудовую миграцию крестьян из районов с особо неблагоприятными природными условиями. Приоритет отдается искоренению бедности в районах проживания национальных меньшинств в Центральном и Западном Китае и в приграничных районах. Преодолению сельской бедности будет способствовать и общая стратегия крупномасштабного подъема западных территорий КНР.

Китай сегодня, как было уже отмечено, вторая по уровню развития экономики страна. Однако пространственная дифференциация свидетельствует о возможности сравнение, например ВВП отдельных стран мира с ВВП отдельных регионов Китая. Представленный рисунок 2.6.5 показывает ближайшие эквиваленты. Например, ВВП провинции Хейлуцзян равен ВВП Украины, а размер ВВП Тибета сопоставим с ВВП Мальты и т. д.

Подводя итоги, следует сказать, что основная проблема региональных диспропорций в региональном развитии Китая на сегодняшний момент не решена. Данная проблема сопряжена со структурой расселения населения и природно-климатическими условиями, а также историческими особенностями развития страны. Наряду с объективными проблемами, нельзя не отметить и успехи КНР в таких ключевых вопросах, как борьба с бедностью. Сложившаяся структура регионального развития, по-видимому, представляет собой баланс интересов экономических акторов на внутреннем рынке как иностранных, так и отечественных. Асимметрия современного развития КНР создает предпосылки в «объединении» слабых сельскохозяйственных регионов, с сильными восточными регионами, что представляет собой своеобразный плавильный котел для поддержания высоких темпов развития, требуется все больше ресурсов, тем самым слабые регионы втягиваются в орбиту экономических преобразований и возникают предпосылки для нивелирования диалектического противоречия – «центр-периферия».

Список использованной литературы

1. Артоболевский С. С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С. С. Артоболевский, П. Я. Бакланов, А. И. Трейвиш // Вестник российской академии наук. – 2009. – Т. 79, № 2. – С. 101–123.

2. Сборник документов по курсу социалистического преобразования / Пекин: изд-во «Женьминь», 1957. – С. 341–342.
3. Ковалев М. М. Китайские экономические реформы: опыт, возможности применения в Беларуси / М. М. Ковалев, Жуджунь Дин. — Минск: БГУ, 2005. – 240 с.
4. Гао Цзянь. Углубление реформы, запуск экономики, координирование политики / Цянь Гао // Финансовая экономика. – 2000. – № 2. – С. 9.
5. Ежегодник китайской статистики. Пекин: «Китайская статистика», 1999. – 909 с.
6. Жуджунь Дин Экономические реформы: сравнительный анализ теории и практики (на примере КНР и Республики Беларусь) / Дин Жуджунь. - Минск : БГУ, 2003. – 151 с.
7. Жуджунь Дин Феномен экономического развития Китая: научное издание / Дин Жуджунь, М. М. Ковалев, В. В. Новик. — Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. - 446 с.
8. Проблемы борьбы с сельской бедностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kyta.ru/publ/1-1-0-5>
9. Хэ Цинлянь «Ловушки модернизации» / Цинлянь Хэ. – Пекин «Китай сегодня», 1998. – С. 375–378.
10. Административное деление Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>
11. All the parties in China The Economist Feb. 24th 2011 [Electronic resource]. - Way of access : <http://www.economist.com>

2.7. Экологические проблемы Китая и пути их решения

Китай – крупнейшая в мире аграрно-индустриальная держава, поэтому главной стратегической целью КНР стал выход на первые позиции в мире по уровню промышленного производства. Для ликвидации отсталости, для повышения уровня ВВП как совокупного, так и в расчете на душу населения, Китаю необходимо поддерживать достаточно высокие темпы своего развития. «Мотором» экономического роста страны служит внутреннее потребление, внутренний спрос, быстрое увеличение колоссального роста страны. Основными источниками роста являются трудовые ресурсы и природные ресурсы.

Формирование устойчивого накопительно-инвестиционного механизма является основополагающим в экономике Китая, так как он определяется высокими нормами накопления и инвестирования (в структуре ВВП страны инвестиции составляют около трети, что вдвое превышает аналогичный показатель США). На экономический рост оказывает существенное влияние политика

открытости национальной экономики КНР. Китай в очень высокой степени интегрирован в мировую систему мирохозяйственных связей. Он занимает девятое место как ведущий экспортер товаров и 11 место как импортер товаров.

На долю Китая приходится почти 10 % глобальных прямых зарубежных инвестиций, а также 40 % всех прямых зарубежных инвестиций, сделанных в иностранные страны. Столь высокая доля Китая на мировом рынке инвестиций объясняется довольно своеобразно. Почти 80% всех иностранных инвесторов в экономику КНР – это этнические китайцы (хуацяо), проживающие за рубежом. Хуацяо контролируют больше половины всей экономической деятельности в странах Юго-Восточной Азии. В тоже время прямые зарубежные инвестиции в Китай никогда не превышали 10 % совокупных американских зарубежных инвестиций и только 5 % зарубежных инвестиций стран ЕС.

Сегодня Китай стал одной из экономических держав, обладающих самым крупным в мире потенциалом развития. Жизнь населения в целом достигла среднежиточного уровня. Благодаря неустанным работам китайского правительства по усилению и совершенствованию контроля за экономическим состоянием страны на макроуровне, в последние годы национальная экономика страны сохраняет тенденцию уверенного и динамичного роста. ВВП Китая по итогам 2011 г. вырос на 9,2 % по сравнению с предыдущим годом и составил 47,2 трлн юаней (7,5 трлн дол.).

Китайская экономика в настоящее время по-прежнему характеризуется экстенсивной моделью развития, а экстенсивный рост предполагает высокую степень энергозатратности, а также потребность в огромном количестве ресурсов. В результате интенсивного развития экономики (особенно отраслей тяжелой промышленности – черной металлургии и машиностроения), все более увеличивается давление на окружающую среду и социум. Поэтому, устойчивое развитие Китая в настоящее время находится под угрозой.

Выходом из сложившейся ситуации может и должен стать переход китайской экономики на более современную, интенсивную модель развития, которая будет учитывать принципы устойчивого развития [1].

Исторически сложившееся отношение к окружающей среде в Китае, преувеличение ее самоочищающей способности привели к невниманию к проблемам ее загрязнения в период бурной индустриализации КНР во второй половине XX века. Начало

реформ 1978 года ознаменовало, в том числе, поворот в сторону решения геоэкологических проблем, однако, действенные меры стали приниматься лишь в середине 1990-х.

Основные направления развития экологической политики Китая включают борьбу против так называемых «трех зол»: загрязнения атмосферы, загрязнения поверхностных и подземных вод, загрязнения окружающей среды промышленными и бытовыми отходами. Кроме того, актуальны вопросы химического загрязнения почв и шумового загрязнения, сохранения биоразнообразия.

Основной причиной загрязнения воздуха как в городах, так и в сельской местности является отсталая структура топливно-энергетического баланса, что приводит к повышенной запыленности атмосферы углем и продуктами его сгорания.

Основные загрязняющие вещества, обнаруживаемые в атмосфере городов Китая – угольная пыль, диоксид серы, окислы азота, взвешенные вещества и твердые аэрозольные частицы. Согласно статистике, ежегодно от загрязненного воздуха умирает 400 000 человек [3].

Основными проблемами, связанными с качеством атмосферного воздуха, являются загрязнение продуктами сжигания угля и широкое распространение кислотных осадков (50% осадков, выпадающих в Китае, кислотные). К этому надо добавить тот факт, что основное электричество в Китае дают котельные, работающие на угле – серьезный источник загрязнения. В 2009 году объем золы, вырабатываемой котельными, составил 375 млн т – это в два раза больше, чем объем бытового мусора. А зола содержит около двух десятков загрязняющих веществ, оказывающих губительное воздействие на нервную систему [3].

Увеличение запыленности атмосферы и все чаще встречающийся смог практически во всех крупных городах Китая не могли не сказаться на здоровье населения: возросла смертность населения от заболеваний дыхательных путей и от злокачественных заболеваний.

В настоящее время Китай занимает третье место в мире (после стран Европы и Северной Америки) по степени подверженности кислотным осадкам.

Для уменьшения концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и, в первую очередь, соединений серы, азота и угарного газа, на поселково-волостных и городских промышленных предприятиях сооружаются дымовые трубы большей высоты (50–80 м). Это позволило уменьшить концентрацию за-

грязняющих веществ вокруг заводской территории, однако привело к их рассеиванию на большие расстояния и создало угрозу природным ландшафтам.

Загрязнение вод является самой серьезной геоэкологической проблемой после загрязнения атмосферы. По объему возобновляемых гидроресурсов Китай сегодня занимает пятое место в мире, однако, при этом население большинства районов страны страдает от нехватки воды (около 300 китайских городов испытывают дефицит пресной воды).

В крупных городах Китая, расположенных в нижнем и среднем течении рек (Чжунцзян, Чжэнцзян, Хуанхэ и др.) наблюдается сильное загрязнение вод. Критическая ситуация складывается и в бассейне реки Янцзы. Также проблема загрязнения водных объектов остро стоит в таких городах как Сучжоу, Ханчжоу, Тайюань, Гуанчжоу, Шанхай и Сиань. Самым загрязненным озером в Китае является озеро Чаоху (бассейн реки Янцзы) и Дяньчи (Юньнаньское нагорье).

Приморские районы Китая отличаются наибольшей плотностью населения (230 чел/км² против 199 чел/км² в среднем по Китаю), развитием промышленности (80 тыс. предприятий, без учета поселково-волостных предприятий) и сельского хозяйства. Вслед за их интенсивным развитием, увеличением нефтедобычи и развитием морского транспорта, ростом городов относительно благополучная еще несколько лет назад экологическая ситуация в прибрежных зонах морей, омывающих Китай, меняется в худшую сторону: снижается качество морской воды, уменьшается разнообразие морских видов животных, падает добыча морепродуктов.

Основные причины загрязнения морских вод – поступление загрязняющих веществ с суши (около 88 % всех загрязнителей – промышленные и бытовые отходы объемом 6 млрд т); сброс отходов с морских судов (дампинг); загрязнение нефтью и нефтепродуктами (около 46 % нефтепродуктов, поступающих в моря, приходится на танкеры и морской транспорт). Среди прочих источников загрязнений морских вод можно отметить морской пассажирский и грузовой транспорт, сточные воды городов и промышленных предприятий, судостроительные и судоремонтные предприятия, стоки рек.

В моря, омывающие Китай, поступает до 20 видов загрязняющих веществ, основные из них – биогены, нефть и нефтепродукты, тяжелые металлы.

Несовершенство технологий, интенсивный водозабор из подземных источников привели к истощению ресурсов подземных вод

и засадке грунтов, особенно в крупных городах. Остро встала проблема перераспределения водных ресурсов, включая переброску стока и возможной покупки воды для городского хозяйства.

Таким образом, нехватка водных ресурсов и их сильное загрязнение привели не только к ухудшению состояния водных экосистем, но и оказали негативное влияние на здоровье населения (одно из важнейших проявлений — широкое распространение желудочно-кишечных заболеваний).

Для изменения сложившейся ситуации как в водных объектах суши, так и морских акваториях необходимо изменение сознания населения и внедрение культуры утилизации отходов, а не действия по принципу китайской народной мудрости: «Вода течет, унесет и все нечистоты, много воды, мусор будет незаметен»; установка и налаживание работы замкнутых систем канализации и утилизация отходов; развитие мер по контролю загрязнения и повышение коэффициента полезного действия (КПД) очистных сооружений.

Широкое развитие сельских предприятий, а также высокие нормы внесения удобрений приводят к загрязнению поверхностных горизонтов почвы (1/6 площади пашни Китая подвержена химическому загрязнению). Основные загрязнители — удобрения, ядохимикаты и тяжелые металлы (кадмий). В районе крупных городов содержание вредных веществ в овощах, культивируемых в пригородных хозяйствах, превышают норму в несколько раз.

К главным природно-антропогенным процессам, получившим площадное распространение в Китае, можно отнести обезлесение, ускоренную эрозию, опустынивание, деградацию пастбищных земель и вторичное заселение.

Стихийным бедствиям традиционно было отведено заметное место в идеологической системе императорского Китая. Они рассматривались как показатель несправедности правления и знамение скорой гибели династии. В полном соответствии с традиционным лозунгом «Сельское хозяйство — основа» показателем тяжести бедствия в исторические времена считался ущерб, нанесенный урожаю. В цинский период (1644–1912 гг.) наличие бедствия признавалось официально только в том случае, если погибало не менее 60 % урожая. При решении вопросов о предоставлении государственной помощи пострадавшим, о размере, характере этой помощи, прежде всего, исходили из того, какая часть урожая погибла. К периоду правления династии Цин был полностью сформирован комплекс мероприятий в отношении

стихийных бедствий, а отдельные его элементы подверглись тщательной разработке. Наиболее последовательно система подобных мероприятий изложена в труде Вэй Си (1624–1681 гг.) «Политика оказания помощи пострадавшим от неурожая».

Стихийные бедствия, частота которых усиливается вслед за развитием экономики, наносят огромный ущерб хозяйству Китая. Ежегодные экономические потери от стихийных бедствий составляют 3–6 % ВВП КНР.

Наибольший экономический ущерб наносят наводнения. На гидрометеорологические стихийные бедствия (ливни, наводнения, засухи, тайфуны, град и пр.) приходится 67–69 % всех экономических потерь и разрушений от стихийных бедствий. На геологические стихийные бедствия (оползни, сели, опустынивание, эрозия, абразия и т. д.), а также землетрясения приходится 16–18 % экономических потерь и максимальное число человеческих жертв. Биологические бедствия, включая заболевания, поражение грызунами, насекомыми и явление красных приливов составляют около 15 % всех экономических потерь от стихийных бедствий.

В настоящее время в Китае уже нет многих уникальных природных ландшафтов, которые стали жертвами бурного экономического роста. Пострадали многие виды флоры и фауны, часть из них безвозвратно исчезла. В КНР из-за плохой экологии увеличилось число различных заболеваний, в том числе сердечно-сосудистых, онкологических, желудочно-кишечных, выросла смертность, в том числе детская, растет число детей, рождающихся с различными дефектами, наследственными заболеваниями.

Ежегодно от загрязнения окружающей среды китайская экономика теряет 350,26 млрд дол. или около 7 % ВВП страны. К примеру, использование 1 т угля наносит ущерб экологии в размере 150 юаней [2].

Деградация окружающей среды и потенциальные риски для здоровья населения — все это стало ключевыми сдерживающими факторами на пути к устойчивому экономическому росту и гармоничному развитию общества. Экологические проблемы могут стать серьезным тормозом развития китайской экономики, считают эксперты. Нарушение экологии — основная причина стихийных бедствий, в частности засух. В первом полугодии 2010 г. по этой причине китайская экономика не досчиталась 211,4 млрд юаней [2].

Не только внутренние причины подвигли китайские власти заняться вопросами охраны природы и переходом к чистым тех-

нологиям, но и внешние причины. Внешними причинами стали: растущая во всем мире сила влиятельного экологического лобби и осознание жителями разных стран той мысли, что мы живем на одной планете; изменение психологии потребителей их продукции, которые стали больше интересоваться, из каких материалов произведена продукция, насколько экологически чистым является производство, не пострадала ли окружающая среда при производстве этой продукции, а если пострадала, то как данный ущерб был минимизирован и что было сделано для компенсации.

В стране появилось большое число граждан и даже целых объединений и движений, озабоченных вопросами сохранения природы, бережного ее использования, требующих от властей принять соответствующие меры, борющихся с вредными производствами.

В Китае стали активно проводить собственную экологическую политику, которая выразилась в массовых закрытиях вредных и устаревших производств, объединении предприятий с целью избавиться от множества мелких, выносе предприятий за черту городов, модернизации действующих заводов, ужесточении норм природоохранного законодательства [4].

В настоящее время Китай инвестирует 2 триллиона юаней (313 млрд дол.) в развитие экономики, основанной на чистых технологиях и свободной от углеродных выбросов. Реализация плана займет около пяти лет и будет сопряжена с рядом трудностей.

Решение китайских властей перейти к чистым технологиям весьма показательно. Оно символизирует собой качественный переход китайской экономики от прежнего интенсивного пути развития к развитию не менее интенсивному (потому что при нынешнем уровне глобализации просто нельзя иначе), но с большим вниманием к вопросам экологии, бережного природопользования, сокращения вредных выбросов, энергосбережения. То есть всего того, что можно назвать «зеленой экономикой».

Китай планирует стабилизировать ситуацию за счет развития «зеленых» технологий. К примеру, планируется, что к 2020 г. китайские ветровые генераторы будут вырабатывать 230 млн кВт энергии. Это позволит на 410 млн т сократить выбросы углекислого газа. Солнечные генераторы к 2030 г. будут давать 100 млн кВт электричества.

В 2009 г. китайское правительство инвестировало в «зеленые» технологии 150 млрд дол. Эти цифры эквивалентны 3 % ВВП страны. Огромные суммы, в разы превышающие инвестиции других

стран. К примеру, в Австралии этот показатель составляет лишь 1,2 %, в Японии – 0,8 %, в США – 0,1 %. Все это свидетельствует о том, что в Китае начинают задумываться о проблемах экологии. Это вселяет надежду в то, что пути решения экологических проблем будут найдены и ситуация в КНР значительно улучшится, хотя бы и в среднесрочной перспективе [3].

В течение многих лет Китай постоянно усиливает управление и научные исследования в области охраны окружающей среды и здоровья, страна добилась прогресса в этой области. Информация является фундаментальным фактором для работы в области окружающей среды и здоровья. В настоящее время создаются базы данных по состоянию окружающей среды и здоровью населения, создаются органы государственного управления, которые выполняют разные обязанности в сфере правоприменения и соблюдения природоохранного законодательства. Например, согласно закону Китая «Об охране окружающей среды» местные органы государственного управления отвечают за качество окружающей среды на своей территории. Деятельность органов управления, а, следовательно, и эффективность природоохранной деятельности, оценивается с помощью индикаторов, которые классифицируются следующим образом: индикаторы качества окружающей среды, индикаторы за общим региональным объемом загрязнения, индикаторы вводимых ресурсов на охрану окружающей среды и индикаторы создания потенциала [2].

В связи со сложившейся экологической ситуацией и в целях гармоничного развития экономики, общества и окружающей среды китайским правительством был разработан целый ряд курсовых и политических установок, законов и правил, нацеленных на охрану окружающей среды.

Во-первых, разработаны три важные политические установки: первая требует при разработке народнохозяйственных планов теснейшим образом увязывать экономическое развитие, городское и сельское строительство с экологическими мероприятиями; вторая установка требует учитывать как экономический и социальный, так и экологический эффект при общей оценке эффективности работы; третья установка предусматривает сочетать профилактику с ликвидацией последствий при сохранении приоритета профилактики, проводить принцип «загрязнение устраняет виновник» и усиливать контроль за состоянием окружающей среды.

Во-вторых, при правительствах разных ступеней созданы специальные органы, на основе которых сформировалась сравни-

тельно целостная система охраны окружающей среды, а также была сформирована сеть научно-исследовательских учреждений по вопросам экологии.

В-третьих, в сферах пропаганды и просвещения широко пропагандируются экологические знания с тем, чтобы повысить уровень осведомленности и чувство ответственности людей, в средних и начальных школах введен курс по охране окружающей среды, развивается экологическое обучение.

В-четвертых, в сфере международного сотрудничества Китая активно ведет обмен и сотрудничество с другими странами и международными организациями по вопросам среды и развития; со всей серьезностью выполняет международные соглашения, прилагает усилия к выявлению роли Китая в мировой экологической службе.

В-пятых, из года в год мероприятия по охране окружающей среды неизменно включаются в планы социально-экономического развития, на них распространяется макрорегулирование и макроконтроль государства, постепенно растут бюджетные ассигнования в эту область.

Таким образом, охрана окружающей среды стала одной из равноправных и очень важных отраслей.

Список использованной литературы

1. Логутова Л. В. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития китайского региона [Электронный ресурс] / Л. В. Логутова, Т. Н. Кучинская. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/forum2010/35/425/>.
2. Чажонг: Ге Индикаторы правоприменения и соблюдения природоохранного законодательства в Китае [Электронный ресурс] / Ге Чажонг, Янг Хинтиан Янг, Тонг Янг, Тонг Кай, Као Донг. – Режим доступа : <http://www.oecd.org/dataoecd/11/54/34564842.pdf>.
3. Шэ Пэнсян. За экономический рост чиновники готовы платить большую цену [Электронный ресурс] / Пэнсян Шэ. – Режим доступа : <http://www.chinapro.ru/rubrics/5/5180/>.
4. Экологическая трансформация [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chinapro.ru/blogs/6/6934/>.

ЧАСТЬ 3

КИТАЙ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ – ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОПРЯЖЕНИЯ

Раздел 3.1. Теория сопряжения институтов

Эффективность реформ национальной экономики зависит от конгруэнтности превращений институциональной матрицы общим глобальным тенденциям развития. На необходимость учитывать институциональные ограничения при осуществлении реформ указывает А. Ослунд: «...частым заблуждением является представление, что ответственные за проведение экономической политики обладают полной свободой в выборе ее инструментов, однако в реальности, в силу определенных экономических или политических условий, выявить которые не так уж просто, этот выбор весьма ограничен» [8, с. 39].

Управление процессами трансформации заключается в том, чтобы распад старой системы стал механизмом выработки социальной энергии для формирования новой хозяйственной системы. На современном этапе это обеспечивается, в первую очередь, путем сопряжения целенаправленных действий создания новой институциональной среды с изменением архитектуры глобальной хозяйственной системы.

Сопряжение — это особенный тип взаимосвязи. Известны базовые виды связи — закон, гармония, координация, корреляция, функциональная связь, соответствие, действительная, простая, непосредственную, необходимая, пространственная и т. д. Связи сопряжения существуют в математике, химии, оптике. Исследу-

ют сопряженные числа, сопряженные матрицы, сопряженные реакции.

Сопряженные точки в оптике – это две точки, которые по отношению к оптической системе выступают одна объектом, а другая – ее отображением. В результате оборотности световых лучей объект и его изображение могут взаимно меняться местами. Это свойственно только идеальным оптическим системам (геометрическая оптика), где отсутствует aberrация оптических систем [7, с. 1254].

Связи сопряжения в социальной системе, в частности в хозяйственной системе, значительно сложнее, поскольку включают объективную составляющую, объективно существующих связей (мы называем их эффект сопряжения) и субъективную составляющую – необходимость соответствующих действий экономических агентов, которым для достижения эффективности целесообразно соотносить, корректировать действия – обеспечивать сопряжение. Это достигается выстраиванием особенной технологии взаимовызывания изменений двух процессов. В нашем случае – изменений мировой и национальной хозяйственных систем. Изучая опыт сопряжения глобальных трансформаций и реформирования экономики Китая, можно выявить ряд закономерностей.

Китай на грани 80-х годов был поражен глубоким системным кризисом, что и обусловило необходимость проведения глубоких институционных реформ.

Китай имел объективные предпосылки, которые делали экономику страны восприимчивой к внедрению рыночных реформ. В Китае на конец 70-х годов в селе проживало 80 % население, причем крестьянство не потеряло традиционное трудолюбие, хозяйственные навыки и коммерческую смекалку.

Из-за внутривластных потрясений и дезорганизации экономической жизни, вызванных «культурной революцией» 60-70-х годов, серьезно обветшали административно-государственные и хозяйственные институты: они оказались неспособными ни эффективно выполнять свои командно-распределительные функции, ни как-то затормозить осуществление реформ.

Очень низкий уровень жизни подавляющего большинства китайцев, ведь государство оказывало социальную поддержку лишь меньшинству горожан (работникам госпредприятий и госслужащим), определил готовность основной части населения к изменениям.

Огромные финансовые возможности китайцев, которые проживали за рубежом (хуацяо), относительно осуществления реформ в КНР, их профессионализм и коммерческий опыт оказа-

лись очень уместными и дали колоссальный импульс реформированию материкового Китая.

Китайские лидеры не имели тщательным образом продуманного или скрупулезно подготовленного плана реформ и достаточно часто реагировали на события, которые уже состоялись, а нередко даже развивались вопреки их желаниям и предвидениям. Заслуга этих лидеров заключается скорее в способности направлять реформаторский процесс в контролируемое русло.

Большое значение имел также тот факт, что пекинским реформаторам своей целеустремленной политикой удалось быстро укрепить авторитет государства внутри страны и в глазах соотечественников за ее пределами, задействовать при этом потенциал национализма, который власть направляла на конструктивные цели экономического роста.

Традиционная склонность китайцев к выявлению уважения и повиновению иерархической власти и любому авторитету вообще, приоритет общественных ценностей над личными обеспечивали сохранение жесткой вертикали власти и управления экономикой. Особенная роль семейных отношений и неформальных связей упрощала процесс создания и функционирования малых и средних коммерческих структур, повышала их деловую мобильность.

Ключевое значение в осуществлении реформ имела перестройка аграрного сектора. Именно в ходе этого процесса началось – в известной степени стихийно – создание институционных основ рыночной экономики. Изменения происходили поэтапно. В Китае не вводили частную собственность на землю, однако крестьянам передавали в пользование земельные участки (в среднем 0,42 гектаров на хозяйство); с производственными бригадами и звеньями заключали долгосрочный подряд на снабжение сельскохозяйственной продукции. Определенный объем урожая шел на государственные закупки по установленным ценам, а та часть урожая, которая превышала этот объем, оставалась в распоряжении товаропроизводителей. В 1983 году роспуском производственных бригад фактически завершился переход крестьян на единоличное ведение хозяйства [5]. Следует заметить, что поразительные изменения в селе происходили очень динамически и временами вопреки намерениям реформаторов.

Как отмечает С. Алексахина, за три года (1980–1982) система семейного подотряда утверждалась в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств вопреки всем партийным установкам этих

лет (документами ЦК КПК за 1979, 1980, 1981 годы, которые регламентировали развитие сельского хозяйства, запрещалось считать семейный подотряд основной формой организации крестьянского хозяйства, допускалось его внедрение только в бедных горных районах нескольких провинций). Хотя до конца 1983 года 97,3 % всех производственных бригад и 94,2 % крестьянских дворов работали по этой форме производственной ответственности [1, с. 18]. Государство, однако, контролировало цены на основные сельскохозяйственные продукты, в первую очередь на рис и хлопок.

Постепенно, особенно после 1985 года государство все больше начало отказываться от централизованного административного распределения аграрной продукции и материального обеспечения села в интересах рыночного механизма. Но процесс продвигался неравномерно и временами с реверсивными движениями.

Очевидно, что, осуществляя реформирование сельского хозяйства, государство попробовало ограничиться созданием квазирыночных по своему содержанию структур. Но даже при этом мотивация крестьян к труду резко выросла и позволила достичь заметного увеличения объемов производства. Однако незавершенность реформ тормозила и тормозит доныне развитие аграрного сектора. Хотя крестьяне и имеют право распоряжаться значительной частью выращенной ими продукции, они не могут владеть и распоряжаться землей.

Крестьянам, как правило, предоставлялось до 10 разрозненных участков, а не единственный земельный массив. Такая структура хозяйства объективно тормозила организацию современного производства. Тем временем не только продажа, но и субаренда земли официально были запрещены. Хотя разрешение на передачу права пользования землей было дано еще в апреле 1988 года, экспериментально его применяли лишь в нескольких экономически развитых районах и пригородных зонах. Очевидно, государство было обеспокоено возможностью массового безземелья крестьян и появления сотен миллионов безработных в городах.

В то же время, невзирая на существенные ограничения, неофициально, в виде нелегальной аренды и передачи земельных участков под залог, обращение земли приобретает больший размах, и не без участия провинциальной власти. Десятки миллионов китайских крестьян избавлялись от наделов, вовлекались в несельскохозяйственное производство на селе, принимали участие в сезонных работах или же навсегда оставляли село.

Оценивая результаты проведения аграрных превращений в КНР, известный российский китаевед В. Гельбрас пишет: «Это была действительно «шоковая терапия»: под давлением объединенного крестьянского движения партия-государство вынужденная была пойти на ликвидацию таких важных своих опор, как народные коммуны и коллективные хозяйства в селе. Однако в итоге возник многомиллионный слой не частных владельцев, а крестьян-арендаторов, то есть зависимых от государства трудовых крестьянских хозяйств. За право распоряжаться своим трудом временами государство заставило крестьянство «согласиться» на дополнительные безоплатные исключения в интересах промышленности. В 90-е годы по подсчетам китайских экономистов, эти исключения в среднегодовом значении были в 2,5 раза больше, чем в 1952–1989 гг.» [2, с. 36].

Невзирая на все недостатки, реформирование аграрной сферы создало материальную, финансовую, кадровую и социально-политическую базу для рыночной трансформации всей экономики Китая.

Создание ключевых рыночных институтов в КНР временами происходило без «пробивной» поддержки государства. Иногда эти институты возникали как объективная полустихийная реакция на рыночные превращения, которые уже начались. Аграрные реформы вызывали на селе рост избыточной рабочей силы, численность которой в 90-е годы достигла как минимум 130 млн лиц. Городская промышленность и сфера услуг, транспорт и строительство не могли поглотить такое огромное количество новых рабочих рук. Страна не была готова к усилению процесса урбанизации, и само появление огромного количества мигрантов составляло угрозу полной дестабилизации функционирования коммунального хозяйства, которое в конечном итоге парализовало бы и без того слабую социальную инфраструктуру промышленных центров.

Кроме того, собственно аграрное производство, в значительной мере малоэффективное и низкотоварное, не позволяло ощутимо улучшить материальное положение большей части населения, занятого в сельском хозяйстве. Поэтому многие крестьяне вынуждены были совмещать работу на земле с другой производственной деятельностью. При этих условиях стремительно начал набирать силы процесс, суть которого отражает тезис известного китайского социолога Фей Сяотуна: «Оставляя сельское хозяйство, оставляя землю, работая на предприятиях, не оставляя сельскую местность» [3, с. 12].

Роспуск сельских «народных коммун» был благоприятной предпосылкой для развития на базе традиционных подсобных промыслов и кустарной промышленности новых по своему характеру экономических структур. Так сформировались коллективные предприятия, подчиненные отдельным волостям, нескольким волостям, волостям и государству; создавались также предприятия с участием иностранного капитала, преимущественно зарубежных китайцев-хуацяо.

Наконец, были созданы частные предприятия, которые пользовались наемной рабочей силой. В середине 90-х годов начали интенсивно развиваться паевые предприятия, большие коммерческие интересы которых по большей части выходили за пределы поселково-волостных рамок.

Процесс появления и укрепления сельских неаграрных коммерческих структур, который во многом имел стихийный характер, в сущности означал становление важнейшего рыночного института, который обеспечивал разгосударствление и децентрализацию китайской экономики. Процесс укрепления института неаграрных сельских предпринимательских структур длительное время не был юридически оформленным и базировался на отдельных разрозненных постановлениях и директивах партийных и государственных органов. Нехватка юридических актов компенсировалась действием неписаных правил, которые основывались на традициях конфуцианства и определяли этику деловых отношений, обеспечивая уважение к правам собственности и трудовых договоренностей.

В постреформированном Китае, особенно с начала 80-х годов, идеи Конфуция были взяты на вооружение правительством для легитимизации осуществленных рыночных реформ. На смену маоистским пришли конфуцианские мировоззренческие установки, которые были понятными китайцам и отвечали их культурным традициям. Провозглашаемая конфуцианством приоритетность дисциплины и суровая система старшинства, преданность работодателю, бережливость и стремление к повышению уровня своего образования определяли те принципы и ориентиры, которые приходилось учитывать всем участникам коммерческой деятельности.

В китайском обществе традиционно чрезвычайно большую роль играли семейно-клановые отношения. Принцип приоритетности связей семейных земляков, перенесенный в сферу коммерции, определил то обстоятельство, что китайская среда фор-

мировала специфическую предпринимательскую структуру, в которой преобладал малый и средний бизнес, организованный по иерархической схеме, адекватной китайской семье. Следует заметить: чем теснее и более искренними были отношения в замкнутом мире китайского семейного бизнеса, тем менее восприимчивым он был относительно внешних влияний, например, к влиянию привнесенного извне профессионального менеджмента. Как отмечает по этому поводу известный социолог Ф. Фукуяма, даже если на китайской почве возникают большие корпорации, вроде группы Ли Каншена и Пао в Гонконге, «они управляются в соответствии с принципами семейной иерархии, которые пронизывают всю корпоративную структуру» [17].

Аналогичные черты характеризовали и развитие сельской промышленности в КНР: в ней преобладали малые и средние предприятия, управление которыми осуществлялось на основе традиционных принципов семейного бизнеса, важное значение имели неформальные отношения. Важную роль в развитии этих предпринимательских структур сыграли хуацяо, которые привнесли в экономику Китая не только значительные инвестиции, но и опыт сочетания рыночных принципов управления с китайскими традициями, что способствовало закреплению сформированных тенденций. Например, активный рост сельской промышленности в восточных приморских провинциях был связан именно с тем, что капиталовложения хуацяо направлялись в первую очередь на создание предприятий в тех волостях и провинциях, откуда вышли их предки и с которыми их связывали тесные отношения семейных земляков. В частности, на восточные провинции в 1980–1993 годах приходилось около 65 % объема производства сельской промышленности [17].

Бурный рост сельской промышленности стал могучим импульсом в последующем развитии экономики Китая. Если темпы роста городской государственной промышленности колебались в 80–90-е годы в пределах 2,5–12 % на год, то аналогичный показатель динамики сельской промышленности колебался в пределах 21–134 % [147, с. 36]. Развитие промышленности и сферы услуг в аграрных районах способствовало насыщению потребительского спроса как на селе, так и в городе, существенно расширило экспортную базу, обеспечило повышение занятости и уровня жизни населения сел и поселков. Параллельно складывался слой владельцев и предпринимателей. Практическое усвоение законов рыночной экономики проходили десятки миллионов людей.

Появление рыночных структур в сельских местностях объективно взрывало фундаменты традиционного хозяйственного механизма, сначала на уровне провинций, а впоследствии в масштабах всей страны. Становилась очевидной необходимость кардинальной модификации системы функционирования транспортных, снабженческих, кредитных, внешнеторговых организаций. А главное, на фоне динамичных, мобильных сельских предприятий все более четко проявлялась неспособность городских госпредприятий к самоусовершенствованию, их низкая восприимчивость к реформаторским импульсам.

Принципиально важно значение имело то, что в период «культурной революции» была подорвана прежняя гегемония пекинской бюрократии и много важных функций управления было делегировано региональной власти, которая воспользовалась экономической свободой (пусть даже очень ограниченной) для стимулирования развития промышленности и сферы услуг на провинциальном уровне.

В свою очередь, укрепление основ рыночной экономики в селах сопровождалось формированием рыночно ориентированной бюрократии на местном и провинциальном уровне. Оценив должным образом плоды реформ, временами непосредственно чувствуя материальную выгоду от процессов, которые развернулись, местные чиновники инициировали и поддерживали последующее развитие сельского неаграрного предпринимательства, становясь активными сторонниками реформ.

Наконец, осуществленные преобразования содействовали зарождению среднего класса, способного в перспективе стать силой, которая может обеспечить предсказуемость последующей эволюции Китая.

В то же время четко проявились и новые проблемы. Низкий технический уровень сельской промышленности, дефицит образованных, квалифицированных кадров ограничивали развитие новых коммерческих структур, негативно отражались на качестве продукции. Возникли и другие противоречия, среди которых стоит вспомнить два принципиально важных: во-первых, это неравномерность распределения сельских неаграрных коммерческих структур по регионам; во-вторых, объективный вызов, который бросали новые рыночные институты ортодоксальной бюрократии, связанной с интересами государственного сектора, который все больше чувствовал на себе последствия резко растущей конкуренции за дефицитные ресурсы – электроэнергию,

топливо, сырье, инвестиции, а также за внутренние и внешние рынки сбыта.

Объективные трудности функционирования сельской промышленности, которые возникли на грани 90-х годов, выросли в результате противодействия со стороны местной и центральной бюрократии. Негативная роль провинциального чиновничества была связана в первую очередь с его растущим желанием «осуществлять руководство» местными предпринимателями, которое часто приобретало форму откровенного взяточничества. Позиция пекинской бюрократии определялась политическими причинами. По мнению известного российского специалиста в отрасли китайской сельской промышленности А. Круглова, жесткость в этот период кредитной и ценовой политики, сокращение льгот и привилегий для волостных и поселковых предприятий, привело к замедлению их развития, и стоит рассматривать как попытку «поддержать роль большой промышленности и вообще государственного сектора в народном хозяйстве как субъекта общенародной собственности, гаранта политической стабильности китайского общества» [6, с. 12].

Однако ухудшение ситуации в сельской промышленности, которое могло подорвать динамизм китайской экономики и вызывать непредсказуемые социальные конфликты, было неглубоким и непродолжительным. На определенном этапе развития сельского неаграрного бизнеса провинциальная и центральная власть оказались заинтересованными в упорядочивании коммерческих процессов, которые развернулись на селе, в первую очередь, в создании адекватной правовой базы. Так, в январе 1997 года вступил в силу «Закон о волостных и поселковых предприятиях». Он прописывал правила взаимоотношений волостных и поселковых предприятий с государственными экономическими (налоговыми, кредитными и тому подобное) органами, определял порядок деловых операций с государственными, кооперативными и частными структурами. Одновременно закон фиксировал имущественные права неаграрных сельских предприятий. Кроме того, предусматривалась их правовая защита от вмешательства пекинской и местной бюрократии в коммерческую, производственную и кадровую политику предприятий.

К тому же законодательно была закреплена возможность и необходимость «рационального планирования, регуляции и контроля» со стороны государства по отношению к волостным и поселковым предприятиям, что означало включение сельской промышленности в рамки централизованной экономической страте-

гии. Тем временем при поддержке центра усиливается процесс образования на базе сельских предприятий кооперативных и акционерных компаний, что объективно должно было повысить хозяйственную самостоятельность сельского бизнеса.

Таким образом, сельские коммерческие структуры, преодолевая сопротивление консервативной бюрократии, связанной с интересами государственного сектора, временами чувствуя на себе непоследовательность и противоречивость правительственной политики, стали ключевым рыночным институтом, который существенно повлиял на динамику и направление развития экономики Китая.

Отличительные черты осуществленных в КНР экономических реформ – это их длительность и поэтапность. Китаеведы часто употребляют термины «градуализм» и «двухколейность», то есть «сознательное и достаточно длительное использование двух гетерогенных хозяйственных систем» в переходный период.

Причины осторожного подхода правящих кругов КНР к реформированию государственного сектора имели как политический, так и социально-экономический характер. Рыночные преобразования в промышленности размывали бы пропагандистский образ идеологически безукоризненной правящей партии, которая взяла на себя ответственность за построение «социализма с китайской спецификой». Партийная бюрократия (во всяком случае ее достаточно большая на то время ортодоксальная часть) не без оснований видела в этом процессе угрозу своему влиянию.

Приходилось также принимать во внимание то, что реформирование государственного сектора не могло не повлечь сокращения численности занятых людей без гарантии (и даже возможности) их трудоустройства. В условиях Китая этот процесс мог привести к серьезным социальным последствиям. Кроме того, превращение промышленности предусматривало привлечение значительных внутренних и зарубежных капиталовложений для возобновления отсталых производств. Однако внутренние источники инвестиций были ограничены, а внешние инвесторы на первом этапе реформирования очень осторожно относились к возможности своего участия в модернизации индустриального комплекса Китая.

Перестройка в функционировании государственной промышленности происходила в рамках традиционного для «реального социализма» метода «усовершенствования хозяйственного механизма». Он имел целью лишь поиск «оптимальных» плановых показателей и модификацию отношений между партийными

и государственными органами управления и подчиненными им предприятиями. В частности, в ст. 2 «Закона о промышленном предприятии общенародной собственности» (в 1988 г.) шла речь о том, что предприятие «отвечает за свои доходы и убытки, находится на самостоятельном балансе. Имущество предприятия является общенародной собственностью, на основании принципа распределения права собственности и права ведения хозяйства оно передается предприятию в хозяйственное управление». При этом в ст. 8 подтверждалось, что «первичная организация КПК на предприятии осуществляет и гарантирует контроль за последовательным проведением на данном предприятии курса и политики партии и государства» [13, с. 34]. Таким образом, закон, в соответствии с которым промышленные предприятия действовали в 80 — 90-е годы, предоставлял государственному сектору большей свободы хозяйственного маневра в то же время с сохранением жестких рамок партийно-административного контроля.

В условиях, которые сложились, предприятия государственного сектора не могли стать полноценным рыночным институтом. Китайские преобразования за первое десятилетие реформ не продвинулись дальше аналогичных мероприятий по усовершенствованию хозрасчета на социалистическом предприятии, которые периодически начинались в СССР. Подобно всем советским реформам, начатые в КНР попытки оживить коммерческую деятельность государственных хозяйственных структур были обречены на неудачу. Это касалось как количественных, так и качественных параметров их развития. Среднегодовые темпы прироста промышленности в государственном секторе отставали от аналогичных показателей негосударственного сектора (коллективного, кооперативного, частного и иностранного). Поэтому доля госпредприятий в общем объеме промышленной продукции сократилась в 1980–1993 годах с 76 до 43 %. При этом на долю госсектора приходилось около 80 % всех кредитов, предоставленных промышленности, и 70 % инвестиций в ее основные фонды. В дальнейшем частица госпредприятий в промышленном производстве продолжала уменьшаться и сократилась в 2000 году до 24 % [16, 14, 21].

Но даже достигнутый государственными предприятиями динамизм в известной мере обеспечивался увеличением выпуска неконкурентоспособной продукции, которая не имела сбыта ни на мировом, ни на внутреннем рынке. По этой причине в некоторых отраслях до половины госпредприятий оказались убыточны-

ми, им становилось все сложнее играть роль социального стабилизатора. При этом речь чаще шла не о сохранении возможности предоставлять социальные льготы своим работникам, а даже о способности выплачивать вовремя заработную плату.

Трудности, которые испытывала государственная промышленность, негативно отразились на макроэкономических процессах: усиливались структурные диспропорции и инфляционные тенденции, появлялись проблемы в банковско-кредитной сфере. Нарастание проблем, связанных с развитием государственных промышленных предприятий, заставило руководство страны усилить процесс их реформирования.

Однако дежурная попытка провести реформу госсектора в промышленности в 1994–1995 годах не удалась. Приступая к изменению форм собственности, правительство уже на первом этапе столкнулось с проблемой неадекватного управления. Обследование, проведенное правительством на 2586 убыточных предприятиях, показало, что более чем в 80 % случаев виновным оказывался управленческий персонал. Кое-где руководители предприятий рассматривали изменения форм собственности как благоприятную возможность решить неотложные проблемы путем передачи производственных площадей в аренду или создание предприятий вместе с иностранными участниками, репутация которых в первую очередь вызвала сомнения. Возникла реальная опасность повторить достаточно типичную для России ситуацию, когда промышленные компании в результате разгосударствления оказываются в собственности недобросовестных или малоквалифицированных руководителей.

Склонность к принципу постепенности при реформировании китайской хозяйственной системы, стремления власти (центральной и провинциальной) сохранить за собой контроль за госсектором, ограничить возможности нерезидентов относительно приобретения больших промышленных предприятий не могли не отразиться на формировании рынка акций, который приобрел четко выраженный квазирыночный характер.

Государство жестко регулирует первичную эмиссию акций, определяя эмитентов, объем и сроки выпуска ценных бумаг. Запрещая или ограничивая поступление на рынок акций госпредприятий, госбанков, страховых и трастовых инвестиционных компаний, государство, в сущности, делает главной целью выпуска акций привлечение инвестиций физических лиц [9]. При этом 2/3 акции исключаются из свободного рыночного обращения, ко-

торое ограничивает такие функции рынка акций, как межотраслевое переливание капитала и санация бизнеса. Поскольку инвесторы фактически лишены права на приобретение акций с целью обеспечения контроля над коммерческой структурой (без специального разрешения государственных органов), чуть ли не единственной функцией фондового рынка становится осуществление спекуляций, которые приводят, по определению Д. Шарринова, «к завышению курсов акций и вздутия мыльного пузыря» и превращает «фондовый рынок в ошибочный барометр экономики, способный ввести в заблуждение регулирующие органы» [9, с. 14–15].

Фактически выпуск акций был заменен выпуском облигаций, что, собственно, изменяло характер осуществленных преобразований, оставляя неизменными отношения собственности. Кроме того, из-за несовершенной юридической базы функционирование формально акционированных предприятий обостряло противоречия между акционерами, дирекцией и партийной организацией, которые возникали достаточно часто.

Весомым фактором, который сдерживал реформирование госсектора, стала неразвитость социальной сферы, ее неготовность перевести на себя большую часть нагрузки в медицинском обслуживании, образовании и других видах социального обеспечения работников, которыми занимались госпредприятия.

Но нарастание внутренних негативных экономических тенденций и необходимость противостоять последствиям восточноазиатского финансового кризиса опять сделали актуальной проблему реформирования госсектора в промышленности. По данным американского экономиста Н. Ларди, отношение долговых обязательств к активам предприятий в 1988–1995 годах выросло с 80 до 570 % и продолжало увеличиваться. Рентабельность госсектора постоянно падала, за 1990–1995 годы доля убыточных предприятий выросла с 27 до 43 % [10].

Обострение ситуации в реальном секторе экономики негативно отразилось на состоянии банковско-кредитной системы. Объем просроченных долгов (к которым принадлежат долги, проценты по которым не платятся свыше трех месяцев), по официальным данным, составляла 241 млрд дол., или 25 % всех предоставленных кредитов. По другим данным, объем «плохих» долгов был значительно выше и достигал 270–360 млрд дол., или 30–40 % ВВП, рассчитанного по официальному обменному курсу юаня (8,3 юаня за 1 дол.).

Лишенные в середине 90-х годов возможности спекулировать недвижимостью и таким способом хотя бы частично покрывать убытки от кредитных операций с реальным сектором, банки чувствовали растущее давление безнадежных долгов и стремились уклониться от кредитования государственной промышленности. Это ухудшало и без того затруднительное финансовое состояние последних. Как признавали китайские официальные лица, они «раньше не достаточно ясно представляли, насколько серьезной может быть проблема безнадежных долгов» [12].

В процессе разгосударствления собственности по-своему были заинтересованы директора предприятий и их покровители из центральных и особенно местных органов власти. Они стремились воспользоваться новыми возможностями и распоряжались государственной собственностью с выгодой для себя, проведя, по высказыванию гонконгского профессора Сяо Жена, «приватизацию прибыли и социализацию убытков» [18].

В 1997 году руководство страны еще раз прибегло к реформированию промышленности. Было объявлено о будущем акционировании 305 тыс. предприятий и создания на их базе около 1 тыс. коммерческих структур, способных воспринять опыт функционирования японских и южнокорейских корпораций. Основными сферами их деятельности должны были стать телекоммуникации, электроника и нефтехимия [18].

Сложность реализации институционных реформ в промышленности и банковской сфере растет в результате неравномерности проведения превращений в разных регионах страны, отсутствия, собственно говоря, единственного внутреннего рыночного пространства и единственного правового поля. Трудности правового обеспечения реформ в КНР усиливаются авторитарностью государства, для которого характерны наличие правовых лагун, ограниченность возможностей субъектов рынка в решении спорных юридических вопросов непосредственно между собой, что вынуждает их прибегать к посредничеству политического центра.

В связи с этим приобретает актуальность предостережения австралийского исследователя К. Джаясурия о разногласии между западной и восточноазиатской правовыми системами: «На Западе правит закон, а в Восточной Азии правят с помощью закона» [19]. Если сформированная тенденция углубления дифференциации регионов по степени их экономического развития сохранится, то более вероятным становится усиление деструктивных процессов, вызванных тем, что централизованная авторитарная

система власти будет ослабевать, в то время как формирование демократической правовой системы вероятнее всего будет происходить очень медленно.

Важно также то, что декларируемые цели осуществленных в КНР реформ остаются не до конца понятными. Реформаторы старательно избегают понятия «приватизация» и периодически

Таблица 3.1.1

Перспективы развития мировой экономики (Процентное изменение)

	По сравнению с предыдущим годом						
	Прогнозы				IV кв. по сравнению с IV кв.		
	2011	2012	2013	2014	Оценки	Прогнозы	
	2011	2012	2013	2014	2012	2013	2014
Мировой объем производства	3,9	3,1	3,1	3,8	2,6	3,5	3,7
Китай	9,3	7,8	7,8	7,7	7,9	7,9	7,6

Источник: [23]

напоминают, что начатые мероприятия направлены в первую очередь на то, чтобы добиться последующего «продвижения по пути социализма» [19]. Терминологическая неопределенность отражает непоследовательность экономических реформ.

В то же время переоценка реформаторами значения национальной специфики для результативности рыночных трансформаций может быть не менее опасной, чем ее недооценка. Как считает американский экономист К. Лингл, «институциональный протекционизм может иметь такой же эффект, как и торговый» [20]. Фетишизируя традиционные принципы организации бизнеса, а также пытаясь сохранить контроль партии над экономическими процессами не только на макро-, но и на микроуровне, правящие круги Китая объективно усиливают влияние факторов, которые замедляют осуществление институциональных реформ и мешают интегрированию КНР в мировую экономику. В частности, это оказывается в ходе длительной перестройки госсектора в промышленности.

Предусматривается сократить долю госсектора в экономике страны, оставив под контролем государства транспорт, связь, металлургию и химию. Большого значения в КНР уделяется зависимости доходов менеджеров от эффективного функционирования возглавляемых ими предприятий, а также разрешению руководителям предприятий совмещать свою хозяйственную должность с должностью партийного секретаря, чтобы покончить с

перманентными конфликтами между партийными функционерами и дирекцией [4].

Однако, нет определенности, что подобные традиционные для «реального социализма» мероприятия могут кардинально изменить эффективность функционирования госсектора или «рационализировать» партийное влияние на госпредприятиях. На фоне существования квазирыночных институтов в аграрной сфере хроническое «недореформирование» госсектора в промышленности может стать негативным фактором, который сдерживает развитие китайской экономики.

Длительное время Китай избегал либерализации внешнеэкономической политики и участия в любых экономических группировках. В то же время, либерализация внешнеэкономического режима, связанная со вступлением в ВТО, должна подтолкнуть и внутренние реформы. Усиление конкуренции на внутреннем рынке призвано стимулировать экономические превращения в госсекторе, предотвратить угрозу формирования «олигархических структур». Кроме того, вступление к ВТО позволяет точнее определить критерии институциональных преобразований, задает правовым нормам, которые регулируют экономическую деятельность, уровень, на который неминуемо будут ориентироваться и центральное правительство, и местные администрации.

Но следует заметить, что и процесс открытия национальной экономики приобретает черты китайской специфики. Добившись при вступлении в ВТО пятилетней отсрочки на допуск внешних инвесторов в такие отрасли, как банковский и финансовый сектор, страхование, телекоммуникации, оптовая торговля, грузовые перевозки и туризм, Китай намеревается за это время закрепить в них доминирующие позиции гонконгско-китайского капитала путем предоставления ему инвестиционных преимуществ и ограничения возможностей фирм, владельцы которых не являются этническими китайцами или чей бизнес сосредоточен в Гонконге менее чем на 50 % [13]. Эти ограничения направлены, в первую очередь, против компаний из промышленно развитых стран Запада.

Как видим, в начале третьего тысячелетия Китай опять стоит на пороге фундаментальных преобразований. Промедление с формированием рыночных институтов в промышленности и банковской сфере угрожает усилением дисбалансов и кризисных явлений в народном хозяйстве. С другой стороны, новый этап реформ, по-видимому, приведет к определенному замедлению эко-

номического развития, к повышению уровня безработицы и других социальных расходов. По имеющимся оценкам, уменьшение темпов прироста ВВП на 1 % влечет увеличение безработицы на 5 млн человек. Кроме того, во время последующих экономических превращений придется идти на большую открытость Китая.

Политические и социально-экономические последствия этого процесса (в том числе с точки зрения сохранения единства Китая) пока еще трудно предусмотреть. Перед очень непростым выбором оказалось новое руководство КНР. Однако вряд ли оно сможет пренебрегать инерцией рыночных процессов, которые уже развиваются, и не продлить начатые институциональные преобразования.

Таким образом, преобразования в Китае — пример эффективного сопряжения реформ с национальной хозяйственной культурой и ведущими мировыми тенденциями. В современных условиях Китай вынужден внести изменения в посткризисную модель роста, осуществляя переход от роста, основанного на инвестициях, к росту на основе развития внутреннего спроса за счет увеличения потребления домохозяйств. Это потребует изменения в государственном регулировании: необходим акцент на повышении качества рабочей силы и на этой основе увеличения доли домохозяйств в ВВП. Для обеспечения роста экономики в новой модели неизбежно повышение курса юаня и процентных ставок.

Майкл Петти, профессор Школы менеджмента Гуангу Пекинского университета (Michael Pettis, Peking University's Guanghua School of Management) опубликовал в McKinsey Quaterly статью *Winners and losers in China's next decade*, в которой прогнозирует вероятные последствия изменений в китайской экономической политике на мировой бизнес, что свидетельствует об императиве эффекта сопряжения хозяйственной практики субъектов глобальной экономики. Цена на основные сырьевые товары промышленного назначения может существенно снизиться. Цены же на сельскохозяйственные товары могут увеличиться от дополнительного спроса со стороны китайских потребителей.

Изменится конкурентная ситуация на мировом рынке. Изменятся и конкурентные преимущества. Стержень конкурентоспособности Китая — низкие издержки на труд, заниженные процентные ставки, недооцененный курс собственной валюты. От новой экономической политики Китая выиграют в большей степени страны с растущим промышленным производством.

МВФ прогнозирует замедление темпов роста в Китае.

Институциональные изменения в Китае требуют изменения правил поведения хозяйствующих субъектов в глобальной экономике.

Список использованной литературы

1. Алексахина С. Опыт проведения экономических реформ в экспериментальных сельских районах КНР / С. Алексахина. – М., 1998. – 382 с.
2. Гельбрас В. Т. России необходима стратегия развитая / В. Т. Гельбрас // Вопросы теории и практики «догоняющего развития». Материалы заседания Ученого совета. – ИМЭМО РАН. М., 1998. – С. 36.
3. Коломиец А. Н. Методологические основы теории реформирования переходной экономики / А. Н. Коломиец // Вестник ХГУ. – 1998. – № 404. – С. 197–198.
4. Коломиец А. Н. Предвосхищающие реформы как трансформационная технология информационного общества. В кн. «Социально-экономические проблемы информационного общества» / А. Н. Коломиец; под ред. д.э.н., проф. Л. Г. Мельника. – 2005. – Сумы: ИТД «Университетская книга». – С. 381–397.
5. Корнаи Я. Дефицит / Я. Корнаи. — М.: Наука, 1999. – 370 с.
6. Круглов А. Роль и место сельской промышленности в экономике Китайской Народной Республики: автореф. дис. доктора экономических наук / А. Круглов. – М., 1998. – 39 с.
7. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова, С. М. Ковалева. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – 1600 с.
8. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / А. Ослунд. – М.: Логос, 2003. – 720 с.
9. Шарин Д. Н. Формирование и регулирование фондового рынка КНР (на примере рынка акций): автореферат кандидата экономических наук / Д. Н. Шарин – М., 2001. – 21 с.
10. Пивоварова Э. Китайская реформа: проблема достижения баланса экономических и социальных интересов / Э. Пивоварова // Российский экономический журнал. – 1996. – № 2. – С. 92–98.
11. Пивоварова Э. Уроки хозяйственной реформы в КНР / Э. Пивоварова // Российский экономический журнал. – 1997. – № 5–6. – С. 67–77.
12. Симония А. Уроки и китайских и южнокорейских реформ / А. Симония // Вестник РАН. – 1998. – № 8. – С. 728–734.
13. Федоровский А. Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы / А. Федоровский // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4 – С. 77–86.
14. Юй Дянь Комплексная государственная мощь Китая. Экспресс-информация / Дянь Юй, Пу Ду, Ян Ху. – ИДВ РАН, 2002. – 29 с.
15. Business Week. 29.09.1998. P. 40.
16. China Statistical Year Book/ Beijing, 2001. P.401
17. Fukuyama F. Social Capital and the Global Economy / F. Fukuyama // Foreign Affairs. – 1995. – V. 74, № 5. – P. 92.

18. Financial Times. 8.16.11.1998. P. 11.
19. Jayasuriya K. The Rule of Law and Governance in East Asia, in *Reconfiguring East Asia: Regional Institutions and Organizations After the Crisis 99* / K. Jayasuriya. – Mark Beeson ed., 2002. – P. 19–21.
20. Lingle C. The End of the Beginning of the Pacific Century. Confucian Corporatism and Authoritarian Capitalism in East Asia / C. Lingle // *The Pacific Review*. – 1996. – V. 9, № 3. – P. 406.
21. Stark David *Coexisting Organizational Forms in Hungary's Emerging Mixed Economy* / edited by Victor Nee and David Stark. – Stanford: Stanford University Press. *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*. – 1989. – P. 137–168.
22. Stark David *For a Sociology of Worth* / Stark David // *Conference on Economic Sociology at the Edge of the Third Millenium*. – Moscow, January. – 2000. – P. 22.
23. Перспективы развития мировой экономики 9 июля 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2013/update/02/pdf/0713r.pdf>

Раздел 3.2. Китай в международной торговле

В своей торговой политике КНР использует политику импортозамещения и экспортной ориентации. Процесс импортозамещения продолжался в КНР с 1949 по 1978 г. Решение о переходе к экспортной ориентации народного хозяйства было принято в декабре 1978 г., однако сам переход занял практически все 80-е и начало 90-х годов.

Особенностью периода импортозамещения было не столько развитие обрабатывающей промышленности, нацеленной на насыщение внутреннего рынка, сколько создание тяжелой индустрии. В этот период (конец 40-х – первая половина 50-х годов) КНР широко развивала экономические отношения с СССР и другими социалистическими странами. Этот краткосрочный период международного сотрудничества оказал огромное влияние на ход и характер индустриализации страны. Именно тогда были заложены основы тяжелой и оборонной индустрии, появились новые отрасли промышленности – тракторная, автомобилестроение, современное приборостроение и др. КНР получила от своих союзников техническую документацию по широкому кругу отраслей и видов продукции и могла использовать лучшие образцы техники и технологии СССР и других социалистических стран.

В этот период КНР удалось существенно нарастить промышлен-

Таблица 3.2.2

Структура мирового импорта по регионам, 1948–2009 гг.

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009
Весь мир (млрд дол. США)	62	85	164	594	1882	3786	7689	12421
В процентах								
Весь мир	100	100	100	100	100	100	100	100
Северная Америка	18,5	20,5	16,1	17,2	18,5	21,4	22,4	17,5
Соединенные Штаты Америки	13,0	13,9	11,4	12,3	14,3	15,9	16,9	12,9
Канада	4,4	5,5	3,9	4,2	3,5	3,7	3,2	2,7
Мексика	1,0	0,9	0,8	0,6	0,7	1,8	2,3	1,9
Южная и Центральная Америка	10,4	8,3	6,0	4,4	3,8	3,3	2,5	3,6
Бразилия	1,8	1,6	0,9	1,2	0,9	0,7	0,7	1,1
Аргентина	2,5	0,9	0,6	0,4	0,2	0,4	0,2	0,3
Европа	45,3	43,7	52,0	53,3	44,2	44,6	45,0	41,6
Германия	2,2	4,5	8,0	9,2	8,1	9,0	7,9	7,6
Франция	5,5	4,9	5,3	6,4	5,6	5,7	5,2	4,5
Объединенное Королевство	13,4	11,0	8,5	6,5	5,3	5,5	5,2	3,9
Италия	2,5	2,8	4,6	4,7	4,2	3,9	3,9	3,3
СНГ	-	-	-	-	-	1,2	1,7	2,7
Африка	8,0	7,0	5,2	3,9	4,6	2,6	2,1	3,3
Южная Африка	2,5	1,5	1,1	0,9	0,8	0,5	0,5	0,6
Ближний Восток	1,7	2,0	2,2	2,6	6,2	3,3	2,7	4,0
Азия	13,9	15,1	14,1	14,9	18,5	23,7	23,5	27,4
Китай	0,6	1,6	0,9	0,9	1,1	2,7	5,4	8,1
Япония	1,1	2,8	4,1	6,5	6,7	6,4	5,0	4,4
Индия	2,3	1,4	1,5	0,5	0,7	0,6	0,9	2,0
Австралия и Новая Зеландия	2,9	2,3	2,2	1,6	1,4	1,5	1,4	1,5

Составлено по материалам: [5]

ленный потенциал. Если бы не «большой скачок» (1958–1980 гг.) и «культурная революция» (1966–1976 гг.), которые нанесли стране большой урон, его масштабы могли бы быть существенно больше.

Реформа внешней торговли Китая с 1978 г. привела к значительным успехам. Внешнеторговый оборот с 1978 г. по 2001 г. вырос

в 25 раз, точнее, общая сумма китайского экспорта и импорта с 20,6 млрд дол. в 1978 г. поднялась до 505,8 млрд дол. в 2001 г., возрастая в год в среднем на 16 %. В том числе экспорт возрос с 9,7 млрд дол. в 1978 г. до 266,1 млрд дол. в 2001 г., импорт с 10,9 млрд дол. в 1978 г. возрос до 239,7 млрд дол. в 2001 г. Скорость роста китайского экспорта и импорта в этот период значительно превышала скорость роста мировой торговли. Место Китая в мировой торговле стреми-

Таблица 3.2.2

**Структура мирового импорта по регионам,
1948—2009 гг.**

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009
Весь мир (млрд дол. США)	62	85	164	594	1882	3786	7689	12421
В процентах								
Весь мир	100	100	100	100	100	100	100	100
Северная Америка	18,5	20,5	16,1	17,2	18,5	21,4	22,4	17,5
Соединенные Штаты Америки	13,0	13,9	11,4	12,3	14,3	15,9	16,9	12,9
Канада	4,4	5,5	3,9	4,2	3,5	3,7	3,2	2,7
Мексика	1,0	0,9	0,8	0,6	0,7	1,8	2,3	1,9
Южная и Центральная Америка	10,4	8,3	6,0	4,4	3,8	3,3	2,5	3,6
Бразилия	1,8	1,6	0,9	1,2	0,9	0,7	0,7	1,1
Аргентина	2,5	0,9	0,6	0,4	0,2	0,4	0,2	0,3
Европа	45,3	43,7	52,0	53,3	44,2	44,6	45,0	41,6
Германия	2,2	4,5	8,0	9,2	8,1	9,0	7,9	7,6
Франция	5,5	4,9	5,3	6,4	5,6	5,7	5,2	4,5
Объединенное Королевство	13,4	11,0	8,5	6,5	5,3	5,5	5,2	3,9
Италия	2,5	2,8	4,6	4,7	4,2	3,9	3,9	3,3
СНГ	-	-	-	-	-	1,2	1,7	2,7
Африка	8,0	7,0	5,2	3,9	4,6	2,6	2,1	3,3
Южная Африка	2,5	1,5	1,1	0,9	0,8	0,5	0,5	0,6
Ближний Восток	1,7	2,0	2,2	2,6	6,2	3,3	2,7	4,0
Азия	13,9	15,1	14,1	14,9	18,5	23,7	23,5	27,4
Китай	0,6	1,6	0,9	0,9	1,1	2,7	5,4	8,1
Япония	1,1	2,8	4,1	6,5	6,7	6,4	5,0	4,4
Индия	2,3	1,4	1,5	0,5	0,7	0,6	0,9	2,0
Австралия и Новая Зеландия	2,9	2,3	2,2	1,6	1,4	1,5	1,4	1,5

Составлено по материалам: [5]

тельно поднималось: 32-е в 1978 г., 15-е в 1989 г., 10-е в 1997 г., 6-е в 2001 г. Скорость развития экспортного потенциала намного превышала уровень других стран и регионов мира.

Изменение позиций политического руководства КНР произошло под воздействием опыта Японии, Южной Кореи и Тайваня, – стран, которые продемонстрировали не просто высокие темпы экономического подъема, но к концу 70-х годов вышли на качественно иную траекторию развития. Китайское руководство осознало, что весь мир вступил в эпоху НТР и успел в больших масштабах освоить технику и технологии 70–80-х годов, воплощавших глобализацию производственных и культурных связей. Пекин признал, что дальнейшая изоляция страны грозит углублением отсталости.

Переход к политике реформ и открытости ознаменовал собой новый этап поиска стратегии развития, который продолжался все 80-е и первую половину 90-х годов. Эта политика рассматривалась, главным образом, как средство привлечения иностранного капитала, создания каналов стабильного поступления из-за рубежа новой техники, технологий и опыта управления, подготовки управленческих и рабочих кадров, установления прочных связей с мировым рынком. С этой целью были созданы особые экономические районы и другие формы локального применения капиталистических методов хозяйствования. Большая же часть территории страны оставалась практически изолированной от мирохозяйственных связей. Открытость вначале никак не сочеталась с экспортной ориентацией народного хозяйства.

Стадия импортозамещающего развития дала впечатляющие результаты. Повысились темпы экономического роста. Начал формироваться внутренний рынок, постепенно стала сокращаться сфера централизованного материально-технического снабжения и распределения по карточкам. Произошло эпохальное событие: КНР, а это почти четверть человечества, удалось существенно сократить численность голодающего населения. На внутренний рынок поступила масса новых видов промышленной продукции, прежде всего потребительских товаров длительного пользования. В деревнях были ликвидированы «народные коммуны». Возникла система подворного подряда, крестьяне получили право самостоятельно определять характер своей деятельности, а также продавать часть произведенной продукции по свободным ценам. Внутренний рынок потребительских товаров начал процветать. Становление рыночных отношений способствовало развитию новых потребностей населения [3].

80-е годы – период, когда, по сути, продолжали проводить в основном политику импортозамещения. Были произведены крупные закупки за рубежом техники и технологий, которые обеспечили быстрое наращивание производства потребительских товаров длительного пользования.

Приток иностранного капитала и его ориентация на внешние рынки подтолкнула китайское руководство к выбору новой стратегии и тактики развития: переходу к экспортной ориентации народного хозяйства. КНР развернула агрессивную внешнеэкономическую деятельность и в результате в 1997 г. по объему внешнеторгового оборота вышла на 10-е место в мире.

Переход к экспортной ориентации сопровождался изменениями как в структуре ведущих отраслей экономики страны, так и в масштабах и глубине ее связей с мировым рынком.

Период проведения политики экспортной ориентации народного хозяйства Китая начинается в начале 90-х годов и продолжается по настоящее время. Целями политики экспортной ориентации Китая выступают участие в процессе глобализации, причём осмысленное достижение высоких экономических и политических позиций в новом мире, развитие азиатского региона и занятие в нём лидирующей позиции. Данные цели предусматривают следующие задачи:

- увеличение объёмов производства за счёт как экстенсификации, так и интенсификации;
- снижение себестоимости продукции производства за счёт повышения технико-технологической и научной базы производства, а также за счёт снижения стоимости закупаемых комплектующих, сырья и материалов, за счёт уменьшения ассортимента закупаемых средств производства;
- повышение качества производимой продукции;
- завоевание новых рынков сбыта, в том числе и за счёт вступления в ВТО.

Произошли коренные изменения в структуре экспортных и импортных товаров. До начала реформ Китай, главным образом, экспортировал первичную продукцию, включая продовольственные товары, полезные ископаемые, хлопчатобумажную пряжу и т. д. За годы реформ доля экспорта обработанной продукции сильно возросла и стала основной частью китайского экспорта (см. табл. 3.2.1). Однако экспортируемая Китаем готовая продукция, в особенности продукция, экспортируемая предприятиями, к концу 20 века была еще невысокого качества,

Таблица 3.2.3

Товарная структура импорта Китая по регионам,
2009 г. (млрд дол. США)

	СНГ	Африка	Ближний Восток	Азия	ЕС (27)	США	Япония	Гонконг	Корея	Мир
Сельско-хозяйственная продукция	4,74	2,09	0,10	23,57	5,97	17,8	1,84	0,24	1,13	76,62
Продовольственная продукция	1,3	0,63	0,07	11,86	2,34	12,22	0,38	0,08	0,29	45,25
Сырье	3,44	1,46	0,03	11,72	3,63	5,58	1,46	0,16	0,84	31,37
Топливо и продукция горнодоб. пром-ти	19,23	37,73	47,52	88,12	9,43	5,58	8,9	1,0	8,54	250,46
Руда и др. полезные ископаемые	3,34	6,36	1,56	43,69	5,52	3,96	2,6	0,5	0,47	88,77
Топливо	12,43	27,89	45,43	29,33	0,32	0,71	2,12	0,35	5,49	123,96
Цветные металлы	3,46	3,48	0,54	15,09	3,59	0,91	4,18	0,15	2,57	37,72
Изделия	7,04	2,61	8,56	468,3	112,3	54,36	120,03	7,02	92,51	675,17
Железо и сталь	3,38	1,04	0,08	15,55	3,28	0,96	7,58	0,02	4,26	26,48
Химические в-ва	2,84	0,55	7,13	67,5	17,26	12,48	18,47	1,69	17,74	111,97
Машины и транспортное оборудование	0,54	0,26	0,69	290,67	77,09	32,96	81,7	4,6	50,56	441,95
Управление и телекоммуникационное оборудование	0,05	0,29	0,51	205,88	9,02	11,40	28,3	3,29	33,83	231,91
Транспортное оборудование	0,17	0,01	0	20,76	20,37	9,27	14,63	0,02	4,58	51,97
Автомобильная продукция	0,07	0,01	0	14,22	12,93	3,0	11,21	0	2,65	30,85
Текстиль	0,01	0,01	0,04	13,19	1,06	0,47	2,82	0,72	2,03	14,94
Всего товаров	31,04	43,33	56,19	581,23	127,77	77,76	130,94	8,71	102,55	1005,56

Составлено по материалам: [5]

Таблица 3.2.4

Внешняя торговля Китая со странами мира 2001 — 2009 гг. (млрд дол. США)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
экспорт									
Весь мир	266,1	325,6	438,2	593,3	762,0	969,0	1220,5	1430,7	1201,5
Северная Америка	77,5	100,4	130,4	176,2	226,0	284,2	326,2	350,0	304,8
США	71,1	91,4	119,2	159,7	204,9	255,0	289,4	308,3	269,3
Южная и Центральная Америка	6,3	6,5	8,4	13,0	17,7	26,6	39,5	56,9	42,9
Европа	55,4	67,2	100,8	140,5	186,8	244,3	317,8	371,8	301,5
ЕС 27	53,4	64,7	96,5	134,4	178,3	231,4	299,3	351,9	285,9
СНГ	3,5	5,1	9,3	13,8	21,4	28,0	48,1	64,7	39,0
Африка	5,9	6,9	10,1	13,6	18,5	26,2	36,8	50,5	46,3
Ближний Восток	7,1	9,5	13,3	16,9	22,2	29,6	44,3	58,8	51,1
Азия	110,3	130,0	165,9	219,1	269,2	329,5	406,6	476,8	413,3
Япония	49,1	55,3	70,8	89,6	102,4	112,0	124,9	138,8	118,1
Импорт									
Весь мир	243,6	295,2	412,8	561,2	660,0	791,5	956,1	1132,6	1005,7
Северная Америка	31,0	32,0	40,0	54,2	58,5	69,6	83,8	97,9	93,7
США	26,2	27,3	33,9	44,8	48,7	59,3	69,5	81,6	77,8
Южная и Центральная Америка	5,9	7,2	13,2	19,5	24,4	31,5	47,7	67,7	60,2
Европа	39,0	43,1	59,1	76,2	79,9	97,2	120,0	144,4	139,8
ЕС 27	36,4	39,8	55,0	70,5	74,0	90,6	111,0	132,6	127,8
СНГ	9,6	10,6	13,1	16,2	20,7	22,8	28,0	33,9	31,0
Африка	4,8	5,4	8,4	15,6	21,1	28,8	36,4	56,0	43,3
Ближний Восток	9,2	9,5	14,4	21,6	31,0	40,8	47,9	79,9	56,2
Азия	144,0	187,3	264,5	357,7	424,3	500,8	592,3	652,7	581,2
Япония	42,8	53,5	74,1	94,3	100,4	115,7	134,0	150,6	130,9

Составлено по материалам: [5]

ее добавленная стоимость также была невелика, или же из-за отсутствия собственной товаропроводящей сети до конечного покупателя продажная цена была не высокой.

В конце 80-х – начале 90-х гг. завершился переход от структуры экспорта товаров, основанных на полуфабрикатах, к структуре экспорта готовой промышленной продукции. Доля готовой промышленной продукции с 46,5 % в 1978 г. поднялась до 74,4 % в 1990 г., а доля полуфабрикатов соответственно с 53,3 % в 1978 г. снизилась до 25,6 % в 1990 г. Это был первый шаг внешнеторговой стратегии развития – от экспорта полуфабрикатов к экспорту готовой продукции. Одна из важнейших задач китайской импортной политики – приобретение современной техники и технологий. Чтобы поднять качество экспортных товаров, проявить сравнительные преимущества Китая, перейти от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию и коренным образом повысить международную конкурентоспособность в начале 1990-х гг. в Китае была выдвинута стратегия «победа благодаря качеству». Были использованы разнообразные активные и эффективные меры улучшения качества экспортной продукции. Была изменена концепция внешней торговли – ресурсы были обращены на такие сегменты, как исследование, освоение, проектирование, создание, сборка, упаковка, хранение, транспортировка и т. д. Экспорт постепенно вступал на путь развития путем более высокого качества, разнообразия ассортимента, что вело к значительному росту валютных поступлений. В итоге сократилось число дел по возмещению убытков иностранным компаниям, процент выполнения обязательств по экспорту оставался стабильным и возрастал, непрерывно возрастала внешнеторговая репутация [3].

Китай добился новых успехов в осуществлении второго шага внешнеторговой стратегии развития, заключавшегося в переходе от экспорта, основанного на готовой промышленной продукции отверточной сборки с низкой добавленной стоимостью к готовой продукции глубокой обработки с высокой добавленной стоимостью. К 1997 г. доля экспорта готовой продукции поднялась до 86,9 %. Темпы роста и доля экспорта готовой продукции глубокой обработки, такой как механическое и транспортное оборудование и одежда, возросли. Доля электротехники в общей сумме экспорта достигла 32,5 %. По мере стремительного развития экспорта улучшилось и качество, ассортимент, упаковка, возрос класс товаров и выбор; по мере технического прогресса в экспортной продукции также возросла техничность и добавленная стои-

Таблица 3.2.5

Мировой товарный экспорт по регионам

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009
	Значение млрд дол. США							
Мир	59	84	157	579	1838	3676	7376	12178
	Доля %							
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Северная Америка	28,1	24,8	19,9	17,3	16,8	18,0	15,8	13,2
США	21,7	18,8	14,9	12,3	11,2	12,6	9,8	8,7
Канада	5,5	5,2	4,3	4,6	4,2	3,9	3,7	2,6
Мексика	0,9	0,7	0,6	0,4	1,4	1,4	2,2	1,9
Южная и Центральная Америка	11,3	9,7	6,4	4,3	4,4	3,0	3,0	3,8
Бразилия	2,0	1,8	0,9	1,1	1,2	1,0	1,0	1,3
Аргентина	2,8	1,3	0,9	0,6	0,4	0,4	0,4	0,5
Европа	35,1	39,4	47,8	50,9	43,5	45,4	45,9	41,2
Германия	1,4	5,3	9,3	11,7	9,2	10,3	10,2	9,2
Франция	3,4	4,8	5,2	6,3	5,2	6,0	5,3	4,0
Италия	1,8	1,8	3,2	3,8	4,0	4,6	4,1	3,3
Великая Британия	11,3	9,0	7,8	5,1	5,0	4,9	4,1	2,9
СНГ	-	-	-	-	-	1,5	2,6	3,7
Африка	7,3	6,5	5,6	4,8	4,5	2,5	2,4	3,2
Южная Африка	2,0	1,6	1,5	1,0	1,0	0,7	0,5	0,5
Ближний Восток	1,9	2,7	3,2	4,1	6,8	3,5	4,1	5,7
Азия	14,0	13,4	12,5	14,9	19,1	26,1	26,2	29,4
Китай	0,9	1,2	1,3	1,0	1,2	2,5	5,9	9,9
Япония	0,4	1,5	3,5	6,4	8,0	9,9	6,4	4,8
Индия	2,2	1,3	1,0	0,5	0,5	0,6	0,8	1,3
Австралия и Новая Зеландия	3,7	3,2	2,4	2,1	1,4	1,4	1,2	1,5

Составлено по материалам: [5]

мость. Производимые в Китае компьютеры, самолеты, спутники, ракетносители также вступили в сектор международного коммерческого сотрудничества, в итоге были сделаны первые шаги в области экспорта продукции высоких технологий.

Внешняя торговля Китая в конце 19 в., главным образом, была сконцентрирована в небольшом числе стран, таких как США, страны ЕС, Гонконг и Япония. В начале восьмой пятилетки Китай утвердил стратегию множественности рынков и к 1997 г. число стран, установивших с Китаем двусторонние экономические и торговые отношения, достигло 227, что на 54 больше, чем в конце

седьмой пятилетки; торговля с Латинской Америкой, Африкой и Океанией быстро возрастала; доля торговли с шестью главными коммерческими партнерами: Япония, Сянган (Гонконг), Южная Корея, Тайвань и Франция упала, однако по-прежнему занимала преимущественное положение в 66,8 %. Положение с чрезмерной концентрацией внешней торговли несколько улучшилось, но не было полностью изменено. В Китае считали, что необходимо продолжать диверсификацию рынков и вести работу по их расширению, увеличивая динамику освоения. Такие развитые страны, как страны ЕС, США, Япония, а также провинция Сянган (Гонконг) являются традиционными рынками экспорта, а также важными источниками капитала и передовой техники, поэтому в будущем достаточно большая часть экспорта и импорта по-прежнему будет приходиться на эти страны и регионы.

В 2001 г. первыми десятью партнерами в порядке общей суммы торговли стали Япония, США, Сянган (Гонконг), Южная Корея, Тайвань, Германия, Сингапур, Россия, Великобритания и Малайзия. Стран и регионов, в которые Китай экспортирует продукции более чем на 100 млн дол. насчитывалось 67, а стран и регионов импорт из которых превышал 100 млн дол. – 47.

Значительное внимание Китай уделил расширению торговли с развивающимися странами, в частности африканского континента.

Характерная особенность присутствия Китая в Африке – его коммерческая активность. Торговля с регионом растет быстрее объемов помощи, направляемых на развитие. В 2001–2006 гг. африканский экспорт в Китай рос ежегодно на 40 % и с 4,8 млрд дол. достиг 28,8 млрд дол. В этот же период африканский импорт из Китая увеличился в 4 раза до 26,7 млрд дол. С 2009 г. товарооборот характеризуется отрицательным торговым балансом африкано-китайской торговли – Африка импортирует на 20,1 млрд дол. больше, чем поставляет в Китай. Основная часть поставок из Африки в Китай приходится на страны к югу от Сахары. Нефть и газ составили 62 % экспорта в 2006 г., на минеральные продукты и металлы пришлось 13 %. В 2011 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки с оборотом 166,3 млрд дол.

Взамен страны Африки покупают китайские промышленные товары (45 % импорта) и транспортное оборудование (31 %). Рост экспорта товаров из Африки стимулировался торговой политикой Китая. Так, в 2005–2006 гг. китайское правительство приняло специ-

альное соглашение по снятию тарифных ограничений для 440 видов товаров из Африки. Данная мера стимулировала рост экспорта товаров из Африки в Китай на 88 % за год [Gjvjujfz Fahbrt].

После вступления в ВТО китайские экспортные товары полностью использовали режим наибольшего благоприятствования и льготы от снижения таможенных пошлин. Китай получил больше возможностей и выгод от экспорта. Китайский экспорт за пять лет после 2001 г. вырос с 266,1 млрд дол. в 2001 г. до 969,1 млрд дол. в 2006 г., т. е. рос в среднем на 29 % в год. импорт также рос достаточно быстро – с 239,7 млрд дол. в 2001 г. до 791,6 млрд дол. в 2006 г., т. е. рост в среднем составил 18 % в год.

Китайские власти, выполняя обязательства, принятые при вступлении в ВТО, отменили 830 законов и правил, внесли поправки в 2300 документов.

Зависимость китайской экономики от импорта возросла (10 % в 1996 г. и 15 % в 2009 г.), что свидетельствует о достаточно глубокой вовлеченности КНР в мирохозяйственные связи.

Одна из важнейших задач китайской внешней торговли – приобретение техники и технологий для развития народного хозяйства. В этом плане в 90-е годы во внешней торговле произошла переориентация от закупок комплектного оборудования к закупкам ключевого оборудования и неовещественной технологии (патенты, лицензии и т. д.), поскольку в этом случае приобретение техники и технологии дает Китаю возможность на базе реконструируемых предприятий наладить собственное производство современной продукции и в конечном счете выйти на более высокий уровень технического развития. Так, в период 1995–2009 гг. количество импортируемого оборудования и его стоимость по лицензионным соглашениям увеличились в 25 раз по сравнению с предыдущим десятилетием.

В результате существенно возросла зависимость ряда отраслей от импорта. Наибольшее значение импорт имел для автомобилестроения, самолетостроения, черной металлургии.

За счет импорта и технологии было обеспечено около 60 % прироста промышленного производства, а на внутренний рынок поступило свыше 8 тыс. наименований новых видов продукции.

По мере роста импорта машин и оборудования снижалась доля закупок сырья и полуфабрикатов (как продовольственных, так и непродовольственных). Китай резко сократил ввоз зерновых и полностью прекратил закупки хлопка, соевых бобов, ряда других культур, что стало возможным благодаря внедрению новых форм

хозяйствования в деревне, позволившему значительно увеличить сборы сельскохозяйственных культур внутри страны. В то же время сохраняется высокая импортная зависимость по товарам группы сырья и материалов производственного назначения: лес и лесоматериалы, металлы, каучук, целлюлоза, химические товары.

Нынешний этап развития внешней торговли КНР характеризуется преобладанием промышленно развитых стран Запада, на долю которых в 2005 году приходилось 58 % внешнеторгового оборота КНР. Основными торговыми партнерами Китая являются Япония, США, страны Западной Европы. На их долю приходится свыше 70 % закупок техники и 90 % технической документации и «ноу-хау». При этом основная часть китайских закупок машин, оборудования за рубежом приходится на долю Японии, что объясняется географической близостью и активной политикой стимулирования экспорта, проводимой японским правительством, которое предоставляет Китаю финансирование закупок на льготных условиях, что помогает тому оплачивать дорогостоящий импорт. На долю Японии приходится в среднем около 50 % китайских закупок машин и оборудования.

Особое место среди ведущих партнеров КНР занимал Гонконг. Гонконг превратился в основную реэкспортную базу китайских товаров на рынки западных стран. Около 30 % реэкспортируемых через Гонконг товаров направлялось в США, страны Западной Европы, Японию.

В 2009 году Китай занял второе место в мире по объёму товарного экспорта, уступая здесь лишь США.

В механизме экономического роста Китая большую роль сыграла открытая внешнеэкономическая политика, которая идёт по линии отстаивания своих позиций в международном разделении труда. Основным элементом связей КНР является внешняя торговля, которая за годы реформ имела достаточно высокие темпы роста – около 16 % в год, при этом объём внешней торговли вырос более чем в 15 раз, с 20,6 млрд дол. до 1154 млрд дол. и соответственно Китай переместился по этому показателю с 32-го на одно из лидирующих мест в мире по этому показателю. Если в дореформенный период доля экспорта в ВВП страны составляла 4-5 %, то в середине 90-х годов – более 20 %. Это очень высокий показатель для такого крупного государства, каким является Китай.

Среди наиболее крупных экспортёров КНР занимает шестое место с 5,33 % от общего мирового экспорта (экспорт товаров + невидимые статьи расходов), уступая лишь странам еврозоны,

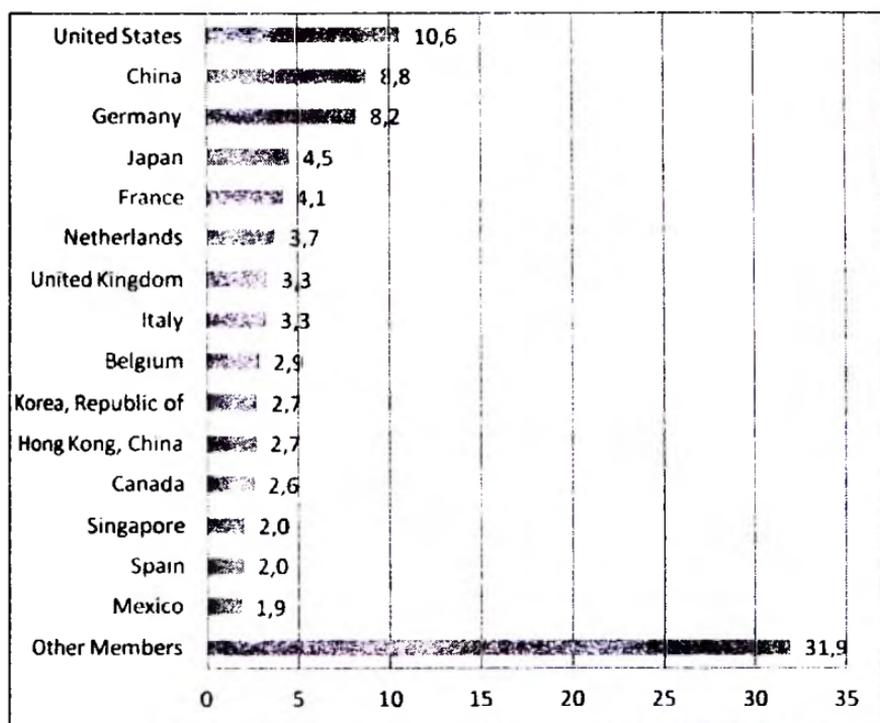


Рис. 3.2.1. Члены ВТО, доля в мировой торговле товарами в 2009 г., %

Источник: [4]

США, Германии, Соединённому Королевству и Японии, которые оккупируют первые пять строчек этого рейтинга в соответствующей последовательности.

Страна является вторым в мире экспортёром товаров из членов ВТО, на которого приходится почти 8,8 % мирового экспорта [4].

На рис. 3.2.2. показана структура экспорта Китая: 14,7 % от общего экспорта (87,1 млрд дол.) приходится на офисное оборудование; 11,6 % (68,5 млрд дол.) – телекоммуникационное оборудование; 10,4 % (61,9 млрд дол.) – бельё и одежда; 10,0 % (59,5 млрд дол.) – электромеханизмы; 5,6 % (33,4 млрд дол.) – текстиль и прочие статьи экспорта.

Рис. 3.2.3. показывает структуру импорта КНР, в котором 19,7 % от общего объёма импорта (110,5 млрд дол.) приходится на электромеханизмы; 7,9% (44,5 млрд дол.) – на нефтепродукты; 5,9% (33,3 млрд дол.) – на профессиональную и научную аппаратуру; 5,3% (29,6 млрд дол.) – на офисное оборудование; 4,7% (26,3 млрд дол.) – на прочие механизмы.

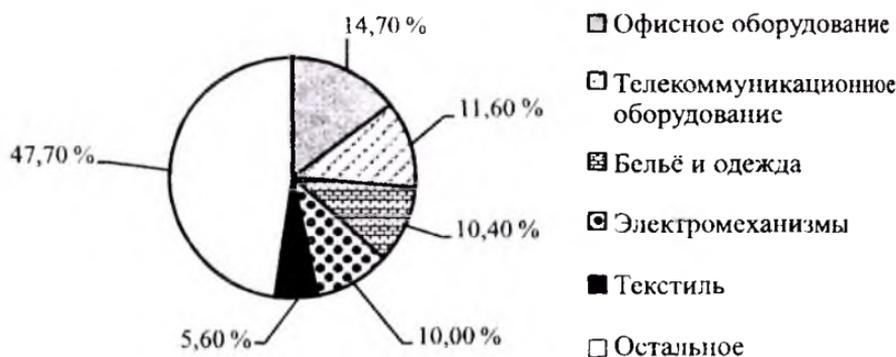


Рис. 3.2.2. Основные статьи экспорта КНР. Источник: [6]

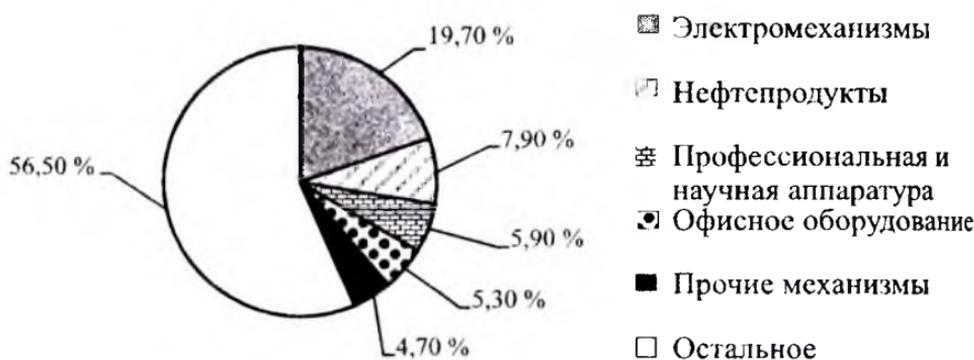


Рис. 3.2.3. Основные статьи импорта КНР. Источник: [6]

Главными торговыми партнёрами по экспорту КНР выступают США – 21,0 % от общего объёма экспорта (приблизительно 125 млрд дол.), Гонконг (особая административная область Китая, однако в статистической информации источника рассматривается в качестве направления экспорта) – 17 % (100 млрд дол.), Япония – 12,4 % (74 млрд дол.), Южная Корея – 4,7 % (28 млрд дол.) и Германия – 4,0 % (24 млрд дол.).

Главными торговыми партнёрами по импорту КНР являются Япония – 16,8 % от общего объёма импорта (около 94 млрд дол.), Тайвань – 11,5 % (65 млрд дол.), Южная Корея – 11,1 % (62 млрд долларов), США – 8,0 % (45 млрд долларов) и опять же Германия – 5,4 % (30 млрд дол.).

Экономический рост привел к изменению положения КНР в мировом хозяйстве. По абсолютным размерам 26 видов продукции, в основном низкой и средней технологии, страна входит в число 10 наиболее крупных производителей мира. КНР производит

Таблица 3.2.6

Объем импорта и экспорта КНР с основными торговыми партнерами в 2011, млрд дол.

Страна / Регион	Экспорт	Прирост к 2010 г. (%)	Импорт	Прирост к 2010 г. (%)
ЕС	356	14,4	211,2	25,4
США	324,5	14,5	122,2	19,6
Гонконг	268	22,8	15,5	26,4
АСЕАН	170,1	23,1	192,8	24,6
Япония	148,3	22,5	194,6	10,1
Республика Корея	82,9	20,6	162,7	17,6
Индия	50,5	23,5	23,4	12,1
Россия	38,9	31,4	40,3	55,6
Тайвань	35,1	18,3	124,9	7,9

Составлено по материалам: [1]

Таблица 3.2.7

Географическая структура внешней торговли Китая товарами за 2011 год

	Экспорт		Импорт		Сальдо
	десять тысяч дол. США	в % к 2010 г.	десять тысяч дол. США	в % к 2010 г.	
Всего	189838089	120,3217045	174348356	124,8695463	15489733
Азия	89903809	122,8269889	100408463	120,25596	-10504654
Африка	7308303	121,8984039	9323987	138,9732391	-2015684
Европа	41357108	116,4372431	28717489	131,8101307	12639619
Америка	47179436	118,648396	26401514	126,3722098	20777922
Австралия и Океания	4089432	123,8594639	8892733	134,7016828	-4803301
Неизвестные страны (региона)	0		604171	434,9526655	-604171

Составлено по материалам: [1]

1/4 мирового объема игрушек, обуви и одежды, 17 % ковровых покрытий. Она занимает первое место в мире по производству продовольствия, хлопка, угля, стали, цемента, стекла, хлопчатобумажных тканей, фарфора, фаянса. Получили развитие станкостроение, судостроение, производство конторского оборудования, атомная и аэрокосмическая промышленность. Главная отрасль сельского хозяйства – растениеводство. Китай занимает 1-е место в мире по разнообразию возделываемых культур: свыше 50 видов полевых, около 80 видов огородных и 60 видов садовых культур. Под паш-

Таблица 3.2.8

Товарная структура экспорта КНР

Статья экспорта	Удельный вес в экспорте (%)
Машиностроительная и электротехническая продукция	48,1
Легкая промышленность	17,3
Химическая продукция	7,5
Разные промизделия (мебель, игрушки, спортивный инвентарь, канцелярские принадлежности)	6,7
Остальные товарные группы	8,3

Составлено по материалам: [1]

ней – 93 млн га (10 % территории). Основные продовольственные культуры – рис, пшеница. Около 18 % площади под техническими культурами: хлопчатник, соевые бобы, арахис, чай, табак, джут, сахарный тростник и др. Хорошо развито овощеводство, животноводство. поголовье крупнорогатого скота около 134 млн. В Китае развито пчеловодство (экспортер меда – 1/3 мирового). Важное значение в экономике Китая имеют рыболовство, сбор дикорастущих плодов и лекарственных трав.

На протяжении длительного периода внешнеторговый оборот Китая неуклонно возрастает, незначительный спад наблюдался лишь в 2009 г. (рис. 3.2.4). По данным ГСУ КНР, объем внешней торговли в 2011 г. достиг значения в 3,62 трлн дол., рост составил 22,5 % по сравнению с 2010 г.

В отличие от большинства развитых стран, Китай сохраняет устойчивое положительное сальдо внешней торговли товарами на протяжении последних двадцати лет. Даже в период мирового финансового кризиса внешнеторговый баланс КНР оставался положительным, притом, что этот показатель в ЕС и США имел отрицательное значение.

Произошли важные сдвиги в товарной структуре экспорта. В нем значительно выросла доля готовой промышленной продукции (текстильные товары, продукция электроники, машиностроительной промышленности). При этом первое место (порядка 50 %) заняли промышленные товары народного потребления: хлопчатобумажные ткани, одежда, обувь, игрушки и т. п.

Страна занимает первое место в мире по экспорту хлопчатобумажных тканей и натурального шелка. Текстильная промышленность служит важнейшим источником инвалютных доходов КНР. В то же время текстиль – один из наиболее болезненных вопросов в

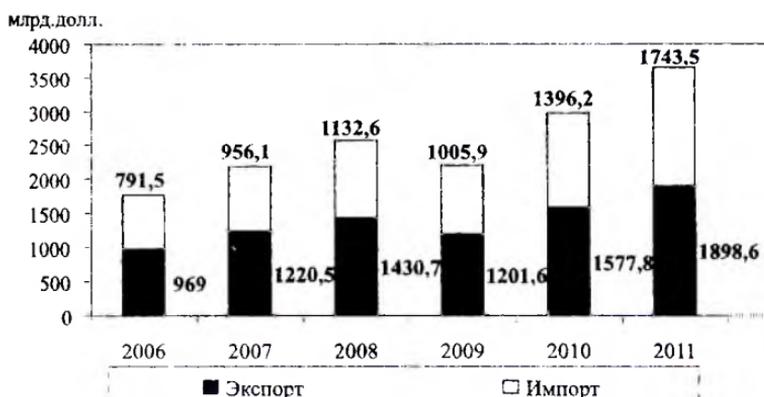


Рис. 3.2.4. Объем экспорта и импорта КНР в 2006–2011 гг. Источник: [1]

торговых отношениях с промышленно развитыми странами. Опасаясь быстрого роста ввоза изделий китайской текстильной промышленности на свои внутренние рынки, ряд стран потребовал от КНР ограничить их ввоз. В частности, в США в сферу действия ограничений включено 75 % изделий текстильной промышленности, что вызвано опасением за судьбу местных производителей. Вместе с тем, несмотря на увеличение импортных квот, введенных США, Китай удерживает первое место среди основных поставщиков текстильной продукции на американский рынок. По мере того, как экспорт традиционных видов этой продукции попадает под ограничения, Китай последовательно развивает экспорт новых категорий и улучшает качество изделий, на которые распространяются ограничения, чтобы повысить их стоимость, не увеличивая при этом количества, и таким образом обходит ограничения.

На машиностроительную и электротехническую продукцию приходится не менее 20 % экспорта. К числу экспортных товаров китайского машиностроения относятся металлообрабатывающие станки, судостроительная техника, велосипеды, бытовые электроприборы. Проникновение этих товаров на мировой рынок сдерживается невысоким качеством, возможностями послепродажного обслуживания и пока не выдерживает конкуренции с другими поставщиками этой продукции, среди которых выделяются Тайвань и Южная Корея. Удельный вес продукции машиностроения КНР в мировом экспорте не превышает 0,6 %.

Степень зависимости некоторых отраслей от экспорта довольно значительна. Наибольшее значение экспорт имеет для отраслей текстильной промышленности: хлопчатобумажной промышлен-

Таблица 3.2.9

**Роль иностранного капитала
во внешней торговле КНР (млрд дол. США)**

Годы	Внешне- торговый оборот	Экспорт		Импорт	
		всего	в т. ч. доля предприятий с иностраным капиталом, %	всего	в т. ч. доля предприятий с иностраным капиталом, %
1985	73,8	30,9	1,9	42,9	5,6
1990	115,4	62,1	12,6	53,3	23,1
1991	135,7	71,9	16,7	63,8	26,5
1992	165,5	84,9	20,4	80,6	32,7
1993	195,7	91,7	27,5	104,0	40,2
1994	236,6	121,0	28,7	115,6	45,8
1995	280,8	148,7	31,5	132,1	47,7
1996	289,9	151,0	40,7	138,8	54,4
1997	325,1	182,7	41,0	142,4	54,6
2000	620,78	325,56	36,2	295,21	40,2
2005	1 420	762,0	38,1	660,0	40,8
2007	2173,8	1218,0	34,6	955,8	39,9
2008	2560,0	1430,0	37,2	1130,0	42,1
2009	2223,01	1213,0	38,6	1010,0	42,8

Составлено по материалам: [7]

ленности (52 %), шелковой промышленности (65 %), легкой промышленности (45 %). В основном на внутренний рынок работает химическая промышленность – экспортная квота составляет 5 %.

Все годы реформ в КНР отмечены неуклонно увеличивающимся вниманием к внешнеэкономической деятельности. Особая роль отводится диверсификации импорта и увеличению готовой продукции в экспорте.

За 2009 год резко сократились экспорт и импорт. Это были самые низкие показатели со времени введения политики реформ и открытости. В первом полугодии снижение в среднем составило более 20 %. Хотя во втором полугодии, особенно в четвертом квартале, спад сократился, но годовое снижение достигло рекордно низкой отметки с момента начала реализации политики реформ и открытости.

И резкий спад экспорта, и большой спад объема активного сальдо торговли явились следствием международного финансового кризиса, который отрицательно сказался на экономическом росте Китая.

В связи с этим Правительство Китая приняло ряд решительных мер по сохранению экономического роста и подъему внутреннего спроса. Оно старательно увеличивает экспорт, что при-

водит к восстановлению мировой экономики. С мая 2009 года Китай практически совершал рост импорта. Импорт во внешней торговле Китая значительно содействовал восстановлению глобального экспорта, поднимая уверенность в стабилизации и восстановлении глобальной экономики.

Благодаря антикризисной программе экономического стимулирования, которая была принята китайским правительством в условиях экономического кризиса, несмотря на снижение экспорта, по итогам 2009 года КНР стала крупнейшим экспортером в мире, обогнав Германию.

Общий объем оборота внешней торговли Китая в 2010 г. достиг 2972,76 млрд дол. США. Этот показатель вырос на 34,7 % по сравнению с 2009 г. Объем экспорта составил 1577,93 млрд дол. США, показав рост на 31,3 % по данным за 2009 г. Объем импорта в 2010 г. достиг 1394,83 млрд дол. США, увеличившись на 38,7 % по сравнению с показателем годом ранее. Положительное сальдо торгового баланса Китая в 2010 г. сократилось на 6,4 % относительно данных за 2009 г. Оно составило 183,1 млрд дол. США [1].

КНР активно поддерживает торговые отношения с промышленно-развитыми странами. Объемы торговли между КНР и промышленно-развитыми государствами продолжают расширяться.

Начиная с 2001 г. наблюдается рост зависимости экономики Китая от американского рынка. После присоединения Китая к ВТО доля экспорта США в общем объеме китайских поставок постоянно поддерживалась на уровне 20 %. При этом экспорт США в КНР только с 2006 г. превысил 5 %. Кроме того, после присоединения Китая к ВТО активное торговое сальдо по отношению к США почти каждый год увеличивалось на более чем 10 млрд дол. и в 2011 г. составило 202,3 млрд дол.

Вторым по величине экспортным и импортным рынком КНР является Япония (15–16 %).

За данный период времени доля экспорта в ВВП возросла с 4 % до 28,8 %, следствием чего является существенное повышение роли внешних факторов в экономическом развитии КНР. Товарный экспорт дает 75–80 % всех валютных поступлений. По объему экспорта Китай занимает второе место в мире [1].

Важные сдвиги произошли в товарной структуре экспорта: значительно выросла доля машиностроительной и электротехнической продукции. Высокий удельный вес занимает продукция легкой промышленности. За ней следуют химическая продукция и продукция разных промизделий и транспортных средств. Основные статьи экспорта КНР отражены в табл. 3.2.8.

В настоящее время основной статьёй экспорта является машиностроительная и электротехническая продукция, т. е. продукция с достаточно высокой степенью обработки, которая даёт стране больше валютных поступлений, чем экспорт сырьевых ресурсов. На её долю приходится 48 % общего объёма экспорта страны.

К числу экспортных товаров китайского машиностроения относятся металлообрабатывающие станки, судостроительная техника, велосипеды, бытовые электроприборы. Проникновение этих товаров на мировой рынок сдерживается невысоким качеством, возможностями послепродажного обслуживания и пока не выдерживает конкуренции с другими поставщиками этой продукции, среди которых выделяются Тайвань, Южная Корея.

Продолжается рост значения в китайском экспорте продукции общего и специального машиностроения, происходивший непрерывно в 1995–2007 гг.

Впервые за последние 12 лет было отмечено повышение доли продукции лёгкой промышленности (включая сырьё для неё) – второй по значимости группы экспорта КНР.

Третье место в структуре экспорта КНР впервые с начала 2000-х гг. заняла химическая продукция, доля которой составила 7,5 %. Резко сократилась доля металлопродукции. Это стало следствием, прежде всего, увеличившегося дефицита чёрных и, особенно, цветных металлов на внутреннем рынке, а также значительного падения мировых цен на них.

Следующей по значимости товарной группой китайского экспорта являются «разные промизделия», включающие в себя мебель, игрушки, спортивный инвентарь, канцелярские принадлежности и т. п. В последние годы её вес сравнительно стабилен и находится в пределах 6–7 % (в 2009 г. 6,7%). Всё более важное место в китайском экспорте занимают транспортные средства. Их доля за последние 5 лет увеличилась в 1,5 раза, достигнув в 2009 г. 5 %, прежде всего за счёт бурного роста экспорта продукции судостроения.

Доля остальных товарных групп в экспорте КНР в сумме составила 8,3 %, наиболее значительной из них является продовольствие.

Самой конкурентоспособной продукцией пока остаются обувь, одежда и игрушки, но все активнее развивается экспорт электроники, вело-, мото- и автотехники, транспортного и строительного машиностроения. Текстильная индустрия КНР – первая в мире, поэтому экспортная продукция Китая представлена в большинстве стран. Текстильные предприятия специализируются на изготовлении одежды из синтетических тканей. Предпри-

ятия этой отрасли рассеяны по всей стране, но наиболее крупные находятся в Шанхае, Кантоне и Харбине. Китайская экспортная продукция, поставляемая в Северную Америку, Японию, страны Западной Европы имеет высшие стандарты качества. Эта продукция производится в приморских провинциях страны, где сосредоточены многочисленные филиалы зарубежных корпораций.

На объемы внешней торговли Китая большое влияние оказывает иностранный капитал. В табл. 3.2.9 представлены данные, свидетельствующие об изменении внешнеторгового оборота в связи с увеличением количества предприятий с иностранным капиталом.

Как видно из таблицы, предприятия с иностранным капиталом являются нетто-импортерами, так как иностранные инвесторы заинтересованы в емком внутреннем рынке КНР. В то же время предприятия с иностранным капиталом занимают высокий удельный вес среди экспортеров, так как экспорт из КНР имеет стабильную положительную динамику, являясь конкурентоспособным на многих рынках, и приносит прибыль.

Таким образом, результатами проведения валютной политики КНР в последние десятилетия являются:

- увеличение объемов внешнеторгового оборота КНР;
- увеличение объемов золотовалютных резервов;
- приток иностранных инвестиций в экономику КНР, так как иностранные инвесторы заинтересованы в развитии экспортноориентированных отраслей и емком внутреннем рынке КНР.

Состояние внешней торговли КНР является результатом проводимых в стране реформ, направленных на поддержание стабильно высоких темпов экономического роста, а также сдерживание курса юаня.

Китай активно вступил во внешнюю торговлю и активно заполняет свободные сектора экономики стран-партнеров по внешней торговле, благодаря дешевой рабочей силе, инвестициям в нематериальные активы и переходя из производителя дешевой и некачественной повседневной продукции в одного из крупнейших производителей высокотехнологичной качественной продукции, конкурируя с такими гигантами как Япония, Южная Корея и США.

Список использованной литературы

1. National Bureau of Statistics of China, Statistical Communiqué on the 2011 National Economic and Social Development [Electronic resource]. – Way of access : http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120222_402786587.htm

2. Ван Пэй. Тенденции развития экспортного сектора Китая / Пей Ван // Экономические науки. – 2009. – № 2. – С. 325–327.
3. Жуджунь Дин. Феномен экономического развития Китая: научное издание / Дин Жуджунь, М. М. Ковалев, В. В. Новик. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – 446 с.
4. Мировой банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.world-bank.org>
5. Официальный сайт всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2010_e
6. По материалам Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.acfic.org.cn/>
7. Тенденции развития экономики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://china.worlds.ua>

Раздел 3.3. Китай в мировых инвестиционных процессах

Формирование новой глобальной конкурентной среды, происходящее в настоящий момент, делает особенно актуальным изучение проблем конкуренции и конкурентоспособности на данном этапе.

Согласно «Докладу о глобальной конкурентоспособности 2008–2009». Китай за 2007 год занял 30-е место в списке 134 экономических субъектов мира, остался лидером по конкурентоспособности в BRIC, которым обозначаются четыре страны мира с быстрорастущей экономикой — Бразилия, Россия, Индия и Китай [6].

Китай обладает крупномасштабным рынком в мире, уступающим только американскому, что предоставляет широкое пространство для получения предприятиями в Китае масштабных доходов и огромной прибыли.

В докладе было отмечено, что хотя в результате мирового финансового кризиса Китай должен был оказаться под давлением инфляции, однако макроэкономическая среда по-прежнему оставалась хорошей. Из этого следует, что по сравнению с новыми развивающимися странами и регионами Азии, масштаб рынка является мощным преимуществом, поддерживающим конкурентоспособность Китая в мире. Китай стоит перед проблемами сохранения динамичного роста и повышения конкурентоспособности.

Для активизации процесса экономического развития страны большое внимание уделяется привлечению иностранного капитала, общий объем которого за 1979–2011 гг. превысил 900 млрд дол.

США. Китай использует различные каналы привлечения средств в форме займов и кредитов, прямых капиталовложений [2].

Кредиты и займы обеспечили значительную часть привлеченных средств. На них пришлось свыше 20 % реализованных инвестиций. Кредиты иностранных правительств, кредиты международных финансовых организаций предоставляются, как правило, на льготных условиях. На них приходится до 8 % общего объема кредитов и займов КНР [2].

За счет кредитов иностранных правительств и международных финансовых организаций финансировалось сооружение свыше 300 объектов, 55 % которых сосредоточено в отраслях энергетики, транспорта и связи. Часть средств используется также для развития сырьевой промышленности, мелиорации, охраны окружающей среды, здравоохранения.

Значительная доля кредитов, полученных от международных финансовых организаций, приходится на Мировой Банк, в который Китай вступил в 1980 г., одновременно с вступлением в Международный валютный фонд.

Наиболее выгодными для Китая были кредиты, предоставляемые структурным подразделением Мирового Банка – Международной ассоциацией развития. Все кредиты данной ассоциации являются беспроцентными (взимается лишь комиссия в размере 0,75 % годовых). Они предоставляются на 50 лет с десятилетним периодом. На кредиты по линии международной ассоциации развития приходится около 40 % общего объема кредитов, полученных Китаем от Мирового Банка [3].

Показатели, характеризующие долговое положение КНР, не вызывают опасений. Коэффициент долговой ответственности (отношение внешнего долга и ВВП) не превышает 15 % при опасной границе в 20 %. Коэффициент устойчивости задолженности (отношение внешнего долга к годовому экспорту) не превышает 8 % [2].

Прямые иностранные инвестиции – один из важнейших элементов открытой внешнеэкономической политики КНР.

Согласно китайской классификации, под термином «прямые иностранные инвестиции» понимаются совместные предприятия с участием китайского и иностранного капитала в паевой (акционерной) и контрактной (договорной) формах; стопроцентные иностранные предприятия, совместные проекты по разведке и разработке природных ресурсов на территории КНР и различные формы промышленной кооперации.

В первые годы осуществления открытой экономической политики иностранные инвестиции направлялись в основном в сферу нематериального производства. В последнее время заметна тенденция активизации иностранных форм в приоритетных отраслях промышленности КНР. В большинстве случаев сотрудничество с компаниями промышленно развитых стран способствует освоению производства принципиально новых для Китая видов промышленной продукции. Предприятия с участием иностранного капитала отличаются более высоким уровнем производительности труда и организации производства. Совместные предприятия в промышленности позволяют только посредством улучшения организации труда добиться увеличения производительности труда в 5–6 раз и таким образом приблизиться к мировым показателям.

Некоторые китайские экономисты-аналитики считают, что масштабное привлечение иностранного капитала в Китай носит специфический характер. Так как речь идет, прежде всего, о привлечении средств «хуацяо». Действительно, до середины 90-х годов доля «хуацяо» в общем объеме инвестиций составляла примерно 70 %. Эта особенность привлечения капиталов, принадлежащих китайской диаспоре, объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, необходимо отметить чрезвычайно тесные кровнородственные, земляческие, клановые связи, присущие китайской цивилизации и преимущественно семейный характер их бизнеса. Характерно, что преобладающая часть их средств направлялась во все годы реформ в провинции Гуандун и Фуцзянь, главные центры китайской иммиграции.

Во-вторых, после 1978 г. именно китайцам, проживающим за пределами страны, в КНР созданы наиболее благоприятные условия для инвестирования. Они пользуются особой поддержкой в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Среди предоставленных им льгот, если не считать политических (а они есть), налоговые льготы и сравнительно низкая цена на землю, арендуемую для хозяйственных нужд.

В-третьих, китайская диаспора выжила и развилась благодаря максимальному приспособлению к рыночным условиям и подчинению своей деятельности требованиям национальных и внешних рынков. В предшествующие годы уровень жизни населения Сянгана, Тайваня и других районов компактного проживания китайцев в странах АТР существенно повысился, что заметно сказалось на снижении конкурентоспособности их товаров

на мировом рынке. Низкая стоимость рабочей силы на материке стала поэтому одним из важнейших импульсов для капиталовложений зарубежных китайцев в КНР. Принципиально важно, что уже наметилась тенденция постепенного «освоения» ими не только приморских, но и некоторых внутренних районов страны. Если же учитывать численность населения и размеры территории КНР, нужно признать, что фактор низкой стоимости рабочей силы останется притягательным для иностранных инвесторов на протяжении еще многих лет.

Вместе с тем в составе рабочей силы, особенно в сельских районах, чрезвычайно велик удельный вес малограмотных и неквалифицированных работников. Это обстоятельство создает условия для развития трудоемких и поточно-конвейерных производств, не требующих длительной профессиональной подготовки. Именно поэтому производства таких типов получили наибольшее распространение в стране на предприятиях с иностранным капиталом.

После 1992 г. приток в КНР прямых инвестиций из США и Японии, как и из других стран, стал постепенно нарастать, хотя вплоть до конца 1997 г. он уступал китайской диаспоре.

Характерно, что «хуацяо» вкладывали свой капитал в самые разные отрасли народного хозяйства. Значительная его часть направлялась в сферу услуг, где высокая норма прибыли обеспечивала быструю отдачу вложенного капитала. Появление транснациональных корпораций, инвесторов из США, Японии и других стран привело к тому, что, например, в промышленности к 1998 г. сложился примерный паритет в экономических позициях инвесторов из Сянган, Аомыни, Тайваня и других стран. На долю первых приходилось примерно 55 % всех предприятий с иностранным капиталом и 45 % их валовой продукции [1].

Если судить об отраслевой структуре иностранных капиталовложений по утвержденным контрактам 2011 г., то 64 % общей суммы намечается направить в промышленность и почти 17 % в объекты, связанные с недвижимостью, коммунальным обслуживанием и услугами. Капиталовложения по одному промышленному объекту составляли в среднем менее 3 млн дол., в сферу услуг – более 6,5 млн. Примечательно, что в 2011 г. иностранному капиталу принадлежало почти 16 % отелей страны, прежде всего высококлассных.

Иностранные инвестиции в Китае являются одним из важнейших факторов экономического роста, о чем ярко свидетельствуют

темпы экономического развития КНР, который на сегодняшний день представляется мировым лидером по привлечению иностранного капитала. В соответствии с «Докладом о мировых инвестициях» Конференции ООН по торговле и развитию, Китай на протяжении последних 9 лет прочно удерживает первенство среди развивающихся стран по объему иностранных инвестиций. В настоящее время 400 из 500 ведущих мировых транснациональных корпораций уже имеют свои предприятия на территории Китая.

Всего с 1979 по 2009 гг. в экономику КНР было инвестировано свыше 900 млрд дол. США, количество стран-инвесторов – свыше 111 [7].

Если в прошлые годы Китай являлся основным получателем кредитов Всемирного банка, которые выдаются под низкий процент, то в 2009–2010 годы он сам предоставил развивающимся странам дешевые займы. China Development Bank и China Export-Import Bank подписали соглашения о кредитах для правительств и госкомпаний других развивающихся стран на сумму не менее 110 млрд дол. США. Подразделение Всемирного банка, отвечающее за аналогичные кредиты, с середины 2008 г. до середины 2010 года предоставило правительствам развивающихся стран 100,3 млрд дол. США.

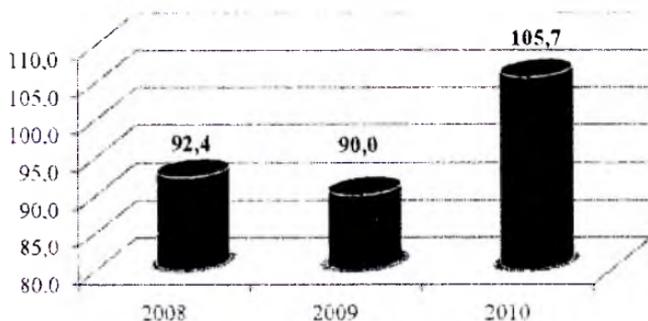


Рис. 3.3.1. Объем прямых иностранных инвестиций в Китае, млрд дол. [9]

По итогам 2010 г. объем китайских инвестиций в экономику других стран увеличился на 36,3 % и составил 59 млрд дол. На слияния и поглощения китайскими компаниями своих партнеров и конкурентов приходится 40 % всех китайских инвестиций в экономики других стран.

По данным Министерства торговли Китая, объем прямых иностранных инвестиций в экономику Китая в 2010 г. составил почти 106 млрд дол. США, что на 17,4 % больше, чем удалось привлечь

в 2009 г. Этого оказалось достаточно для того, чтобы перекрыть падение в 2,3 %, которое было зафиксировано в 2009 г. в ходе мирового экономического кризиса (рис. 3.3.1).

Более половины всех внешних инвестиций в экономику Китая в 2010 году поступило из Гонконга. В первой десятке стран-инвесторов: США, Виргинские острова, Япония, Сингапур, Тайвань, Корея, Германия, Нидерланды, Франция, Монако. Более одной пятой всех вложенных средств пришлось на частный сектор. Кроме того, увеличились объемы иностранных инвестиций в бедные и наиболее отсталые регионы на западе страны, где стоимость рабочей силы гораздо ниже, чем на востоке Китая.

Иностранные инвесторы не только приносят с собой современную технику, новейшие технологии и опыт менеджмента, но и вкладывают крупные суммы в развитие производственной и социальной инфраструктуры особых зон – строительство дорог и других коммуникаций, жилья, повышение квалификации китайских рабочих, инженеров, управленцев.

Исключительно важной позитивной чертой является то, что подавляющая часть (более 90 %) иностранных капиталовложений приходится на прямые инвестиции. Незначительный объем «портфельных» инвестиций и практически отсутствие иностранных вкладов в банках Китая делает невозможным масштабное бегство «горячих» денег, а, следовательно, является одним из важнейших факторов финансовой стабильности и твердого курса юаня.

По итогам 2012 года на 28,6 % увеличился объем прямых инвестиций за рубеж со стороны Китая, их общий объем составил 77,22 млрд дол. США. На слияния и поглощения китайскими компаниями своих партнеров и конкурентов приходится 40 % всех китайских инвестиций в экономики других стран. В 2012 году инвестиционное сотрудничество Китая с внешним миром получило ускоренное развитие, свидетельством которого стало подписание с рядом зарубежных государств соглашений о защите инвестиций. Китай вышел на пятое место в мире по инвестиционным вложениям за рубежом.

По данным ГСУ КНР, приток иностранных инвестиций в экономику Китая в 2011 г. составил 116 млрд дол., что на 5,7 % больше аналогичного показателя в 2010 г. Иностранные капиталовложения в КНР за 2012 г. сократились. Это вызвано замедлением экономического восстановления стран Запада, дестабилизацией финансов в еврозоне и замедлением экономического роста са-

мого Китая. На протяжении прошлого года в КНР были зарегистрированы около 25 тысяч предприятий с участием зарубежных инвестиций, что на 10,1 % меньше, чем годом ранее. Объем зарубежных инвестиций составил 111,7 млрд дол. США. Это на 3,7 % меньше, чем годом ранее (табл. 3.3.1).

Таблица 3.3.1

**Динамика притока прямых иностранных инвестиций
в экономику Китая в 2005–2012 гг., млрд дол.**

Год	Общая сумма ПИИ	Прирост, %
2005	72,4	
2006	72,71	0,43
2007	83,52	14,8
2008	108,31	29,6
2009	95	- 12,3
2010	105,73	11,2
2011	116	5,7
2012	111,72	- 3,7

Составлено автором по материалам: [8]

Падение инвестиций ЕС в Китай в 2012 году составило 3,8 % (6,11 млрд дол. США), в то время как инвестиции из США в 2012 году выросли на 4,5 % (3,13 млрд дол. США), Японии – на 16,3 % (7,38 млрд дол. США). На этом фоне, удержание почти 8 процентного роста экономики – это не замедление экономики, а сохранение ее развития на стабильно высоком уровне.

Региональное размещение иностранного капитала свидетельствует о том, что абсолютная его масса приходится всего на 10 из 30 городов центрального подчинения и провинций.

В 2000 г. сюда поступило более 80 % общего объема прямых иностранных капиталовложений. На долю этих городов и провинций в 2000 г. пришлось почти 54 % ВВП страны, причем подавляющее их большинство отличается самыми высокими темпами роста. Это способствовало увеличению разрыва в уровне социально-экономического развития между отдельными регионами. Различия стали столь заметными, что была признана необходимость выравнивания темпов и уровня экономического развития регионов.

В целом на 12 приморских провинций страны в 2009 г. приходилось 81,7 % предприятий с иностранным капиталом, 86,9 % – общей суммы капиталовложений, 84,9 % – уставного капитала предприятий, в котором 85,1 % падало на долю иностранного партнера. На долю девяти провинций центральной части страны приходилось соответственно 13, 9, 10,5 и 10,1 %, а на долю девяти

западных провинций и автономных районов всего лишь 5,3, 4,1, 4,6 и 4,8 %. Подобная ситуация характерна и для капиталовложений в промышленность [5].

Примечателен и экономический эффект огромных различий в объемах прямых иностранных капиталовложений в отдельные отрасли народного хозяйства. Данные третьей промышленной переписи 1995 г. показали, что из общего числа 510 тыс., предприятий, находящихся на самостоятельном балансе (наиболее крупные предприятия страны, общее их количество в 1995 г. превышало 7,3 млн), предприятия с иностранным капиталом составили всего 49,6 тыс., то есть 9,7 % [5].

Распределение инвестиций по направлениям в 2012 году, также как и в предыдущие годы, было неравномерным: большая часть была направлена на производственную отрасль и обрабатывающую промышленность; значительный интерес представляли недвижимость, транспорт и почтовые услуги, а также охрана окружающей среды, энергетика и добыча полезных ископаемых. К сожалению, наименьший интерес для инвесторов представляют здравоохранение, образование и культура. Всего в этот сектор было привлечено 0,3 % инвестиций (табл. 3.3.2).

При привлечении иностранных инвестиций Китай использовал и продолжает применять почти весь набор мер, ныне квалифицируемых ВТО в качестве ограничивающих торговлю (так называемые ТРИМ – Trade Restrictive Investment Measures). Они включают требования к зарубежным инвесторам закупать определенную долю исходных материалов у местных производителей, балансировать импорт и экспорт, ограничивать ассортимент выпускаемой и экспортируемой продукции и т. п.

Современные инвестиционные приоритеты КНР во многом ориентированы на расширение внутреннего рынка, в том числе и в селе. Так, инвестиции в сельское, лесное и водное хозяйство выросли на 76,9 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

Высокие технологии занимают приоритетное место в национальных программах финансирования развития. В КНР началась реализация программы развития науки и высоких технологий («Программа 863»). В качестве приоритетных направлений признаны микроэлектроника и информатика, аэрокосмическая и оптико-волоконная связь, биотехнологии и геновая инженерия, новые энергосберегающие технологии, производство оборудования для охраны и улучшения окружающей среды, медицин-

Таблица 3.3.2

**Распределение инвестиций КНР
по направлениям в 2012 году**

Направление	Инвестиции, 100 млн юань	Удельный вес, %
Сельское хозяйство	6894,9	3,07
Добыча полезных ископаемых	9210,8	4,10
Производство и обрабатывающая промышленность	70612,9	31,44
Энергетика	14434,6	6,43
Строительство	1992,5	0,89
Транспорт, почтовые услуги	24974,7	11,12
Компьютерные услуги, компьютерное обеспечение	2589,0	1,15
Оптовая и розничная торговля	5132,8	2,29
Отельный бизнес и питание	2625,4	1,17
Финансовое посредничество	360,2	0,16
Недвижимость	49358,5	21,98
Лизинг	2036,2	0,91
НИОКР	1200,8	0,53
Охрана окружающей среды	19874,4	8,85
Услуги домохозяйствам и другие услуги	801,9	0,36
Образование	3521,2	1,57
Здравоохранение	1858,6	0,83
Культура, спорт, развлечения	2383,4	1,06
Международные организации	4736,2	2,11
Общий объем инвестиций	224598,8	100,00

Источник: [5]

ской техники. В программу инвестировано свыше 10 млрд юаней (1,4 млрд дол. США). В стране существует свыше 120 зон развития и освоения новых технологий. В них установлен льготный налоговый режим: предприятия, занятые разработкой технологий, полностью освобождаются от НДС на три года, начиная с даты аккредитации, а еще три года уплачивают его с 50-процентной скидкой (остается 8,5 %). Предприятиям, экспортирующим свыше половины продукции, подоходный налог сокращен до 10 % (обычно 33 %). От уплаты пошлин освобожден импорт приборов и оборудования.

Новый пакет мер, направленных на развитие высоких технологий включает: рост государственных расходов, налоговые льготы, облегченный доступ к кредитам в таких отраслях, как информа-

тика, биомедицина, производство новых материалов с высокой добавленной стоимостью. Всем государственным организациям и предприятиям предписано ориентироваться на закупки технологий внутри страны. Преференциальный НДС установлен для компаний, производящих программное обеспечение (6 %). От уплаты НДС освобождаются экспортеры высоких технологий. Такая же льгота предоставлена иностранным компаниям, работающим в КНР, но при условии закупки производственного оборудования у китайских продуцентов. Налоговое стимулирование инвестиций в научные исследования также распространяется на предприятия со смешанным участием [4].

Итак, можно утверждать, что приток иностранного капитала играет чрезвычайно важную роль в подъеме экономики КНР, позволил ему занять существенные позиции в народном хозяйстве страны. Иностраный капитал не столько заинтересован в захвате и удержании позиций на мировом рынке, сколько в овладении внутренним рынком КНР, потенциально самым крупным национальным рынком мира. Иностраный капитал, с другой стороны, чрезвычайно важен для китайской экономики. Он способствует распространению современной техники, технологий, опыта управленческой работы и дает реальные образцы эффективного хозяйствования.

Также, рассматривая современное состояние инвестиционно-го рынка в Китае, следует отметить, что:

- в 2009 году, в самый разгар мирового кризиса Китай сумел привлечь 95 млрд дол. прямых иностранных инвестиций. По этому показателю страна вышла на второе место в мире после Соединенных Штатов Америки;

- в 2010 году зарубежные вложения в китайскую экономику составили 106 млрд дол.;

- в 2011 году прямые иностранные инвестиции в китайскую экономику в январе 2011 г. достигли 10 млрд дол. За пять месяцев текущего года (с января по май) объем освоенных иностранных инвестиций достиг 48,28 млрд дол. Это на 23,4 % больше аналогичных показателей прошлого года;

- новые предприятия за первые пять месяцев 2011 года в КНР при участии иностранного капитала было открыто 10543 новых предприятия. Ежемесячно в стране открывается около 2 тысяч предприятий со смешанным капиталом и осваивается примерно 9 млрд дол. зарубежных капиталовложений;

- рост иностранных инвестиций в конкретные отрасли

экономики. В 2011 году инвесторы наметили следующие приоритеты: – обрабатывающая промышленность – 22,217 млрд дол. прямых инвестиций. Прирост – 20,63 %; сфера услуг – 22,29 млрд дол. Прирост – 27,68 %; животноводство и рыбное хозяйство – 814 млн дол. Прирост – 28,16 % [10].

Характерные особенности. В 2011 году инвесторы проявили интерес к небольшим городам республики и сельскому сектору.

Рассматривая перспективные направления размещения и использования иностранных инвестиций в Китае, следует отметить, что привлечение и использование иностранных инвестиций будет оставаться одной из стратегических задач внешнеэкономической политики КНР. Достижение поставленных целей по преобразованию отсталого облика Китая до 2020 г. в кругах, отвечающих за развитие народного хозяйства, не мыслится без привлечения в крупных масштабах иностранных инвестиций.

Учитывая и проблемы, вызываемые импортом иностранных инвестиций, в научных и руководящих кругах считают, что политика массового привлечения иностранного капитала в Китай будет продолжаться. В конце нынешнего века и в предстоящие 10–20 лет XXI века, заявляет вице-президент Академии общественных наук Ван Лолинь, использование Китаем иностранных инвестиций по-прежнему будет расти сравнительно высокими и стабильными темпами.

Огромные суммы денег, особенно в иностранной валюте, были и будут нужны повсеместно, во всех областях экономического и социального развития, в том числе для:

- проведения рыночных реформ, создания системы современных предприятий, транснациональных, трансрегиональных компаний, глобализации экономики КНР;
- осуществления следующего этапа индустриализации и глубокой научно-технической реконструкции народного хозяйства, наращивания импорта новейшей техники и современных технологий;
- строительства взаимоувязанных грандиозных систем инфраструктуры;
- создания современных отраслей народного хозяйства (автомобиле- и самолетостроение и др.);
- широкого развития фундаментальных и прикладных наук, НИОКР, подготовки кадров инженеров, конструкторов, управленцев, ученых всех необходимых для страны специальностей;
- глобализации экономики, внедрения ее в мировое разделение труда и т. д.;

— укрепления обороноспособности, развития космонавтики и космических исследований.

Предшествующие 20 лет реформ выявили одну из неизвестных ранее черт китайской экономики — способность поглощать колоссальную массу иностранных инвестиций в форме зарубежной техники, оборудования, технологий, научных знаний и т.д., колоссальную емкость внутреннего рынка для иностранной техники. В публикациях даются данные по отдельным отраслям КНР потребности в иностранных инвестициях. Выше уже говорилось, что Китай за 5 лет смог бы освоить на сооружение инфраструктуры 750 млрд дол.

Серьезные надежды возлагают на иностранные инвестиции ведомства по возведению и развитию автомагистралей, железных дорог, электроэнергетики, авто- и авиастроения, электроники, современной связи, информатизации, космонавтики и т.п. Так, бывшее министерство электроэнергетики, превращенное в 1998 г. в компанию, на 9 пятилетку планировало довести долю иностранного капитала в инвестициях с 10 до 20 %. Строители автомагистралей в те же 5 лет рассчитывали получить из-за рубежа 30 млрд дол., а ведомство, занимающееся электроникой, — 6 млрд дол. Транспортники просчитали, что в совокупных инвестициях, вкладываемых в отрасль в 1996–2000 гг. иностранные инвестиции должны составить 9,1 %, в 2001–2010 гг. — 9,2 %, в 2011–2020 гг. — 9,7 %. На завершение строительства скоростной железной дороги Пекин- Шанхай требуется 10 млрд дол.

Отслеживая ситуацию на мировых фондовых рынках, китайские специалисты оценивают ее весьма благоприятный для Китая. В последние годы, по их подсчетам, транснациональные инвестиции равнялись 320 млрд дол. США, ежегодный оборот денежного капитала превышал 800 млрд дол., а в 1995 г. достиг 995 млрд дол. Отсюда делается вывод о том, что ссудный процент будет сравнительно низкий. С точки зрения емкости рынка капиталов, экономического роста, уровня грамотности рабочей силы, уровня заработной платы, состояния социально-политической ситуации в стране Китай имеет преимущества перед другими странами. Поэтому у Китая есть возможность продолжать в крупных размерах привлекать иностранный капитал.

Несмотря на большие надежды в долгосрочной перспективе на получение крупных иностранных инвестиций в китайскую экономику, китайские экономисты и хозяйственники весьма трезво учитывают новую обстановку в этой сфере как на мировых финансовых рынках, так и внутри страны.

Регионы и предприятия в Китае стремились использовать иностранные инвестиции для упрочения своего экономического положения. Но с переходом к созданию крупных объединений предприятий, трансрегиональных и транснациональных компаний стала быстро нарастать потребность не в средних и малых по величине капиталах, а в крупных вложениях, которые можно получить только от крупных иностранных монополий и банков. Причем непременным условием получения кредитов является обеспечение их необходимой современной техникой и новейшими технологиями. Поэтому общим местом среди ученых-экономистов и практиков стали высказывания, что Китай должен продолжать активно использовать иностранный капитал, как можно скорее преобразовать свой отсталый технический облик, через транснациональные инвестиции импортировать передовую технику, что должно стать эффективным каналом повышения собственных потенциальных возможностей технического развития и освоения. Считается, что не входя в международное сотрудничество этот скачок КНР трудно осуществить.

Эволюционирует официальная политика в отношении к иностранным предприятиям. Правительством ставится задача шаг за шагом уравнивать в экономическом отношении (налоги, сертификация продукции, защита окружающей среды и др.) иностранные предприятия с национальными. Это в первую очередь затронет получаемую на иностранных предприятиях прибыль и, естественно, интересы иностранных инвесторов.

И политики, и экономисты в КНР приходят к выводу, что предприятия, созданные на «распыленном» («малом») капитале не смогут решить проблемы своего существования и развития, лишившись привилегий. И впредь, как полагают некоторые экономисты, мелкие и средние капиталы в КНР в таких огромных масштабах не будут востребованы. Иностранные инвестиции должны соответствовать изменениям на китайском рынке.

Стратегия открытости предполагает не только глобализацию китайской экономики, но и ее регионализацию. Последняя в прогнозный период должна проводиться в двух направлениях – внутреннем и внешнем. В первом случае весь Китай делится на 7 экономических районов, которые должны специализироваться на определенных видах промышленного производства и интегрироваться в единую народнохозяйственную систему с единым общенациональным рынком.

Стратегия глобализации китайской экономики подразумевает вхождение китайской экономики в целом в мировое хозяйство,

в мировой рынок, независимо от того, где тот или иной сегмент рынка находится, будь-то в Европе, Азии, Америке и т. д. Стратегия регионализации имеет конкретную региональную направленность. Теоретическим ее обоснованием стали расхожие принципы: «экономика и наука без границ», «взаимодополняемость экономик».

Суть концепции регионализма вовне заключается в создании региональных интернациональных экономических районов, в которые входили бы, с одной стороны, приграничные провинции Китая, а с другой, – приграничные районы сопредельных государств. Таких зон вокруг Китая создается шесть.

Подводя итог, следует отметить, что именно задача усиления конкурентоспособности на мировых рынках товаров, капиталов, услуг ныне выдвигается на центральное место во внешнеэкономической политике Китая. Важную роль в этом процессе занимает инвестирование в Китайскую экономику.

За последние пять лет общий объем прямых инвестиций из Китая за рубеж составил 220 млрд дол. при среднегодовом росте на 30 %, что позволило стране выйти на пятое место в мире.

Основной поток китайских инвестиций идет в Специальный административный район Сянган, на Каймановы острова, в Австралию, на Британские Виргинские острова, в Швецию, США, Канаду, Россию и Бразилию. 90 % инвестиций сосредоточены в областях предоставления коммерческих услуг, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, транспортных перевозок, оптовой и розничной торговли.

Китай намерен учредить государственный орган по контролю за инвестициями. Функцией данного образования станет надзор за тем, чтобы проводимые иностранными компаниями сделки по слиянию и поглощению не угрожали национальной безопасности. Основание данного органа направлено на борьбу с инфляцией в стране. Правительство намерено энергично изымать излишки ликвидности из экономики, чтобы удержать под контролем потребительские цены.

Новый орган, который должен начать свою работу в марте, создаст бюрократические барьеры для ведения бизнеса в Китае. В соответствии с решением Госсовета КНР, иностранные инвестиции в военную, сельскохозяйственную и энергетическую сферы, а также в ключевые отрасли инфраструктуры, транспорта, технологий и производства «важного оборудования» смогут контролироваться государством.

Руководить создаваемым органом будет наблюдательный совет по безопасности в сфере иностранных инвестиций, подотчетный Госсовету. В этот контрольный комитет войдут представители комиссии по национальному развитию и реформам, члены Минторга, а также сотрудники других смежных госорганов.

Привлечение иностранных инвестиций является важным способом участия Китая в процессе глобализации мировой экономики. Китай много лет подряд сохраняет лидирующее место по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций среди развивающихся стран. Сегодня по мере быстрого и здорового развития китайской экономики, постоянного углубления реформы и расширения открытости, ускорения процесса глобализации мировой экономики в области привлечения иностранных инвестиций в Китае наблюдается много новых обстоятельств и особенностей, появились новые шансы и преимущества.

Список использованной литературы

1. Бураковский И. Н. Международная торговля и экономическое развитие стран с переходной экономикой / И. Н. Бураковский. – К. : Знания, 1998. – 190 с.
2. Китайский опыт борьбы с инфляцией // Китайские реформы и Россия. – М., Информ. бюл. / Ин-т Дал Востока РАН; № 1, т. 2. – 2003. – Т.2. – С. 163–181.
3. Перспективы иностранных банков в Китае // Бюл. иностр. коммер. информ. – 2007. – № 23 – С. 16.
4. Ши Цзиян. Финансовая реформа и макроэкономическая ситуация в Китае / Ши Цзиян // Деньги и кредит. – 2009. – № 7. – С. 8–11.
5. Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.acfic.org.cn/>.
6. Доклад о глобальной конкурентоспособности 2008 – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki/
7. Доклад о мировых инвестициях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.un.org/ru/development/surveys/investments.shtml
8. Экономика КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org.
9. National Bureau of Statistics of China [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn/enGliSH>.
10. National Bureau of Statistics of China [Electronic resource]. – Way of access: <http://www.stats.gov.cn/enGliSH>.

Раздел 3.4. Китай в мировом автомобилестроении

Исследование проблем развития мирового автомобильного рынка в условиях глобализации мировой экономики, влияния последствий мирового экономического кризиса представляет значительный научный и практический интерес. Автомобильная промышленность играет очень важную роль в мировой экономике, будучи одним из самых больших источников рабочих мест. С точки зрения налоговых сборов автомобильная промышленность является третьим по величине, после производства алкогольной и табачной продукции, источником дохода от налоговых поступлений в государственный бюджет. Она опирается на прогресс в основных и прикладных науках и, кроме того, сама является движущей силой для развития технологий.

На сегодняшний день мировой рынок производства автомобилей фактически сформировался. Еще несколько лет назад 70 % мирового автомобильного рынка контролировали полтора десятка компаний, а сегодня ведущих игроков осталось всего шесть: Toyota, Volkswagen, Daimler Benz, General Motors, Ford и Renault-Nissan.

В условиях рыночной, открытой, нестабильной экономической конъюнктуры, характерной практически для всех стран значительно усилилось влияние экспорта продукции на обеспечение устойчивого экономического положения той или иной компании.

Усиливается процесс концентрации действий в автомобилестроительной области. Согласно исследованиям, в дальнейшем, в автомобилестроительной области будет происходить уменьшение количества фирм производителей за счет выгодных слияний и поглощений.

В ближайшие годы автомобилестроение особенно активно будет развиваться в странах Азии, Восточной Европы и Южной Америки (т. е. на рынках, которые не сформировались в автомобильном понятии). Согласно прогнозам экспертов, ежегодный рост в данной области, в этих регионах составит 7,5 %.

Несмотря на сокращение доходов автомобилестроительных компаний в период кризиса, мировая автомобильная промышленность, суммарный оборот которой составляет приблизительно 2450 млрд евро, сохранит свой значительный потенциал роста и останется двигателем экономического и технического развития большинства стран в будущем десятилетии.

Однако улучшение конъюнктуры не затронет все мировые рынки в одинаковой мере. Наибольший рост производства и продажи автомобилей можно ожидать на новых, быстро развивающихся рынках стран Азии, Центральной и восточной Европы, поэтому в наилучшем положении окажутся фирмы, которые имеют сильные позиции в этих странах.

В настоящее время автомобилестроение Китая становится одной из ведущих мировых отраслей. Если в 2000 году Китай по объему производства автомобилей занимал 11-ое место среди мировых держав, то в настоящее время он становится третьей крупнейшей в мире страной-производителем автомобилей.

Усилия Китая направлены на дальнейшее повышение статуса страны на международной арене и выход его в число ведущих стран мира по уровню объема ВВП на душу населения, превращение страны в государство с высоким уровнем материальной и духовной культуры. Всё это становится возможным благодаря тому, что Китай пошел не по пути бездушного перехода к новой политической и экономической системе, а сосредоточился на соединении элементов социалистического управления с поэтапным переходом к рыночной экономике.

Материалы ассоциации китайского автомобилестроения показали, что в 2010 году объем производства автомобилей в Китае составил 10 % объема мирового рыночного производства. Автомобильная промышленность стимулирует развитие более чем 100 отраслей промышленности (металлургия, машиностроение, резиновая, обработка цветных металлов, производство тканей, текстиля и др.). Также автомобилестроение способствует строительству дорог, развитию сферы услуг, в частности страхования, автосервиса и др.

Поскольку автомобилестроение определяет характер, технический уровень развития всей промышленности, то оно становится движущей силой индустриализации Китая.

Такой существенный прорыв китайского автомобилестроения обуславливает необходимость осмысления и оценки путей и методов, определяющих столь стремительный его рост. Необходимость такой оценки важна также с точки зрения определения тенденций дальнейшего развития автомобилестроения.

Данная тема является актуальной в связи с изменениями, которые происходят в мировой автомобильной промышленности в результате мирового экономического кризиса. Это в свою очередь определенным образом влияет на экономику как страны в целом, так и на отдельные предприятия занятые импортом или производ-

ством автомобилей. Анализ некоторых событий, связанных с общей глобализацией и интеграцией в этой области показал, что результатом может стать не только рост экономических показателей, но и крах целых концернов. Это заставит ведущих автомобильных производителей пересмотреть приоритетные задачи на ближайшее будущее, а государствам большей мерой оказывать необходимую поддержку для защиты национальных экономических интересов.

В автомобильной отрасли Китая на сегодняшний день насчитывается порядка 144 автомобильных заводов. При этом на долю 5 крупнейших автопроизводителей First Automotive Works Corp. (FAW), Shanghai Automotive Industry Corp. (SAIC), Chang'an Motor Corp., Beijing Automotive Holdings Corp, Dongfeng Motor Corp. приходилось около 68,8 % от числа реализованных в Китае автомобилей [1].

Однако основная доля производства (порядка 50 %) приходится на три крупнейшие компании (рис. 3.4.1):

Первый автомобильный завод – First Automotive Works Corp. (FAW);

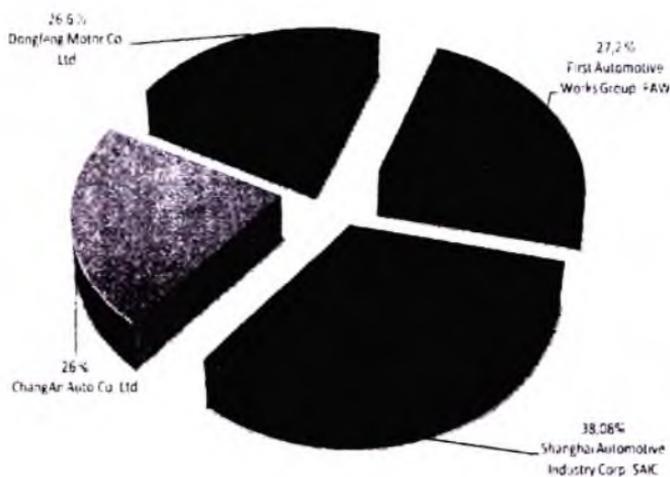


Рис. 3.4.1. Структура продаж ведущих автопроизводителей Китая

Источник: [2]

Шанхайскую автомобильную корпорацию – Shanghai Automotive Industry Corp. (SAIC);

Автомобильный завод «Дунфэн» – Dongfeng Motor Corp.

Первая десятка крупнейших автопроизводителей (включая три вышеназванных) заняла порядка 80 % китайского автомо-

бильного рынка. Оставшаяся доля рынка приходится на мелкие и средние предприятия, тенденция к увеличению которых сохраняется в связи с высокой доходностью указанного производства.

Всех китайских производителей можно разделить на несколько групп. В табл. 3.4.1 приведен перечень этих групп производителей с краткими характеристиками, отличающими их друг от друга [3].

Первая группа – предприятия по производству иностранных автомобилей. Это совместные предприятия между крупными автомобильными холдингами, которыми владеет государство, и иностранными автопроизводителями, акции многих из них продаются на бирже. К таким предприятиям относятся, например:

First Automotive Works Group (FAW).

Shanghai Automotive Industry Group (SAIC).

Dongfeng Motor Corp.

Chang'an Automobile Group.

Beijing Automotive Industry Group (BAIC).

Вместе эти пять крупнейших холдингов занимают около 65 % китайского рынка легковых автомобилей (рис. 3.4.2).

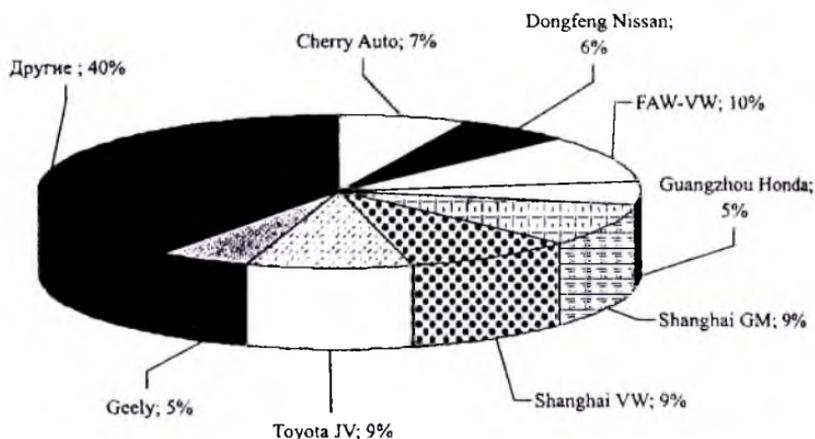


Рис. 3.4.2. Объем продаж автомобилей совместного производства на внутреннем рынке в 2009—2010 гг. Источник: [5]

Исторически сложилось так, что сначала китайцы пересели с лошадей на грузовики и автобусы, потом у многих появились велосипеды, затем – мотороллеры. Еще несколько лет назад скутеры были основным видом транспорта для большинства китайцев. Сейчас многие китайцы пересаживаются за руль личного автомобиля. Поэтому большинство производителей других видов транспорта начали делать легковые недорогие автомобили. В ос-

Таблица 3.4.1

Основные группы производителей автомобилей в Китае

Группы производителей	Характеристика	Отличительные особенности	Примечание
1 группа	СП крупных автомобильных холдингов с участием государства	Производство иностранных автомобилей по лицензии	Более 60 % продаж автомобилей
2 группа	Автопроизводители, созданные в 80–90-х годах XX в.	Частные производители (Hafei и Chery)	По объемам производства легковых автомобилей занимают места в первой десятке
3 группа	Производители мотоциклов, автобусов, грузовиков, военной и строительной техники	К маркам этой группы относятся, Geely, Jianghuai, Great Wall, Lifan и многие другие.	Утилитарные автомобили с невысокой ценой
4 группа	Производители комплектующих и оборудования для автопроизводителей	«Клонирование» наиболее известных моделей и производство автомобилей является «побочным бизнесом»	Самая многочисленная группа насчитывает более 40 компаний. Объем выпуска у многих не превышает 5–10 тыс. штук в год
5 группа	Подразделения крупных компаний основной деятельностью, которых не является автомобильное производство	Сборка автомобилей с нуля, с использованием агрегатов или технологий, купленных у крупных китайских или иностранных автопроизводителей	Все компании в этой группе имеют малые объемы производства.

Составлено автором по материалам: [4]

В основном – это утилитарные микроавтобусы вагонной компоновки, в которых помещается 5–7 человек, впрочем, без особого комфорта. Но и цена у таких автомобилей весьма демократичная – от 4 тыс. дол. [6, 7, 8, 9].

Независимо от того, к какой группе принадлежит марка китайского автомобиля, ее история почти всегда начиналась с механического или ремонтного завода НОАК (НОАК – Народная Освободительная Армия Китая). Это была своеобразная стартовая площадка для всех автопроизводителей в Китае. Другой стартовой площадкой было лицензионное производство нескольких японских и европейских марок, централизованно организованное китайским правительством в 80-х годах на нескольких крупных государственных предприятиях.

Общие корни тесно связали автопроизводителей общим производством, бизнесом, капиталом, они владеют акциями друг друга, совместно занимаются производством. Картина их связей похожа на лабиринт: практически любая из 130 автомобильных компаний как-то связана с остальными. Компании объединяются, разделяются, банкротятся, на месте одной марки появляется другая, кто-то неожиданно представляет сразу по 3 новые модели. И виной этому необыкновенный рост и масштабы китайского рынка, а также жесткое регулирование со стороны китайского правительства. Сейчас процесс объединения и поглощения компаний заметно усилился. Дело в том, что к началу 2005 года темпы роста продаж на внутреннем рынке КНР снизились, и конкуренция стала заметно усиливаться. Но если оценить динамику по различным сегментам, то становится ясно, что рынок продолжает активно изменяться. Только изменения происходят не в общем объеме, а в структуре рынка, то есть рынок постепенно приходит в насыщенное состояние. Поэтому продажи на внутреннем рынке у многих производителей заметно снизились, некоторые даже понесли значительные убытки. Тогда производители впервые всерьез задумались об экспорте, и 2005 год стал годом выхода на мировой рынок нескольких китайских марок [3].

Учитывая то, что китайские автопроизводители слишком разрозненны, чтобы соревноваться с мировыми конкурентами, в Пекине планируют провести масштабную реорганизацию автомобильной промышленности. Вместо почти сотни компаний, включая и мелкие, в отрасли должно остаться восемь игроков, разбитых на две четверки – «большую» и «малую». Естественно, что объем продаж является одним из важнейших показателей при выборе «центров

кристаллизации» новых крупных автопроизводителей. Так что первая десятка дает представление о том, кто в недалеком будущем станет основой китайского автопрома [10].

Рассматривая китайский рынок, необходимо принимать во внимание огромный размер страны, а также очень большие демографические и географические различия между различными ее регионами. В Китае существуют серьезные региональные различия между уровнем доходов граждан в прибрежных регионах с преимущественно городским населением и доходами населения внутренних сельских районов страны.

Доходы населения в прибрежных областях Китая более чем в три раза превосходят доходы китайцев, живущих в сельских районах, а шесть прибрежных провинций представляют более половины китайского рынка автомобилей и сохраняют лидирующее положение в будущем, согласно прогнозам (табл. 3.4.2). Безусловно, эти региональные различия прямо влияют на число и модели продаваемых в них автомобилей [11].

Северо-восточная часть Китая является колыбелью тяжелой промышленности страны. Неудивительно, что первые автомобилестроительные предприятия появились именно здесь. Такие крупные мировые производители, как Volkswagen, Toyota, BMW, Mazda и Volvo основали свои предприятия в этом регионе. В столице провинции Дзилинь, городе Чанчунь, который часто называют китайским Детройтом, располагается FAW – один из крупнейших и старейший производителей автомобилей в стране. В целом в провинции Дзилинь сейчас насчитывается 22 предприятия, выпускающих тот или иной вид автомобильной техники.

В силу исторических причин предприятия отрасли оказались рассредоточены по всей территории страны, ориентируясь, главным образом, на рынок провинции или региона, в котором они расположены. На данный момент в Китае можно выделить несколько производственных районов, где концентрация предприятий автомобилестроительной отрасли достаточно высока для создания в них крупных компаний общенационального, а не регионального масштаба.

Более того, в Чанчуне и окрестностях города растет число заводов таких известных производителей комплектующих, как Brose, Faurecia, Siemens VDO, Thyssen Krupp Automotive, TRW, Valeo и ZF Lemförder. На данный момент автомобилестроительная промышленность доминирует в отраслевой структуре провинции Дзилинь, и не ее долю приходится более 50 % экономики реги-

она. Другими производственными центрами региона являются Харбин и Шеньян, где располагаются соответственно компании Harbin Hafei Motor Co. и Brilliance China Automotive (CBA).

Столичный округ и близлежащие города также представляют собой сосредоточение предприятий автомобилестроительной отрасли. В его центре находится треугольник Пекин – Тяньцзинь – Баодин, в котором работают такие компании как Beijing Automotive Industry Holding Co., Great Wall Motor Co., а также совместные предприятия FAW и Toyota в Тяньцзине. Совместно с

Таблица 3.4.2

Размещение доходов по регионам

Год	ВВП, трлн юаней				Прирост ВВП, %				Доли в ВВП страны, %		
	По стране	Восток	Центр	Запад	По стране	Восток	Центр	Запад	Восток	Центр	Запад
2000	8800	5273	2349	1179	-	-	-	-	59,9	26,7	13,4
2010	20800	12574	5509	2716	9,0	9,1	8,9	8,7	60,5	26,5	13,1
2020 (прогноз)	73300	36690	24289	12321	6,5	5,5	7,7	7,9	50,1	33,1	16,8
2050 (прогноз)	160000	74428	55306	30266	4,0	3,6	4,2	4,6	46,5	34,6	18,9

Составлено автором по материалам: [12]

Beijing Automotive в данном регионе также работают компании Mitsubishi, Hyundai и DaimlerChrysler. Размещение центров автомобильного производства в Китае представлено на рис. 3.4.3.

Другим важным для отрасли регионом является область вокруг Шанхая. Город в дельте Янцзы и соседние провинции в ближайшем будущем, несомненно, сохраняют ведущую роль в экономическом развитии страны. Ни в каком другом регионе нет такой сильной концентрации известных поставщиков комплектующих для автомобилей. Вокруг Шанхая образуется целый пояс городов, в которых размещаются предприятия автомобилестроительной отрасли. Соответственно в этом регионе растет напряженность конкурентной борьбы между предприятиями за квалифицированные и пока недорогие трудовые ресурсы. Поэтому в последнее время наблюдается тенденция открытия новых предприятий все дальше на восток от Шанхая, в провинциях, еще не «избалован-

ных» бурным экономическим развитием, где компании могут рассчитывать на более доступные трудовые ресурсы и на внимание и поддержку со стороны местной администрации [13].

К крупным автомобилестроительным центрам страны можно также причислить южную провинцию Гуандун с ее столицей Гуанчжоу и находящимися поблизости Гонконгом и Макао. В регион, в котором располагались, главным образом, предприятия легкой промышленности, в конце 1990-х пришли производители комплектующих с мировыми именами, такими как Bosch, Lear, SiemensVDO и Magneti Marelli. Юг Китая также особенно понравился азиатским производителям автомобилей. В Гуанчжоу, Фучжоу и их окрестностях действуют предприятия Honda, Nissan, Mitsubishi [7, 8].

Глобальный финансово-экономический кризис нанес удар практически по всем отраслям мировой экономики, однако особенно сильно пострадала автомобильная промышленность. Из-за резкого спада объемов продаж ведущие автомобилестроительные компании мира, в особенности в США, оказались перед лицом банкротства. Однако на этом фоне в Китае ситуация совершенно противоположная. Китайский автомобильный рынок, будучи вторым крупнейшим в мире после США, продолжает стремительно расти, невзирая на кризис. Так в 2009 г. в КНР продано свыше 8 млн новых автомобилей, что на 14–15 % больше чем за 2008 г. Данная ситуация вызывает резонанс среди экономистов, большинство из которых приходит к выводу об эффективности экономической политики Пекина в рамках антикризисной программы.

Поступательное развитие китайской автомобильной промышленности в период мирового кризиса в первую очередь связано с наличием огромного внутреннего рынка сбыта. В добавление к этому, в рамках антикризисных мер, правительство КНР стимулирует покупательскую способность местного населения путем предоставления беспрецедентных льгот и кредитов. Сравнительно невысокие цены на бензин в Китае также благоприятно влияют на потенциальных покупателей автомобилей.

Рост китайского автомобилестроения зарегистрирован в основном за счет роста производства легковых автомобилей, одновременно повышается конкурентоспособность собственных марок, которые, в частности, составляют более 55 % продукции на рынке данного класса.

Другим положительным моментом является разработка и ввод новых моделей автомобилей в Китае, в то время как в других автодержавках на фоне кризиса такие возможности существенно ограничены. Так, за первые 6 месяцев 2009 г. в КНР было запущено в серийное производство 89 новых автомобилей, где 73 легковых автомобиля, 9 внедорожников и 7 минивэнов.

Несмотря на то, что около 1/3 запущенных в производство машин принадлежит не 100 % китайским, а различным совместным предприятиям, тем не менее, такими показателями не может похвастаться весь остальной мир вместе взятый. Например, за прошедшие полгода в США, Европе, Японии и Корее до конвейера дошли всего лишь единицы новых моделей авто.

Показательно, что всего 15–20 лет назад автомобильная отрасль КНР находилась в зачаточном состоянии и выпускала исключительно лицензионные модели. Важнейшим этапом развития китайского автопрома стал массовый приход мировых автопроизводителей на внутренний рынок. В конце 90-х годов прошлого столетия правительство КНР сделало ставку на развитие лицензионной сборки моделей ведущих зарубежных концернов. Были установлены запретные таможенные пошлины на импорт автомобилей, а все совместные предприятия создавались с непременным участием государства и получали налоговые льготы.

С учетом низкой заработной платы и высокой перспективности китайского рынка (в стране с населением свыше 3.4.3 млрд человек выпускалось не более 500 тыс. машин в год) такая политика привела к тому, что практически все японские, европейские и американские производители открыли заводы в Поднебесной. Доступ к мировым технологиям привел к возможности развития собственного производства, и в последние годы Китай стал самостоятельно разрабатывать и производить автомобили.

В табл. 3.4.3 представлена структура основных производителей в Китае, а также указана доля на рынке автопроизводства.

Из данной таблицы хорошо видно, что основную часть рынка автопроизводства занимают совместные предприятия с ведущими мировыми автоконцернами.

После вступления Китая в ВТО экспорт автомобилей из Китая рос на 30 % в год, причем в 2010 г. в торговле автомобилями наблюдалось положительное сальдо, увеличилась также степень концентрации производителей автомобилей. С 2001 по 2009 годы автомобильное производство в Китае ежегодно увеличивалось, в среднем, на 16 %.

В 2006 году КНР вошла в тройку лидеров по объёму произведённых автомобилей, наряду с США и Японией. К 2009 году Китай стал первым по объёму произведённых машин (13,7 млн штук). Только в январе-июне 2009 года в производство было запущено 89 новых моделей автомобилей [12].

Таблица 3.4.3

Структура автопроизводителей на рынке КНР

№	Совместное предприятие	Партнер	Доля на рынке (%)
1	Shanghai Volkswagon	SAIC (Shanghai Automobile Industry Corp.) and Volkswagen	20
2	FAW Volkswagon	FAW (First Automobile Works) and Volkswagen	15
3	Shanghai GM	SAIC (Shanghai Automobile Industry Corp.) and GM	10
4	Guangzhou Honda	Guangzhou Auto Industry (Group) Co. and Honda Co.	6
5	Shenlong	Dongfeng Auto Corp. and Citroen	5
6	Changan Suzuki	Changan Group and Suzuki Co.	5
10	Guangzhou Nissan	Dongfeng Auto Corp. and Nissan	3
11	Hainan Mazda (FAW)	FAW and Mazda	3
12	Beijing Hyundai	Beijing Automobile Investment Co. and Hyundai	3
13	Dongfeng Yueda – KIA	Dongfeng Auto Corp. and KIA	3
14	Tianqi-FAW Toyota	Tianqi, FAW and Toyota	2
16	Nanjin Nanya	Yuejin Co. and FIAT	2
19	Beijing Jeep	BAIC (Beijing Automobile Industry Corp.) and Daimler Chrysler Corporation (DCC)	1
20	Changan Ford	Changan and Ford	1
21	Другие		3
Всего			82
Местные предприятия			
7	Tianjin Xiali (FAW)		5
8	Chery (SAIC)		5
9	Geely Group		3
15	FAW		2
17	Hafei		2
18	Huachen		1
Всего			18
ИТОГО:			100

В январе-июне 2010 года в Китае было произведено 8,47 млн автомобилей (рост на 55,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2009 года). При этом китайские производители охвати-

ли около 25 % автомобильного рынка страны (75 % остались за транснациональными корпорациями).

По итогам 2009 года автопроизводители распределились по общему числу произведённых в мире автомобилей следующим образом:

- Китай – 17,2 %;
- Германия – 14,7 %;
- США – 14,6 %.

При этом КНР использовала порядка 80 % от имеющихся в стране производственных мощностей.

По прогнозам аудиторской компании PricewaterhouseCoopers, к 2014 году каждый пятый автомобиль в мире будет производиться в Китае. К 2015 году объём автопроизводства в Китае может вырасти до 35 млн автомобилей в год.

Если в 2005 Китай экспортировал более 170 тыс. автомобилей (включая комплекты запчастей), то в 2008 г. этот показатель составил 644 тыс. автомобилей общей стоимостью 8,88 млрд дол. Однако в 2009 г., из-за углубления экономического кризиса и существенного сокращения спроса на авто в мире, а также введения во многих странах протекционистских мер, экспорт китайских автомобилей сократился. В первом квартале 2009 г. спад составил около 60 %. Несмотря на это, китайские автопроизводители не испытывают проблем со сбытом, так как в это же время спрос на авто возрос в самом Китае. Спад объёмов экспорта компенсируется за счет емкого внутреннего рынка потребления, где покупательская способность населения стимулируется антикризисными мерами правительства КНР. В январе-июне 2010 года в Китае было произведено 8,47 млн автомобилей (рост на 55,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2009 года). При этом китайские производители охватили около 25 % автомобильного рынка страны (75 % остались за транснациональными корпорациями) [14].

Важной тенденцией китайской торговли автомобилями является уменьшение доли импорта и увеличение экспорта. В 2005 г. количество экспортных машин впервые превысило количество импортных. Однако, по соотношению количественного и стоимостного объёма, экспорт китайских автомобилей отстает от импорта.

Одним из наиболее перспективных зарубежных рынков для сбыта китайских автомобилей является Россия и другие страны СНГ.

Это связано с тем, что европейский и американский рынки являются сложными для Китая из-за высоких требований качества, безопасности и экологических стандартов. Привлекательность рос-

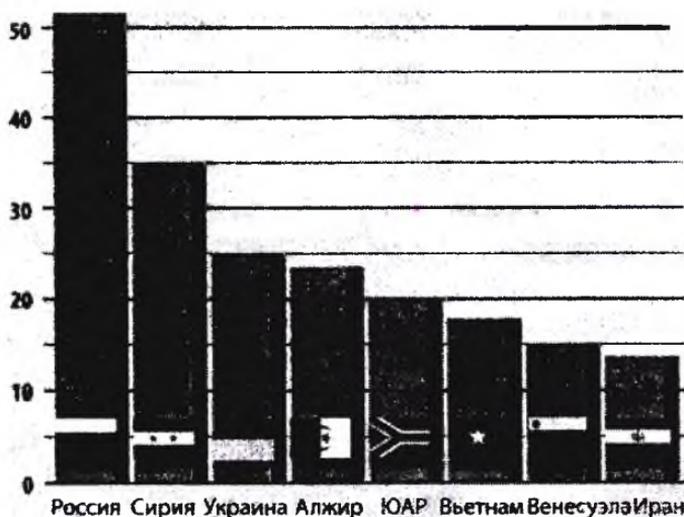


Рис. 3.4.4. Наибольшие страны-импортеры китайских автомобилей

Источник: [14]

сийского рынка заключается в том, что он является относительно емким и развивающимся, при этом, население пока отличается невысоким уровнем доходов. В этих условиях, китайские авто выглядят более доступными для российских потребителей, нежели европейские, американские, японские и корейские аналоги.



Рис. 3.4.5. Динамика продажи автомобилей на внутреннем рынке КНР

Источник: [14]

Положительные результаты антикризисных мер китайского правительства свидетельствуют о том, что уже в ближайшее время Китай выйдет в фазу посткризисного развития. Несомненно, этот этап будет характеризоваться высокими темпами экономического роста, увеличением промышленного производства, потребления электроэнергии и топлива. Китай будет нуждаться в

возрастающих объемах поставок углеводородных ресурсов, прежде всего из-за рубежа.

На внутреннем автомобильном рынке Китая ситуация выглядит следующим образом: динамика роста производства и объема продаж не претерпела серьезных изменений и остается относительно стабильной. Это наглядно иллюстрирует диаграмма на рис. 3.4.5.

В 2005 году в Китае было продано 5,96 млн автомобилей, на 14 % больше, чем в 2004 году. По этому показателю Китай вышел тогда на второе место после США. В 2007 году авторынок Китая стал одним из немногих, где продажи выросли – на 22 %, до 8,8 млн автомобилей в год. В 2008 году он вырос ещё на 45 % – до 9,4 млн машин в год, в 2009 году – ещё на 45 %, до 13,64 млн машин в год, что сделало Китай лидером по уровню продаж автомобилей по итогам 2009 года [14].

К 2009 году Китай стал также крупнейшим в Азии рынком импорта автомобилей: в 2008 году в страну было ввезено 400 тыс. машин, что почти на 10 % больше, чем в 2007 году, в 2009 году – 420,8 тыс. машин.

По статистическим данным импорт автомобилей в 2010 г. вырос на 93 % по сравнению с 2009 годом и составил 813,6 тыс. машин. По общей сумме импорта показатели увеличились в два раза до 30,64 млрд дол. Вместе с тем экспорт китайского автопрома поднялся на 40 % и составил 51,8 млрд дол. Наибольшим спросом пользовались японские и немецкие производители.

Бурный рост спроса и «слабые» продажи на посткризисном Западе позволили Китаю обойти США как самый крупный рынок сбыта новых автомобилей в 2009 году. В 2010 году продажи легковых автомобилей в КНР «подскочили» на треть до 13,7 млн штук.

В то время как модели китайского производства совместных с известными иностранными брендами предприятий доминируют на рынке Поднебесной, спрос на более качественные импортные автомобили остается довольно высоким. Рынок импортных автомобилей возглавляют внедорожники – 351,4 тыс. машин, что на 69 % больше, чем в 2009 году. Приток иностранных седанов удвоился и составил 343,7 тыс. машин [14].

Несмотря на частые отзывы автомобилей японских производителей, на их долю приходится большая часть импорта в Китай, за Японией следует Германия, Южная Корея и США.

Китай в основном экспортирует автобусы, грузовики и машины в разобранном виде на рынки развивающихся стран. Пока экс-

порт китайских автомобилей невысок частично из-за необходимости удовлетворять стремительно растущий внутренний спрос. В прошлом году КНР экспортировала 18,3 млн автомашин, менее 3 % от общего объема произведенных транспортных средств.

За 2010 год в Китае было продано 13,8 млн легковых автомобилей – по этому показателю китайский рынок стал крупнейшим в мире, опередив американский, где было реализовано всего 11,6 млн легковушек. Правда, сами китайцы этому уже не рады – их города задыхаются от выхлопных газов.

До прихода первых иностранных компаний на китайский рынок автомобилестроительная отрасль Китая была представлена исключительно государственными заводами, производящими автомобили для внутреннего рынка. В 80-х годах в рамках реформирования экономики Китая правительство КНР отказалось от командно-административной формы управления автомобилестроительными предприятиями. Были образованы государственные компании, обладающие относительной самостоятельностью в принятии корпоративных решений. Основой новой организации бизнеса стала нацеленность предприятий на получение максимальной прибыли. Компании скорректировали свою производственную политику с учетом рентабельности производства и анализа рынка. С 1983 года Управление макроэкономического регулирования Китая начало проводить политику ускорения качественного развития автомобильной отрасли и консолидации внутри нее для получения преимуществ от эффекта масштаба.

Автомобильная промышленность Китайской Народной Республики (КНР) испытывала серьезные затруднения в первой половине 1990-х годов. Тогда правительство КНР приняло решение повысить пошлины на импортные автомобили до 80 %, чтобы стимулировать создание автосборочных производств на территории страны. Все вновь образованные автопредприятия создавались с участием государства и обязательно получали налоговые льготы.

Таким образом, Китай к концу 1990-х годов получил доступ к автомобильным технологиям Запада и смог открыть и развить собственные автопроизводства. Тенденция изменения структуры видов автомобильной техники, реализуемой на территории КНР, показана в табл. 3.4.4 Наглядно видно, что в начале 2000-х годов насыщенность рынка легковыми автомобилями была меньше, чем автобусами и грузовой техникой. Связано это, во-первых, с историческими причинами (об этом уже упоминалось выше), во-вторых, с экономическими аспектами внутренней политики Китая. На

сегодняшний день эта структура претерпела значительные изменения в сторону увеличения доли легковых автомобилей и выглядит приблизительно следующим образом: на долю классических легковых автомобилей (седан, хэтчбек) приходится около 70 % (Shanghai General Motors, Shanghai Volkswagen Automotive). Второе место принадлежит пикапам и утилитарным автомобилям (SAIC-GM-Wuling Automobile), а третье – внедорожникам (Great Wall Automobile, Dongfeng Honda Automobile). Интенсивно развивается выпуск автобусов и грузовых автомобилей. У тяжелых и средних грузовиков лидирует Dongfeng, а у легких – Foton [6].

В результате политики укрупнения автопроизводителей, в Китае образовалась «большая четверка» автомобилестроительной отрасли: First Automotive Works Group FAW, Shanghai Automotive Industry Corp. SAIC, ChangAn Auto Co. Ltd и Dongfeng Motor Co. Ltd. На основе автомобилестроительных заводов, существовавших в Китае еще до прихода иностранных компаний на китайский рынок, были образованы крупные государственные компании при поддержке центрального правительства, например FAW и SAIC. При этом подразделения государственных китайских компаний часто поставляют комплектующие и оборудование для СП.

Таблица 3.4.4

Структура производства автомобилей в КНР

Год	Легковые автомобили, %	Автобусы, %	Грузовые автомобили, %
2002	29,2	33,6	37,2
2003	30,4	35,0	34,6
2004	34,7	32,2	33,1
2005	44,9	27,5	27,6
2006	45,7	24,5	29,8
2007	51,8	14,7	33,5
2008	51,8	14,7	33,5
2009	53,0	14,5	32,5
2010	53,5	14,5	32,0

Составлено автором по материалам: [14]

В Китае сейчас производится более 130 марок легковых автомобилей, из которых около 70 – аутентичные китайские марки.

С другой стороны, в Китае есть абсолютно «своя» автомобильная промышленность, то есть предприятия, в которых нет участия иностранного капитала и которые на 100 % находятся во владении официальных властей Китая или китайских компаний. Таковой, например, является компания Chery Automobile Co., образованная по инициативе местной администрации города Уху

провинции Аньхой. Есть также частные китайские компании вроде Geely Auto Holding Group, но по объемам производства они значительно уступают крупным государственным компаниям. Это достаточно качественные и дорогие автомобили, в Китае их розничная стоимость составляет от 17 до 26 тыс. дол. США, они конкурируют с большими корейскими седанами.

Отношение к китайским товарам сейчас не такое однозначное, как было раньше: одним потребителям не нравятся товары, произведенные в Китае, другие — наоборот, довольны соотношением цена-качество. Китай уже давно делает массовую продукцию для японцев, немцев, американцев и корейцев. Mercedes, BMW, VW, Ford, Toyota, Honda, Nissan, Hyundai и другие гиганты собирают свои автомобили в Китае.

Конечно, высокие темпы роста ВВП Китай удерживает за счет экспорта. По итогам последних трех лет, до кризиса доля внешней торговли составляла больше 60 % от объема ВВП. Однако у Китая есть возможность уменьшить свою зависимость от экспорта. С наступлением кризиса, объем экспорта уменьшился — в том числе в США и страны Евросоюза — и доля внешней торговли в общем объеме ВВП сократилась до 40 %. В результате Китай расширил внутренний рынок, именно туда стала поступать большая часть продукции — а внутренний рынок у Китая огромный — 1 млрд 334 млн населения.

Вслед за ослаблением влияния международного кризиса в 2010 году начал прослеживаться стабильный рост объема экспорта автомобилей Китая, заметно выросло количество предприятий, занимающихся вывозом китайских машин за рубеж. Однако вместе с этим появились другие проблемы, в том числе повышение курса юаня по отношению к доллару, усиление конкуренции между предприятиями индустрии на международном рынке и др.

Необходимо отметить, что в 2010 году Китай экспортировал автомобили в 189 стран и районов мира. В первую тройку государств по количеству вывозимых машин вошли Алжир, Иран и Вьетнам, объемы экспорта в эти страны составили 606 млн, 481 млн и 355 млн дол. США. В первую десятку государств, куда больше всего Китай вывез автомобили, попали Россия, Чили, Бразилия и Перу. Что касается экспорта в РФ, после некоторого периода спада, возобновились тенденции стремительного роста, самое быстрое увеличение прослеживается в экспорте седанов.

Объем экспорта на рынки развитых стран Западной Европы и Северной Америки относительно небольшой, в основном по

причине высоких стандартов по выбросам вредных веществ в атмосферу и норм безопасности. Китай по-прежнему сталкивается с огромными трудностями в целях освоения этих рынков.

Еще одним немаловажным фактором, определяющим вектор развития автомобильного рынка в Китае, является состояние экологии. Дело в том, что в результате государственной программы по стимулированию спроса на внутреннем рынке, количество автомобилей катастрофически стало увеличиваться. А это, в свою очередь, привело к тому, что ни транспортные возможности городов, ни окружающая среда не могут справиться с этим.

Согласно исследованиям, в 2010 году от сильного загрязнения воздуха страдает около 25 крупных китайских городов. Наибольший урон экологии наносят выхлопные газы: сегодня в КНР 85 млн автомобилей. А к 2020 году их число должно вырасти до 200 млн. В 1999, 2002, 2005 и 2008 годах нормы автомобильных выбросов уже были ужесточены с уровня «Китай-1» до уровня «Китай-4», в планах китайского правительства — ввести новые, более жесткие нормы «Китай-5». Для борьбы с загрязнением окружающей среды Китай планирует до 2012 года инвестировать 14,7 млрд дол. в производство экологически чистых электромобилей. К этому времени доля китайских автомобилей на альтернативных видах топлива должна составить 10 % внутреннего рынка.

Китайские автопроизводители JAC и CHANA уже привлекли японских специалистов для разработки моделей экологичных автомобилей, поскольку своих наработок в этой сфере у Китая нет. Кроме того, согласно новому плану министерства промышленности и информационных технологий Китая, иностранные автопроизводители смогут выйти на китайский рынок экологичных автомобилей только в составе совместных предприятий, где их доля не сможет превысить 49 %.

Производство автомобилей, работающих на альтернативном топливе, и электромобилей является одним из важнейших направлений государственной стратегии по развитию автомобильной промышленности в Китае. Причем такое пристальное внимание к новейшим технологиям в сфере «зеленого» автомобилестроения обусловлено, в первую очередь, объективными факторами. Более того, при таких темпах роста рынка автомобилей в Китае жизненно необходимо развитие «зеленого» автопрома, так как рост количества автомобилей повышает и потребность в топливе, что, в свою очередь, является угрозой для энергетической безопасности страны. Так, по оценкам аналитиков McKinsey, если

темпы роста рынка автомобилей в Китае сохранятся на прежнем уровне, то к 2030 потребность в дизельном топливе и бензине вырастет до 500 миллионов тонн в год (в 2005 году китайцы потребляли «всего» 110 миллионов тонн жидкого топлива). Даже если не поднимать вопрос об объеме эмиссии углекислого газа, ситуация не выглядит радужной [16].

Осознание такой неблагоприятной перспективы подтолкнуло правительство Китая к принятию активных мер. Согласно инвестиционному плану на 2011–2020 годы, правительство Китая планирует выделить свыше 100 млрд юаней (14,7 млрд дол.) в разработку и производство альтернативных транспортных средств. И начиная с 2011 году, Китай будет расширять объемы производства до 500 000 гибридов и электромобилей в год. Также, согласно плану, к 2020 году альтернативные автомобили должны составлять до 5 % от всех продаж пассажирского транспорта в Китае. К 2020 году в Китае, согласно плану, будет около пяти миллионов электромобилей и заряжаемых гибридов, а количество традиционных гибридов (с двигателем внутреннего сгорания) достигнет 15 миллионов. Если поставленные задачи будут достигнуты, то китайский рынок альтернативных автомобилей станет крупнейшим в мире [17].

Анализируя антикризисную программу Китая, необходимо заметить, что если антикризисные политики развитых стран преимущественно базируются на поддержке устойчивости финансового сектора, то в центре антикризисной политики Китая – стимулирование внутреннего спроса как путем стимулирования частного спроса, так и путем наращивания государственных инвестиций в развитие инфраструктурных отраслей, а также повышение конкурентоспособности китайского бизнеса как на внутренних, так и на зарубежных рынках.

Оценивая перспективы полного выхода Китая из экономического кризиса важно отметить, что это будет во многом зависеть от ситуации, складывающейся на мировом рынке. Прогнозируемый многими экспертами новый виток финансового кризиса в США и ЕС приведет к значительному снижению потребительской активности и может нанести удар по значению доллара как мировой резервной валюты и по способности США обеспечивать свои государственные обязательства. Для Китая – крупнейшего экспортера и кредитора американской экономики – это может обернуться новой волной сокращения внешней торговли и соответственно снижением темпов роста ВВП, а также потерей основ-

ной части ЗВР, что ограничит возможности по стимулированию своей экономики за счет государственных финансов.

Однако если США и ЕС смогут предотвратить новую волну кризиса, поддерживая процесс восстановления экономики, то Китай как уже состоявшийся локомотив выхода азиатской экономики из кризиса может стать таковым и для всей мировой экономики в целом. Влияние Китая на оздоровление мировой экономики также может подпитываться ростом спроса на нефть с его стороны. А роль локомотива мировой экономики, в свою очередь, откроет перед Китаем хорошие перспективы в глобальной конкуренции за экономическое лидерство.

Список использованной литературы

1. Граматчиков О. Китайское автомобильно чудо / О. Граматчиков // Эксперт. – 2007. – № 45 – С. 106–109.
2. China.htm [http \[Electronic resource\]](http://www.asiatimes.ru/top). – Way of access : www.asiatimes.ru/top.
3. Гао Шанцюань Стрельба по богатым приведет к серьезным социальным последствиям / Шанцюань Гао // Цэцзин. – 2005. – № 11. – С. 13.
4. Официальный сайт украинского автомобильного журнала – 2010. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.autostat.ru>.
5. Официальный сайт Dongfeng Motor Group Co. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dfm.com>
6. Официальный сайт First Automobile Works [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.faw.com>
7. Официальный сайт Geely Automobile [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.geely.com>
8. Официальный сайт Guangzhou Automobile Group Co. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gagc.com>
9. Официальный сайт Shanghai Automotive Industry Corporation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.saicmotor.com>
10. Экономическое развитие КНР в условиях мирового финансового кризиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.kommersant.ru.
11. Ван Пэй. Влияние ревальвации юаня на китайский экспорт / Пэй Ван // Человек и труд. – 2009. – № 6. – С. 63–64.
12. China Council for Promotion of International Trade [Electronic resource]. – Way of access : www.ccpit.org.
13. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stats.gov.cn/en/GliSH>.
14. World Travel Organization – Annual Report 2008 [Electronic resource]. – Way of access : www.weforum.org Introduction.
15. Моржаретто И. Шушары по-японски / И. Моржаретто // За рулем. – 2008 – № 2 – С. 136–140.
16. Официальный сайт украинского автомобильного журнала «autoreview» –

2010. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.autoreview.ru](http://www.autoreview.ru).

17. Официальный сайт российского автомобильного журнала – 2009 – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.expert.ru](http://www.expert.ru)

Раздел 3.5. Товарная структура украинно-китайской торговли в условиях экономической глобализации

Внешняя торговля является одной из наиболее значительных составляющих национальной экономики стран в современном мире. С помощью внешней торговли в экономику поставляются товары, услуги, материальные ценности, инвестиции, технологии, информация, ресурсы и прочие факторы производства, жизненно необходимые для эффективного функционирования экономики страны, региона и мира в целом. Внешняя торговля представляет собой основу мировой экономики и основной процесс, который поддерживает ее существование и функционирование.

Товарная структура внешней торговли, в свою очередь, представляет собой основу внешней торговли – страны обмениваются различными товарами, производство которых более эффективно, нежели в других странах. Преимущества в производстве тех или иных товаров определяются наличием, качеством и количеством природно-ресурсного, человеческого, технологического, предпринимательского, финансового, научно-исследовательского и иных видов потенциала развития национальной экономики, опираясь на которые государства создают ее внешнеэкономический комплекс.

Целенаправленное развитие внешнеэкономического комплекса, базирующееся на использовании национальных конкурентных преимуществ, в условиях открытой экономики обеспечивает повышение конкурентоспособности национальных товаров и экономики в целом. Важную роль в этом играет экономическая политика государства.

Приоритетной задачей национального государства во внешней торговле является повышение конкурентоспособности национальной экономики и составляющих ее отраслей, предприятий и фирм посредством реализации соответствующей экономической политики, ядром которой является национальная стратегия

экономического развития. Это содержательный план, который направляет экономическую политику по пути усиления национальной конкурентоспособности, поэтому разработка национальной стратегии экономического развития также является одной из основных функций государства и его различных ведомств.

Разработка национальной стратегии экономического развития и экономической политики государства должна основываться на анализе товарной структуры внешней торговли, в частности, экспорта и импорта, которые отражают текущие конкурентные позиции национальной экономики, тенденции развития международной торговли, а также определяют желательные направления дальнейшего развития международного торгового сотрудничества, исходя из наличных ресурсов, технологий, уровня развития отраслей национальной экономики и других факторов национальной конкурентоспособности.

Все это объясняет актуальность исследования товарной структуры украино-китайской торговли как одной из составляющих национального комплекса внешней торговли. Значение этого исследования состоит в формировании методологической основы для анализа товарной структуры внешней торговли Украины и Китая, определении соотношения взаимных позиций их национальной конкурентоспособности, что позволяет совершенствовать внешнеэкономическую политику обеих стран в условиях экономической глобализации.

Проблема международной торговли между двумя странами разрабатывается многими авторами, изучающими различные аспекты размещения производительных сил, ресурсного потенциала мировой экономики, регионов и стран мира, международной торговли, международных рынков ресурсов. Базовые теоретические положения изложены в работах А. Смита, Д. Рикардо, Э. Хекшера, Б. Олина и других выдающихся теоретиков международной торговли. Научные основы регулирования внешней торговли и ее влияния на экономическое развитие разрабатывают современные исследователи: П. Крутман, М. Обстфельд, В. Колесов, М. Кулаков, Ю. Чернецкий и др. Прикладные аспекты регулирования внешней торговли в отношениях со странами-партнерами изучаются соответствующими государственными органами Китая и Украины. Вместе с тем, недостаточно изучены различные аспекты влияния динамики товарной структуры на экономическое развитие и безопасность различных стран, в частности Китая и Украины.

Методологические основы исследования внешней торговли Китая и Украины должны включать производственный аспект, торговый (внешнеэкономический) аспект и государственное регулирование экономики и внешней торговли. Методология исследования производственного аспекта структуры внешней торговли Китая и Украины строится на оценке ресурсного потенциала двух экономик, а также с учетом влияния различных факторов национальной конкурентоспособности. В этой части исследования затронуты такие проблемы как экономическая безопасность Украины и Китая, которые находятся в прямой зависимости от конкурентоспособности национальных экономик обеих стран. Методология исследования внешней торговли двух стран строится на исследовании основных экспортных и импортных товарных групп, выделенных в торговле между Китаем и Украиной, и изучении особенностей развития национальной институциональной системы каждой из исследуемых стран. Исследование особенностей государственного регулирования внешней торговли стран позволяет определить эффективность государственной экономической политики Украины, степень ее соответствия достигнутому уровню развития национальной экономики, техники и технологии. Анализ национальной стратегии экономического развития Украины и ее совершенствование на основе учета национальных конкурентных преимуществ представляется нам одним из направлений повышения эффективности функционирования экономики Украины в условиях глобализации.

Для выявления актуальных тенденций в структуре украинско-китайской торговли мы выбрали временной период с 2006 г. по 2010 г. Мы также приняли во внимание тот факт, что ВВП Украины более чем в 30 раз меньше, чем ВВП Китая, что обуславливает представление торговых отношений двух стран на основе модели торговли между малой и большой странами, согласно которой внутренние относительные цены Украины никак не влияют на мировую относительную цену (т. к. она устанавливается под воздействием спроса и предложения больших стран), кроме того, наша страна получает все выгоды от торговли, не деля их со своим торговым партнером Китаем.

Для достижения цели нашего исследования следует проанализировать динамику украинского экспорта за последние 6 лет, которая представлена на рис. 3.5.1.

Как видим, общая тенденция украинского экспорта до 2008 г. включительно показывала стремительный экспоненциальный

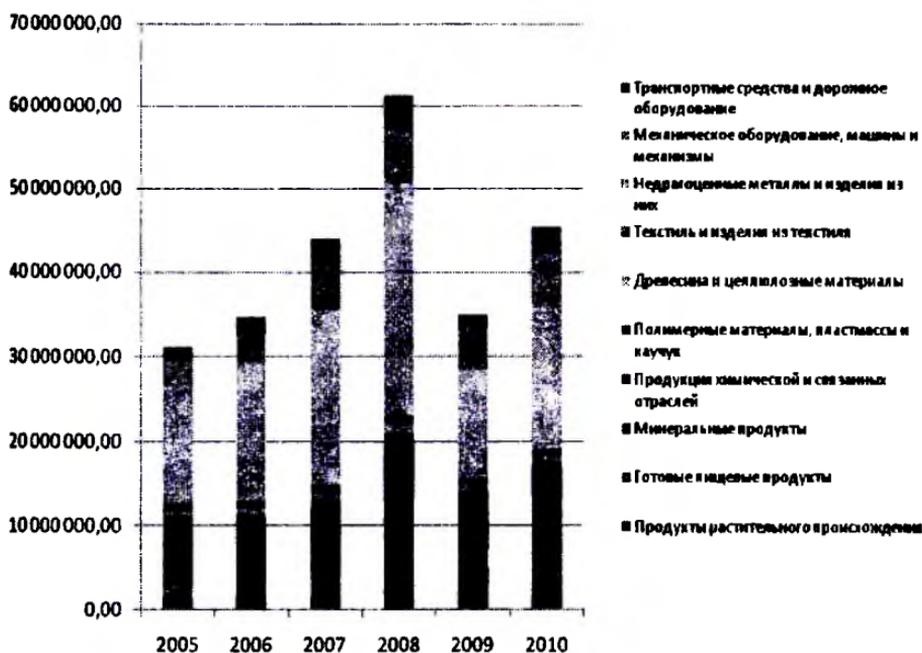


Рис. 3.5.1. Динамика структуры украинского экспорта, тыс. дол. США за 2005–2010 гг. Составлено по материалам: [14]

рост, преимущественно за счет первых трех товарных групп (продукты растительного происхождения, готовые пищевые продукты, минеральные продукты) в 2005–2007 гг., и продуктов растительного происхождения в 2008 г. В 2009 г. экспорт товаров резко упал (почти в 2 раза), в основном за счет сокращения экспорта драгоценных металлов и изделий из них. В соответствии с концепцией Вернона, в применении к товарным группам, в современном производстве к товарам, приносящим меньший объем добавленной стоимости, можно отнести продукты отрасли металлургии и металлообработки, добывающей промышленности, сельского хозяйства и лесного хозяйства, а продукция пищевой промышленности, текстильной, химической и частично машиностроения можно отнести к среднетехнологичным товарам, которые приносят среднюю величину добавленной стоимости. К высокотехнологичным товарам следует отнести продукцию остальной части машиностроения, производство полимерных материалов и производство собственно высокотехнологичных товаров (оргтехники, средств связи, компьютеров, роботов и др.), которые практически не представлены в товарном экспорте Украины.

Проведем структурный анализ экспорта Украины в период 2005–2010 гг., рассчитывая процентное содержание основных товарных групп по в совокупном экспорте каждого года, результаты отобразим в табл. 3.5.1.

В 2009 г. основное снижение экспорта произошло за счет сокращения экспорта товаров группы «Недрагоценные металлы и

Таблица 3.5.1

**Доли товарных групп в товарном экспорте
Украины за 2005–2010 гг.**

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	2	3	4	5	6	7
Продукты растительного происхождения	5,44 %	5,61 %	3,93 %	9,10 %	14,37 %	8,76 %
Готовые пищевые продукты	4,14 %	4,01 %	4,68 %	4,11 %	5,96 %	5,67 %
Минеральные продукты	15,10 %	11,14 %	9,73 %	11,49 %	11,13 %	14,83 %
Продукция химической и связанных отраслей	9,59 %	9,75 %	9,22 %	8,23 %	7,18 %	7,67 %
Полимерные материалы, пластмассы и каучук	1,85 %	2,31 %	2,25 %	1,63 %	1,61 %	1,51 %
Древесина и целлюлозные материалы	1,46 %	1,72 %	1,75 %	1,43 %	2,30 %	2,07 %
Текстиль и изделия из текстиля	2,93 %	2,63 %	2,25 %	1,61 %	2,03 %	1,62 %
Недрагоценные металлы и изделия из них	45,06 %	47,25 %	47,33 %	45,01 %	36,57 %	38,19 %
Механическое оборудование, машины и механизмы	9,12 %	9,58 %	11,33 %	10,34 %	14,31 %	12,49 %
Транспортные средства и дорожное оборудование	5,31 %	5,99 %	7,52 %	7,05 %	4,55 %	7,19 %

Составлено по материалам: [14]

изделия из них», что подтверждает заключение, сделанное выше из рисунка 1. Сокращение весового коэффициента экспорта этой товарной группы на 8,44 % в 2009 г. отразилось в денежном эквиваленте снижением экспорта по этой товарной группе на 14,77 млрд дол. США из 27,25 млрд дол. США сокращения суммарного объема экспорта Украины в 2009 г., что составило 54,2 % от общего сокращения экспорта. Сокращение по товарной груп-

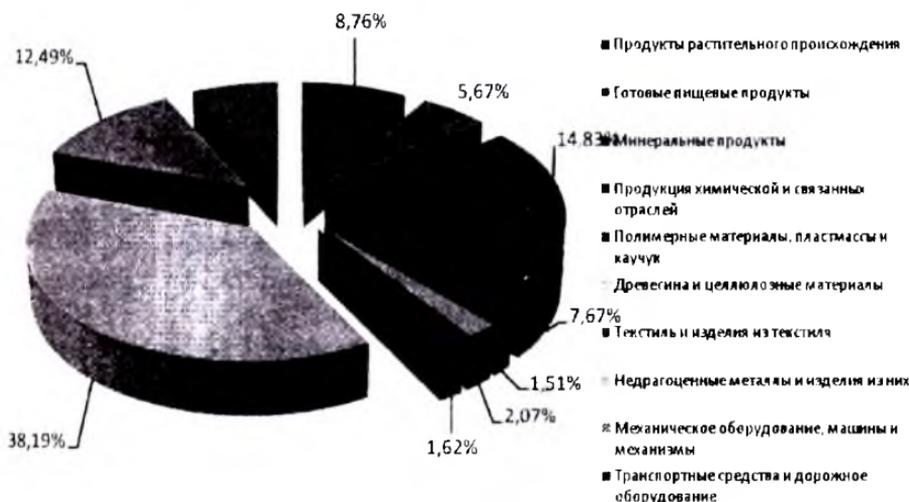


Рис. 3.5.2. Товарная структура экспорта Украины в 2010 г.

Составлено по данным таблицы: 3.5.2

пе «Минеральные продукты» составило 3,15 млрд дол. США, по группе «Транспортные средства и дорожное оборудование» на 2,73 млрд дол. США, по группе «Продукция химической и связанных с ней отраслей» – 2,53 млрд дол. США, по группе «Механическое оборудование, машины и механизмы» на 1,32 млрд дол. США. Суммарное сокращение по всем перечисленным группам составило 9,73 млрд дол. США, что составило 35,7 % от общего сокращения объема экспорта.

Дальнейшее исследование показывает, что в 2010 г. рост экспорта осуществлялся за счет роста доли в товарной структуре следующих товарных групп: «Минеральные продукты» на 3,7 %, «Недрагоценные металлы» на 1,62 %, «Транспортные средства и дорожное оборудование» на 2,64 %. В стоимостных показателях по этой группе экспорт вырос соответственно на 2,83, 4,51 и 1,67 млрд дол. США, что в совокупности составляет 58,89 % от общего роста экспорта в 2010 г. Положительным явлением в 2010 г. мож-

но считать то, что рост экспорта наблюдался по всем товарным группам, хотя и меньшими темпами, чем по 3-м проанализированным. Исключение составляет лишь товарная группа «Производство растительного происхождения», по которой произошел спад на 1,06 млрд дол. США. Следовательно, в 2010 г. экспорт Украины перешел к стабильному росту после спада в 2009 г.

Товарная структура экспорта Украины, сложившаяся к 2010 г., изображена на рис. 3.5.2.

В результате структурного анализа украинского экспорта становится ясно, что в структуре экспорта Украины преобладают товары преимущественно низкой степени обработки, в производстве которых не задействованы высокие технологии, и которые приносят небольшой объем добавленной стоимости в экономику Украины. Суммарный объем продукции среднетехнологичного и высокотехнологичного производства (в том числе продукции пищевой, химической, легкой промышленности, машиностроения и производства полимерных материалов) составляет 36,15 % от общего объема экспорта 2010 г., а экспорт продукции низкотехнологичного производства сельского хозяйства и добывающей промышленности, а также производства недргоценных металлов и изделий из них соответственно составляет 63,85 % от общего объема экспорта.

Динамика структуры украинского импорта представлена на рис. 3.5.3.

Как видим, украинский импорт показывает практически ту же общую тенденцию динамики, как и экспорт – экспоненциальный рост в 2005–2008 гг., резкий спад (практически в 2 раза) в 2009 г. и рост в 2010 г. При этом основная масса импорта приходится на одну товарную группу – «Минеральные продукты», так же как в экспорте на группу «Недрагоценные металлы и изделия из них». Следующее место занимает товарная группа «Механическое оборудование, машины и механизмы», а третье до 2008 г. занимала группа «Транспортные средства и дорожное оборудование», а с 2009 г. – продукция химической и связанных с ней отраслей. Рост импорта в исследуемый период, следовательно, обусловлен увеличением величины импорта по указанным товарным группам – динамика остальных товарных групп внесла несущественный вклад в изменение общего объема импорта Украины.

Результаты структурного анализа импорта Украины в период 2005–2010 гг., проведенного аналогично вышеизложенной методике структурного анализа экспорта, отображены в табл. 3.5.2.

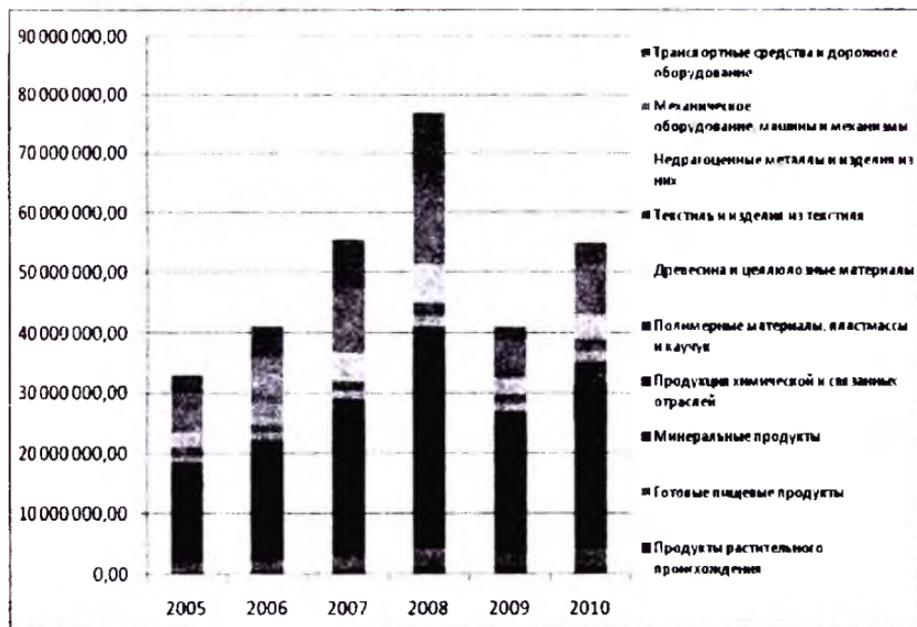


Рис. 3.5.3. Динамика структуры украинского импорта, тыс. дол. США за 2005–2010 гг. Составлено по материалам: [14]

Как видим, доля товарной группы «Минеральные продукты» колеблется в диапазоне от 31,13 % в 2007 г. до 38,49 % в 2010 г., в то время, как доля товарной группы «Механическое оборудование, машины и механизмы» колеблется от 14,88 % в 2010 г. до 19,20 % в 2005 г., а доля импорта по товарной группе «Транспортные средства и дорожное оборудование» выросла с 9,75 % в 2005 г. до 15,74 % в 2008 г. В 2009 г. она упала до уровня 5,3 %, а в 2010 г. выросла до 6,68 %, а доля импорта товарной группы «Продукция химической и связанных с ней отраслей» колебалась от уровня 9,58 % в 2007 до 9,06 % в 2008 г., а с 2009 г. составила 13,02 %. Структурный анализ импорта Украины показал, что суммарная доля основных товарных групп в исследуемом периоде возросла с 64,82 % до 83,01 %.

Товарная структура импорта Украины в 2010 г. изображена на рис. 3.5.4.

Товарная структура украинского импорта в 2010 г. включает такие товарные группы: «минеральные продукты» (38,49 %), «механическое оборудование, машины и механизмы» (14,88 %), «продукция химической и связанных с ней отраслей» (11,74 %), далее следу-

Таблица 3.5.2

**Доли товарных групп в товарном импорте Украины
за 2005–2010 гг.**

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	2	3	4	5	6	7
Продукты растительного происхождения	1,59 %	1,63 %	1,55 %	1,90 %	3,08 %	2,85 %
Готовые пищевые продукты	4,41 %	4,02 %	3,77 %	3,49 %	4,98 %	4,56 %
Минеральные продукты	35,03 %	32,83 %	31,13 %	33,12 %	38,41 %	38,49 %
Продукция химической и связанных отраслей	9,38 %	9,45 %	9,58 %	9,06 %	13,02 %	11,74 %
Полимерные материалы, пластмассы и каучук	5,87 %	6,14 %	6,15 %	5,83 %	6,52 %	6,67 %
Древесина и целлюлозные материалы	3,04 %	2,85 %	2,74 %	2,39 %	3,36 %	3,02 %
Текстиль и изделия из текстиля	4,26 %	3,32 %	2,68 %	2,73 %	3,47 %	3,60 %
Недрагоценные металлы и изделия из них	7,48 %	8,09 %	8,55 %	8,32 %	6,55 %	7,52 %
Механическое оборудование, машины и механизмы	19,20 %	19,14 %	19,05 %	17,42 %	15,31 %	14,88 %
Транспортные средства и дорожное оборудование	9,75 %	12,51 %	14,80 %	15,74 %	5,30 %	6,68 %

Составлено по материалам: [14]

ют «недрагоценные металлы и изделия из них», «транспортные средства и дорожное оборудование», «полимерные материалы, пластмассы и каучук», суммарная доля которых составляет 20,87 %, при этом доли распределяются приблизительно равномерно, однако среди этих трех товарных групп доля недрагоценных металлов несколько выше и составляет 7,52 %.

Результаты структурного анализа показывают, что большая часть импорта приходится на низкотехнологичные товары – к ним относятся, как уже было указано выше, продукция добы-

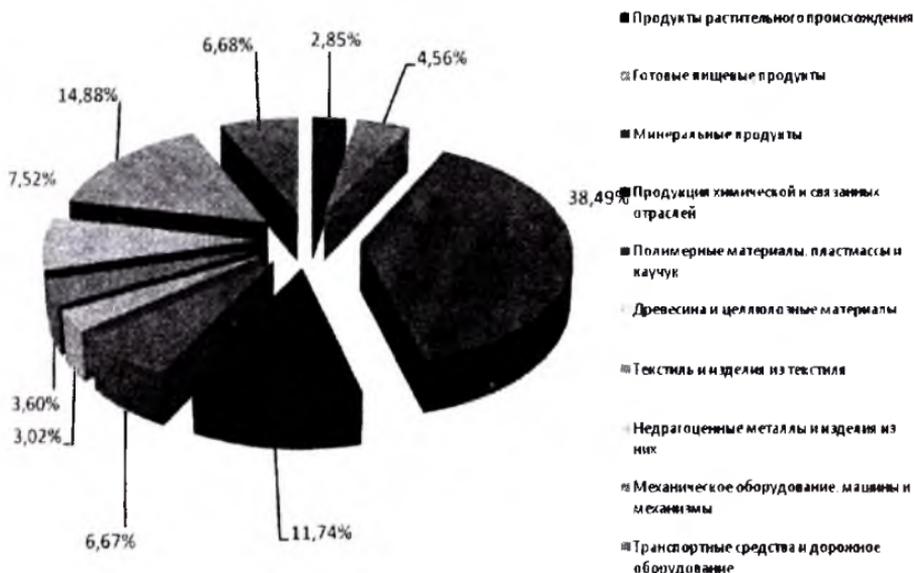


Рис. 3.5.4. Товарная структура украинского импорта в 2010 г.

Составлено по материалам: [14]

вающих отраслей, сельского хозяйства и металлургической отрасли, составляет 51,88 % от общего объема импорта, продукция среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей составляет 48,12 %. Следовательно, в структуре импорта больше товаров, приносящих более высокую добавленную стоимость, чем в структуре экспорта, где это соотношение составляет 63,85 % и 36,15 % соответственно (как было рассчитано выше).

В результате проведенного структурного анализа товарной структуры экспорта и импорта выявлено, что товарная структура внешней торговли Украины является невыгодной для экономики Украины, с точки зрения избранной для нашего исследования методологии Вернона.

Дальнейший анализ будет построен на исследовании товарной структуры собственно украинско-китайской торговли, с целью выявления тенденций в развитии украинско-китайской торговли, а также построения модели украинско-китайских международных отношений.

Обратимся к анализу товарной структуры украинско-китайской торговли в современных условиях. На рис. 3.5.5 изображена динамика импорта в Китай из Украины (данные таможенной службы Китая).

Как видим, общая динамика импорта товаров в Китай из Украины положительна, наибольшие темпы прироста наблюдались в 2009 г. (81,95 %) и в 2008 г. (79,38 %). Наименьший темп прироста наблюдался в 2010 г. – менее 1 %, а в 2007 г. темп прироста составил 52,26 %. Положительной тенденцией мы считаем то, что в 2009 г. импорт Китая из Украины не уменьшился, а вырос почти на 80 %, что противоречит общей тенденции динамики украинского экспорта в 2009 г. (резкое падение, почти в 2 раза). С этой точки зрения, Китай представляется желательным торговым

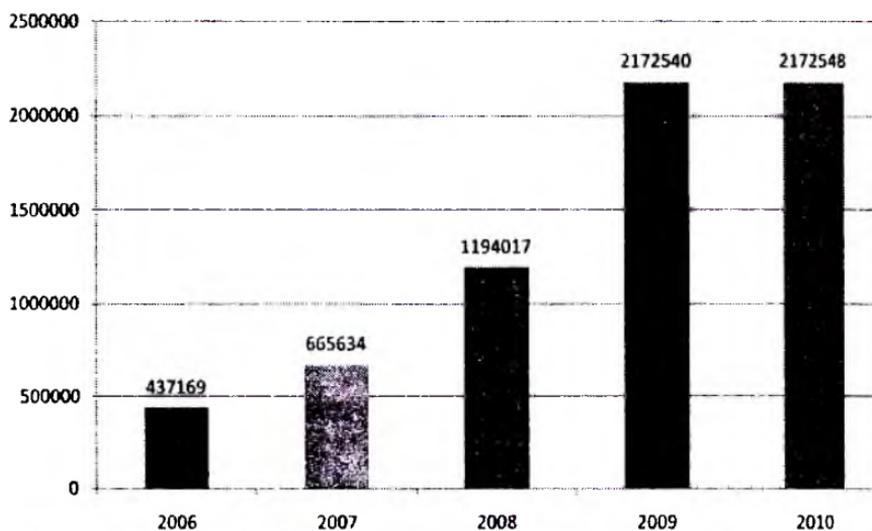


Рис. 3.5.5. Динамика импорта в Китай из Украины

за 2006–2010 гг. (тыс. дол. США). Составлено по материалам: [9]

партнером Украины, поскольку в момент кризиса он не сократил, а увеличил прирост импорта украинских товаров. Однако, в 2010 г. прирост импорта существенно упал, но за исследуемый период по статистике не наблюдалось падения импорта в Китай из Украины, как это было по другим странам-партнерам, что является положительной характеристикой украинско-китайской торговли по отношению к Украине.

Проанализируем динамику товарной структуры импорта в Китай из Украины за весь исследуемый период. Товарная структура импорта в Китай 2006 г. изображена на рис. 3.5.6.

Как видно из рис. 3.5.6, большую часть импорта в Китай из Украины составляют 2 товарные группы: «руда и шлак» – 36 % и «продукция органической химии» – 24 %. В совокупности эти две товарные



Рис. 3.5.6. Товарная структура импорта в Китай из Украины за 2006 г.

Составлено по материалам: [9]

группы представляют 60 % общего импорта в Китай из Украины. Остальные 8 товарных групп составляют всего 40 %, что говорит о низком уровне диверсификации украинского экспорта в Китай. При этом значимыми группами являются «продукция машиностроения, реакторы, котлы и пр.» – 2 %, «железо и сталь» – 2 %, «медь и ее фракции» – 7 %, «электрическое и электронное оборудование» – 2 %. По классификации, которая приведена выше, к высокотехнологичным товарам можно отнести 3, 6 и 7 товарные группы, совокупная доля которых составляет 4 %, к среднетехнологичным – 2 и 4 товарные группы, совокупная доля которых составляет 26 %, а к низкотехнологичным – остальные, совокупная доля которых составляет 70 %.

Товарная структура импорта в Китай из Украины в 2007 г. представлена на рис. 3.5.7.

Как показано на рис. 3.5.7, структура импорта в Китай из Украины также представлена большей частью двух первых товарных групп – 63 %, при этом доля импорта остальных значительных товарных групп составляет 19 %. В 2007 г., следовательно, по классификации, принятой в соответствии с выбранной методологией доля высокотехнологичных товаров составила 5 %, среднетехнологичных – 27 %, а низкотехнологичных – 68 %. Динамика товарной структуры импорта в 2006–2007 гг. привела к некоторому перераспределению долей импорта в Китай из Украины – рост доли высокотехнологичных товаров на 1 % и среднетехнологичных также

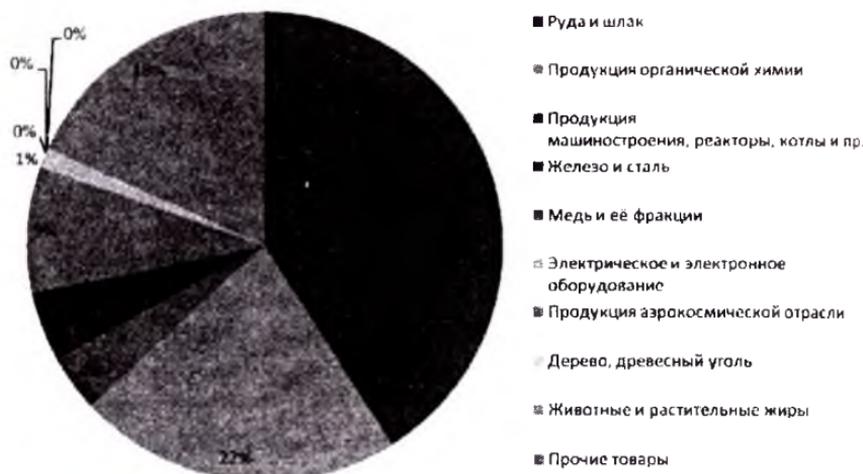


Рис. 3.5.7. Товарная структура импорта в Китай из Украины в 2007 г.

Составлено по материалам: [9]

на 1 % привел к сокращению доли низкотехнологичных товаров на 2 %. При этом, если принять во внимание общую динамику импорта в Китай из Украины, то общий рост импорта в Китай одновременно с улучшением товарной структуры импорта представляется положительной тенденцией.

Товарная структура импорта в Китай из Украины в 2008 г. изображена на рис. 3.5.8.



Рис. 3.5.8. Товарная структура импорта в Китай из Украины в 2008 г.

Составлено по материалам: [9]

В 2008 г. товарная структура импорта в Китай из Украины претерпела значительные изменения по сравнению с товарной структурой 2007 г. – доля товарной группы «руда и шлак» выросла с 41 % в 2007 г. до уровня 68 % в 2008 г., что показывает негативную тенденцию в изменении структуры импорта в Китай из Украины. В результате реструктуризации доля высокотехнологичных товаров составила 5 %, среднетехнологичных – 7 %, а низкотехнологичных – 88 %. Динамика товарной структуры в 2007–2008 гг. привела к перераспределению долей импорта в Китай из Украины – сокращение доли импорта среднетехнологичных товаров на 20 % привело к росту доли импорта низкотехнологичных товаров также на 20 %. В результате рост общей величины импорта в Китай из Украины в 2008 г. на 0,528 млрд дол. США произошел за счет роста импорта товаров, принадлежащих к товарной группе «руда и шлак» на 0,543 млрд дол. США, и незначительных сдвигов по другим товарным группам. В результате изменений в объеме и структуре импорта в Китай из Украины можно сделать вывод о том, что объем импорта в 2008 г. был увеличен за счет низкотехнологических товаров, поэтому структура импорта в Китай из Украины ухудшилась для Украины.

Структура импорта в Китай из Украины в 2009 г. представлена на рис. 3.5.9.

В 2009 г. товарная структура импорта в Китай из Украины претерпела значительные изменения по сравнению с товарной

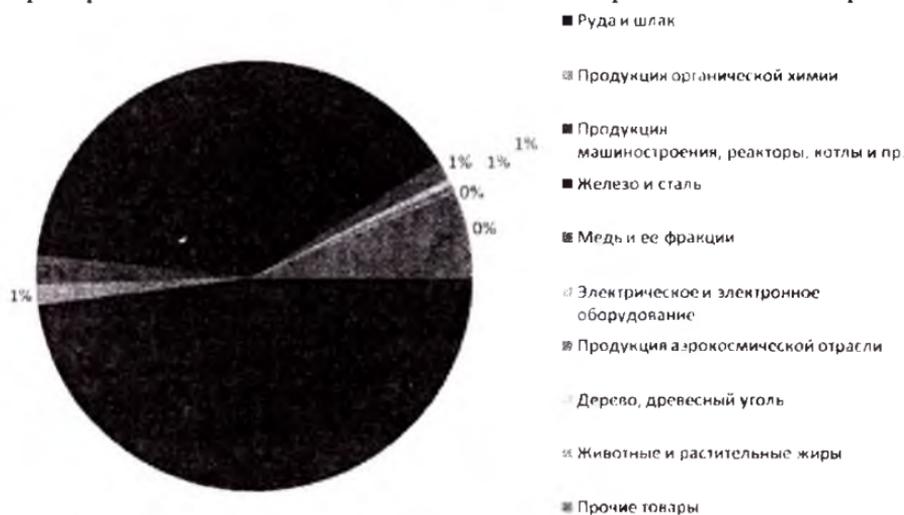


Рис. 3.5.9. Товарная структура импорта в Китай из Украины в 2009 г.

Составлено по материалам: [9]

структурой 2008 г. – доля товарной группы «руда и шлак» снизилась с 68 % в 2008 г. до уровня 48 % в 2009 г., в то же время, доля товарной группы «железо и сталь» выросла с уровня менее чем 1 % до уровня 39 % – на 0,85 млрд дол. США что показывает некоторую позитивную тенденцию в изменении структуры импорта в Китай из Украины. В результате реструктуризации доля высокотехнологичных товаров составила 4 %, среднетехнологичных – 40 %, а низкотехнологичных – 56 %. Динамика товарной структуры в 2008–2009 гг. привела к перераспределению долей импорта в Китай из Украины – рост доли импорта среднетехнологичных товаров на 33 % привел к сокращению доли импорта высокотехнологичных товаров на 1 %, а также к сокращению доли импорта низкотехнологичных товаров на 32 %. В результате рост общей величины импорта в Китай из Украины в 2009 г. на 0,978 млрд дол. США произошел за счет роста импорта товаров, принадлежащих к товарной группе «железо и сталь» на 0,856 млрд дол. США, а также товаров группы «руда и шлак» на 0,225 млрд дол. США и незначительных сдвигов по другим товарным группам. В результате изменений в объеме и структуре импорта в Китай из Украины можно сделать вывод о том, что объем импорта в 2009 г. был увеличен за счет роста доли среднетехнологичных товаров, поэтому структура импорта в Китай из Украины улучшилась.

Структура импорта в Китай из Украины в 2010 г., представленная на рис. 3.5.10, претерпела значительные изменения по сравнению с товарной структурой 2009 г.: доля товарной группы «руда и шлак» выросла с 48 % в 2009 г. до уровня 75 % в 2010 г.

В то же время, доля товарной группы «железо и сталь» сократилась с 39 % до 3 % – на 0,791 млрд дол. США что показывает негативную тенденцию в изменении структуры импорта в Китай из Украины. В результате реструктуризации доля высокотехнологичных товаров составила 6 %, среднетехнологичных – 10 %, а низкотехнологичных – 84 %. Динамика товарной структуры в 2009–2010 гг. привела к перераспределению долей импорта в Китай из Украины – сокращение доли импорта среднетехнологичных товаров на 30 % привело к росту доли импорта высокотехнологичных товаров на 2 % а также к росту доли импорта низкотехнологичных товаров на 28 %. В результате рост общей величины импорта в Китай из Украины в 2010 г. менее, чем на 1 % произошел за счет сокращения импорта товаров, принадлежащих к товарной группе «железо и сталь» на 0,791 млрд дол. США и роста объемов импорта по товарной группе «руда и шлак» на 0,583 млрд дол.



Рис. 3.5.10. Структура импорта в Китай из Украины в 2010 г.
Составлено по материалам: [9]

США, роста объемов импорта по товарной группе «продукция органической химии» на 0,115 млрд дол. США и незначительных сдвигов по другим товарным группам. В результате изменений в объеме и структуре импорта в Китай из Украины можно сделать вывод о том, что объем импорта в 2010 г. был увеличен за счет низ-

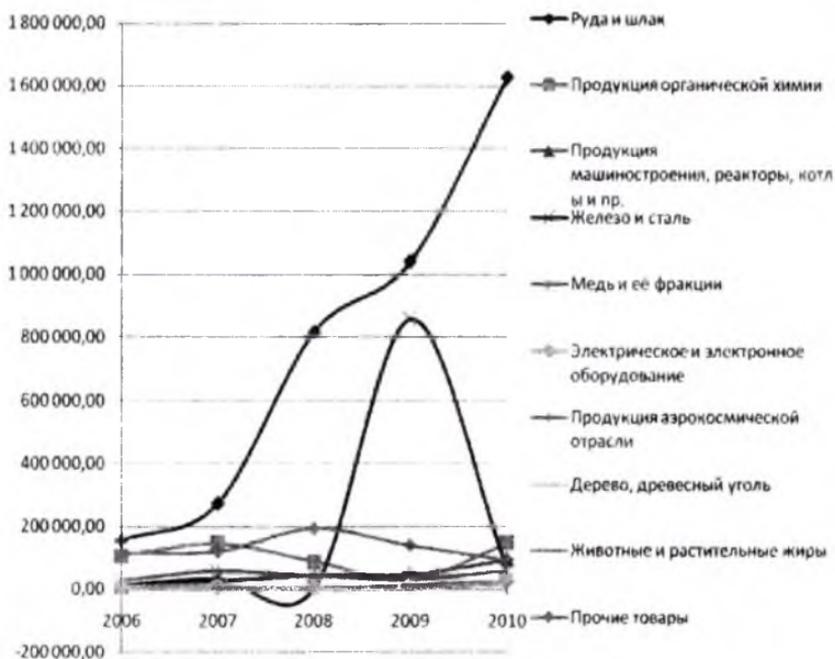


Рис. 3.5.11. Динамика импорта в Китай из Украины в период 2006–2010 гг. по товарным группам. Составлено по материалам: [9]

счет низкотехнологичных товаров, поэтому структура импорта в Китай из Украины в 2010 г. ухудшилась для нашей страны.

На рис. 3.5.11 показана динамика импорта в Китай из Украины, которая отражает изменения по всем рассматриваемым товарным группам.

Как видно из рис. 3.5.11, импорт по большинству товарных групп вносит незначительный вклад в общий объем импорта в Китай из Украины, кроме двух – «руда и шлак», а также «железо и сталь», которые, как показано выше, составляют значительную долю общего объема импорта в Китай из Украины.

Как видно из исследования, основными товарными группами в импорте в Китай из Украины являются «руда и шлак», которая принадлежит к низкотехнологичным товарам, а также «железо и сталь», которая принадлежит к среднетехнологичным товарам, что свидетельствует о том, что импорт в Китай из Украины состоит не из высокотехнологичных товаров, следовательно, структура импорта в Китай из Украины является неэффективной.

Проанализируем товарную структуру экспорта из Китая в Украину за исследуемый период.

Рис. 3.5.12 демонстрирует, что общая тенденция динамики экспорта из Китая в Украину совпадает с общей тенденцией импорта в Украину за исследуемый период, которая показана на

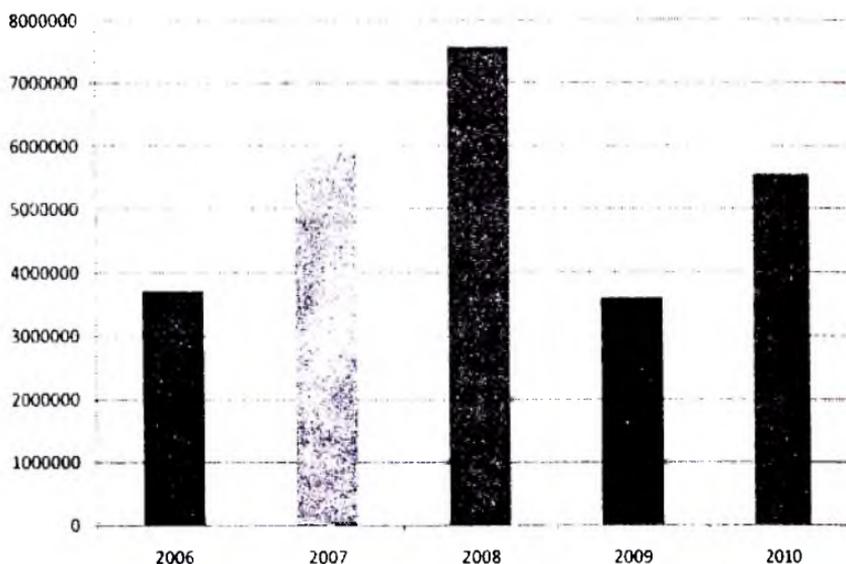


Рис. 3.5.12. Динамика экспорта из Китая в Украину 2006–2010 гг.

Составлено по материалам: [9]

рис. 3.5.13: стремительный рост общего объема экспорта из Китая в Украину в период 2006–2008 гг. сменился резким падением в 2009 г., после чего в 2010 г. объем экспорта из Китая в Украину опять вырос, однако не достиг уровня 2008 г.



Рис. 3.5.13. Товарная структура экспорта из Китая в Украину в 2006 г.
Составлено по материалам: [9]



Рис. 3.5.14. Товарная структура экспорта из Китая в Украину в 2007 г.
Составлено по материалам: [9]

Анализ экспорта из Китая в Украину будет проведен по аналогии с анализом импорта из Украины в Китай, приведенным выше. Рисунки 3.5.13–3.5.18 отражают структуры экспорта и импорта Украины и Китая по товарным группам, составляющим основную часть экспорта из Китая в Украину, среди которых



Рис. 3.5.15. Товарная структура экспорта из Китая в Украину в 2008 г.

Составлено по материалам: [9]



Рис. 3.5.16. Товарная структура экспорта из Китая в Украину в 2009 г.

Составлено по материалам: [9]



Рис. 3.5.17. Товарная структура экспорта из Китая в Украину в 2010 г. Составлено по материалам: [9]

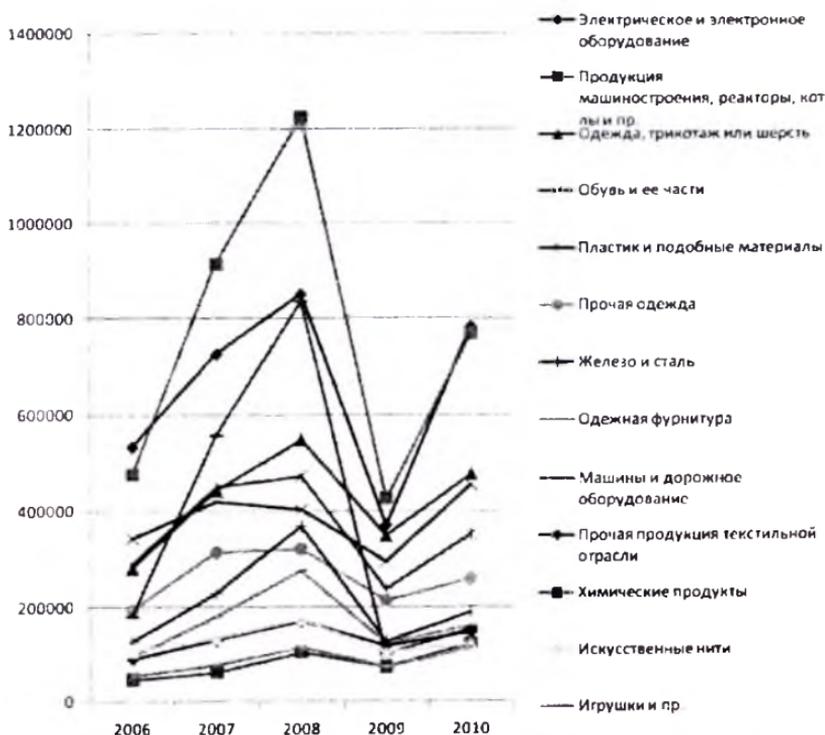


Рис. 3.5.18. Динамика экспорта из Китая в Украину в период 2006–2010 гг. по товарным группам. Составлено по материалам [9]

большая часть приходится на продукцию с высоким и средним содержанием добавленной стоимости и включает следующие товарные группы: электрическое и электронное оборудование, продукция машиностроения, машины и дорожное оборудование составляют 42 % в 2010 г.

В последние годы Китай стал экономическим гигантом Восточной Азии. Сегодня это страна с динамичной экономикой, производящая более 50 % мирового объема выпуска товаров. В 2001 г. Китай присоединился к Всемирной организации торговли, а дешевизна сырья и рабочей силы послужила причиной того, что тысячи европейских и американских фирм перенесли в страну свое производство. Китайские производители предлагают большое количество выгодных в сотрудничестве моментов, и главным из них по-прежнему остается удобная цена. Эти факторы вызвали рост качества и репутации китайских товаров и торговый успех Китая во всем мире.

С каждым годом все больше украинских компаний находят себе надежных партнеров в Китае и строят свой бизнес на ввозе в Украину товаров широкого ассортимента из КНР. Подтверждением тому служит неуклонный рост объемов китайского экспорта в Украину, в структуре которого – автомобили и велосипеды, одежда и обувь, инструменты и канцтовары, игрушки и предметы для дома. Китайские товары привлекают украинцев хорошими потребительскими качествами и демократичными ценами. Вопрос исследования товарной структуры международной торговли актуален в настоящее время, поскольку в условиях глобализации мировой экономики международная торговля приобретает исключительно важное значение. Товарная структура должна анализироваться с точки зрения как теории сравнительных (относительных) преимуществ (затратный подход), теории Хекшера-Олина (ресурсный подход), так и теории жизненного цикла продукта Р. Вернона (анализ добавленной стоимости в международной торговле).

В табл. 3.5.3 представлен общий экспорт из Украины в Китай, а также 5 товарных групп, занимающих первые места по экспорту Украины в Китай.

Из данных табл. 3.5.3 следует, что за последние 5 лет с 2006 по 2010 гг. общий объем этого экспорта в стоимостном выражении вырос с 0,44 млрд дол. США до уровня 2,17 млрд дол. США, т. е. почти в 5 раз. Это означает, что рынок Китая постепенно становится привлекательным для сбыта украинских товаров. В общей структуре экспорта Украины доля экспорта в Китай выросла с

1,1 % в 2006 г. до 4,2 % в 2010 г. В товарной структуре экспорта, как видно из табл. 3.5.3, в 2010 г. большую часть (74,8 %) составляет товарная группа «руда и шлак», которая с 2006 г. выросла с величины 35,7 % – в стоимостном выражении 0,156 млрд дол. США до 1,624 млрд дол. США.

В табл. 3.5.4 представлен экспорт из Китая в Украину по всем категориям продуктов, а также по 5 товарным группам, которые занимают первые места в структуре экспорта Китая в Украину.

Таблица 3.5.3

Импорт в Китай из Украины (тыс. дол. США)

Продукт	2006	2007	2008	2009	2010
Все продукты	437 169	665 634	1 194 017	2 172 540	2 172 548
Руда и шлак	156 365	273 398	816 405	1 041 620	1 624 557
Органическая химия	107 175	146 395	89 243	31 247	145 880
Продукция машиностроения, ядерные реакторы и котлы	9 038	25 626	43 085	47 805	93 598
Железо и сталь	10 927	32 394	1 246	856 934	65 950
Медь и ее фракции	29 137	57 604	42 233	31 635	58 374

Составлено по материалам: [14]

Таблица 3.5.4

Экспорт из Китая в Украину (тыс. дол. США)

Продукт	2006	2007	2008	2009	2010
Все продукты	3 722 129	5 921 159	7 566 283	3 603 782	5 564 642
Электрическое, электронное оборудование	534 876	726 488	850 774	370 681	783 980
Продукция машиностроения, ядерные реакторы и котлы	476 025	913 478	1 223 425	426 139	767 989
Одежда, трикотаж или шерсть	279 635	443 134	548 078	348 120	477 461
Обувь и ее части	342 601	419 452	403 365	294 287	455 279
Пластик и ему подобное	286 046	451 567	474 182	236 520	351 365

Составлено по материалам: [14]

В отличие от экспорта из Украины в Китай, экспорт из Китая представлен множеством товарных групп, которые составляют структуру экспорта из Китая приблизительно равномерно, тогда как экспорт из Украины в Китай представлен в основном одной-двумя доминирующими товарными группами. Доля экспорта из Китая в Украину в общем объеме китайского экспорта составляет 0,3 %, что меньше, чем в 2006 г. на 0,1 %.

Суть исследования товарной структуры экспорта страны состоит в том, что структурный анализ проводится с целью расчета показателей экспортной ориентации и импортной зависимости, в частности, коэффициента Грубела-Ллойда для торговли Украины и Китая:

$$K_{ГЛ} = [\Sigma(\Theta_{ij} + I_{ji}) - \Sigma|\Theta_{ij} - I_{ji}|] / \Sigma(\Theta_{ij} + I_{ji}) \quad (2.3),$$

где

Θ_{ij} – экспорт i -й страной j -й товарной группы,

I_{ji} – импорт i -й страной j -й товарной группы.

Коэффициент Грубела-Ллойда показывает долю внутриотраслевой торговли страны по товарам анализируемой группы [9].

Для Украины коэффициент Грубела-Ллойда (по всем товарным группам) равен: в 2006 г. 53,9 %, в 2007 г. 52,4 %, в 2008 г. 50,5 %, в 2009 г. – 55%.

Дальнейший анализ состоит в расчете удельного веса торговли Украины с Китаем по основным товарным группам. Удельный вес экспорта определяется как отношение объема экспорта товаров определенной товарной группы в Китай к общему объему экспорта Украины товаров соответствующей товарной группы.

Анализ удельного веса экспорта и импорта по основным товарным группам в торговле с Китаем (таб. 3.5.5 и 3.5.6) показывает, что по двум товарным группам удельный вес превышает 70 % – по экспорту это группа «руда и шлак» – 77,72 % в 2009 г., а по импорту это группа «обувь» – 73,79 % в 2009 г. Импорт по товарной группе «одежда, трикотаж или шерсть» превышает 50 % – и составил в 2009 г. 52,81 %. Удельный вес остальных крупных товарных групп в большинстве случаев превышает 10 %, что говорит о большом значении торговли с Китаем для экономики Украины, как с точки зрения экспорта, так и с точки зрения импорта.

Таким образом, структура украинского экспорта в 2005–2010 гг. показывает устойчивую тенденцию к сохранению сырьевой направленности, что является серьезной проблемой украин-

Таблица 3.5.5

**Удельный вес экспорта в Китай в общем объеме экспорта
из Украины, по основным товарным группам, %
(2006–2009 гг.)**

Товарная группа	2006	2007	2008	2009
Руда и шлак	17,14 %	24,74 %	37,91 %	77,72 %
Органическая химия	17,03 %	20,02 %	18,58 %	20,51 %
Продукция машиностроения, ядерные реакторы и котлы	0,44 %	0,94 %	1,23 %	1,72 %
Железо и сталь	0,08 %	0,19 %	0,00543 %	8,36 %
Медь и ее фракции	9,63 %	16,72 %	13,84 %	17,84 %

Составлено по материалам: [14]

Таблица 3.5.6

**Удельный вес импорта из Китая в общем объеме
импорта в Украину, по основным товарным группам, %
(2006–2009 гг.)**

Товарная группа	2006	2007	2008	2009
Электрическое, электронное оборудование	19,94 %	23,18 %	22,35 %	16,05 %
Продукция машиностроения, ядерные реакторы и котлы	9,17 %	12,27 %	12,78 %	10,80 %
Одежда, трикотаж или шерсть	48,34 %	45,03 %	45,71 %	52,81 %
Обувь и ее части	78,85 %	67,96 %	77,69 %	73,79 %
Пластик и подобные материалы	14,38 %	16,76 %	13,48 %	11,04 %

Составлено по материалам: [14]

ской экономики. Причиной этой негативной тенденции является упадок украинской промышленности и технологическое отставание многих отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь машиностроения. Для преодоления этой тенденции и увеличения конкурентоспособности отраслей украинской промышленности необходимо привлечение инвестиций в отрасли

обрабатывающей промышленности с целью технического переоснащения и технологической инновации производства.

Структура украинского импорта из Китая показывает, что импорт является более дифференцированным чем экспорт, что, в свою очередь, говорит о большей сбалансированности китайской промышленности, поскольку Китай проводит более рациональную промышленную политику и осуществляет стратегию экономического развития, что, в свою очередь, отражается и на внешней торговле Китая. В структуре внешней торговли Китая с Украиной в экспорте преобладают товары с большим содержанием добавленной стоимости, чем в импорте из Украины. Эта тенденция является показателем более высокой конкурентоспособности Китая, чем Украины.

Рассчитанные в данном исследовании показатели и коэффициенты помогают убедиться в правильности выводов, сделанных в ходе исследования торговли между Китаем и Украиной.

Так как коэффициент Грубела-Ллойда колеблется в пределах 50-55 % за период с 2006 по 2009 г., можно сделать вывод, что торговля Украины более, чем на 50 % состоит из внутриотраслевой торговли, что свидетельствует о низком уровне конкурентоспособности украинских товаропроизводителей. Поскольку товарная структура основных товарных групп по экспорту в Китай существенно отличается от товарной структуры импорта, в котором преобладают продукты более высокой степени обработки (например, продукция легкой промышленности), Украине следует повышать конкурентоспособность своих высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей с целью повышения эффективности товарной структуры своей экономики. С точки зрения Китая, торговля с Украиной имеет меньшее значение, поскольку на Украину приходится гораздо меньшая доля экспорта и импорта Китая.

Проведенное исследование приводит к еще одному важному выводу, который, на наш взгляд, не учитывается при обосновании и реализации официального внешнеполитического курса: Украине не следует проводить усиленную политику экспортной ориентации отраслей, прежде чем она усилит свои конкурентные позиции на мировом рынке, поскольку экспортная ориентация для страны со слабыми конкурентными позициями на мировом рынке приводит либо к усиленной приватизации объектов собственности со стороны иностранных фирм, которые переносят в такую страну вредное производство, либо к сырьевой направленности экспорта.

Данный вывод не означает, что Украине не следует проводить политику экспортной ориентации, однако такая политика всегда должна проводиться с чрезвычайной осторожностью, поскольку непродуманная экспортная ориентация приведет лишь к закреплению сырьевой направленности украинского экспорта.

Список использованной литературы

1. Дахно І. І. Світова економіка / І. І. Дахно. – К.: Центр навчальної літератури, 2008. – 223 с.
2. Ким А. А. Влияние внешнеэкономической деятельности на институциональные преобразования в трансформационной экономической системе / А. А. Ким // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – № 650. – С. 35–38.
3. Ким А. А. Динамика структуры внешней торговли Украины и ее взаимосвязь с развитием рыночной экономики / А. А. Ким // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Економічний розвиток України в сучасному просторі та часі»: Збірник статей. – Х. : ФОП Павленко О.Г. — 2010. – С. 248–253.
4. Ким А. А. Товарная структура торговли Украины и Китая / Т. И. Ким, Тинтин Цао: материалы студенческой научной конференции [«Актуальные проблемы международного бизнеса в условиях неопределенности глобальной среды» (г. Харьков, 18 марта 2011)]. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2011. – 91 с., с. 66–70.
5. Классификатор товаров и товарных групп во внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://infopnoma.org/pages/normu_i_normativu/klass_rosii_tnved.htm.
6. Колесов В. П. Международная экономика / В. П. Колесов, М. В. Кулаков. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – 474 с.
7. Кругман П. Международная экономика. Теория и политика: учебник для вузов / пер. с англ. / П. Кругман, М. Обстфельд – М. : Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. – 799 с.
8. Макуха С. Н. Україна в міжнародних економічних відносинах в умовах глобалізації. / С. Н. Макуха – Х. : Легас, 2003. — 350 с.
9. Международная электронная база данных международной торговли [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.trademap.org/countrysmap/Bilateral_TS.aspx.
10. Міністерство економіки України: Конкурентоспроможність економіки України, вересень 2010 / Міністерство економіки України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://me.kmu.gov.ua/file/link/151379/file/GIC_2010-11%20Presentation.ppt
11. Мировая экономика и международный бизнес: учебник / кол. авторов; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В. В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р. К. Щенина. – 5-е изд. – М.: КНОРУС, 2008. – 668 с.
12. Новицький В. Є. Міжнародна економічна діяльність України: підручник / В. Є. Новицький. – К.: КНЕУ, 2003. – 948 с.
13. Олейник А. Н. Институциональная экономика : учебное пособие / А. Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 416 с.

14. Официальный сайт Государственного комитета статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ukrstat.gov.ua
15. Поляков В. В. Мировая экономика и международный бизнес / В. В. Поляков, Р. К. Щенин. – М. : Кнорус, 2008. – 688 с.
16. Портер М. Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2005. – 608 с.
17. Самуэльсон Пол [18-е изд Экономика] Economics / Пол Самуэльсон, Вильям Нордхаус. – М. : Вильямс, 2006. – 1360 с.
18. Соловьева А. А. Внешняя торговля Украины в условиях формирования рыночной экономики: автореферат...дис. к.э.н. / А. А. Соловьева. Москва, МГУ, 2009. – 37 с.
19. Тенденции развития экономики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://china.worlds.ua>
20. Український класифікатор товарів ЗЕД [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.mdoffice.com.ua/pls/MDOOffice/UktVED.GetTNVCodeUAS?p_form=3.
21. Экспортная и импортная база Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eximbase.com/docs/61.html>.
22. North D. C. Economic Performance Through Time / D. C. North // *The American Economic Review*, Volume 84, Issue 3 (Jun., 1994). – P. 359–368.
23. Vernon R. International investment and international trade in the product cycle / R. Vernon. 80, 1966 r., *The Quarterly Journal of Economics* – P. 190–207.
24. Trade and financial development [Electronic resource]. – Way of access : http://devdata.worldbank.org/data-query/36469_wps3347.pdf

Раздел 3.6. Институциональные основы украино-китайских торговых отношений

Отношения между Украиной и Китаем имеют продолжительную историю. В советский период осуществлялось активное сотрудничество в культурной сфере, в области науки, техники, образования, промышленного развития преимущественно путем обмена культурными ценностями, информацией, технической документацией, опытом, специалистами. После обретения Украиной независимости украино-китайские отношения продолжают развиваться, особенно в сфере двусторонней торговли. Однако потенциал экономического сотрудничества используется недостаточно, характерен неэквивалентный товарный обмен, в котором Украина специализируется на сырьевом экспорте, в то время как сегодня из Китая поступают товары более высокой степени обработки. Сказывается также различная значимость партнерства двух стран в географической структуре их внешней торговли.

Все это обуславливает необходимость совершенствования внешнеэкономической политики Украины, национальная конкурентоспособность которой в условиях экономической глобализации явно не соответствует ее потенциальным возможностям (ресурсному потенциалу). Важной составляющей, обуславливающей возможность совершенствования государственной внешнеэкономической политики страны, является ее институциональная база.

Китай и Украина имеют вполне реальные шансы для качественного и количественного улучшения взаимовыгодного широкомасштабного сотрудничества, в первую очередь, в названных уже приоритетных отраслях. Отсюда вытекает неотложная необходимость существенных корректив китайского направления внешней политики Украины. При этом следует иметь в виду, что украинско-китайские отношения могут успешно развиваться лишь при условии осознания Украиной, что Китай реализует один из немногих внешних резервов быстрого наращивания экспортных возможностей Украины за счет продукции машиностроения, ракетно-космической, судостроительной промышленности, ядерной и тепловой энергетики, продукции ВПК. Наиболее перспективными являются виды сотрудничества, которые позволяют сочетать продажу Украиной высокотехнологичной продукции и технологий с развитием соответственно производства в Китае. Именно с учетом этого обстоятельства можно, по мнению специалистов, смело прогнозировать сотрудничество, которое учитывает императивы XXI века [15].

Можно утверждать также, что китайское направление украинской внешней политики и международного экономического сотрудничества остается одним из самых перспективных и самым противоречивым. Многостороннее сотрудничество между Украиной и Китаем в настоящее время набирает все больше оборотов и приобретает растущее значение для обеих стран. Это сотрудничество опирается на сформированный политико-правовой и экономический фундамент, который определяет основную современную тенденцию выхода на качественно новый уровень отношений между странами.

Китайская Народная Республика признала независимость Украины в 27.12.91 г. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 04.01.92 г. В марте 1993 года было основано Посольство Украины в КНР. Посольство КНР в Украине функционирует с 1992 года.

Постсоветский период развития торгового сотрудничества Украины и Китая в системном порядке связан с разработанной в январе 1995 года «Государственной программой развития отно-

шений Украины с КНР». В этом документе изложены принципиальные позиции и приоритеты Украинского государства на китайском направлении. В августе 1996 г. украинской частью Межправительственной украинско-китайской комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества принята «Концепция развития экономических отношений Украины из КНР».

С этого периода до нынешнего времени реализация отмеченных широких намерений и планов все еще не соответствует как потребностям, так и возможностям обеих стран. Украинский экспорт в КНР имеет ярко выраженный сырьевой характер. Постоянно уменьшается часть продукции машиностроения. Следует отметить, что в период с 2008 г. по 2010 г. Китай значительно сократил закупки таких товаров, как стальной прокат и химические удобрения, которые ранее представляли 90 % украинского экспорта в КНР. Эта тенденция, очевидно, будет развиваться и в дальнейшем. Китайцы традиционно стремятся опираться на собственные силы. И все, что могут, пытаются скопировать и производить сами. Таким образом, дальнейшее наращивание экспорта украинской продукции в КНР можно осуществлять лишь посредством увеличения доли продукции машиностроения и предоставления услуг, прежде всего, транспортных. Недостаточно используются возможности двустороннего сотрудничества в авиационной, судостроительной, космической отраслях. Не удалось пока воспользоваться инвестиционными возможностями Гонконга. До сих пор не установлены прямые связи между банками двух стран. Значительной проблемой остается страхование рисков и юридическое сопровождение коммерческой деятельности.

Украина и Китай уделяют значительное внимание взаимодействию в рамках международных организаций. Существует немало вопросов, по которым позиции сторон близки, или совпадают: противодействие гегемонизму и политике силы в международных отношениях, ядерное разоружение, реформа системы ООН, борьба с международной преступностью и терроризмом и тому подобное. Две страны оказывают поддержку друг друга в работе комитетов и комиссий ООН. Свидетельством высокого уровня двустороннего сотрудничества стала поддержка Китаем кандидатуры Украины на выборах в непостоянные члены Совета безопасности ООН на 2000–2001 годы.

Активно развивается межпарламентское сотрудничество между двумя странами. В Верховной Раде Украины и Всекитайских Собраниях народных представителей созданы и функционируют группы Дружбы.

Регулярность политического диалога обеспечивается консультациями между внешнеполитическими ведомствами Украины и КНР на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран. На сегодняшний день состоялось семь раундов двусторонних консультаций: два в Киеве (март в 1996 г., апрель в 1997 г. и февраль в 2002 г.) и пять в Пекине (апрель и декабрь в 1994 г., декабрь в 1996 г., декабрь в 1997 г. и ноябрь в 1999 г.). Состоялись два раунда консультаций между консульскими и договорно-правовыми департаментами МИДа. Во время официального визита в КНР министра иностранных дел Украины А.М. Зленко в январе в 2002 г. достигнута договоренность о регулярном проведении консультаций между территориальными департаментами, департаментами политического анализа и информации.

Между двумя странами задекларированы отношения конструктивного партнерства. В апреле 2001 года во время визита в Киев министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань подчеркнул, что двусторонние отношения приобрели характер стратегического партнерства. Китай был первой страной, которая предоставила Украине гарантии ядерной безопасности в связи с ее отказом от ядерного оружия.

В июле 2001 года во время второго государственного визита Председателя КНР Цзян Цземиня лидерами двух стран подписана Общая декларация о дружбе и всестороннем сотрудничестве в XXI веке, в которой китайская сторона подчеркнула, что гарантии ядерной безопасности Украине не имеют временных ограничений. Эта позиция была еще раз подтверждена в ходе визита в КНР министра иностранных дел Украины А. М. Зленко в январе в 2002 г. Тогда же стороны договорились начать работу относительно заключения большого политического Договора о дружбе и сотрудничестве.

Договорно-правовая база двусторонних отношений насчитывает свыше 80 документов. основополагающими из них, регулирующими политические отношения между Украиной и КНР, являются Общее коммюнике об установлении дипломатических отношений между Украиной и КНР (в 04.01.92 г.), общие украино-китайские коммюнике (31.10.92 и 24.06.95 гг.), Общая (Киевская) Декларация между Украиной и КНР (в 06.09.94 г.), Общая (Пекинская) Декларация о развитии и углублении отношений дружбы и сотрудничества между Украиной и КНР (в 04.12.95 г.) а также Общая (Киевская) Декларация о дружбе и всестороннем сотрудничестве в XXI веке (в 21.07.01 г.) и другие.

Впервые в истории украино-китайских двусторонних отношений состоялись консультации на уровне экспертов министерств иностранных дел Украины и Китайской Народной Республики по вопросу инвентаризации межгосударственных и межправительственных договоров, заключенных между СССР и КНР в течение 1949–1991 гг., и возможности их применения в отношениях между Украиной и Китайской Народной Республикой. В ходе переговоров было достигнуто согласие относительно продолжения действия в отношениях между Украиной и КНР Соглашения между Правительством СССР и Правительством КНР о карантинной инспекции и консервировании растений (в 12.10.88 г.) и Соглашения между Правительством СССР и Правительством КНР о карантинной инспекции животных и сотрудничестве в отрасли ветеринарной работы (в 07.06.91 г.). Тринадцать документов были признаны требующими дополнительного рассмотрения сторонами во время следующего раунда двусторонних консультаций.

В 2000 году также впервые состоялись консульские консультации между МИД Украины и КНР. Была достигнута договоренность о внесении изменений к Соглашению о безвизовых поездках для владельцев дипломатических и служебных паспортов.

Торгово-экономическое сотрудничество является важнейшей составляющей украино-китайских отношений.

В настоящее время торговые отношения между Украиной и КНР проходят сложный этап структурной трансформации от торговли украинскими товарами низкой степени обработки и китайскими товарами широкого потребления преимущественно низкого качества к торговле высокотехнологичной, наукоемкой и высококачественной продукцией. Кроме того, завершен переход от бартерных и традиционных товарообменных операций к широкому внедрению валютных расчетов. Однако, удельный вес таких перспективных форм сотрудничества как общее предпринимательство, кредитование экспорта, тендерные торги, лизинг и тому подобное в структуре торговых операций является чрезвычайно малой.

Конъюнктурные колебания китайского рынка (сокращение спроса на металлоизделия и химическую продукцию), внутриэкономические проблемы в Украине (сокращение производства и рост цен, ограниченность экспортных ресурсов), значительная отдаленность Китая от Украины и, соответственно, высокие расходы на транспортировку товаров, неразвитость структуры украинских внешнеторговых организаций в КНР (очень ограниченное

количество представительств предприятий и компаний), а также доминирования посредников в двусторонней торговле являются теми факторами, которые негативно влияют на рост товарооборота между двумя странами.

В течение нескольких последних лет Китай по объему двусторонней торговли входит в пятерку ведущих внешнеторговых партнеров Украины. Есть основания рассчитывать на то, что в случае верного выбора приоритетов и проведения ряда соответствующих практических мероприятий КНР и в долгосрочной перспективе останется важным внешнеэкономическим партнером Украины.

Анализ структуры товарооборота между Украиной и Китаем свидетельствует о том, что основными товарами украинского экспорта в КНР в последние годы были черные металлы, продукция машиностроения и электротехническое оборудование. Еще несколько лет назад украинские производители поставляли в Китай металлургическое оборудование, грузовые автомобили, железнодорожные вагоны, электронные комплектующие и тому подобное. Однако за последние три года такие поставки значительно сократились. Причинами сужения номенклатуры экспортной продукции из Украины в КНР можно назвать освоение производства аналогичной продукции китайскими предприятиями, сокращение объемов производства продукции машиностроения в Украине, усиление общего уровня конкуренции на внутреннем рынке Китая благодаря усилиям, по большей части, европейских и японских производителей.

Важную роль в двусторонней торговле играет украинско-китайская Межправительственная комиссия по вопросам торгово-экономического сотрудничества. В апреле 2011 г. была создана Межправительственная комиссия Украина – КНР, которая должна стать стратегической площадкой для развития сотрудничества между двумя странами. Комиссия обсудила ряд инвестиционных проектов, были подписаны соответствующие соглашения. Были перечислены основные направления для наращивания сотрудничества между Украиной и Китаем: торговля, энергетика, машиностроение, медицина и фармацевтика, научно-техническая, авиационная, космическая, образовательная и культурная сферы, сельское хозяйство.

Анализ деятельности Комиссии свидетельствует, что она является одним из действенных факторов, которые способствуют углублению двусторонних торгово-экономических отношений между двумя странами.

Значительное развитие приобрели двусторонние связи между Украиной и КНР в гуманитарной и культурной сферах.

Министерствами культуры Украины и КНР была утверждена Программа сотрудничества в отрасли культуры и соответствующий протокол обмена творческими коллективами, выставками и тому подобное, которые стали конкретной реализацией Соглашения между Правительством Украины и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве от 1993 г.

План сотрудничества между министерствами культуры Украины и КНР на 2001–2006 гг. был подписан во время визита в КНР Министра культуры и искусств Украины Ю. П. Богуцкого (23–30 апреля 2001 г.).

В апреле 2002 года в КНР впервые в истории украинско-китайских отношений были проведены Дни культуры Украины в Китае, которые способствовали укреплению традиционной дружбы между народами двух стран, ознакомлению китайских граждан с культурным наследием Украины и знакомству с украинским искусством, историей и традициями.

В рамках реализации Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Украины и Государственным Комитетом КНР по делам образования 14 учебных заведений Украины осуществляют результативные прямые контакты с 36 китайскими высшими учебными заведениями. Большое количество граждан обеих стран получает образование в высших учебных заведениях Украины и Китая. По данным Посольства КНР в Киеве, в вузах Украины учится около 2,5 тысяч китайских студентов. В июне 2002 года, во время визита в Украину делегации Министерства образования КНР, было подписано Соглашение о сотрудничестве в отрасли образования и науки.

Чтобы определить направления совершенствования институциональной базы Украины для развития украинско-китайских торговых отношений, обратимся к анализу стратегии социально-экономического и внешнеэкономического развития страны.

В число стратегических приоритетов Украины входит реализация «стратегии опережающего развития», которая могла бы обеспечить ежегодные темпы роста ВВП в Украине в 1,5–2 раза больше, чем в развитых странах (например, в странах ЕС). Такой опережающий рост должен сопровождаться глубокими качественными преобразованиями, реализацией задач стабильного развития, которые определяются мировым сообществом как стратегия в XXI столетии.

Становление инновационной модели развития является приоритетной задачей экономической политики Украины, кроме того, необходимо обеспечить органическое объединение политических, гуманитарных, социально-психологических, макро- и микроэкономических факторов и институциональных предпосылок, которые только в комплексе могут придать ощутимый импульс трансформационным процессам и развитию общества на инновационной основе.

Основой стратегического курса Украины и его базовым принципом должна стать политика, направленная на реализацию инновационной модели структурной перестройки и роста экономики, утверждение в статусе конкурентоспособной высокотехнологичной национальной экономики.

Ключевым элементом обеспечения экономического роста, а, следовательно, и всей стратегии экономического и социального развития Украины, должен стать инвестиционный прорыв – существенное увеличение объемов инвестиций и повышения их эффективности.

Инвестиционный прорыв требует для своей реализации соблюдения некоторых условий, без которых он не будет осуществлен либо эффективность его будет невысокой.

Обеспечение соблюдения и реализации прав собственности инвесторов, которые вкладывают средства в экономику Украины, требует гармонизации национального законодательства, регулирующего отношение собственности, с мировыми стандартами, а также обеспечения защиты от политических рисков. С одной стороны, для этого необходимо переписать многие законодательные акты, законы и кодексы – для приведения в соответствие с мировыми нормами, а с другой стороны – обеспечить неизменность национальной законодательной базы, что снизит политические риски инвестиций.

Увеличить эффективность законодательных актов, связанных с внешней торговлей, с целью увеличения эффективности внешней торговли и улучшения товарной структуры внешней торговли Украины. С этой целью целесообразно использовать технические барьеры, санитарно-гигиенические нормы и другие нетарифные инструменты регулирования внешней торговли, не запрещенные правилами ВТО и способные повысить экономическую эффективность внешней торговли.

Заключить выгодные двусторонние договора со странами-партнерами по международной торговле с целью повышения эффективности сотрудничества с партнерами, а также снижения

неопределенности и повышения прогнозируемости внешней торговли Украины.

Создать и реализовать целевые государственные программы по комплексным научным исследованиям с целью реализации инновационной модели развития экономики Украины. В том числе реализовать образовательные программы, направленные на повышение качества образования и качественную профессиональную подготовку и переподготовку специалистов.

О необходимости целостной стратегии развития, в отличие от ситуационного продвижения к интеграции в мировое сообщество говорят некоторые авторы: «Країна, що не має власної стратегії економічної інтеграції, змушена підпорядковуватись правилам, визначеним для неї іншими» [11; 14]. Руководство Украины все еще больше внимания уделяет дискуссиям о направлениях международной интеграции, а не деятельности по созданию целостной и эффективной экономической политики, эффективной правовой базы, системы институтов государственного и негосударственного стимулирования. В связи с этим, правовую базу планируется привести в соответствие с базой ЕС, а не приспособить под реальные нужды экономических процессов. Существующая ныне правовая база запутана и неэффективна – её можно трактовать по-разному. Это влечёт за собой увеличение правовых рисков и снижение инвестиций, а неэффективная налоговая политика приводит к снижению эффективности инвестиций. Именно разработка экономической стратегии включает в себя постановку целей и задач экономического сектора, направление и планируемый объём экономической деятельности, а также целостное системообразование в областях, напрямую связанных с экономикой – правовых, нормативных, контролирующих и стимулирующих институтов, а также собственно экономической политики.

Мы полагаем, Украине, как государству с переходной экономикой, следует уделить особое внимание экономической стратегии. Общеструктурная цель экономической стратегии таких государств на нынешнем этапе может быть единственной – завершение «перехода» с результатом включения в число развитых стран мира. Одновременно должна быть определена линия экономического и институционального развития общества. Целями здесь должны быть технологическое развитие отраслей промышленности, особенно высокотехнологичного производства, развитие сферы НИОКР, для чего, прежде всего, следует отказаться от сырьевой и полуфабрикатной направленности экспорта.

Как видно из данных анализа товарной структуры украинского экспорта в Китай, в ней преобладают товары с низкой долей добавленной стоимости (в основном продукция добывающей промышленности). Таким образом, очевидна сырьевая направленность внешней торговли на фоне общего снижения объёмов производства, за счёт чего осуществляется рост долей отдельных видов производства.

Основной задачей внешнеэкономической деятельности выступает всестороннее обеспечение общеэкономических целей и задач, а также сопровождение общеэкономической деятельности. Таким образом, внешнеэкономическая деятельность, со своей стороны (по мере своих возможностей), обеспечивает результат общеэкономической деятельности. Можно сегментировать следующие цели внешнеэкономической деятельности для экономики как развитых, так и развивающихся стран, а также стран с переходной экономикой, которые должны осуществляться в соответствии с выбранной линией экономического и институционального развития:

- расширение рынков сбыта готовой продукции и сырьевых рынков для отечественного производства;
- наиболее полное удовлетворение потребностей общества;
- поддержание платежеспособности государственного бюджета;
- увеличение иностранных инвестиций в объекты экономической деятельности;
- расширение деятельности отечественных предприятий за счёт экспорта капитала.

Исходя из целей, можно позиционировать актуальные задачи внешнеэкономической стратегии Украины:

Повышение конкурентоспособности украинских отраслей производства, что является жизненно важной задачей и непременным условием эффективности ВЭД страны. Решение этой задачи требует осуществления на постоянной основе следующих мер:

- внедрения передовых технологий в производство для повышения качества продукции национального производства, снижения ресурсоёмкости и себестоимости, повышение соответствия экологическим нормам производства, принятым в мировой практике;
- внедрения современного опыта управления для усовершенствования процесса производства и осуществления внешнеэкономической деятельности. В настоящее время процессы

управленческой деятельности представляют собой деятельность, направленную на достижение нечетко сформулированных целей предприятий. Такая ситуация должна быть взята под контроль государственных органов, которые путём применения эффективных и приемлемых методов должны направить предприятия по пути развития, либо помочь в определении целей и методологии их достижения. То есть процессы управления фирмой должны быть также скоординированы с помощью экономической стратегии каждой отдельной фирмы. Кроме того, государственные структуры сами нуждаются в инжиниринге и реинжиниринге управленческих и рабочих процессов;

— расширения внешнеэкономических связей отечественных предприятий и государства, рациональное использование наиболее перспективных и выгодных из них. Сюда должно входить научно-техническое сотрудничество на взаимовыгодных началах (то есть, если одна сторона продаёт производственную технологию стратегического масштаба, то она в обмен должна получить технологию соразмерного масштаба, полезную для её производства). Например, в отношениях Украины и Китая Украина является донором высоких технологий практически безвозмездно: в обмен на воздушные, космические, военные технологии украинская сторона получает от китайской дешёвые кроссовки и футболки, а не технологии производства компьютерной, коммуникационной или бытовой техники.

Расширение ассортимента на рынке потребительских товаров за счёт импорта. Импортные операции должны присутствовать в экономике современной страны, но не следует ими увлекаться. Наиболее популярная точка зрения на импорт в современных стратегиях внешнеэкономической деятельности состоит в том, что задача импорта – предоставить эффективное предложение товаров, для которых отсутствуют украинские аналоги. Следует учесть, что такое функциональное наполнение импортных операций возможно только при условии, что внутренний рынок страны устроен и скоординирован с внешним так, что более выгодной является внутренняя торговля (т. е. отечественный товар является равноценным заменителем импортного по цене ниже или равной ему, и потребитель знает об этом). Эта задача решается посредством осуществления:

— комплексного исследования украинского потребительского рынка с целью определения необходимости, объёма и структуры импорта. Импорт товаров народного потребления должен быть

построен таким образом, чтобы производство ТНП в Украине развивалось в условиях здоровой конкуренции для мотивации улучшения качества производимой продукции и модернизации производственного процесса. Вместе с этим следует помнить о том, что украинский производитель является приоритетным для развития, то есть следует развивать именно украинское производство и всемерно его поощрять;

— контроля импорта зарубежных потребительских товаров по таким приоритетным направлениям: контроль объёма импорта, который потенциально может быть опасен для развития отечественного производства, контроль качества импортируемых товаров, которое должно соответствовать внутренним стандартам государства, операционный контроль;

— защиты интересов отечественных производителей посредством решения следующих задач: защита фирм (как украинских, так и иностранных) от недобросовестной конкуренции, защита отечественных производителей от колебаний рыночной конъюнктуры, правовая защита фирм, создание фондов возмещения ущерба и структурной переориентации (альтернативная задача).

Обеспечение положительного сальдо платёжного баланса как одной из доходобразующих статей государственного бюджета, но вместо экспорта вооружения следует найти другие статьи экспорта – в политике «за мир» нужно быть последовательным. Для этого необходимы:

— поддержание превышения стоимости экспорта над стоимостью импорта. Стоимость должна превышать, прежде всего, по количеству добавленной стоимости, а уже потом – по объёму. Таким образом, следует импортировать сырьё и экспортировать готовую продукцию;

— контроль над инвестиционными потоками, другими денежными потоками, динамикой внешней государственной задолженности следует осуществлять с целью мониторинга обеспеченности государственной задолженности, отслеживания ликвидности и платежеспособности государственного бюджета;

— согласование торговых, инвестиционных и кредитных денежных потоков осуществляется для обеспечения сбалансированности бюджета, равномерности, положительной динамики и, возможно, ускорения темпов развития.

Привлечение иностранных инвестиций, однако иностранные инвестиции должны быть альтернативным источником инвестирования, а не приоритетным. Это предполагает:

— улучшение инвестиционного климата, прежде всего, должно включать в себя экономические аспекты, то есть, во-первых, экономическое развитие должно присутствовать и прогрессировать, во-вторых, экономическое развитие должно быть равномерным для снижения общеэкономического риска. Помимо экономических аспектов, следует улучшать решение управленческих (в том числе и политических), а также социальных вопросов;

— контроль над инвестиционными проектами с целью достижения максимальной полезности, поощрение высокотехнологичных производств, всемерное содействие интеллектуальному инвестированию. Интеллектуальное инвестирование должно стать приоритетным направлением инвестирования в силу своей эффективности, которая превышает эффективность от любого другого направления инвестирования. Именно высокотехнологичные производства являются наиболее рентабельными.

Защита украинских инвесторов на мировом рынке, которая включает: а) законодательную защиту, подразумевающую обеспечение выполнения норм международного права по отношению к отечественным инвесторам, а также заключение двусторонних и многосторонних соглашений со странами-реципиентами; б) экономическую поддержку в будущем, которая подразумевает систему льгот таких же, как и экспортерам.

Задача защиты от неэкономических способов конкуренции состоит в повышении экономической безопасности и может быть решена с помощью различных институциональных и силовых мер пресечения неэкономической конкуренции. Кроме того, для повышения экономической безопасности следует соблюдать принцип равных условий для общественно равнозначных экономических субъектов.

Для осуществления внешнеэкономической деятельности должны быть созданы определённые условия. Во-первых, она возможна только при условии экономической свободы государства, осуществляющего внешнеэкономическую деятельность, при отсутствии внешних и внутренних запретов. Во-вторых, она должна быть согласована с общеэкономической стратегией государства, что предполагает наличие чёткой стратегии экономического развития государства, субординацию в ней внешнеэкономической деятельности и скоординированность задач внешнеэкономической деятельности с целями общеэкономической стратегии. В-третьих, внешнеэкономическая деятельность должна быть согласована с общемировыми тенденциями развития для повы-

шения эффективности внешнеэкономической деятельности, увеличения пользы, приносимой этой деятельностью государству и миру в целом.

Цели внешнеэкономической деятельности должны быть продиктованы именно экономическими задачами либо социальными целями общества, а не политическими, т. е. целями всего общества, а не отдельных его групп. Украинская внешнеэкономическая деятельность, в результате воздействия политических целей на экономические, и, в частности, внешнеэкономические, претерпела структурную деградацию, получив при этом тенденцию к росту объёма. По мнению некоторых экономистов [41, с. 76], Украина закрепила за собой статус «периферийной» державы с ориентацией на сырьевую и низкотехнологичную промышленность.

Чтобы исправить положение, при разработке внешнеэкономической политики необходимо руководствоваться экономическими, социальными и другими общественными мотивами, которые не должны подменяться интересами отдельных личностей или групп населения. В частности, таможенный кодекс должен корректироваться не только исходя из предпочтений предпринимателей (экспортёров и импортёров, а также украинских производителей аналогов импортной продукции), но, в основном, исходя из потребностей общества. А инертность общества означает, что его следует подтолкнуть к концепции общественного выбора, то есть общество должно в своём выборе исходить из деятельности на рынке общественных и политических продуктов.

Средний класс является одним из значительнейших факторов стабильности, которая, прежде всего, предполагает стабильность распределительных и перераспределительных процессов в обществе. Политически сильный «владеющий контрольным пакетом» средний класс – достаточный аргумент для того, чтобы законсервировать любые реформы бюджетного сектора, в том числе и трансфертов [2]. В этом есть как положительные, так и отрицательные стороны – положительным результатом является стабильность политической и экономической системы, снижение рисков, связанных с негативными внутренними факторами, определение правового поля. Одновременно с этим, будет нарастать социальная дифференциация, между элитой и беднейшими слоями общества, которая будет проявляться в некоторой социальной напряжённости [1, с. 32].

Другой важнейшей целью является создание эффективной и стабильной институциональной структуры украинской социально-

экономической системы, что позволит обеспечить большую социальность экономики. Если определить права всех участников экономических процессов, а также приоритетность права в зависимости от различных условий применения права, то можно надеяться на большее соответствие экономических процессов законодательству Украины. Поэтому, с целью повышения эффективности институциональной структуры, мы предлагаем импортировать различные институты, адаптация которых к украинской реальности даст положительные результаты. При этом необходимо помнить о том, что импорт институтов невозможно совершать, преследуя внешнюю по отношению к стране-импортёру цель. Следовательно, необходимо не приводить национальную законодательную базу в соответствие некоторым требованиям (европейским, мировым стандартам), а перенимать эффективные законопроекты, которые можно адаптировать к условиям страны-импортёра.

Системообразующая роль ВЭД для институциональной структуры проявляется в явном и неявном (посредством ценовых сигналов и обмена товарами) обмене информацией, импорте формальных и неформальных институтов, а также прямом и косвенном влиянии интеграции, которое оказывают, соответственно, номинальная и реальная экономическая интеграция. Особо важной является роль неявного обмена информацией в импорте неформальных институтов. Механизм такого обмена состоит в косвенной передаче информации институционального содержания через информацию о ценах, величине спроса и предложения, технологической и технической, маркетинговой и другой информации. Основным институциональным содержанием в подобной неявной информации является оценка результатов функционирования тех или иных институтов в различных условиях. Например, формами передачи (обмена) технологий называются: передача в чисто информационном виде, передача в виде высокотехнологичных товаров, в случаях поставки технологического оборудования и в случае международной миграции высококвалифицированных научно-технических кадров [11, с. 541].

Существуют два типа влияния интеграционных процессов на институциональные преобразования, и охарактеризован механизм управления подобными преобразованиями, которые оказывают номинальная и реальная интеграция. Номинальной интеграцией является на макроуровне посредством заключения межгосударственных соглашений, которые оказывают прямое воздействие, поскольку сами являются формальными институ-

тами. Реальной интеграция становится при условии экономического объединения двух или более хозяйствующих субъектов, принадлежащих к различным странам – поскольку результатом подобных операций может быть изменение законодательства в этих странах, либо международного законодательства, то реальная интеграция оказывает косвенное воздействие на институциональные преобразования. Прямой тип влияния имеет целенаправленный механизм реализации, а также непосредственный эффект, который проявляется в соответствующих законодательных актах. Косвенное влияние имеет своим источником не декларативную интеграцию, которой является вышеуказанное политическое заявление, а реальный процесс экономической интеграции, т. е. объединение экономических субъектов в единое целое. Например, подобным процессом экономической интеграции является поглощение путём выкупа акций некоторых украинских компаний российскими. Подобный процесс является реальной интеграцией и прямым последствием его выступает укрупнение и транснационализация бизнеса, а также расширение рынков сбыта определённых компаний, которые производят своё укрупнение за счёт поглощения активов других компаний. Косвенным результатом подобных укрупнений выступает принятие нормативных актов, направленных на снижение доли собственности российских бизнесменов в определённых отраслях экономики, например, путём введения дополнительных условий приватизации государственного пакета акций, принятие мер по предотвращению отмывания грязных денег и прочее.

И прямое и косвенное влияние интеграции на институциональную трансформацию имеет свои особенности: прямое влияние, по сути, и является институционализацией отношений между странами, что предполагает её формальность на микроуровне и декларативность на макроуровне. Косвенное является влиянием реальной интеграции на микроуровне, а на макроуровне оно отражает интересы определённых узких групп экономических агентов. Принятые соглашения на уровне государств фирмы и корпорации могут игнорировать, в то время как сами государства трактуют такие соглашения по-разному и вольны принимать дополнительные соглашения, определяющие порядок действия этих соглашений. Например, подписание «договора о намерениях», направленного на создание ОЕЭП между Россией и ЕС предполагает создание единого экономического пространства, но в этом договоре не указаны ни сроки создания, ни основные «рамочные» условия функ-

ционирования этого союза. Будет ли это зона свободной торговли, таможенный союз или валютный союз – пока никто не знает, и до принятия дополнительных соглашений, содержащих порядок действия основного, это будет неизвестно.

Микроуровневая же интеграция, в большинстве случаев, имеет следующий механизм влияния – устанавливающиеся экономические отношения между экономическими субъектами двух или более стран требуют изменения порядка взаимодействия между этими субъектами. Путём лоббирования соответствующих законодательных актов создаётся режим благоприятствования этим экономическим субъектам внутри разных стран – зоны свободной торговли, территории приоритетного развития и т. д. Косвенное воздействие интеграции на институциональные преобразования испытывает значительное влияние экономической и политической конкуренции, что определяет закономерность – у кого сильнее лобби, тот и получает льготы. Одновременно с этим, прямое влияние интеграции является результатом межгосударственной конкуренции – здесь идёт борьба между государствами за более благоприятные условия для национальных экономических субъектов, например, Россия отстаивает интересы российских фирм, а Украина – украинских. Поэтому, прямое влияние является функцией лобби государства на международной политической арене – выгоды от международных экономических отношений определяются политическим весом государства.

Высокий уровень взаимозависимости отраслей производства в трансформационной экономике соединяясь со значительной зависимостью от внешней торговли, приводит, в итоге, к увеличению экспортной ориентации и импортной зависимости экономики, – т. е. к увеличению негативной [5] открытости экономики в условиях её технологического отставания.

В таких условиях институциональное развитие должно быть направлено на производство эффективной институциональной структуры, в первую очередь, направленную на чёткое определение неспецифических деперсонифицированных прав и обязанностей личности и юридических лиц, в том числе прав собственности, права на безопасность, гражданских и социальных обязанностей.

Таким образом, направление институциональных изменений во внешней торговле Украины должно быть выбрано в соответствии с мировыми стандартами и потребностями экономического развития национальной экономики и внешнеэкономического комплекса Украины.

Список использованной литературы

1. Булеев И. П. Проблемы формирования среднего класса в обществе с переходной экономикой / И. П. Булеев // *Економіка промисловості*. – 2002. – №3 [59]. – С. 29–38.
2. Громадська участь у творенні та здійсненні державної політики / Центр сприяння інституційному розвитку державної служби [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://citystrategy.leontief.ru/?u=material%2Fsem%2Fpublic.htm>
3. Ким А. А. Влияние внешнеэкономической деятельности на институциональные преобразования в трансформационной экономической системе / А. А. Ким // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2005. – № 650. – С. 35–38.
4. Ким А. А. Динамика структуры внешней торговли Украины и ее взаимосвязь с развитием рыночной экономики / А. А. Ким // *Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Економічний розвиток України в сучасному просторі та часі»: збірник статей*. – Х. : ФОП Павленко О. Г. – 2010. – С. 248–253.
5. Ким А. А. Товарная структура торговли Украины и Китая / Т. И. Ким, Тинтин Цао: материалы студенческой научной конференции [«Актуальные проблемы международного бизнеса в условиях неопределенности глобальной среды» (г. Харьков, 18 марта 2011)]. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразіна. – 2011. – 91 с., с. 66–70.
6. Кириченко А. Внешняя торговля Украины на пороге третьего тысячелетия / А. Кириченко // *Зовнішня торгівля*. – 1998. – № 1–2.
7. Луцишин З. Стратегія економічної інтеграції України в умовах фінансової глобалізації / З. Луцишин // *Зовнішня торгівля*. – 1998. – № 3–4.
8. Макуха С. Н. Україна в міжнародних економічних відносинах в умовах глобалізації / С. Н. Макуха. – Х. : Легас, 2003. – 350 с.
9. Міністерство економіки України: Конкурентоспроможність економіки України, вересень 2010 / Міністерство економіки України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://me.kmu.gov.ua/file/link/151379/file/GIC_2010-11%20Presentation.ppt
10. *Мировая экономика и международный бизнес: учебник* / кол. авторов; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В. В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р. К. Щенина. – 5-е изд. – М. : КНОРУС, 2008. – 668 с.
11. Новицький В. Є. Міжнародна економічна діяльність України: підручник / В. Є. Новицький. – К. : КНЕУ, 2003. – 948 с.
12. Официальный сайт Государственного комитета статистики Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.ukrstat.gov.ua
13. Пилипенко В. Є. Формування та поведінка «середнього» класу в сучасному українському суспільстві / В. Є. Пилипенко, М. О. Титорчук // *Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна*. – 2000. – № 492. – С. 16–23.
14. Радзиевский А. Интеграция Украины в мировую экономику и взаимоотношения с Россией / А. Радзиевский // *Економіка України*. — 2003. — № 4. — С. 72–79.
15. Смикова М. О. Українсько-китайські відносини / М. О. Смикова, П. Д. Камінський // *Економіка зовнішньоекономічної діяльності* / Донецький національний університет економіки і торгівлі ім. М. Туган-

- Барановського [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.rusnauka.com/10_ENXXIV_2007/Economics/21626.doc.htm
16. Соловьева А. А. Внешняя торговля Украины в условиях формирования рыночной экономики: автореферат дис. ... к.э.н. / А. А. Соловьева. – М., МГУ, 2009. – 37 с.
 17. Тенденции развития экономики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://china.worlds.ua>
 18. Участие Китая в мировых интеграционных и глобализационных процессах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.narod.ru/countries/china/World_processes_china.htm.
 19. Чекаленко Л. Д. Зовнішня політика України: підручник / Л. Д. Чекаленко. – К. : Либідь, 2006. – 212 с.

Раздел 3.7. Особенности торгово-экономических отношений России и Китая

Китай – страна с быстрорастущей и развивающейся экономикой, уникальность которой заключается в сочетании огромных запасов дешевого труда с экономикой, необычно широко открытой перед остальным миром с точки зрения торговли и прямых зарубежных инвестиций.

Для зарубежных компаний определяющими факторами инвестирования в КНР стали политическая стабильность, емкий внутренний рынок, наличие в больших размерах дешевой рабочей силы. При этом также учитывалась высокая динамика экономического развития Китая, которая имела следствием постепенное повышение жизненного уровня населения и, соответственно, изменение его потребительских запросов.

Несмотря на то, что в Китай поступают огромные иностранные инвестиции, направленные на развитие промышленности, внедрение новых технологий, экономический рост китайской экономики достигается, в основном, за счет увеличения факторов производства (дешевая рабочая сила и т. д.). Поэтому при наличии элементов интенсивного типа экономического развития, китайская экономика развивается по экстенсивному типу [3].

Глобальные ТНК стремятся сократить расходы и максимизировать прибыль путем переноса производства в страны с более низкими нормативными требованиями к техническим характеристикам выпускаемой продукции, диктуемыми требованиями здравоохранения, повышения качества продукции, страхования, экологии.

Поэтому для Китая не всегда оправдываются расчеты на получение передовых зарубежных технологий в рамках использования прямых иностранных инвестиций, хотя можно утверждать, что практически во всех случаях внедряются более прогрессивные, по сравнению с имеющимися в Китае, технологические приемы, оборудование и принципы управления.

В тех случаях, когда зарубежные ТНК передают китайской стороне определенную технологическую информацию, они стремятся ограничивать и контролировать этот процесс. Часто китайской стороне передается устаревшая технология, иногда исключается доступ китайского персонала к установленному на предприятии современному оборудованию [2].

Современная история экономических отношений России и Китая разделяется на два этапа, которые отличаются динамикой, масштабом, содержанием экономических обменов и операций, а также движущим силам их развития. Первый этап можно определить периодом с 1992 г., т. е. с начала прямых торговых и экономических отношений России и Китая и до конца прошлого столетия. Второй этап начался с новым тысячелетием и продолжается сегодня.

Отправной точкой формирования и развития современных российско-китайских отношений стал распад СССР и последовавшее за ним позиционирование Российской Федерации в качестве самостоятельного государства. Основное содержание первого этапа определялось двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, в 1990-е гг. активно шел политический процесс формирования российско-китайских отношений равноправного, доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, что создавало благоприятный фон для налаживания торгово-экономических связей.

Заметный и постоянно растущий интерес в мире вызывают экономические преобразования в Китае, которые продолжают примерно два десятилетия. Интерес к этой стране не случаен. Китай, являясь одним из древнейших государств в мире, впервые за всю свою многовековую историю достиг впечатляющих успехов в реальном секторе экономики. По ряду признаков видно, что страна и в ближайшей перспективе будет развиваться по восходящей линии.

Необходимые внутренние предпосылки для этого есть. Китай обладает большой территорией, является крупнейшей страной по численности населения; занимает важное геополитическое положение и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Население Китая достигло 1,34 млрд человек, по прогнозам, оно не начнет сокращаться, пока не достигнет 1,6 млрд человек к 2030 г.

В 2011 году валовой внутренний продукт Китая достиг 7,5 трлн дол. США, в сопоставимых ценах вырос по сравнению с предыдущим годом на 9,3 %, и вышел на второе место в мире, опережая Японию [4].

Причинами значительного роста в реальном секторе экономики Китая стали следующие факторы:

- во-первых, политико-административный фактор. Установление отношений стратегического партнерства, подписание различного рода договоров о торгово-экономическом сотрудничестве;
- во-вторых, экономическая стратегия КНР. С начала XXI в. руководство страны реализует концепцию глобального внешнеэкономического наступления «идти вовне», ключевыми элементами которой являются товарная экспансия на внешних рынках и др.;
- в-третьих, рост потребностей Китая в ряде товаров российского экспорта обусловлен быстрыми темпами роста китайской экономики. За счет российских поставок в значительной мере удовлетворяются потребности Китая в древесине, в бумаге и целлюлозе, в черных металлах, в удобрениях, в рыбе и морепродуктах;
- в-четвертых, улучшение экономической ситуации в России, повышение покупательной способности россиян обусловили увеличение спроса на китайские товары [5].

Несмотря на высокие темпы экономического роста (9,3 % в 2011 г.), повышение доли Китая в мировом промышленном производстве (по итогам 2011 года приближается к 17 %) и ВВП, производство ВВП на душу населения (93 позиция в рейтинге), и производительность труда остается значительно ниже показателей развитых стран [4]. Но эта страна располагает необходимым потенциалом для сохранения высоких темпов экономического развития, дальнейшей своей интеграции в региональную и мировую экономику (рис. 3.7.1).

Китай уже на протяжении многих лет, даже столетий, является одним из стратегических партнеров России как в экономической, так и в политической сферах.

Под российско-китайские отношения подведена солидная договорно-правовая база, которая охватывает все сферы сотрудничества между Россией и Китаем.

Есть основания утверждать, что инфраструктура двусторонних связей в целом построена, однако в настоящее время и на

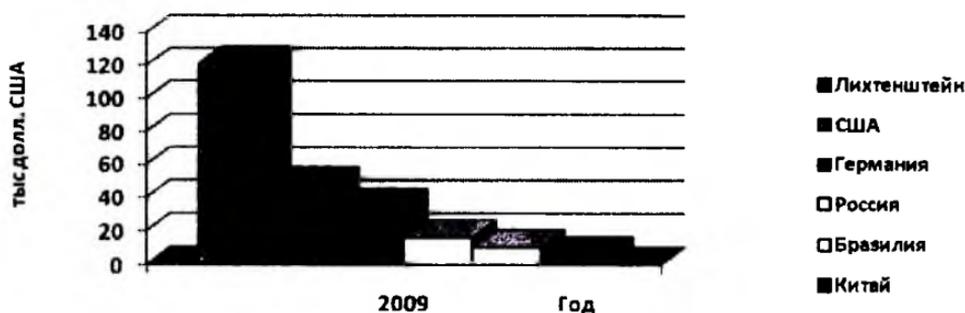


Рис. 3.7.1. Производство ВВП на душу населения в некоторых странах мира. Источник: [4]

обозримую перспективу на первый план выдвигается задача глобального расширения и углубления конкретного сотрудничества в различных областях.

Огромный потенциал российско-китайского торгово-экономического сотрудничества общепризнан. Для его освоения создана мощная организационная структура в виде механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая, подписаны десятки соглашений различного уровня. Идет проработка ряда крупных проектов в области нефти и газа, транспорта, энергетики, гражданской авиации и т. д. Налаживаются прямые экономические связи между регионами двух стран. На территории России и Китая создаются несколько довольно больших совместных предприятий производственного характера.

За последние 10 лет своего развития китайско-российские отношения вышли на небывало высокий уровень. Важнейшей вехой на этом пути стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией от 16 июля 2001 года, а также Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 13 июля 2011 года – программные документы, определившие развитие китайско-российских отношений. Укрепление политического взаимодоверия, углубление экономического сотрудничества, расширение гуманитарных и общественных связей, а также тесная координация и сотрудничество в международных делах являются важным содержанием китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства [5].

В подтверждении этого можно привести ряд наиболее значимых документов, подписанных руководителями двух стран в ходе

официального визита Президента России Дмитрия Медведева в КНР 26–28 сентября 2010 г.:

– Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия;

– Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в нефтяной сфере от 21 апреля 2009 года и Протокол к Меморандуму о взаимопонимании по сотрудничеству в угольной сфере от 24 июня 2009 года;

– Меморандум о взаимопонимании между Министерством энергетики Российской Федерации и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по развитию и реформам о сотрудничестве в области энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии;

– Меморандум о взаимопонимании между Министерством энергетики Российской Федерации и Государственным энергетическим управлением Китая о сотрудничестве в области развития электросетевого хозяйства и Дорожную карту по сотрудничеству в угольной сфере;

– Меморандум между Федеральным агентством по рыболовству и Министерством сельского хозяйства Китайской Народной Республики о взаимопонимании в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов;

– Соглашение между Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и Китайской государственной корпорацией ядерной промышленности о стратегическом взаимодействии в области мирного использования атомной энергии;

– Генеральное соглашение о взаимоотношениях и сотрудничестве при осуществлении поставок нефти по нефтепроводу Сквордино – Мохэ;

– Контракт на Технический проект сооружения блоков № 3 и № 4 Тяньваньской атомной электростанции между Закрытым акционерным обществом «Атомстройэкспорт», Цзянсусской ядерной энергетической корпорацией, Китайской ядерно-энергетической инжиниринговой компанией и Китайской корпорацией промышленности ядерной энергии;

– Соглашение между Открытым акционерным обществом Банк ВТБ и Торгово-промышленным банком Китая о кредитной линии [5].

Россия традиционно является одним из важных торговых партнеров Китая и входит в десятку стран – крупнейших торговых партнеров КНР.

Основные показатели внешней торговли России с Китаем в 2000–2011 гг. приведены в табл. 3.7.1.

Таблица 3.7.1

**Основные показатели внешней торговли России и КНР
в 2000–2011 гг.**

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо Сумма, млн дол. США
	Сумма, млн дол. США	Прирост, %	Сумма, млн дол. США	Прирост, %	Сумма, млн дол. США	Прирост, %	
2000	8003	-	5770		2233		3537
2001	10670	33,3	7959	37,9	2711	21,4	5248
2002	11928	11,8	8407	5,6	3521	29,9	4886
2003	15760,62	32,1	9726,07	15,7	6034,55	71,4	3691,52
2004	21251,95	34,7	12129,46	24,7	9102,49	51,0	3026,97
2005	29103,14	37,3	15890,89	31,0	13242,25	45,2	2678,65
2006	33386,55	14,7	17554,12	10,5	15832,43	19,8	1721,68
2007	48165,37	44,3	19676,89	12,1	28483,48	79,9	-8811,59
2008	55922,1	16,1	21142,0	7,5	34780,2	22,1	-13638,2
2009	39509,0	-29,4	16668,6	-21,2	22840,3	-34,3	-6171,7
2010	59290,9	50,3	20326,4	21,8	38964,4	71,2	-18638
2011	83505,0	40,8	35240,6	73,3	48264,4	23,8	-13023,8

Источник: [7]

По итогам 2011 года в соответствии с данными российской таможенной статистики объем двусторонней торговли увеличился на 24,3 млрд дол. США и достиг 83,5 млрд дол. США, что на 40,8 % больше по сравнению с 2010 г. Темпы роста российского экспорта возросли с 121,8 % в 2010 г. до 173,3 %, в результате чего его стоимостной объем составил 35,24 млрд дол. США. В то же время китайские поставки в Россию в 2010 году увеличились на 71,2 % и достигли уровня 38,9 млрд дол. США, а в 2011 году увеличилась на 23,3 % и составили 48,2 млрд дол. США. Сальдо России в двусторонней торговле с Китаем в 2011 году, также как и на протяжении последних пяти лет, являлось отрицательным и составляло 13,02 млрд дол. США (рис. 3.7.2) [7].

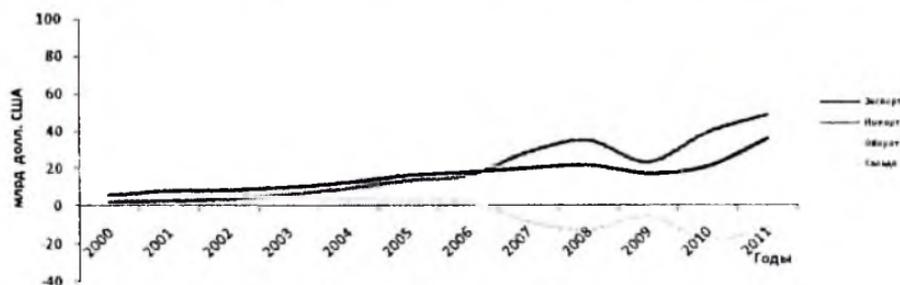


Рис. 3.7.2. Динамика показателей внешней торговли России и КНР в 2000–2011 гг. Источник: [7]

Товарооборот между двумя странами растет. Но при анализе структуры экспорта-импорта наметилась определенная тенденция: товарооборот все больше напоминает торговлю между высокоразвитой страной и сырьевой экономикой с деградирующей промышленностью.

Для подтверждения сказанного представим на диаграммах уровни объемов торговли по отдельным позициям (рис. 3.7.3, 3.7.4).



Рис. 3.7.3. Доля минеральных продуктов и древесины, чугуна и стали в общем объеме товарного экспорта из России в Китай. Источник: [7]

Продолжилось увеличение объемов поставок в Китай по товарной группе минеральное топливо, нефть и нефтепродукты. Ее удельный вес в структуре российского экспорта возрос до 70%. Особенно быстро возрастал экспорт сырой нефти (рис. 3.7.5) [8]

На второе место в российском экспорте вышли поставки деловой древесины и изделия из нее, подавляющая часть указанных поставок (89,3 %) приходилась на необработанный круглый лес.

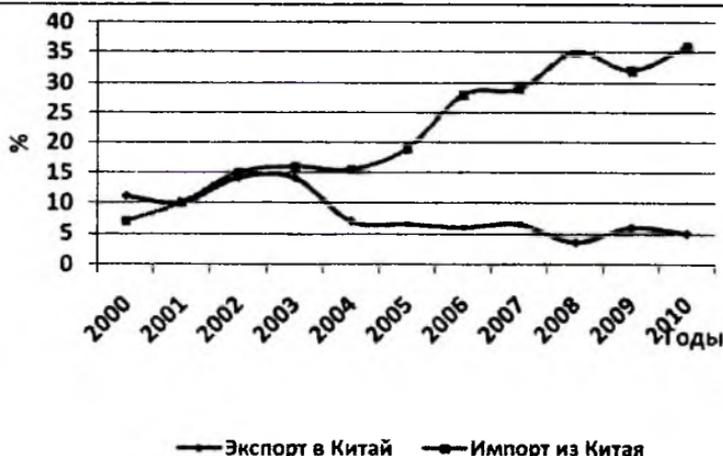


Рис. 3.7.4. Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме товарного экспорта (импорта). Источник: [7]

Третье место в российском экспорте занимают черные металлы (5,6 %). Изменение стоимостного объема экспорта черных металлов из России за анализируемый период связано с колебаниями конъюнктуры на китайском рынке металлопродукции.

Четвертое место заняли химические товары, доля которых в структуре российского экспорта понизилась до 4,9 %. В значительных объемах продолжался экспорт в Китай удобрений, поставки которых заняли пятое место в российском экспорте.

Наблюдается тенденция снижения объемов экспорта из России в Китай цветных металлов, а также машин и оборудования.



Рис. 3.7.5. Доля основных товаров, экспортируемых из России в Китай в 2011 г. Источник: [8]

При сохранении относительной стабильности в структуре поставок за анализируемый период импорт из Китая в Россию продолжал быстро увеличиваться по подавляющему большинству товарных позиций (рис. 3.7.6).



Рис. 3.7.6. Доля основных товаров экспортируемых из Китая в Россию в 2011 г.

Наибольший удельный вес в структуре импорта России из КНР занимают: машины и оборудование – 47 %, продукция химической промышленности – 17,3 %, продовольственные товары 15,3 %.

По товарной группе машины и оборудование наблюдается дальнейшее увеличение поставок. Структура указанной группы характеризуется широким ассортиментом поставляемых товаров при относительно небольших их объемах. Среди наиболее крупных позиций можно выделить бытовую электротехнику и электронику, оборудование для связи, транспортные средства и т. п. [8].

В 2008–2011 гг. продолжался процесс усиления китайского присутствия на различных традиционных и новых сегментах российского рынка. Подход китайской стороны к развитию торгово-экономического сотрудничества с Россией основывается на таких основных факторах как заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, стремление к расширению присутствия на представляющих интерес для Китая сегментах российского рынка, обеспечение доступа к имеющемуся в России передовому научно-технологическому потенциалу.

Содержание китайско-российского стратегического партнерского сотрудничества в настоящее время обогащается и развивается. Оба государства утвердили новые взгляды о безопасности, ядром которых являются взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество и прилагают усилия к созданию еще более справедливого, рационального и демократичного международного политического и экономического нового порядка. Шанхайская организация сотрудничества – образец такого сотрудничества Китая и России.

Внешнеэкономические связи между двумя странами во многом дополняются деловыми отношениями Китая с отдельными регионами России: Красноярским краем, Пензенской и Амурской областями.

Частные предприятия Китая и России, взаимодействуя друг с другом, создают в городе Хулинь провинции Хэйлунцзян базу экспериментов по вторичным энергоресурсам в целях использовать рисовую шелуху для выработки электроэнергии и получения тепла.

Создание ассоциаций предпринимателей Китая и России имеет важное значение для продвижения китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Широко развита практика проведения ярмарок и выставок.

Таким образом, ускорение темпов роста российского экспорта в Китай было достигнуто, прежде всего, за счет резкого увеличения физических объемов поставок сырой нефти. На четыре основные товарные группы (нефть и нефтепродукты, черные металлы, древесина, химические товары) в последние три года приходится более половины всего экспорта.

За последние годы торгово-экономические отношения России и Китая значительно выросли, однако имеющийся ряд трудностей предполагает поиск новых возможностей.

Дальнейшее развитие торгово-экономических отношений России и Китая зависит от многих факторов. Благоприятные в целом предпосылки развития российско-китайского экономического сотрудничества определяются:

- взаимодополняемостью экономик двух стран (Россия обладает мощным потенциалом в тяжелой промышленности; Китай – успехами в отраслях производящих потребительские товары);
- технологическим влиянием России в Китае (значительная часть производственной базы Китая создана при содействии России);
- политическим сближением России и Китая [7].

В октябре 2011 года в Пекине состоялся VI российско-китайский экономический форум, в рамках которого определены соглашения, предусматривающие значительный рост оборота внешней торговли, взаимных инвестиций, расширение двустороннего сотрудничества, рассмотрены вопросы сотрудничества в таких сферах, как инвестиции, энергоэффективность и энергосбережение, инновации, туризм, инфраструктура, включая транспорт, строительство и другие. Российско-китайские отношения вышли на новое качество стратегического партнерства не только в

политическом формате. Более важно то, что намечены пути и реальные возможности реализации новой модели экономического взаимодействия.

В перспективах российско-китайских отношений:

- строительство российской стороной Тяньваньской АЭС;
- проекты по мирному освоению космоса;
- контракты по гидроэнергетике;
- две газовые ветки из Западной (проект «Алтай») и Восточной Сибири (законсервированный Ковыктинский проект), на 60–80 миллиардов кубов, строительство которых осуществляют «Газпром» и CNPC (China National Petroleum Corporation) [4].

14 миллиардов китайских инвестиций будет вложено в российскую экономику в 2010–2015 гг., что очень важно, особенно для Сибири и Дальнего Востока.

Китай ежегодно тратит 350 млрд дол. США на приобретение высокотехнологичного оборудования по всему миру и с повышением конкурентоспособности российских товаров, в том числе машинотехнической продукции, отвечающей мировым технологическим стандартам, объемы закупок Китая увеличатся.

Перспективными для российско-китайских отношений являются сферы, связанные с телекоммуникациями, химпромом, легкой промышленностью, транспортом, автомобилестроением. Отдельный интерес Китая к Транссибу, который мог бы значительно ускорить транзитные поставки товаров через Россию в Европу. Сюда можно отнести и отдельные проекты, связанные с атомной энергетикой, дальнейшее развитие и освоение космических программ.

Углубление китайско-российского сотрудничества не может происходить без финансовой поддержки. Двустороннее сотрудничество будет, главным образом, сконцентрировано на предоставлении более удобных условий для развития сферы высоких технологий и строительства инфраструктуры в России.

Важным компонентом двухстороннего торгово-экономического сотрудничества является научно-техническое сотрудничество, включая сотрудничество в области разработки новой продукции, научно-исследовательское сотрудничество. Китай достиг значительных успехов в сфере высоких технологий.

Поэтому нельзя не обойти такое направление российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, как совместные свободные экономические зоны (СЭЗ).

Китайская практика функционирования свободных экономических зон признана одной из наиболее успешных в мире. По официальным данным, в стране насчитывается 1592 СЭЗ на государственном (246 зон) и муниципальном уровне (1346). СЭЗ стали важным фактором проведения политики «открытых дверей», рыночных реформ в национальной экономике в качестве полигонов апробирования.

На долю СЭЗ в КНР приходится 15 % внешней торговли, что в абсолютном выражении составляет 330,9 млрд дол. США, в том числе экспорт из СЭЗ – 178,1 млрд дол. США, импорт – 152,8 млрд дол. США. Совокупный объем иностранных инвестиций, привлеченных в экономику СЭЗ, достиг 25,3 млрд дол. США, или 1/3 прямых иностранных инвестиций, вложенных в китайскую экономику в 2010 г. [1].

Российская политика зонирования хотя и насчитывает два десятилетия в своем развитии, но отличается непоследовательностью, отсутствием до 2005 г. общей законодательной базы, слабой эффективностью функционирования созданных особых экономических зон, низким уровнем развития инфраструктуры, большими административными формальностями и менее существенным пакетом стимулов для резидентных компаний по сравнению с общемировой практикой.

Отсюда, немалое значение имеет изучение китайского опыта создания свободных экономических зон, в том числе и их формирование на совместной основе как одного из важнейших направлений развития российско-китайского экономического сотрудничества в сферах торговли, инвестиций, науки и технологий, промышленного производства.

Китайская политика зонирования развивается по трем направлениям:

- 1) создание СЭЗ в национальной экономике (которое преобладает);

- 2) формирование СЭЗ в зарубежных странах (новое направление, получившее развитие в последние годы, в частности, вложены китайские инвестиции в совместные СЭЗ на территории России, Пакистана, Казахстана), создано 8 зон подобного рода;

- 3) строительство трансграничных СЭЗ, в том числе в приграничных регионах как зон приграничного экономического сотрудничества, зон приграничной торговли и туризма [1].

Совместные свободные экономические зоны появились в российско-китайском сотрудничестве в период 2000-х годов и при-

званы в максимально возможной степени использовать конкурентные преимущества участвующих сторон.

Построено девять китайско-российских СЭЗ на территории КНР, две российско-китайских СЭЗ в России и три трансграничные СЭЗ, которые охватывают участки по обе стороны российско-китайской границы.

Основные виды СЭЗ: торговые зоны, технопарки и промышленные зоны. В общей сложности создано или продолжается строительство 14 совместных СЭЗ, в том числе 5 торговых зон, 7 технопарков, 1 промышленный парк, 1 зона моста.

Так, на российской территории создан российско-китайский технопарк (РКТ) «Дружба» в Москве (2003 г.), намечено создать РКТ «Дружба» в Екатеринбурге. На китайской территории функционируют китайско-российский технопарк (КРТ) в Чапчуне (провинция Цзилинь), КРТ в Цюйхуа (провинция Чжэцзян), КРТ в Харбине (провинция Хэйлуцзян), КРТ в Шэньяне (провинция Ляонин), Зона промышленного освоения новых и высоких технологий в Яньтай (провинция Шаньдунь) [1].

Первым российско-китайским технопарком стал РКТ «Дружба» в Москве, созданный в 2003 г. Он выступает как центр передачи технологий и банк разработок на базе привлечения китайских инвестиций. Его основные функции включают сбор и предоставление информации о предложениях и запросах на производство наукоемкой продукции и готовых технологий; поиск партнеров в целях организации производства высокотехнологичной продукции; оказание консалтинговых услуг. Учредителями технопарка выступают Научный парк Московского энергетического института и корпорация БАДА Харбинского Политехнического института.

Цели технопарка:

- содействие реализации межгосударственной программы российско-китайского научно-технического сотрудничества;
- продвижение на китайский рынок российских завершенных научно-технических разработок и на российский рынок - высокотехнологичной продукции китайских предприятий;
- создание совместных предприятий в целях производственного освоения и рыночной реализации результатов НИОКР;
- развитие инфраструктуры и механизмов трансфера технологий и их коммерциализации;
- подготовка и повышение квалификации менеджеров совместных проектов;
- совершенствование нормативно-правовой и информационной базы в области международного трансфера технологий [1].

Помимо технопарков, созданы совместные торговые зоны и совместные промышленно-производственные зоны как на территории России или Китая, так и зоны, охватывающие сопредельные территории РФ и КНР.

Преимущества совместных торговых зон, технопарков и промышленно-производственных зон связаны с их содействием развитию взаимных торговых и экономических связей между Россией и Китаем на межгосударственной основе и на межрегиональном и приграничном уровнях; повышением уровня экономического развития соответствующих регионов; созданием дополнительных рабочих мест; повышением уровня благосостояния населения; содействием коммерциализации научно-технологических и прочих инновационных разработок в рамках технопарков (которые фактически становятся ведущим видом совместных российско-китайских СЭЗ).

Одним из сдерживающих факторов развития СЭЗ служит слабая диверсификация товарной структуры экспорта российских регионов, которая представлена сырьем и продукцией первичной обработки (необработанная древесина, химическое сырье, энергоресурсы, металлы) через совместные зоны и китайские зоны приграничного экономического сотрудничества.

Таким образом, для поступательного развития двусторонних экономических связей необходимо активное хозяйственное взаимодействие, прежде всего, взаимное инвестирование предпринимательского капитала.

Китай и Россия намерены прилагать усилия к развитию и совершенствованию всех механизмов, призванных обеспечить бесперебойное функционирование китайско-российского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, гуманитарной и международной областях.

В ближайшие годы обе страны имеют целью значительное увеличение ВВП, что наверняка предоставит большие возможности для развития торгово-экономического сотрудничества, в том числе по доведению внешнеторгового оборота между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой к 2013 году до уровня – 100 - 120 млрд дол. США.

Список использованной литературы

1. Абраменков А. В. Совместные свободные экономические зоны в российско-китайском сотрудничестве / А. В. Абраменков // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 8. – С. 14–23.

2. Бурдюкова А. Д. Сравнительный анализ внедрения инноваций в России и Китае / А. Д. Бурдюкова, О. И. Трайнева // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 6. – С. 67–71.
3. Воронова Т. А Стратегическое сотрудничество России и Китая. Экономико-инновационные аспекты / Т. А Воронова, Е. В. Пермякова. – М. : ГОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», – 2010. – 196 с.
4. Деловой Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://polpred.com/download/user/pdf/2318_50.pdf
5. Деловая информация. Официальный сайт посольства России в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russia.org.cn/rus/2836/31292212.html>
6. Любомудров А. В. Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая / А. В. Любомудров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 3. – С. 13–17.
7. Российско-китайские отношения Политика Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruschina.net>.
8. Россия и страны мира / под ред. И. А. Родионова – 2010.: Стат.сб. / Росстат. – М., 2010. – 372 с.

Раздел 3.8. Методика оценки конкурентоспособности региона: содержание и апробация в регионах Китая

Китай – одна из наиболее динамично развивающихся экономик мира. С начала реформ 1978 г. ежегодный экономический рост КНР в среднем составлял 9,4 %, а объем номинального ВВП с 147 млрд дол. в 1978 г. достиг 6,99 трлн долларов в 2011 г. По прогнозам экспертов МВФ в 2016 г. данный показатель составит 11,78 трлн долларов [9; 10; 14].

В 2011 г. Китай занял 2 место в мире как по величине номинального ВВП, так и по величине ВВП с учетом паритета покупательной способности, уступая только США [9; 10; 14]. На рис. 3.8.1 приведены данные о вкладе экономик различных стран мира в рост мирового ВВП в 1970–2009 гг. и прогноз на 2010–2015 гг.

Анализ рис. 3.8.1 позволяет сделать вывод, что экономика Китая набирает всё большую мощь. Если в 1970-х гг. вклад Китая в рост мирового ВВП был незначителен, то с 1990-х гг. ситуация меняется. В 1990-е гг. вклад Китая в рост мирового ВВП в 2 раза меньше аналогичных показателей США, а в 2000–2008 гг. – превосходит показатели США. При этом эксперты МВФ прогнозируют, что к 2016 г. вклад Китая в рост мирового ВВП бу-

дет превосходить аналогичные показатели всех развитых стран мира вместе взятых [14].

Прогнозируемые экспертами МВФ темпы прироста ВВП Китая в 2012–2013 гг. составят 8,2 % и 8,8 % соответственно [14]. Учитывая высокие темпы экономического развития страны, следует ожидать, что КНР уже в самом ближайшем будущем реально сможет войти в четверку (после США, Японии и Германии) мировых экономических лидеров.

В соответствии с данными Всемирного экономического форума, в 2011 г. Китай занял 26 место в рейтинге конкурентоспособности стран мира по значению индекса глобальной конкурентоспособности [13], в то время как в 2005 г. он занимал лишь 54 место [11].

При этом построение национальной инновационной системы, модернизация экономики, повышение конкурентоспособности Китая на международном уровне невозможно без обеспечения высокой конкурентоспособности регионов страны. Эффективная макроэкономическая политика, проводимая в национальном масштабе, способна лишь отчасти обеспечить рост конкурентоспособности китайской экономики. Она является необходимым, но не единственным условием. Другим важным условием является эффективная региональная политика, направленная на повышение конкурентоспособности конкретного региона.

Наиболее успешные территории притягивают к себе и концентрируют факторы производства: инвестиции, трудовые ресурсы, технологии и т. д. В результате в данных регионах повышается деловая активность, формируется новый уровень инфраструктуры, в эти регионы привлекаются новые фирмы, возникают и динамично развиваются территориальные кластеры, что способствует укреплению региональных конкурентных позиций. Относительная ограниченность факторов производства приво-



Рис. 3.8.1. Вклад ряда стран в рост мирового ВВП в 1970–2015 гг. (в процентах)
Составлено по материалам: [15]

дит к тому, что динамично развивающиеся регионы будут перетягивать трудовые ресурсы из соседних, менее успешных регионов. В этих условиях инвестиции, трудовые ресурсы, технологии и другие ресурсы будут поступать в наиболее конкурентоспособные регионы. Это обуславливает необходимость учета конкурентного потенциала региона и оценки влияния факторов на формирование конкурентоспособности региона.

В ходе исследования автором был разработан и апробирован в регионах Китая методический инструментарий оценки конкурентоспособности региона.

В рамках предлагаемой нами методики оценки региональной конкурентоспособности мы выделяем два подхода к трактовке данного понятия: текущую и стратегическую конкурентоспособность региона. Текущую конкурентоспособность мы определяем как текущие конкурентные позиции региона, способность региона побеждать в конкурентной борьбе с другими регионами в данный момент. Под стратегической конкурентоспособностью мы предлагаем понимать конкурентный потенциал региона, его способность достигнуть конкурентного успеха в будущем.

В соответствии с данными подходами, мы предлагаем оценить конкурентоспособность региона двумя группами показателей (рис. 3.8.2).

Текущую конкурентоспособность, на наш взгляд, наиболее полно позволяют оценить два фактора: уровень экономического развития и экономический рост, а также уровень и качество жизни населения региона. Показатели, характеризующие влияние данных факторов на экономику региона, являются результирующими, т. е. показывают конечный результат деятельности региональных властей, хозяйствующих субъектов и населения региона на определенный период времени.

Все используемые при расчетах показатели являются относительными. Выбор каждого из показателей текущей конкурентоспособности вызван следующими соображениями.

ВРП является основным результирующим показателем экономического развития региона, ключевым показателем регионального экономического роста. Т. к. применение абсолютных показателей нецелесообразно, имеет смысл рассматривать именно ВРП на душу населения (юаней).

Темп роста ВРП является не прогнозным, а именно результирующим показателем, характеризующим текущие темпы развития региона, вне связи с его перспективами развития. Показатели производительности труда, фондовооруженности и зарплатоёмкости

Текущая конкурентоспособность региона		Стратегическая конкурентоспособность региона		
Составляющие				
Уровень экономического развития и экономический рост	Уровень и качество жизни	Инновационное развитие	Развитие инфраструктуры	Уровень развития ВЭД и инвестиций
Показатели				
ВРП на душу населения (юаней)				
Темп роста ВРП				
Производительность труда				
Фондовооруженность				
Зарплатоемкость продукции				
Ожидаемая продолжительность жизни				
Среднедушевые денежные доходы населения				
Число занятых в исследованиях и разработках				
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки в процентах к ВРП				
Число студентов высших учебных заведений				
Число исследований и разработок				
Доля экспорта в продажах новой продукции				
Количество выданных патентов				
Протяженность автомобильных дорог				
Протяженность железнодорожных путей				
Протяженность судоходных путей				
Отправление грузов автомобильным транспортом				
Отправление грузов железнодорожным транспортом				
Отправление грузов морским транспортом				
Инвестиции в основной капитал				
Экспортная квота				
Иностранные инвестиции				
Географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам Китая				

Рис. 3.8.2. Группы показателей текущей и стратегической конкурентоспособности региона в соответствии с авторской методикой

продукции позволяют оценить текущую эффективность использования трудовых ресурсов, оснащенность работников предприятий сферы материального производства основными средствами производства, удельный вес заработной платы в производстве продукции. Данные показатели не влияют напрямую на конкурентные преимущества региона в будущем. Напротив, они являются отражением текущей конкурентоспособности региона.

Наиболее показательными, на наш взгляд, критериями уровня и качества жизни населения региона являются ожидаемая продолжительность жизни при рождении и среднедушевые доходы населения. Данные показатели позволяют оценить влияние деятельности региональных властей и субъектов хозяйственной деятельности на население региона. Эти показатели также не оказывают прямого влияния на стратегическую конкурентоспособность. Их можно отнести к показателям результативности региональной экономической политики.

С другой стороны, такие факторы, как инновационное развитие, развитие инфраструктуры и уровень развития ВЭД и инвестиций в меньшей мере оказывают влияние на текущую конкурентоспособность. Вместо этого они определяют потенциальный успех региона в конкурентной борьбе через ряд лет.

Рассмотрим каждый из этих показателей подробнее.

Число занятых в исследованиях и разработках, равно как и число студентов высших учебных заведений, дает представление о потенциале интенсивного развития региона. Внутренние текущие затраты на исследования и разработки являются «инвестициями» в дальнейшее решение сформулированных проблем, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств и услуг в будущем. Также к показателям инновационного развития региона можно отнести число исследований и разработок, долю экспорта в продажах новой продукции и количество выданных патентов.

С одной стороны, развитие инфраструктуры можно определить как результат предшествующей деятельности региональных властей по ее формированию, и, соответственно, отнести к показателям, характеризующим текущую конкурентоспособность. Однако, на наш взгляд, наличие развитой инфраструктуры является необходимым условием регионального развития, привлечения инвестиций, как отечественных, так и зарубежных, развития внешней торговли. Развитая инфраструктура не только свидетельствует о результативности региональной политики по ее обеспечению, но и о степени привлекательности региона для хозяйствующих субъектов в дальнейшем, а, соответственно, и о будущих конкурентных преимуществах региона. И поэтому, по нашему мнению, является одним из ключевых показателей стратегической конкурентоспособности региона. Степень развитости региональной инфраструктуры оценивается нами через показатели протяженности автомобильных, железнодорожных дорог и протяженности судоходных путей, а также показатели отправления грузов автомобильным, железнодорожным и водным транспортом.

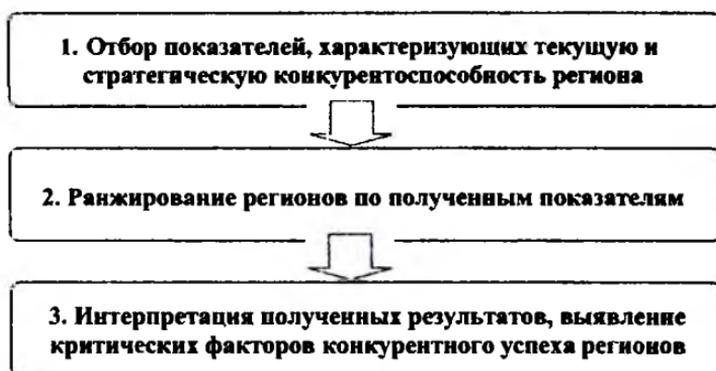


Рис. 3.8.3. Алгоритм оценки конкурентоспособности региона в соответствии с авторской методикой

Уровень развития инвестиций и ВЭД являются явными показателями стратегической конкурентоспособности, т. к. именно инвестиции как отечественные, так и зарубежные, предопределяют дальнейшее экономическое развитие региона. Поэтому данные показатели выделяются нами как характеризующие потенциал конкурентных преимуществ региона. Внешняя торговля также отнесена нами к факторам стратегической конкурентоспособности, т. к. она предопределяет более высокий уровень региональной конкурентоспособности, а именно внешнюю конкурентоспособность региона. Продукция хозяйствующих субъектов региона может пользоваться спросом у местного населения, но для экспорта этой продукции в значительных масштабах за рубеж товаропроизводители должны обеспечить ее высокую конкурентоспособность. Поэтому высокие значения экспортной квоты, подкрепляемые значительными инвестициями и активным инновационным развитием региона, являются, на наш взгляд, залогом высокого конкурентного потенциала региона в будущем. Показатель географического положения региона по отношению к внешнеторговым выходам Китая, в дополнение к показателю экспортной квоты региона, характеризуют состояние и перспективы развития внешней торговли региона. Данный показатель принято анализировать на основании экспертных оценок. Однако мы предлагаем при оценке региональной конкурентоспособности при расчете данного показателя принимать во внимание лишь, является ли регион приграничным или нет. С нашей точки зрения, это будет в достаточной мере характеризовать перспективы развития внешней торговли региона.

В рамках предлагаемой нами методики мы рекомендуем отказаться от расчетов интегрального показателя региональной

Регион	Текущая конкурентоспособность региона						Стратегическая конкурентоспособность региона																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Хунань	1	6	1	1	1	3	2	1	3	2	2	1	5	3	3	2	2	1	3	1	1	1	1
Гуандун	3	3	3	2	1	4	4	6	6	2	6	5	6	5	2	3	2	1	2	5	6	6	6
Гуанси-Чжуанский автономный район	1	5	1	1	1	4	2	1	2	1	1	1	3	3	2	1	2	1	2	1	1	1	6
Хайнань	1	5	1	1	2	4	1	1	1	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	6
Чунцин	2	6	1	1	2	4	2	1	4	2	1	1	3	1	2	1	1	1	2	1	1	1	1
Сычуань	1	6	1	1	2	3	1	2	3	1	2	1	1	6	3	3	1	2	1	4	1	1	1
Гуйчжоу	1	4	1	1	3	1	1	1	2	1	1	1	1	4	2	1	1	2	1	1	1	1	1
Юньнань	1	4	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	5	2	1	1	1	1	2	1	1	6
Тибетский автономный район	1	5	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	6
Шэньси	2	5	2	2	2	3	1	1	3	3	2	1	1	4	3	1	2	3	1	2	1	1	1
Ганьсу	1	3	1	1	3	2	1	1	3	1	1	2	1	3	2	1	1	3	1	1	1	1	6
Цинхай	1	3	1	2	3	1	1	1	2	1	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1	1	1	6
Нинся-хуэйский автономный район	2	6	2	2	2	3	1	1	3	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	6
Синцзян-Уйгурский автономный район	1	1	2	2	3	2	1	1	2	1	1	3	1	4	3	1	2	1	2	1	1	1	6

Составлено по материалам: [7]

1 – ВРП на душу населения (юаней); 2 – темп роста ВРП; 3 – производительность труда; 4 – фондоемкость; 5 – зарплата; 6 – ожидаемая продолжительность жизни; 7 – среднедушевые доходы; 8 – численность персонала, занятого исследованиями и разработками; 9 – внутренние текущие затраты на исследования и разработки; 10 – число студентов высших учебных заведений; 11 – количество выполненных исследований и разработок; 12 – доля экспорта в продажах новой продукции; 13 – число выданных патентов; 14 – протяженность автомобильных дорог; 15 – протяженность железнодорожных путей; 16 – протяженность сухоходных путей; 17 – отправление грузов автомобильным транспортом; 18 – отправление грузов железнодорожным транспортом; 19 – отправление грузов морским транспортом; 20 – инвестиции в основной капитал; 21 – экспортная квота; 22 – иностранные инвестиции; 23 – географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам Китая

конкурентоспособности, т. к., по нашему мнению, данный показатель не позволяет получить исчерпывающую информацию о текущем состоянии региональной конкурентоспособности, факторах, ее обусловивших, а также о потенциале конкурентных преимуществ региона через ряд лет. Поэтому мы предлагаем при анализе региональной конкурентоспособности выполнять следующую последовательность действий (рис. 3.8.3):

1. Отобрать показатели, дающие наиболее полное представление о состоянии текущей и стратегической конкурентоспособности региона. Перечень показателей, удовлетворяющих, на наш взгляд, данным критериям, приведен выше.

2. Рассчитать и проранжировать полученные показатели. В соответствии со значениями рассчитанных показателей все регионы делятся на 6 диапазонов, при этом регионам, значения которых попадают в диапазон минимальных значений, присваивается 1 балл, тем регионам, значения которых попадают по данному показателю в диапазон максимальных значений, присваиваются 6 баллов.

3. Проанализировать полученные результаты, выявив критические факторы конкурентного успеха региона, а также взаимозависимости значений и взаимное влияние показателей, характеризующих те или иные факторы текущей и стратегической конкурентоспособности региона.

Проанализируем текущую и стратегическую конкурентоспособность регионов Китая на основании предложенной методики. В качестве временного периода определены 2003–2009 годы. В табл. 3.8.1 в качестве примера приведены расчеты конкурентоспособности регионов Китая в 2009 г. Аналогичные расчеты были выполнены нами за период 2003–2008 гг.

По значениям показателей текущей конкурентоспособности региона лидирующие позиции занимали: Пекин, Тяньцзинь, Ляонин, Шанхай и Автономный район Внутренняя Монголия. Также высокие значения показателей уровня и качества жизни характерны для Хэбея, Цзянсу, Шаньдун и Гуандун. На протяжении всего рассматриваемого периода состав регионов-лидеров по показателям текущей конкурентоспособности был неизменен.

Проанализируем значения показателей стратегической конкурентоспособности регионов Китая. Лидерами в области инновационного развития являются Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Цзянсу, Гуандун.

Высокие значения показателей развития инфраструктуры характерны в течение рассматриваемого периода времени для Хэбэя, Автономного района Внутренняя Монголия, Аньхой, Шаньдуня,

Хэнаня, Хубэя, Хунаня, Гуандуна, Сычуаня и Шэньси. Высокими значениями показателей уровня развития ВЭД и инвестиций отличались: Ляонин, Шанхай, Цзянсу, Чжэньян, Шаньдун, Гуандун. Таким образом, угрозой высокой стратегической конкурентоспособности Шанхая является слабый уровень развития инфраструктуры.

Эти выводы совпадают с результатами исследования Китайской Академии социальных наук, проведенным в 2011 г., в соответствии с которым наиболее конкурентоспособности городами Китая являются Пекин и Шанхай [8].

По результатам исследований Лондонского университета, основными источниками конкурентных преимуществ регионов Китая являются растущие объемы экспорта, высокая инвестиционная привлекательность, политика, направленная на привлечение высококвалифицированных рабочих, высокая эффективность деятельности предприятий.

В качестве факторов конкурентоспособности регионов Китая можно выделить инвестиционный и кластерный. В Китае проводится активная политика по привлечению капитала из Гонконга, Макао, Сингапура и Тайваня. Создание индустриальных кластеров способствует уменьшению конкуренции между регионами Китая, разрастанию свободных экономических зон, подтягиванию депрессивных регионов. Реализация данных мероприятий способствует как повышению конкурентоспособности отдельных регионов, так и конкурентоспособности Китая в целом.

Список использованной литературы

1. China Statistical Yearbook 2004 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2005. [Electronic resource]. – Way of access: <http://www.stats.gov.cn>
2. China Statistical Yearbook 2005 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2006. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>
3. China Statistical Yearbook 2006 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2007. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>
4. China Statistical Yearbook 2007 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2008. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>
5. China Statistical Yearbook 2008 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2009. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>
6. China Statistical Yearbook 2009 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2010. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>

7. China Statistical Yearbook 2010 / ed. by Ma Jiantang. Beijing, China Statistics Press. National Bureau of Statistics of China, 2011. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.stats.gov.cn>
8. Lin Liyao Top 10 cities in regional competitiveness in China 2010. [Electronic resource]. – Way of access : http://www.china.org.cn/top10/2011-05/18/content_22589698.htm
9. National Economy Maintained Steady and Fast Development in the Year of 2011. National Bureau of Statistics of China, 2011. [Electronic resource]. – Way of access : http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120117_402779577.htm
10. Principal Global Indicators. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.principalglobalindicators.org/default.aspx>
11. The Global Competitiveness Report 2005–2006 / Edited by K. Schwab. Geneva. World Economic Forum, 2006. – 624 p.
12. The Global Competitiveness Report 2010–2011 / Edited by K. Schwab. Geneva. World Economic Forum, 2010. – 516 p.
13. The Global Competitiveness Report 2011–2012 / Edited by K. Schwab. Geneva. World Economic Forum, 2011. – 544 p.
14. World Economic Outlook Database, September 2011. Report for Selected Countries and Subjects. International Monetary Fund Statistics. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.imf.org>
15. World Economic Outlook: Rebalancing Growth // World Economic and Financial Surveys. International Monetary Fund. – 2010. [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/pdf/text.pdf>

Раздел 3.9. Китайский опыт участия в ВТО – перспективы для России

16 декабря 2011 года министр РФ Э. С. Набиуллина и Генеральный директор ВТО П. Лами подписали Протокол о присоединении к Марракешскому Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, что означало завершение периода переговоров и присоединение Российской Федерации ко Всемирной торговой организации (ВТО). После присоединения России, ВТО будет регулировать около 95 процентов мировой торговли [2].

Основной стратегической задачей участия России в ВТО является обеспечение благоприятных условий для доступа российских товаров, услуг и капиталовложений на внешние рынки, защита прав российских поставщиков и инвесторов. Восемнадцатилетний период переговоров и согласований завершился, и после ратификации документов Протокол вступит в силу. Однако у отечественных хозяйствующих субъектов перспективы полномасштабной интеграции в мировую торговлю и открытие новых рынков породили количество вопросов, сомнений и тревог не столько относительно их собственных перспектив на рынках других стран, сколько

их экономического будущего на внутрисекторном пространстве. Кто выиграет от вступления России в ВТО, как поведут себя цены, что будет с теми секторами национальной экономики, которые на данный момент не являются конкурентоспособными, не приведет ли это к исчезновению целых отраслей национальной экономики? Но ровно десять лет назад аналогичными вопросами задавались и в Китае (кстати, переговоры о вступлении в ВТО для Китая продолжались пятнадцать лет). И если ответить на эти вопросы российской экономике только предстоит, то Китай уже получил результат, анализ которого, возможно, позволит извлечь важные уроки.

Предпосылкой расширения участия Китая в международном разделении труда стали два обстоятельства: во-первых, переход от централизованного планирования к рыночной экономике, начавшийся в 1978 г. и вступление страны во Всемирную Торговую Организацию (в декабре 2001 исполнилось 10 лет членства Китая в этой организации). На протяжении трех последних десятилетий экономика Китая развивалась высокими темпами (в среднем в пределах 9,7 % ежегодно, а в отдельные годы (2003–2007 гг. до 11 % в год). Одним из основных факторов роста экономики Китая стал рост экспорта. По итогам 2011 года внешнеторговый оборот Китая достиг 3,6 трлн долларов. Китай становится главным внешнеторговым партнером для целого ряда стран, в том числе для Японии, потеснив с этой позиции США. Весьма динамично развиваются внешнеторговые отношения между Китаем и Россией. Если в 2009 году Китай занимал третье место среди внешнеторговых партнеров России (в том числе шестое место по экспорту и первое по импорту), то уже в 2010 году Китай вышел на первое место среди внешнеторговых партнеров России (в том числе второе место по экспорту и первое по импорту) [7]. Причем в большинстве государственных соглашений, заключенных с Китаем, Россия выступает в качестве поставщика сырья, тем самым рискуя стать сырьевой базой для растущей китайской экономики.

Обязательства, которые предусматривало членство в ВТО, не помешали Китаю в течение последних лет успешно защищать ряд национальных отраслей экономики, например, таких как производство удобрений, транспортных средств. Внешнеторговая экспансия Китая стала результатом успешной реализации стратегии роста, которая предполагала захват рынков и необычайно высокую степень открытости торговли. Более того, ориентация отечественных товаропроизводителей на зарубежные рынки была и остается обязательным требованием со стороны политического руководства Китая.

Прошедшее десятилетие стало периодом укрепления экономического могущества Китая на мировом рынке. В течение

2001–2009 годов произошло удвоение доли китайского импорта на основных мировых товарных рынках, в том числе усилились позиции Китая на рынках ведущих мировых экономик. Например, доля Китая в промышленном импорте в экономике Японии составляет 35 процентов, в Европейском Союзе около 30 процентов, а в Соединенных Штатах чуть более 25 процентов [1].

Однако, ряд экспертов и руководители отдельных стран (в частности США) в качестве основополагающего фактора успешного продвижения китайской продукции на зарубежные рынки рассматривают некоторое занижение обменного курса юаня. По-нашему мнению, с этой позицией можно согласиться лишь отчасти: как первоначальный импульс девальвация национальной валюты может вполне рассматриваться как стимул для национальных предприятий-экспортеров. Однако, поддерживать устойчивые темпы экономического роста на протяжении длительного периода, уверенно продвигаясь при этом на мировой экономической олимпиаде, рассчитывая исключительно на обесценивание своей национальной валюты, вряд ли возможно. Не лишним будет вспомнить, что еще в 2001 году экономика Китая занимала 6-е место в мире, уже в 2007 году китайская экономика стала третьей в мире, обогнав Германию. По итогам 2010 г. Японии пришлось уступить Китаю второе место по объему экономики (ВВП Китая составил 5,88 триллиона долларов, ВВП Японии – 5,47 трлн дол.). Кроме того, руководство Китая активно содействует международному использованию юаня в торговле и финансовых операциях, следовательно, заинтересовано в экономически обоснованном укреплении национальной валюты. Например, в феврале 2012 года на Гонконгской фондовой бирже был запущен первый в мире юаневый золотой биржевой фонд (ETF). Более того, эксперты достаточно высоко оценивают шансы юаня стать одной из резервных валют. Между Японией и Китаем уже достигнуты договоренности о введении прямого обмена валютами.

В качестве инструмента защиты национальных экономик от экономической экспансии Китая отдельные страны прибегают к использованию антидемпинговых мер. С 2002 по 2009 годы количество антидемпинговых расследований в отношении китайских компаний увеличилось с 19 процентов до 34 процентов в развивающихся и с 11 до 27 процентов в промышленно развитых странах [1]. Однако, в 2016 г. китайская экономика должна получить статус рыночной и тогда использование вышеназванного инструмента защиты национальных товаропроизводителей от китайских конкурентов будет проблематичным. Более того, Китай вряд ли со своей стороны будет

Таблица 3.9.1

**Поступившие иностранные инвестиции в экономику
Китая (на январь 2012 г.)**

Регион поступления инвестиций	Объем инвестиций
Азия	8,59 млрд долларов
Америка	342 млн долларов
Европа	425 млн долларов

Составлено по материалам: [5]

активно расширять масштабы использования протекционистских мер в отношении иностранных товаропроизводителей, поскольку экономика страны глубоко интегрирована не только в мировую торговлю, но и в другие формы международных экономических отношений: иностранные капиталы активно инвестируются в китайскую экономику, установлены тесные экономические связи с иностранными фирмами-производителями и иностранными банками.

Представители деловой элиты Китая, как правило, опровергают обвинения в демпинге и протекционизме, нарушении общепринятых правил экономического поведения. Очень показательным в этой связи является высказывание из выступления на последнем (январь 2012 г.) экономическом форуме в Давосе Джон Чжао (главы Hony Capital, контролирующего компанию Lenovo): «Абсолютное большинство китайских компаний пытается следовать этим правилам так, как эти правила понимают в КНР. Но некоторые компании пока лишь пытаются выучить эти правила» [5]. В целом китайские национальные компании чувствуют себя достаточно уверенно не только на национальном, но и на международных рынках. Переходный период для либерализации ряда секторов китайской экономики (финансовая сфера, сельское хозяйство, автопром), который удалось получить в ходе длительных переговоров, оказался очень важным для национальной промышленности, а глобальный финансовый кризис 2008 года замедлил внедрение иностранных банков в финансовую систему Китая. По итогам 2011 года на долю иностранных банков приходится менее 2 % рынка [4]. Активная государственная поддержка местных сельскохозяйственных товаропроизводителей через механизм субсидирования цен на основные продукты питания выступила фактором, сдерживающим падение доходов в деревнях.

По расчетам экспертов Мирового Банка, у Китая есть все шансы к 2030 г. стать ведущей мировой экономикой, опередив по показателю ВВП Соединенные Штаты Америки (табл. 3.9.2) и превысив долю в мировой торговле вдвое по сравнению с США, и четверо по сравнению с Германией (табл. 3.9.3).

Но есть одно обстоятельство, которое нельзя не принимать во внимание, анализируя впечатляющие макроэкономические результаты, проводимых в течение последних десятилетий экономических реформ в Китае – это пока еще очень низкий уровень жизни основной массы населения. По числу бедных жителей (низкий уровень потребления) Китай занимает второе место (после Индии). В конце 2011 года руководство страны приняло решение о повышении порогового значения черты бедности – до одного доллара в день (соот-

Таблица 3.9.2

Экономическое влияние в 2010 и 2030 гг.

Страна	2010				2030			
	ВВП на душу населения (по ППС в дол. США)	ВВП (трл. дол. США)	Доля в мировом ВВП (%)	Доля в мировом ВВП на душу населения (%)	ВВП на душу населения (по ППС в дол. США)	ВВП (трл. дол. США)	Доля в мировом ВВП (%)	Доля в мировом ВВП на душу населения (%)
США	47,284	14,658	23,5	16,8	66,519	24,019	17,2	11,8
ЕС-27	32,615	16,282	26,1	18,7	47,683	24,195	17,3	11,9
Япония	42,820	5,459	8,7	6,3	62,374	7,352	5,3	3,6
Китай	11,303	5,878	9,4	17,4	32,980	22,440	16,1	23,5
Индия	3,795	1,538	2,5	5,3	13,373	8,422	6,0	9,8
Корея	23,961	1,007	1,6	1,3	46,753	2,172	1,6	1,1
Бразилия	16,684	2,090	3,3	3,7	30,874	4,624	3,3	3,3
Россия	23,803	1,465	2,3	3,8	35,782	2,058	1,5	2,3
Весь мир	12,844	62,452	100,0	100,0	24,963	139,766	100,0	100,0

Составлено по материалам: [1]

Таблица 3.9.3

Доля отдельных стран в мировой торговле 2010 и 2030 гг.

Страна	Торговля (трлн дол. США)		Рост 2010–2030	Доля в мировой торговле		Доля торговли в ВВП	
	2010	2030		2010	2030	2010	2030
США	3,224	5,827	3,0 %	10,6 %	7,3 %	22,0 %	24,3 %
Япония	1,460	2,586	2,9 %	4,8 %	3,2 %	26,8 %	35,2 %
Китай	2,972	11,972	7,2 %	9,8 %	15,0 %	50,6 %	53,4 %
Индия	539	3,907	10,4 %	1,8 %	4,9 %	35,1 %	46,4 %
Корея	892	2,617	5,5 %	2,9 %	3,3 %	88,5 %	120,5 %
Россия	648	890	1,6 %	2,1 %	1,1 %	44,3 %	43,3 %
Германия	2,318	2,918	1,2 %	7,6 %	3,7 %	89,7 %	76,0 %
Мир	30,387	79,905	5,0 %	100,0 %	100,0 %	48,7 %	57,2 %

Составлено по материалам: [1]

ветственно 6,5 юаней). Раньше этот показатель был в два раза меньше и соответствовал 50 центам. По оптимистическим оценкам 27 млн человек живут в Китае за чертой бедности. По пессимистическим – 150 млн человек. Кроме того, динамичный рост экономики сопровождается не менее быстрым ростом неравенства населения, что ведет к усилению социальной напряженности в обществе. Кроме того, в Китае до сих пор не решен вопрос о частной собственности на землю (вся земля принадлежит правительству, а крестьяне получают ее лишь во временное владение). Не случайно поэтому на ближайшее пятилетие в центре пристального внимания руководства страны в соответствии с двенадцатым пятилетним планом (2011–2015 гг.) будет решение таких задач, как восстановление равновесия в сторону увеличения внутреннего спроса, поддержание стабильного и быстрого экономического роста, улучшение платежного баланса, а также повышение качества экономического роста, достижение значительного прогресса в реструктуризации экономики, увеличение доли потребления домашних хозяйств и сектора услуг, снижения энергоемкости и выбросов углекислого газа, а также улучшение состояния окружающей среды, увеличение доходов населения, сокращение бедности и повышение уровня и качества жизни, расширение доступа к основным государственным услугам, повышение образовательного уровня населения, развитие надежной правовой системы, а также обеспечение стабильного и гармоничного общества (что интересно, пятилетнее планирование отнюдь не противоречит стремлению к получению статуса страны с рыночной экономикой).

Таким образом, расширение торгово-экономического сотрудничества действительно может стать важным фактором, влияющим на темпы экономического роста. Однако темпы экономического развития не должны становиться самоцелью и обеспечиваться любой ценой. Конечная цель – рост благосостояния населения, измеряющегося показателями качества жизни. Более того, членство во Всемирной торговой организации лишь создает предпосылки для более глубокой интеграции в мировое экономическое пространство, но не гарантирует автоматического получения всех потенциально возможных выгод. Важную роль в этом процессе должно играть государство и его активная позиция, прежде всего, по отношению к национальному бизнесу. По нашему мнению, это один из основных уроков, который можно извлечь из опыта экономических преобразований, осуществляемых в Китае.

Список использованной литературы

1. China and World Trading System. The World Bank Development Research Group. December 2011. [Electronic resource]. – Way of access : www.worldbank.org.
2. Protocol on the accession of the Russian Federation (Geneva, 16 December 2011). [Electronic resource]. – Way of access : <http://www.economy.gov.ru/minec>.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Теория сопряжения институциональных изменений хозяйственных процессов, ставшая методологией изучения экономического развития Китайской Народной Республики, позволила показать, что, с одной стороны — значительные успехи, достигнутые в экономике, обусловлены выстраиванием особенной технологии взаимоувязывания двух процессов — изменений мировой и национальной хозяйственных систем, согласованием национального развития с глобальными трендами, с другой — существует и возрастает обратное влияние национальной экономики Китая на мирохозяйственные процессы.

Проведенное обобщение опыта развития экономики Китая, который нашел эффективные способы включения в глобальные хозяйственные процессы в предшествующий период, не позволяет ограничиться только оптимистическими выводами. Неизбежное замедление экономического роста, связанное с изменением источников национального развития и конкурентных преимуществ, объективно обусловленное глобальными трансформациями, в силу действия эффекта сопряженности окажет неоднозначное влияние на мировое экономическое развитие, как в целом, так и в отдельных видах хозяйственной деятельности.

Научное осмысление посткризисных трансформаций мирового хозяйства, происходящих его качественных сдвигов, направленное на обнаружение долгосрочных трендов, позволяет выделить основной из них — нарастающую неопределенность глобального развития, что обуславливает поиски новой линии поведения акторов в условиях невозможности реализовать долгосрочные стратегии.

При хаотическом нагромождении событий и несогласованных практик эффективная адаптация национальной хозяйственной

системы к динамично меняющейся реальности обусловлена степенью эластичности национальных акторов к глобальным трансформациям, способностью продуцировать и реализовывать стратегии меняющихся конкурентных преимуществ в сжатом временном интервале, позволяет обеспечивать позицию перманентного лидерования.

Овладение искусством выработки новой стратегии и создание институциональной инфраструктуры ее реализации дает шанс национальным экономикам обеспечить уникальное место в мировой хозяйственной системе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ЛЕГКОСТЬ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В КИТАЕ

«Ведение бизнеса» (Doing Business) — это исследование, которое проводится ежегодно, начиная с 2002 года группой Всемирного банка, посвященное оценке нормативных актов, регулирующих деятельность малых и средних предприятий на протяжении всего жизненного цикла, и порядке их применения на практике. С 2005 года в рамках проекта «Ведение бизнеса» составляется рейтинг государств по легкости ведения бизнеса в 185 странах.

Методика исследования, разработанная Всемирным банком, предполагает расчет среднеарифметического по десяти контрольным индикаторам (каждый из которых, в свою очередь, имеет определённые параметры): регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности, кредитование, защита инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов, ликвидация предприятий.

Проект Doing Business позволяет объективно оценить законодательство, связанное с регулированием бизнеса, и его применение в 185 странах, а также в отдельных городах на поднациональном и региональном уровнях. Исследование «Ведение бизнеса» указывает на проблемы, которые препятствуют развитию предпринимательства, определяет их причины и содержит рекомендации о проведении необходимых реформ.

Обзор экономики Китая, 2012 г.

Регион: Восточная Азия и Тихоокеанский регион

Доход категории: доход выше среднего

Население (чел): 1 344 130 000

ВНД на душу населения (в дол. США): 4 930

DB2013: 91

DB2012:91

DB2011:87

Изменения в рейтинге: -4

Составлено по материалам [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/china#trading-across-borders>

Таблица А.1

**Сводные показатели ведения бизнеса (Doing Business)
в Китае, 2012 г.**

ИНДИКАТОР (место в рейтинге)	КИТАЙ	АВСТРАЛИЯ	БРАЗИЛИЯ	ИНДИЯ	ЯПОНИЯ	МЕКСИКА	РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Регистрация предприятий	152	2	120	166	107	75	111
Получение разрешений на строительство	179	42	127	181	63	43	178
Подключение к системе электроснабжения	115	37	51	98	26	142	183
Регистрация собственности	40	38	114	97	58	140	45
Кредитование	67	8	98	40	24	40	98
Защита инвесторов	97	65	79	46	17	46	111
Налогообложение	122	53	150	147	120	109	105
Международная торговля	60	30	121	109	16	59	160
Обеспечение исполнения контрактов	16	17	118	182	34	81	13
Разрешение неплатежеспособности	75	17	136	128	1	24	60

Составлено автором по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/china#trading-across-borders>

Таблица А.2

**Сводные показатели ведения бизнеса (Doing Business)
в Китае по индикаторам, 2013 г.**

	Рейтинги по категориям	ДВ 2013 Рейтинг	ДВ 2012 Рейтинг	Изменение рейтинга
1.	Регистрация предприятий	151	153	+2
2.	Получение разрешений на строительство	181	181	Нет изменений
3.	Подключение к системе электроснабжения	114	113	-1
4.	Регистрация собственности	44	41	-3
5.	Кредитование	70	67	-3
6.	Защита инвесторов	100	98	-2
7.	Налогообложение	122	118	-4
8.	Международная торговля	68	60	-8
9.	Обеспечение исполнения контрактов	19	20	+1
10.	Разрешение неплатежеспособности	82	78	-4

Составлено автором по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/china#trading-across-borders>

Таблица А.3

**Ведение бизнеса в Китае (Doing Business), индикатор
«Международная торговля», 2013 г.**

Индикатор	Китай	Восточная Азия и Тихоокеанский регион	ОЭСР (страны с высоким уровнем дохода на душу населения)
Документы для экспорта (количество)	8	6	4
Время на экспорт (в днях)	21	21	10
Стоимость экспорта (US\$ за контейнер)	580	923	1028
Документы на импорт (количество)	5	7	5
Время на импорт (в днях)	24	22	10
Стоимость импорта (US\$ за контейнер)	615	958	1080

Составлено автором по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/china#trading-across-borders>

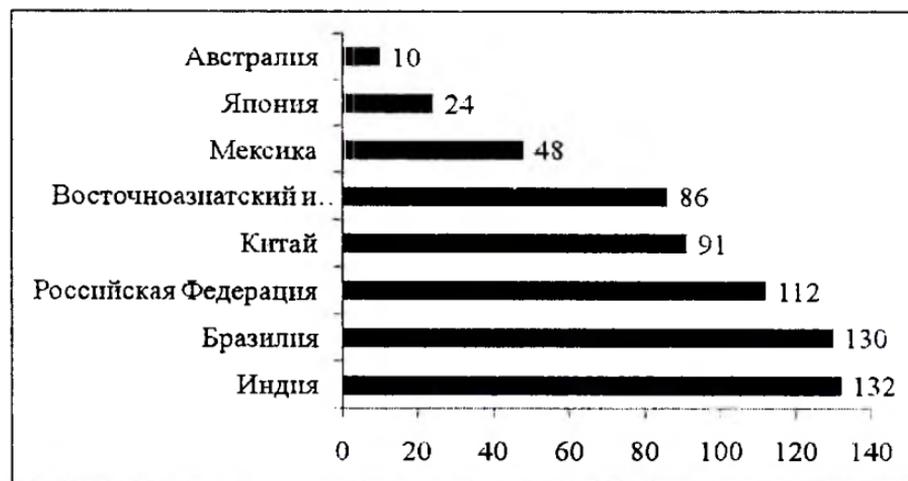


Рис. А.1. Оценка ведения бизнеса (Doing Business) в Китае, 2013 г.

Составлено по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/china#trading-across-borders>

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица Б.1

Рост глобальных подач заявок на объекты интеллектуальной собственности в Китае, 1997–2011 гг.

Год	Патенты	Товарные знаки	Промышленный образец	ВВП (в постоянных ценах 2005 года в долл. США)
1997	13041	125405	27580	267868
1998	14165	134335	31404	288761
1999	16223	145421	37309	310707
2000	26475	188367	46746	336807
2001	31339	238002	56814	364762
2002	41436	327649	73825	397955
2003	58801	417922	87740	437750
2004	69051	548971	104556	481963
2005	97998	630014	155236	536425
2006	129333	713878	193472	604551
2007	161390	656986	262386	690397
2008	204354	647332	309388	756675
2009	241547	796122	350117	826290
2010	308318	1051326	421380	912224
2011	435608	1370962	523363	995236

Составлено автором по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wipo.int/ipstats

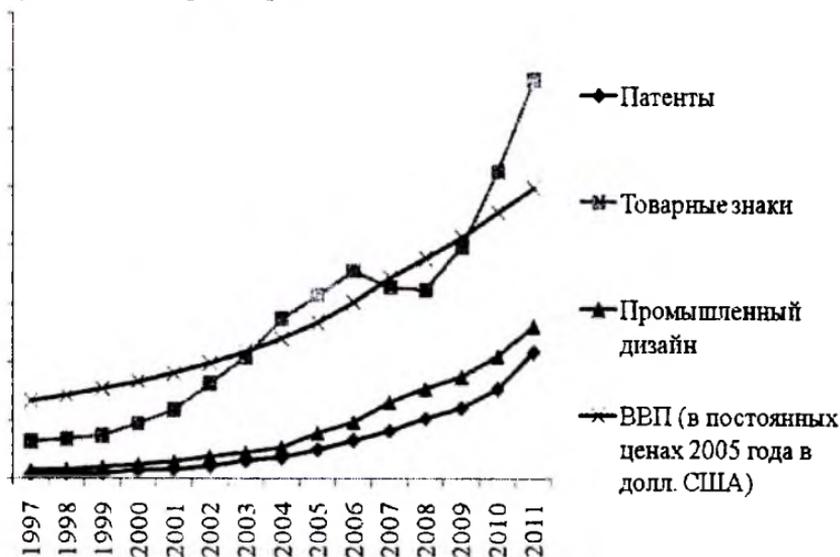


Рис. Б.1. Рост глобальных подач заявок на объекты интеллектуальной собственности в Китае, 1997–2011 гг.

Составлено автором по материалам: Патентные заявки Intellectual Property [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wipo.int/ipstats

Таблица Б.2

Китай в Рейтинге стран мира по числу патентных заявок на объекты интеллектуальной собственности, 1997–2011 гг.

Год	Резиденты	Позиция	Нерезиденты	Позиция	За границей	Позиция
1997	12672	8	12102	8	369	26
1998	13751	8	33645	4	414	27
1999	15626	8	34418	4	597	25
2000	25346	6	26560	6	1129	21
2001	30038	5	33412	5	1301	21
2002	39806	5	40426	4	1630	20
2003	56769	5	48548	4	2032	20
2004	65786	5	64598	2	3265	19
2005	93485	4	79842	2	4513	18
2006	122318	4	88183	2	7015	17
2007	153060	3	92101	2	8330	17
2008	194579	3	95259	2	9775	13
2009	229096	2	85508	2	12451	13
2010	293066	1	98111	2	15252	12
2011	415829	1	110583	2	19779	10

Составлено автором по материалам: Патентные заявки Intellectual Property [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wipo.int/ipstats

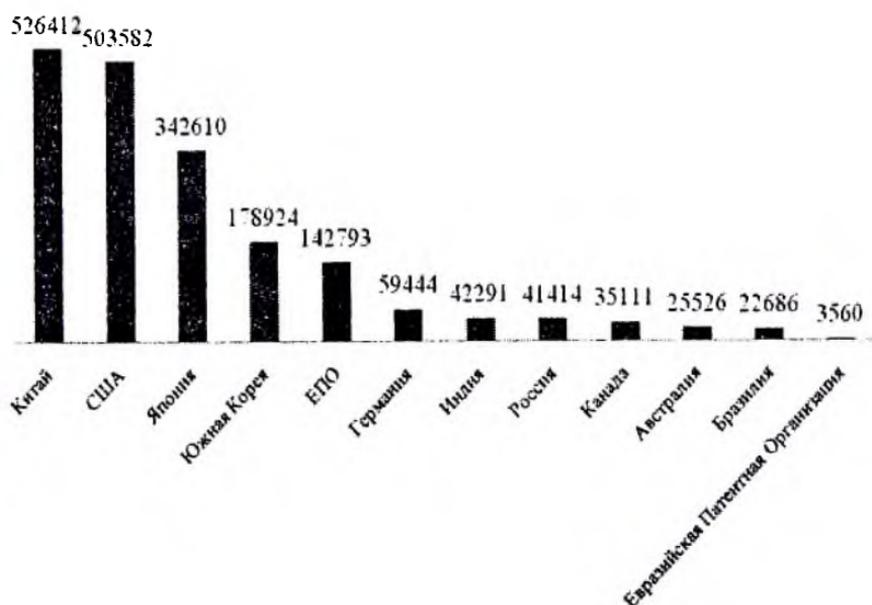


Рис. Б.2 Китай в Рейтинге стран мира по числу патентных заявок на объекты интеллектуальной собственности, 2012 г.

Составлено автором по материалам: Патентные заявки Intellectual Property [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wipo.int/ipstats

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Региональные диспропорции в КНР

	млрд Юаней	2010	2011	2012
Beijing	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	14113,58	16251,93	
	ВРП на душу населения (юаней)	73856	81658	
	Годовой рост ВРП, %	110,2	108,1	107,7
Tianjin	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	9224,46	11307,28	
	ВРП на душу населения (юаней)	72994	85213	
	Годовой рост ВРП, %	117,4	116,4	113,8
Hebei	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	20394,26	24515,76	
	ВРП на душу населения (юаней)	28668	33969	
	Годовой рост ВРП, %	112,2	111,3	109,6
Shanxi	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	9200,86	11237,55	
	ВРП на душу населения (юаней)	26283	31357	
	Годовой рост ВРП, %	113,9	113	110,1
Inner Mongolia	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	11672	14359,88	
	ВРП на душу населения (юаней)	47347	57974	
	Годовой рост ВРП, %	114,9	114,3	111,7
Liaoning	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	18457,27	22226,7	
	ВРП на душу населения (юаней)	42355	50760	
	Годовой рост ВРП, %	114,1	112,1	109,5
Jilin	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	8667,58	10568,83	
	ВРП на душу населения (юаней)	31599	38460	
	Годовой рост ВРП, %	113,7	113,7	112
Heilongjiang	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	10368,6	12582	
	ВРП на душу населения (юаней)	27076	32819	
	Годовой рост ВРП, %	112,6	112,2	110
Shanghai	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	17165,98	19195,69	
	ВРП на душу населения (юаней)	76074	82560	
	Годовой рост ВРП, %	109,9	108,2	107,5
Jiangsu	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	41425,48	49110,27	
	ВРП на душу населения (юаней)	52840	62290	
	Годовой рост ВРП, %	112,6	111	110,1
Zhejiang	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	27722,31	32318,85	
	ВРП на душу населения (юаней)	51711	59249	
	Годовой рост ВРП, %	111,8	109	108

Anhui	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	12359,33	15300,65	
	ВРП на душу населения (юаней)	20888	25659	
	Годовой рост ВРП, %	114,5	113,5	112,1
Fujian	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	14737,12	17560,18	
	ВРП на душу населения (юаней)	40025	47377	
	Годовой рост ВРП, %	113,8	112,2	111,4
Jiangxi	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	9451,26	11702,82	
	ВРП на душу населения (юаней)	21253	26150	
	Годовой рост ВРП, %	114	112,5	111
Shandong	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	39169,92	45361,85	
	ВРП на душу населения (юаней)	41106	47335	
	Годовой рост ВРП, %	112,5	110,9	109,8
Henan	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	23092,36	26931,03	
	ВРП на душу населения (юаней)	24446	28661	
	Годовой рост ВРП, %	112,2	111,6	110,1
Hubei	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	15967,61	19632,26	
	ВРП на душу населения (юаней)	27906	34197	
	Годовой рост ВРП, %	114,8	113,8	111,3
Hunan	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	16037,96	19669,56	
	ВРП на душу населения (юаней)	24719	29880	
	Годовой рост ВРП, %	114,5	112,8	111,3
Guang-dong	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	46013,06	53210,28	
	ВРП на душу населения (юаней)	44736	50807	
	Годовой рост ВРП, %	112,2	110	108,2
Guangxi	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	9569,85	11720,87	
	ВРП на душу населения (юаней)	20219	25326	
	Годовой рост ВРП, %	114,2	112,3	111,3
Hainan	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	2064,5	2522,66	
	ВРП на душу населения (юаней)	23831	28898	
	Годовой рост ВРП, %	115,8	112	109,1
Chong-qing	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	7925,58	10011,37	
	ВРП на душу населения (юаней)	27596	34500	
	Годовой рост ВРП, %	117,1	116,4	113,6
Sichuan	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	17185,48	21026,68	
	ВРП на душу населения (юаней)	21182	26133	
	Годовой рост ВРП, %	115,1	115	112,6

Guizhou	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	4602,16	5701,84	
	ВРП на душу населения (юаней)	13119	16413	
	Годовой рост ВРП, %	112,8	115	113,6
Yunnan	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	7224,18	8893,12	
	ВРП на душу населения (юаней)	15752	19265	
	Годовой рост ВРП, %	112,3	113,7	113
Tibet	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	507,46	605,83	
	ВРП на душу населения (юаней)	17027	20077	
	Годовой рост ВРП, %	112,3	112,7	111,8
Shaanxi	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	10123,48	12512,3	
	ВРП на душу населения (юаней)	27133	33464	
	Годовой рост ВРП, %	114,5	113,9	112,9
Gansu	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	4120,75	5020,37	
	ВРП на душу населения (юаней)	16113	19595	
	Годовой рост ВРП, %	111,7	112,5	112,6
Qinghai	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	1350,43	1670,44	
	ВРП на душу населения (юаней)	24115	29522	
	Годовой рост ВРП, %	115,3	113,5	112,3
Ningxia	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	1689,65	2102,21	
	ВРП на душу населения (юаней)	26860	33043	
	Годовой рост ВРП, %	113,4	112	111,5
Xinjiang	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд Юаней	5437,47	6610,05	
	ВРП на душу населения (юаней)	25034	30087	
	Годовой рост ВРП, %	110,6	112	112

Составлено по материалам: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stats.gov.cn>

СПИСОК АВТОРОВ

Беренда Сергей Васильевич, к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Ван Сяодун, магистрант НИУ БелГУ, РФ.

Галуцких Наталья Андреевна, к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Григорова-Беренда Лариса Ивановна, к.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений ХНУ имени В. Н. Каразина.

Гринева Наталья Александровна, к.е.н., НИУ «БелГУ», РФ.

Дидорчук Ирина Леонидовна, старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Дорохова Елена Ивановна, к. э. н., доцент НИУ «БелГУ», РФ.

Дуна Наталья Геннадиевна, к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Игнатьева Дарья Вячеславовна, аспирантка кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Ким Алексей Алексеевич, к.э.н., доцент кафедры экономики и маркетинга НАУ «ХАИ» имени Н. Е. Жуковского.

Ким Татьяна Ивановна, к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Ковалева Елена Ивановна, старший преподаватель кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ».

Ковтун Тамара Дмитриевна, старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Коломиец Анна Николаевна, д.э.н., профессор кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Кошкарёва Елизавета Леонидовна, старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Лукша Инесса Михайловна, к.э.н., доцент кафедры «Мировой экономики» НИУ «БелГУ».

Меленцова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.

Ню Юнься, студентка НИУ «БелГУ», направления «Экономика», РФ.

Шуба Елена Артуровна, к.э.н., доцент кафедры международной экономики ХНУ имени В. Н. Каразина.